

452/16

С. Р. МИНЦЛОВЪ

Приключенія студентовъ

Историческій авантюрный романъ

Звѣзды неба, звѣзды прекрасныя,
Наше сердце цвѣтенье жизни чудной;
Лепестки улыбулись атласныя,
Задрожали листья изумрудныя,
И цвѣты опьяненные росой,
Разсказали намъ о сказкѣ оцъ,
И распылились въ вѣтъ и вѣтеръ,
Надъ землею, надъ волной, надъ утесами.

И теперь въ эти дни многотрудныя,
Въ эти туманя ночи неясныя,
Сгдѣмъ и вѣкъ звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво чудныя.

К. Ф. Францевъ.

С. Р. МИНЦЛОВЪ

Приключенія студентовъ

Историческій авантюрный романъ

СИБИРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО — РИГА

**Всѣ права сохранены
за авторомъ
Alle Rechte vorbehalten
Copyright by the author**

**Типографія „Vārds“, Рига,
Бл. Плавучая ул. № 24.
Телефонъ 2-3-4-0-9.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящей книги — воскресить передъ глазами читателей быть — и только быть — далекихъ отъ насъ и полныхъ глубокаго интереса десятаго и одиннадцатаго вѣковъ по Р. Х.

Люди этихъ временъ были охвачены страстью къ передвиженіямъ и героями своего романа я избралъ — какъ всегда — незамѣченныхъ исторіей обывателей.

Выдумки, а тѣмъ паче преувеличеній, въ моемъ романѣ нѣтъ и я наоборотъ — ради соблюденія вѣрной исторической перспективы и по чисто этическимъ и религіознымъ соображеніямъ, многое преуменьшаю.

Но что было — то было: изъ спѣтой пѣсни слова не выкинешь!

С. Р. Минцловъ.

Глава I.

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя;
Лепестки улыгнулись атласныя,
Задрожали листы изумрудныя.
И цвѣты опьяненные росами,
Разказали вѣтрамъ сказки нѣжныя
И распѣли ихъ вѣтры мятежныя
Надъ землею, надъ волною, надъ утесами.

И теперь въ эти дни многотрудныя,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ звѣзды прекрасныя
Ваши сказки задумчиво чудныя...

К. Фофановъ.

Шумить въ глубокомъ провальѣ горная
рѣчка, а гдѣ — не видать изъ за камней и
вершинъ деревьевъ; всюду зеленая гуща дубовъ да елей; что башни встаютъ изъ нея
бурыя и красныя скалы.

Куда ни глянь — горы да лѣсъ, да небо.
Не въ примѣту ни деревни, ни замка. Только
на восходъ солнца, на длинномъ мысу от-
вѣснаго уступа, будто чудомъ взлетѣвшія на
неизмѣримую высоту, бѣлѣютъ зубчатыя стѣ-
ны и церковь небольшого монастыря; за
нимъ опять пропасть; изъ стѣны ея глядятъ
черныя впадины семи пещеръ. Съ сѣдловы-
ны горы, изъ того мѣста, гдѣ къ вечеру при-
тыкаются на ночлегъ облака, стосаженою,
снѣжной полосой клубится и рушится водо-
падъ; ниже утесы разсѣкаютъ его на двое

и будто громадный, серебряный вѣнецъ раскидывается по отвѣсамъ скалъ надъ монастыремъ по ту сторону бездны.

День жаркій.

Трапеза отошла, монахи разбрелись по кельямъ; узкій передній дворъ пустыненъ. У запертыхъ, обитыхъ толстымъ желѣзомъ воротъ, на известковой плитѣ, положенной на камни, сладко спитъ на солнцепекѣ сѣдобородый привратникъ въ грубой, сѣрой рясѣ, подпоясанной веревкой; на головѣ чернѣет ермолка, лицо потно и блаженно, ротъ полуоткрытъ, мухи разгуливаютъ по тупому, обвѣтрившемуся носу.

Подъ лавкой, въ тѣни, раскинулся и похрапываетъ черный, что воронъ, кудлатый пестъ съ пушистымъ хвостомъ, полнымъ репейниковъ.

Только одно человѣческое существо бодрствуетъ во всемъ видимомъ мірѣ — бѣлокурый, статный послушникъ лѣтъ двадцати, стоящій у обрыва; стѣна съ той стороны изгибается по самому краю пропасти и лишь по поясъ человѣку.

Облокотился юноша на зубецъ, глаза въ даль смотрятъ, брови сдвинуты, онъ охваченъ думой. Позади узенькій садикъ, обнесенный бѣлой колоннадой крытой галлерей; низы ея пылаютъ въ яркомъ огнѣ: то алыя полосы маковъ.

Чудной сонъ приидѣлся ночью послушнику!

Будто стоитъ онъ на невѣдомой площадкѣ подъ звѣзднымъ небомъ и вдругъ во тьмѣ засвѣтлѣло пятно. Оно все прояснилось... въ синей дымкѣ обрисовался ангелъ съ чуть блиставшими крыльями; будто лунный лучъ неслышно всталъ онъ рядомъ и, улыбаясь,

протянулъ свѣтящіяся прозрачныя руки. Послушникъ — совсѣмъ маленькій, кудрявый мальчикъ — очутился у плеча его.

Быстро взвились они вверхъ; внизу, въ чернотѣ, слышался шумъ рѣчки.

— Зачѣмъ ты взялъ меня?.. — спросилъ послушникъ.

— Ты же умеръ!.. — отвѣтилъ ангель, — я несу твою душу!..

Сердце послушника сжалось отъ тоски по невысказанному и невыполненному.

— Зачѣмъ же я жилъ?! — воскликнулъ онъ.

— Узнаешь!.. — прошепестѣло слово; ангель взмывалъ все выше и выше, звѣзды дѣлались крупнѣе и ярче; далекій, чуть слышный звонъ овѣялъ уши. Послушникъ разомъ, какъ отъ толчка, пробудился и сѣлъ на своей жесткой постели.

Стояла свѣжая, темная ночь; монастырскіе колокола важно звали къ полуночицѣ; по галлерей съ зажженными факелами въ рукахъ, съ кашпонами на опущенныхъ головахъ, вереницею мертвыхъ, попарно шли монахи. Послушникъ присоединился къ нимъ, но и въ храмъ не могъ забыть видѣнье и успокоиться: такой сонъ, да еще подъ пятницу не проста; онъ предвѣщалъ что то... но что?

На вѣрѣ изъ высокихъ, за-алтарныхъ свѣчъ желтѣли длинные, дымные огоньки; у стѣнъ, за гранеными колоннами, и подъ сводами густилась темень; будто люди, проступали раскрашенные статуи святыхъ и Мадонны; онъ безмолвствовалъ, но, казалось, знали все...

Заснулъ послушникъ только подъ утро и когда солнечные лучи добрались, наконецъ,

до лица его, онъ схватился съ постели: часъ былъ уже поздній. Послушникъ наскоро поплескался подъ висячимъ кувшиномъ и поспѣшилъ въ келью отца Антуана: онъ помогать ему росписывать орнаментами и миниатюрами молитвенники.

Но отца Антуана еще не было: чуть забрезжилъ свѣтъ, — онъ ушелъ въ лѣсъ за травами для красокъ.

Солнце стояло за полднемъ, когда послушникъ, наконецъ, завидѣлъ внизу сторбленную, маленькую фигурку, взбирающуюся по крутой тропинкѣ съ большой зеленой вязкой на спинѣ; онъ поспѣшилъ къ воротамъ, распахнулъ калитку и напрямикомъ, прыжками, сталъ сбѣгать на встрѣчу шедшему; за нимъ во всю прыть пустился черный песъ. Изъ подъ ногъ ихъ посыпалась земля и мелкіе камни.

— Дайте вашу связку, о. Антуанъ!! — воскликнулъ онъ, достигнувъ до монаха.

Старикъ остановился; солнечные лучи бляхами золотили и опестряли рясу; ростомъ онъ не доходилъ и до половины груди послушника.

— Бери, бери, миленькій... благослови тебя Богъ!.. — запыхавшись и улыбаясь, проговорилъ онъ, передавая ношу. Голосъ его былъ ласковый и совсѣмъ дѣтскій; личико и голова казались запушенными серебрянымъ инеемъ; сквозь него румянѣли щеки и голубѣли глаза.

— Пошелъ, — Жукъ, пошелъ!.. — добавилъ онъ, отпихивая собаку, радостно лаявшую и прыгавшую ему на грудь.

— Что же вы меня не разбудили, о. Антуанъ?.. укорилъ послушникъ: — и я бы съ вами отправился.

— Да ты очень сладко спалъ, Маркъ!..
— отвѣтилъ старичекъ,—жалко тебя стало...
молодость сна требуетъ!..

— А я нынче что то чудное видѣлъ, о.
Антуанъ!—началь немного погоды названный
Маркомъ.

— Ну, ну, что такое?.. Ишь ты, сновидѣцъ какой, все сны видишь!..

Послушникъ на ходу разсказалъ, что ему
пригрезилось.

— Перемѣнѣ какой то быть?.. — проговорилъ о. Антуанъ. — Что ангелъ тебя несъ — къ дорогѣ это; маленькимъ ты сталъ — чуда ждать тебѣ надобно!

— Чуда?.. Какого?!

Старичекъ поднялъ вверхъ плечи. — Кто можетъ знать? — отозвался.

Они добрались до воротъ монастыря, заперли калитку и мимо все еще спавшаго привратника вошли въ обширную свѣтлую келью о. Антуана. Собака ворвалась въ нее первая и сейчасъ же улеглась на холодныхъ плитахъ пола, высунула языкъ и бока ея заходили ходнемъ.

Въ высокое, стрѣльчатое окно, будто въ клубахъ бѣлаго дыма, былъ видѣнъ водопадъ; на днѣ пропасти, въ провалѣ между деревьями полоскою снѣга пѣнилась рѣчка. Стѣны кельи покрывали образцы заглавныхъ буквъ, заставокъ и орнаментовъ; у большой печи верблюжьими горбами изгибались горнъ и перегонный кубъ; на длинномъ столѣ лежали полосы драгоцѣннаго пергамента для рисунковъ, острые стили, стояли глиняныя банки съ кистями и красками. Въ сторонѣ, близъ наръ покрытыхъ старымъ одѣяломъ, помѣщался большой, деревянный ручной

прессъ; на полу грудой лежали зажимы разныхъ размѣровъ.

Маркъ сбросилъ тюкъ у стола и вмѣстѣ съ о. Антуаномъ сѣлъ разбирать и сортировать травы...

— Удачка сегодня выпала, слава Богу!.. — улыбаясь говорилъ о. Антуанъ, — подъ однимъ вязомъ вотъ какую радость нашель!! онъ поднялъ и показалъ своему молодому—товарищу пучокъ широколистой травы. — Не краска выйдетъ, а изумрудъ!.. А вотъ по части голубого колера по прежнему плохо! — лицо старичка озаботилось. — На небѣ его вонъ сколько...— Онъ кивнулъ головой на окно, — а на землѣ нѣтъ!.. сѣрвать, съ пылью будто!.. А вѣдь гдѣ то имѣется лазурь настоящая, умѣютъ добывать ее въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, только въ секретѣ большомъ держать! Помню — давно тому было — лѣтъ сорокъ назадъ — видѣлъ я псалтырь: для герцога былъ сдѣланъ. Ахъ, ужъ и рисунки-жъ, цвѣта!..—о. Антуанъ закрылъ глаза и покачалъ головой:—больше и не видалъ такихъ! Не изъ человѣческихъ, будто, рукъ вышли, а изъ ангельскихъ! Ну и цѣна книжкѣ соотвѣтствовала: три деревни отвалилъ за нее герцогъ; земли — развѣ въ день обойти!..

Маркъ не отвѣчалъ — онъ уже десятки разъ слышалъ все тѣ же сѣтованія своего наставника; мысли его были далеко.

Онъ всталъ, взялъ одинъ изъ пучковъ, положилъ его на площадку пресса, мелко изрубилъ длиннымъ ножомъ, затѣмъ смочилъ водой и съ силою закрутилъ рукоятку; изъ отверстія подъ прессомъ показался зеленый сокъ и медленно, густыми каплями звучно

сталъ плепать въ подставленную глиняную чашечку.

— Зачѣмъ живеть на землѣ человѣкъ, о. Антуанъ?—вдругъ спросилъ Маркъ, глядя на окно и не снимая рукъ съ перекладины станка.—Какая цѣль жизни?

Старикъ поднялъ удивленное лицо.

— Какъ зачѣмъ? чтобы прославлять Господа?.. Слышь, птичка поеть за окномъ хвалу Ему, такъ и мы должны!

— Ну, а коршуны, а ястреба, а разбойники и убійцы?..

Старикъ нѣсколько растерялся.

— Ишь, тоже придумалъ!..—сказалъ онъ, — ты, миленькій, что то того, мудрствовать сталъ! А ты дыши и радуйся — вотъ тебѣ и цѣль жизни! Богъ одинъ знаетъ, что къ чему и зачѣмъ все на свѣтѣ!

— Что тамъ за этими горами? Вы далеко бывали за ними?

— У, далеко... дня на три пути забредаль!.

— И тамъ такіе же люди и такъ же живутъ, какъ и мы?

— Поблизости такіе же, а дальше Богъ вѣсть; великія чудеса, сказываютъ, тамъ водятся!

— Великія?!.—жадно переспросилъ Маркъ. Онъ весь превратился во вниманіе.

— Гдѣ то съ песьими головами люди есть; есть страны, гдѣ вѣчная ночь и непрерывно снѣгъ валить! А существуютъ и такія, гдѣ и дровъ не надо: прямо на песокъ все и варить и печь можно! Птица-страусъ тамъ живеть — перья ея рыцари на шлемахъ носятъ. Золота, камней самоцвѣтныхъ по берегамъ рѣкъ — лопатою гребь! А добратся трудно: люди тамъ дикіе, страшные, черные,

что уголь, силы нечистой полнымъ полно!
Въ старыхъ рукописяхъ много пишутъ о
нихъ!

Разговаривавшіе перекрестились.

— Трудно, миленькій, въ мірѣ жить!.. —
добавилъ, вздохнувъ, старикъ. — Око все
видитъ, а взять не возьмешь, душу погубишь!

Онъ началъ размѣчать на листѣ перга-
мента мѣсто для заставки.

— Лучше всего здѣсь, у насъ... тишина,
миръ, отъ всего охранены ангельскимъ кры-
ломъ... Трудись и славь Господа!.. ишь, кра-
сота какая кругомъ?

Маркъ молча кончилъ отжимъ травъ по
сортамъ, поставилъ въ печь, на медленную
выпарку, чашки съ сокомъ и тихо вышелъ
изъ кельи.

О. Антуанъ проводилъ его вниматель-
нымъ взглядомъ и опять погрузился въ свое
занятіе.

За порогомъ Маркъ остановился. При-
вратникъ уже всталъ и, сильно прихрамы-
вая на одну ногу, мелъ площадку около во-
ротъ. Маркъ направился къ нему.

— Пустите, я подмету?.. — предложилъ.

Монахъ оглянулся; суровое лицо его бы-
ло заспано. Онъ сунулъ метлу Марку, а самъ
тяжело опустился на лавку

— Задыхаться сталъ... худо!.. — произнесъ
онъ хриплымъ басомъ.

— Отчего бы это съ вами такъ сдѣла-
лось? — спросилъ Маркъ.

— Да все съ тѣхъ поръ, какъ упалъ!..
ногу и грудь разбилъ...

— Это когда вы меня съ утеса доста-
вали?

— Да... веревка лопнула... чуть самъ то
уцѣлѣлъ!..

— А я въ корзинѣ съ мохомъ завязанъ, былъ?

— Да!.. швырнули тебя въ пропасть, а корзина по пути въ кустѣ и застряла.

— Кто же швырнулъ, какъ вы думаете?..

— Да вѣдь уже говорилъ я тебѣ не разъ: кто же больше, какъ не родители? Думаешь, одного тебя въ пропасть кинули? Вездѣ такъ повелось! Недаромъ папа буллу съ проклятиемъ за это издалъ. Съ тобой то еще ничего, хорошо сдѣлали — тюкнулся бы о камни и конецъ; а другихъ, вѣдь, ребятъ веревкой душатъ, живыми въ землю зарываютъ!..

— Зачѣмъ?.. за что?!—съ ужасомъ спросилъ послушникъ.

— Затѣмъ, что жизнь хороша очень!.. кругомъ разбой, нечистая сила! Бѣдняки всю жизнь какъ звѣри затравленные живутъ, въ голодѣ да обидахъ! Въ честь себѣ многіе ставятъ, что дѣтей своихъ поубивали: отъ мученій ихъ въ этой и той жизни избавили! Вотъ, братъ, какъ нынче родительская любовь высказывается!..

— А о моихъ родителяхъ что вы думаете—кто они?

— Да кто жъ ихъ знаетъ?.. крестьяне, понятно!

— И въ корзинѣ такъ таки ровно ничего — ни записки, ни какой либо вещи не было?

Привратникъ отрицательно потрясъ головой.

— Говорю—мохъ одинъ былъ! И сверху имъ же ты былъ прикрытъ, потомъ дерюжкой обвязанъ!.. Кому нужда въ пропасть записки да добро кидать? А, можетъ, кто со зла на твоихъ родителей укралъ тебя, да бросилъ! Всяко бываетъ!...

— А въ Евангеліи сказано—люби ближняго, какъ самого себя?... — задумчиво проговорилъ Маркъ. Онъ сѣлъ на землю противъ скамьи и охватилъ колѣна руками.

— Мало бы что тамъ сказано!.. — возразилъ о. Петръ, — при Христѣ всѣ святыми были, а нынче народъ подлець пошелъ, особливо ближніе—дальніе еще туда сюда, люби ихъ, пожалуй! Знай, спасай свою душу, а на чужую наплевать: никто за нее не отвѣтчикъ! Евангеліе, братъ, книга великая—и такъ и сякъ истолковать ее можно! Зря, думаешь, его самъ святѣйшій папа читать запретилъ? А пуще всего грамматики берегись!.. Видалъ ты такую книгу, или нѣтъ? Ишь, имя то подлое какое—грамматика!!

— Не знаю такой. А чѣмъ она такъ страшна?

— Это, братъ, у духовника спрашивай!.. Ну, только хуже ея нѣтъ на свѣтѣ: увидишь если—рви и жги сейчасъ! Святыми она проклята!

— А тамъ, за этими горами и лѣсами что?

— Что тамъ хорошаго? Тѣ же горы, да пропасти, вѣдьмы да колдуны, бароны да нечистая сила!.. Хорошаго, братъ, нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ!

Маркъ покачалъ головой.

— Какъ же такъ: міръ то, вѣдь, Господь сотворилъ? Какъ же можетъ онъ нехорошимъ быть?

— Да вотъ такъ же! Господь то на небо вознесся, а сатана съ чертями на землѣ остались! Они все и испакостили! Думаешь, что вотъ такъ на свѣтѣ все и есть, какъ намъ кажется? Нѣтъ, братъ—это одно навожденіе кругомъ!

— А горы тоже навождение?

— Понятно; намъ то онѣ горами кажутся, а на дѣлѣ ими пекло прикрыто! Не даромъ по ночамъ крики да хохоть внизу слышны!..

— Вы ихъ слышали?

— Еще бы! И огонь вырывается, бываетъ!.. У воротъ сидя всего навидаешься!

Послушникъ повелъ плечами какъ отъ озноба.

— А вы, о. Петръ, далеко за горами были?

— Далекко.

— Конецъ свѣта тамъ близко?

— Сказаль тоже!.. Чтобы до конца, съ заката на восходъ солнца, дойти надо чetyреста день пути, а съ юга на полуночь— двѣсти!

— А кругомъ земли что?

— Море-океанъ течеть! А сверху все твердью прикрыто, видишь?.. — Оба запрокинули назадъ головы: — изъ стекла она!.. вродѣ какъ бы изъ хрусталя горнаго. Развѣ въ книгахъ въ твоихъ нѣтъ этого?

— Нѣтъ!.. мы молитвенники все переписываемъ. А сейчасъ Евангеліе я расцвѣчиваю...

Наступило молчаніе; Маркъ поднялся съ земли, постоялъ и медленно направился къ церкви. Привратникъ глядѣлъ ему вслѣдъ и, когда Маркъ скрылся, заковылялъ за нимъ и заглянулъ въ распахнутую дверь.

Храмъ наполняли полусумерки; на высокихъ, узкихъ стеклахъ оконъ пестрѣли многоцвѣтныя картины; одна изъ рамъ была пріоткрыта и въ нее полоскою врывался лучъ солнца. Маркъ стоялъ на колѣняхъ у колонны передъ статуей Богоматери; бѣлокурая,

склоненная голова его была освѣщена, и золотистый лучъ, падавшій на нее, казался благословеніемъ свыше.

О. Петръ постоялъ, посмотрѣлъ и пошелъ къ кельѣ о. Антуана.

— А вскормленникъ нашъ съ тобой что то все мудрствовать сталъ?.. — заявилъ онъ, садясь на табуретъ противъ иконописца.

О. Антуанъ обезпокоился, вскинулъ на пришедшаго голубые глазки. — А что? Говорилъ тебѣ чтонибудь?

— Да все выпрашиваетъ про міръ! Тянуть его отъ насъ начинаетъ! Смотри — не попалъ бы онъ у тебя въ когти дьявола!!.. его это работа.

— Молодъ онъ, кровь бродить начинаетъ...

— Про то же и я говорю!.. навожденія сатанинскія подошли; кругомъ, вѣдь, бѣсы караулятъ! Напрасно ты его грамотѣ научилъ!.. — добавилъ, помолчавъ, о. Петръ, — говорилъ я тебѣ въ свое время: — эй, не надо, запрещаютъ это святые отцы, а ты все свое!..

— Да какъ же по нашему дѣлу безъ грамоты быть? — возразилъ о. Антуанъ, — кто жъ бы книги святыя переписывать да украшать сталъ?

— И книги не нужны!.. — сурово проговорилъ привратникъ. — Лягъ крестомъ на паперти передъ церковью — увидить тебя Господь и безъ книжки!..

— А евангелисты что дѣлали, о. Петръ? съ нихъ мы примѣръ должны брать; все хорошо, что для славы Божіей творится!..

О. Петръ махнулъ рукой и всталъ.

— Съ тобой не сговоришь!.. — произнесъ онъ, — я свое дѣло выполнилъ —

упредилъ, а тамъ какъ знаешь!.. А Христось писалъ?!—вдругъ громогласно спросилъ онъ, уже взявшись за ручку двери и повернувшись. — То то, братъ, вотъ съ кого примѣръ бери! Не морочь головы мнѣ!

И онъ выбрался, волоча ногу, изъ келіи; о. Антуанъ отложилъ кисть въ сторону, подперъ маленькой, прозрачной рукой подбородокъ и задумался.

Глава II.

Солнце только что юркнуло за вершину горы, когда Маркъ вернулся опять къ о. Антуану; тотъ уже кончилъ дневной трудъ, вытиралъ столъ и убиралъ раскиданные вещи: скоро должны были зазвонить къ вечернѣ. Маркъ помогъ старику и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ галлерею черезъ другую дверь.

Со дна пропасти уже подымалась ночь; колоннада и строенія монастыря потускнѣли, только крестъ и верхняя половина колокольни еще пламенѣли въ лучахъ солнца. Стрижи съ крикомъ, черными прутьями, сѣкли воздухъ.

— Слышите, о. Антуанъ, что они кричатъ?.. — проговорилъ Маркъ, — «въ высь, въ высь»!.. — онъ удачно повторилъ зовъ стрижа.

Старикъ поднялъ глаза и прислушался.

— А вѣрно!.. — сказалъ. — Все насъ въ высь, къ Богу, зоветъ!.. — онъ обвелъ взглядомъ окрестность. — А какъ ласточки обѣдню служатъ слышалъ?

— Нѣтъ!.. Какъ это?

— А передъ разсвѣтомъ, задолго до него... вродѣ нашей полуночницы! Еще ночь глухая совсѣмъ, а онѣ въ гнѣздахъ проснутся и такъ то всѣ сладко поють — и сказать нельзя до чего хорошо! Особливо, если гнѣздъ много и въ одномъ мѣстѣ! Отслужать и опять уснуть!

— Я не слыхалъ!.. — задумчиво протянулъ Маркъ. — Значить, можно молиться и безъ словъ?

— А понятно!... Зачѣмъ слова? Богъ то вѣдь знаетъ, что тебѣ нужно! Молимся за тѣмъ, чтобы ближе съ Нему стать: почувствуешь Его — и самъ лучше сдѣлаешься!

Они остановились у зубцовъ.

— Не такъ далече отсюда монастырь есть... — заговорилъ опять старикъ, глядя въ пропасть, — пришелъ туда душу спасать человѣкъ нѣкій; обѣтъ далъ послужить Пресвятой Богородицѣ — статуя чудотворная тамъ стоитъ. А былъ онъ плясунъ: на ярмаркахъ людей тѣшилъ. Пожилъ въ монастырѣ, горько ему стало: ни молитвъ не зналъ, ни пѣть за службу не умѣлъ... Другіе кто молится, кто уборъ Пречистой дѣлаетъ, кто иконы ея пишетъ — одинъ онъ какъ безъ рукъ — знай только поклоны бьетъ! Печалился онъ крѣпко, да вдругъ и осѣнило его. Стала примѣчать братія — совсѣмъ перемѣнился человѣкъ: повеселѣлъ, радостный сдѣлался, привѣтливый. И пропадать гдѣ то началъ — это тоже примѣтили. Принялись слѣдить: укараулили, что онъ въ церкви по ночамъ остается. Схоронились двое изъ братіи въ нишахъ за статуями и, что бы ты думалъ, увидали? Обошелъ новичекъ весь храмъ, осмотрѣлъ — нѣтъ ли кого, кромѣ

него, потомъ скинулъ рясу — анъ подь нею плясунскій нарядъ надѣтъ! И давай плясать передь Пречистой — и въ присядку и всячески и колесомъ ходиль — вотъ для чего онъ тайкомъ въ храмѣ прятался!

Братія бѣгомъ къ настоятелю. Такъ и такъ, доложили: — кощунство, плясъ идетъ въ домѣ Божьемъ; бѣсноватымъ новый братъ оказался!

Настоятель съ ними назадъ, въ церковь. Вошли потихоньку — видятъ лампадки что звѣзды вѣнцомъ кругомъ Пречистой теплятся, а полуголый человѣкъ передь ней на рукахъ ходитъ; потомъ какъ заплешетъ что изступленный!

Только о. настоятель голосъ обрѣлъ, собрался крикнуть — и окаменѣли всѣ трое: зашатался плясунъ, повалился на полъ. А Матерь Божья озарилась вся какъ бы мѣсяцемъ, улыбнулась... подняла руку, оперлась на колонну, сошла на полъ, надъ плясуномъ склонилась и тихо пальчиками свѣтящимися потъ ему со лба отерла...

Упаль въ страхѣ ницъ настоятель съ братьями, а когда поднялись — Пречистая по прежнему на своемъ мѣстѣ стояла, плясунъ не шевелясь лежалъ. Пospѣшили они къ нему — анъ онъ уже Богу душу отдалъ! Лицо счастливое, свѣтлое, какъ уснулъ словно!... Вотъ, братикъ, что на свѣтѣ случается! И пляска, если она отъ души, выше молитвы бываетъ!

Маркъ слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ. — Какъ это хорошо?! — воскликнулъ онъ.

Въ прорѣзъ окна колоколни глянулъ и скрылся край небольшого колокола;*) за нимъ качнулся другой, меньшій, и третій — совсѣмъ маленькій: зазвучали хрустальные переливы «Ангелюса».

— О. Антуанъ?.. — проговорилъ вдругъ Маркъ, — ангелы вѣдь существа совершенныя?

— Ну, понятно... а что?

— Какъ же тогда могъ одинъ изъ нихъ превратиться въ сатану и сдѣлаться падшимъ?

— Что ты, что ты?!.. — съ легкимъ испугомъ произнесъ старичекъ, — не лѣзь никогда въ Божьи дѣла, Онъ одинъ ихъ знать можетъ!

И онъ заторопился въ церковь; Маркъ послѣдовалъ за нимъ.

Глава III.

Недѣлю спустя въ кельѣ о. Антуана, между нимъ и о. Петромъ снова происходила бесѣда о Маркѣ.

— Бѣсъ его смущаетъ!.. — говорилъ привратникъ: — въ подвалъ бы его посадить,

---

*) Колокола появились въ Европѣ изъ Вавилона, гдѣ сперва были найдены ихъ рисунки, а затѣмъ и они сами.

У древнихъ грековъ звономъ ихъ („додонская мѣдь“) созывали народъ въ храмъ Прозерпины и Кибеллы на жертвоприношенія.

Въ христіанскихъ церквахъ Запада колокола введены въ 410 г. въ Кампаньи; византійцы завели ихъ у себя въ IX. в.

на цѣпь... да веревкой! ухъ, какъ оно помогаеть!.. Вотъ бы и пересталъ умствовать!..

О. Антуанъ покачалъ головой.

— Нѣтъ... — отозвался онъ: — не бѣсъ это, а молодость!.. дѣла она себѣ требуеть... Услать бы его надо отсюда!

— Услать? куда это, зачѣмъ? Чтобы совсѣмъ пропалъ парень?! — вскинулся о. Петръ.

— Не пропадеть!.. — убѣжденно отвѣтилъ о. Антуанъ. — Время его пришло... пусть свѣтъ повидаеть!..

— Какой еще свѣтъ нуженъ ему? Въ монастырѣ выросъ, здѣсь и сиди!

— Да вѣдь онъ не монахъ! А я его за большимъ дѣломъ пошлю, онъ юноша съ головой... секреты красокъ хорошихъ надо добыть! Ишь, мы захудали какъ: другіе монастыри цвѣтутъ, а у насъ ни заказовъ, ни богомольцевъ — ничего нѣтъ! Показать намъ нечего... А вернется — съ нимъ и слава придетъ въ монастырь! — О. Антуанъ старался не смотрѣть въ пристальные, тяжелые глаза собесѣдника.

Наступило молчаніе.

— Мы, вѣдь, простеды... — началъ опять о. Антуанъ: — не знаемъ ничего! Что можемъ мы ему объяснить и сказать? Книгъ нѣту никакихъ...

— И объяснять нечего! Вережка — она всего понятнѣе: всякій дуракъ ее понимаеть!.. — проворчалъ привратникъ: — бѣсовъ всегда бичомъ изгоняютъ!..

— Кому веревка годна, кому — другое!.. Лучше пусть потрудится на пблъзу монастыря. — Такъ я и настоятелю рѣшилъ доложить.

О. Петръ сопѣлъ и причавкивалъ, это означало у него раздумье и сомнѣніе.

— Тебѣ виднѣе!.. — проговорилъ вставъ съ табурета: — ну, коли что случится съ парнемъ — на твою душу кладу отвѣтъ; въ пропасть его выручать я больше не полѣзу!

* * *

Вечеромъ того же дня о. Антуанъ кликнулъ къ себѣ Марка и объявилъ, что настоятель посылаетъ его въ міръ.

Ошеломленный Маркъ глядѣлъ широко раскрывъ глаза.

— За что? Зачѣмъ... — вырвалось у него восклицаніе.

— А вотъ садись сюда, потолкуемъ!.. — старикъ опустился на одинъ изъ табуретовъ, указалъ рукой на другой и, не торопясь, изложилъ давно извѣстныя Марку обстоятельства и затрудненія монастыря. По плану его, одобренному настоятелемъ, Марку надо было добратъся до Италіи, ознакомиться съ мастерскими лучшихъ художниковъ, усовершенствоваться въ своемъ дѣлѣ и вызнать необходимые секреты для работы.

— Послушаніе на тебя монастырь возлагаетъ великое и трудное... — говорилъ о. Антуанъ. — Поэтому не торопись: легко и скоро ничто доброе не дается! Будутъ у тебя испытанія и задачи, но духомъ не падай, дальше иди — время и трудъ всего достигнуть! Помни, что бы худое ни случилось съ тобой — есть правда и добро на свѣтѣ! Три года понадобится отыскивать нужное — три года не возвращайся; пять — пять лѣтъ оставайся! Лютню свою съ собой возьми: у тебя голосъ хорошій — дорогой

пропитаніе себѣ зарабатывать будешь. Платятъ тебѣ мірское дадутъ: ты не монахъ, да и опасаться тебя въ монастырскихъ мастерскихъ не будутъ, скорѣе покажутъ что надобно! Людямъ всегда услуги оказывай, зломъ за зло не отплачивай, а дальше иди! Свѣтъ великъ: на всѣ свои думы отвѣты получишь... мы то, вѣдь, простецы, миленькій!.. А когда узнаешь все — душа сама подскажетъ тебѣ, что дѣлать — назадъ ли возвращаться, въ міру ли еще побыть... ея голоса слушайся!..

Долго среди тишины кельи мягкимъ ручейкомъ лился голосъ о. Антуана. На столѣ копотно горѣла масляная лампочка; за собесѣдниками на бѣлыхъ стѣнахъ колебались черныя тѣни; въ окно мерцали звѣзды. Маркъ смотрѣлъ то на нихъ, то на о. Антуана и слушалъ внимательно, но слышалъ развѣ половину: въ вискахъ у него стучало, нѣтъ-нѣтъ и словно горный потокъ бросался на его сердце и заглушалъ рѣчь о. Антуана. Марку казалось, что онъ вотъ сейчасъ какъ орелъ сорвется съ мѣста и взлетитъ надъ пропастью!.. жутко было и радостно; руки стискивались въ кулаки, лицо пылало.

Старикъ замѣтилъ, что переживалъ его питомецъ.

— Ну, Господь съ тобой!.. — закончилъ онъ напутствіе: — часъ поздній, усни поди, а завтра съ Богомъ въ путь снарядимъ тебя!

Маркъ благословился и ушелъ. О. Антуанъ задулъ лампочку и, не раздвѣваясь, прилегъ на жесткую постель; сна не было... долго тлѣлъ красною точкою фитиль, глядѣли звѣзды, слышался далекій шумъ водопада; изъ уголковъ глазъ старика медленно, рѣд-

кими каплями, начали стекать слезы. Больные ноги подергивало; о. Антуанъ поднялся и вышелъ на дворъ размять ихъ. Въ темнотѣ онъ чуть не наткнулся на черную фигуру и только по походкѣ опозналъ ее.

— И тебѣ не спится, о. Петръ?.. — сочувственно проговорилъ старикъ.

— Блохи заѣли!.. — какъ оборвалъ хриплый голосъ и о. Петръ заслонился теменью.

О. Антуанъ постоялъ немного, затѣмъ вдругъ заспѣшилъ къ церкви: будто какіе то пѣвучіе, струнные звуки доносились изъ нея. Въ дверяхъ онъ задержался: освѣщенный парой лампадъ, передъ статуей Мадонны стоялъ Маркъ и, поднявъ вверхъ лицо, игралъ на лютнѣ...

* * *

На другое утро послѣ обѣдни, вся многочисленная братія высыпала къ воротамъ проводить Марка.

Вмѣсто рясы стройный станъ его охватывала коричневая, лосиная куртка; на ногахъ были такіе же штаны до колѣнъ, желтые чулки и грубые башмаки, за спиной находилась маленькая котомка съ бѣльемъ и хлѣбомъ; поверхъ нея была привязана лютня. На лѣвомъ боку, на короткомъ ремешкѣ у пояса висѣлъ ножъ; въ рукѣ Маркъ держалъ толстую дубинку.

Юноша благословился у настоятеля, львopodobнаго крупнаго и совсѣмъ сѣдого мужчины, расцѣловался съ цѣмночисленной братіей, поклонился въ землю ей и монастырю и шагалъ внизъ по крутой, каменистой дорогѣ. На поворотѣ онъ оглянулся: на синемъ небѣ четко рисовалась стѣна и

кучка монаховъ; они махали въ знакъ привѣта руками.

Маркъ снялъ колпакъ съ воткнутымъ въ него орлинымъ перомъ, высоко поднялъ его и скрылся за деревьями.

Не успѣлъ онъ сдѣлать и трехсотъ шаговъ, позади раздался крикъ; онъ обернулся и увидалъ о. Петра, съ палкой въ рукѣ выбиравшагося на дорогу откуда то сбоку изъ чащи.

— Стой, стой!! — хрипло вопилъ о. Петръ, изо всѣхъ силъ ковыляя по торчавшимъ повсюду камнямъ.

Маркъ двинулся ему навстрѣчу.

— Что, о. Петръ? — спросилъ онъ и вспомнилъ, что при прощаньѣ у воротъ о. Петра не было.

Старикъ тяжело дыша остановился, оглянулся назадъ, полѣзъ въ карманъ рясы и вытащилъ какой то холщевой мѣшечекъ въ кулакъ размѣромъ.

— На вотъ!.. — едва выговорилъ и сунулъ мѣшечекъ Марку.

Тотъ принялъ его.

— Что это?.. Деньги?! — съ недоумѣніемъ спросилъ онъ, почувствовавъ монеты. — Зачѣмъ вы даете ихъ мнѣ?

— Бери, бери!.. — тамъ увидишь зачѣмъ!..

— Не нужно, о. Петръ! Я самъ зарабатую!..

— Чёрта ты зарабатываешь!! такъ вотъ и ждутъ тебя съ работой вездѣ!.. — съ сердцемъ воскликнулъ привратникъ. — Бери, говорю! Тамъ тебѣ не монастырь — даромъ ничего не дадутъ! А мнѣ на что онѣ?

Маркъ стоялъ, не зная что дѣлать.

О. Петръ стукнулъ палкой и Маркъ поспѣшилъ опустить деньги въ карманъ.

— Спасибо, милый о. Петръ!.. — покраснѣвъ какъ заря, сказалъ онъ. — И за все, за все, что вы сдѣлали для меня — спасибо! — Слова эти вырвались у Марка отъ всей души.

Старикъ быстро отвернулся.

— Съ Богомъ!.. — буркнулъ онъ и заковылялъ обратно.

— Эй, Маркъ?.. — окликнулъ онъ черезъ минуту. — Помни, до перекрестка доберешься — на небо глянь: куда птицы летѣть будутъ — туда и путь держи!

— Помню, о. Петръ!.. — отозвался Маркъ.

Еще разъ онъ окинулъ взглядомъ родныя мѣста и пустился дальше; грусть дымкой окутала его сердце. Онъ не примѣтилъ, что скрывшійся о. Петръ спрятался въ кустахъ у изгиба дороги и крестилъ его и его путь широкимъ крестомъ.

Глава IV.

Дорога сбѣжала съ горы, превратилась въ тропу и углубилась въ тѣнистый лѣсъ. Свѣжесть и сырость охватили Марка.

Душа трепетала отъ счастья и чувства безграничной свободы. Казалось, стоитъ захотѣть, поднять руки и онъ взмоетъ надъ міромъ вмѣстѣ съ орлами, парившими надъ утесами.

Пѣли птицы. Маркъ умѣлъ подражать многимъ изъ нихъ и пробовалъ вторить имъ, но скоро оборвался — безотчетная

клокотавшая въ крови радость перехватывала горло. Онъ шель, останавливался, оглядывался, самъ не замѣчая того размахивалъ руками, иногда аукалъ и съ блестящими глазами слушалъ загадочные отзвывы эхо.

Часа черезъ четыре впереди завидѣлся высокій, совсѣмъ почернѣлый дубовый крестъ: онъ стоялъ на границѣ монастырской земли; дальше начинался уже «міръ».

Маркъ, ни разу еще не переступавшій его заповѣдныхъ предѣловъ, повергся ницъ передъ крестомъ, прося благословенія на дальнѣйшій путь; теплый духъ земли овѣялъ его.

Влѣво и вправо изгибалась и пропадала среди могучихъ стволовъ деревьевъ другая тропа — нѣсколько болѣе торная. На чистомъ небѣ не виднѣлось ни точки. Маркъ призадумался, не зная куда направиться и присѣлъ около креста. Знаменія все не было. Прошло съ четверть часа и терпѣливо ждавшій Маркъ увидалъ трехъ вороновъ, низко летѣвшихъ надъ лѣсомъ справа на лѣво.

Маркъ всталъ, перекрестился и бодро зашагалъ въ слѣдъ имъ по направленію къ югу.

— Почему же вороновъ три? думалъ онъ, глядя на все уменьшавшихся вѣщихъ птицъ.

Скоро онъ почувствовалъ голодъ и свернулъ на поляну; вся она какъ алой росой была обрызгнута спѣлой земляникой. Маркъ подсѣлъ къ одной, совсѣмъ красной отъ ягодъ, кочкѣ, досталъ изъ котомки ломоть хлѣба и принялся за обѣдъ.

Не успѣлъ онъ съѣсть и пары горстей земляники — неподалеку, въ сторонѣ между

колоннами стволовъ, мелькнуло что то большое и черное. Маркъ припалъ къ кочкѣ и замеръ: то, что онъ принялъ было за нечистую силу, оказалось угольщикомъ, ведшимъ сѣраго ослика, почти не виднаго подь огромными мѣшками. Прохожій скрылся. Маркъ докончилъ свой обѣдъ и пустился дальше.

Лѣсъ уже за вечерѣлъ и затихъ, когда тропа вывела на зеленый косогоръ; за нимъ открылся глубокой обрывъ; на широкомъ песчаномъ руслѣ, усѣянномъ крупными камнями, словно голубая сѣть, разбросалась рѣка, разбившаяся на множество ручейковъ и протоковъ. За нею версть на пять зеленѣлъ лугъ, покрытый островами кустарниковъ; даль замыкала густая синь сплошныхъ лѣсовъ, всходившихъ по амфитеатру горъ до полъ неба.

Время было думать о пристанищѣ для ночлега, но, какъ ни оглядывался Маркъ — ни хижины, ни дымка не примѣчалось.

Онъ спустился къ быстро несшейся водѣ, раздѣлся и выкупался въ ямѣ между камнями, затѣмъ забралъ въ охапку вещи и перешелъ въ бродъ на другой берегъ; кристальная вода приятно обтекала ноги; глубина ея нигдѣ не превышала аршина.

Уже совсѣмъ сгустились сумерки, а жилье не показывалось; надъ изгибомъ рѣки задымился туманъ; платье и волосы Марка отсырѣли.

Идти дальше было опасно: наступало время появленія вились-духовъ невѣсть, умершихъ до свадьбы. Онѣ выходятъ въ подвѣчныхъ платьяхъ изъ могилъ и собираются на глухихъ дорогахъ, гдѣ ждутъ по-

явленія прохожихъ, чтобы затанцевать ихъ до смерти при свѣтѣ мѣсяца.

Маркъ свернулъ вправо, дальше отъ тумана и принялся высматривать хоть какое нибудь прибѣжище: ночевать на открытомъ мѣстѣ было бы холодно.

Скоро между наваленными другъ на друга каменными глыбами завидѣлась какъ бы громада - раковина, полуоткрывшая створки; Маркъ нагнулся и заглянулъ въ нее: передъ нимъ была небольшая пещера.

Маркъ убѣдился, что ни волка, ни барсука въ ней нѣтъ, вползъ въ нее на колѣняхъ и принялся устраиваться на ночь.

Прежде всего онъ развязалъ мѣшокъ, досталъ освященную передъ Мадонной свѣчу и, шепча молитву и заклинанія отъ злыхъ духовъ, провелъ черту у входа, затѣмъ закрестилъ его и всѣ углы и уже со спокойнымъ сердцемъ улегся на песокъ.

Въ пещерѣ было тепло. Маркъ воткнулъ около себя на всякій случай ножъ, вытянулся въ мягкой ложбинѣ и только тогда ощутилъ усталость. Глаза его стали смыкаться.

Ночью почудились близкіе, яростные и злобные крики. Маркъ вскинулся, сѣлъ и крестясь, сталъ прислушиваться.

Стояла полнѣйшая тишина; бѣлыми змѣями беззвучно шевелился и подбирался туманъ; выше его, на черномъ небѣ далекими искрами мерцали звѣзды ...Маркъ упалъ обратно на свое мѣсто и уснулъ мгновенно.

Пробудился онъ на зарѣ и выбрался наружу. Было свѣжо; скалы, листва деревьевъ, трава — все кругомъ было мокро отъ росы. Маркъ умылся, собирая ее цѣлыми

пригоршнями и, поглядывая по сторонамъ, пустился дальше.

Начиналась переключка птицъ. Румянецъ окрасилъ вершины горъ, но ущелье долго наполняли тѣнь и сырость; лучи, наконецъ, заглянули и въ него; сдѣлалось теплѣй, загомонили птичьи голоса; тетерева и куропатки стаями взлетали изъ подъ ногъ Марка; зайцы то и дѣло бросались въ стороны, закинувъ на спину уши и оставляя за собой черно-зеленый слѣдъ на травѣ.

Маркъ отломилъ горбушку хлѣба, позавтракалъ на ходу и запѣлъ псаломъ; глубина лѣса завторила ему.

На одномъ изъ поворотовъ онъ оборвалъ пѣніе и задержалъ шагъ: подъ кустомъ орѣшника сидѣла сгорбленная, сѣдая старуха; около нея лежала вязанка сухихъ сучьевъ. Первая мысль Марка была, что передъ нимъ вѣдьма, но взглянувъ пристальнѣй, онъ ничего страшнаго въ ней не примѣтилъ.

— Здравствуйте бабушка?.. — произнесъ онъ, приподнявъ колпакъ.

— Здравствуй!.. — отозвалась старуха и свѣтлые глаза ея съ воспаленными вѣками безъ рѣсницъ осмотрѣли пришельца. — Куда Господь несетъ?

— Въ городъ...

— Въ Васербургъ?

— Да!.. — наугадъ отвѣтилъ Маркъ.

— Такъ тебѣ на пересѣкъ ближе взять, вотъ сюда, горой!.. Она указала рукой на кручу за своей спиной: — низомъ вдвое дальше!.. Подмастерье, что ли?

— Да... по живописному дѣлу...

— А!..—въ голосѣ старухи послышалось уваженіе. — Это хорошо!.. съ хлѣбомъ, значить, всегда ходишь! А мы дичиной живемъ, угольями!.. старуха вздохнула: — трудная наша жизнь въ лѣсу. Смѣль ты, молодецъ, очень: пѣсни поешь! — остерегайся, смотри!

— Чего?

— Всего, сынокъ, всего!.. за всякимъ деревомъ человѣкъ можетъ быть... человѣка пуще всего бойся!

— Да что съ меня взять?.. — отозвался Маркъ: — весь я тутъ ничего у меня нѣтъ!

— Самого заберутъ! Замокъ баронскій на горѣ скоро увидишь: стороной его, сынокъ, огибай — дозорные бы тебя не примѣтили! Кого ни встрѣтишь — въ кусты ныряй — надежнѣе!.. Захватятъ — вѣкъ отъ нихъ не вырвешься! — У насъ такъ!

— А скоро онъ будетъ?

— Къ полудню верхней тропой доберешься. А до Вассербурга отъ него два дня пути. Тамъ дорога пойдетъ уже ѣзженная, все лѣво шагай по ней, никуда не сворачивай!

Маркъ поблагодарилъ, простился и сталъ взбираться по камнямъ, будто по лѣстницѣ; скоро онъ попалъ на тропу и, когда оглянулся—ни старухи, ни дорожки внизу видно не было — все залилось сплошнымъ, моремъ листвы.

Задолго до полудня, за однимъ изъ поворотовъ онъ завидѣлъ вдали красную корону, стоящую на обнаженномъ, скалистомъ уступѣ горы: то былъ замокъ.

Маркъ невольно подался назадъ и, хотя было еще далеко, спрятался за камни и сталъ разглядывать баронское гнѣздо. Замокъ, казалось, можно было уставить весь

на одной ладони; къ неприступнымъ башнямъ и стѣнамъ его изогнутой змѣей подбиралась снизу дорога; Маркъ высмотрѣлъ, что его тропа пересѣкаетъ ее почти у темныхъ воротъ и, чтобы не быть замѣченнымъ съ башни, рѣшилъ взять на перекоски; прикрываясь, лѣсомъ, онъ началъ спускаться для обхода замка какъ можно кружнѣе и ниже.

Путь былъ трудный; Маркъ дважды чуть не сорвался съ отвѣсныхъ кручъ и только цѣпкость рукъ, да низенькіе кусты спасли его отъ паденія. Въ одномъ мѣстѣ цѣлый потокъ песка и камней сползъ вмѣстѣ съ нимъ саженой на тридцать и Маркъ съ солнцепека стоя въѣхалъ въ тѣнистый лѣсъ; скоро среди зелени засѣрѣла длинная гряда камней, за ней оказался обрывъ и неглубокій оврагъ; по дну его пролегалла дорога; башенъ замка видно не было.

Только что Маркъ собрался спускаться, по откосу изъ-за поворота показалось трое всадниковъ въ шлемахъ и желѣзныхъ кольчугахъ; надъ ними покачивались сине-бѣлые флажки на длинныхъ копьяхъ; забрала у всѣхъ были подняты, виднѣлись усатыя, суровыя лица.

Маркъ бросился на землю, приникъ къ ней среди пахучихъ папоротниковъ и когда чуть приподнялъ надъ ними голову — всадники уже скрылись и только громкіе голоса ихъ доносились изъ-за ближайшаго поворота. Маркъ скатился внизъ, перебѣжалъ на другую сторону и скрылся въ чащѣ.

Скоро отыскалась и дорога, о которой говорила старуха.

Прежде чѣмъ выйти на нее изъ подъ благодѣтельныхъ деревьевъ, Маркъ огля-

нулся и увидалъ, что замокъ какъ бы слѣдить за нимъ; укрываясь опушкой, онъ взялъ влѣво и сталъ продолжать путь.

На дорогѣ началъ попадаться свѣжій конскій навозъ и многочисленныя слѣды подковъ и колесъ; уже завечерѣло, когда слышался какой то неясный шумъ и далекіе голоса — все свидѣтельствовало, что впереди Марка идетъ не то обозъ, не то большой конный отрядъ. Опасаясь встрѣчь съ отсталыми, Маркъ углубился въ кусты опушки и прибавилъ хода. Лѣсъ вдругъ широко раздвинулся; открылась луговина, вся заполненная таборомъ изъ людей, муловъ, лошадей и распряженныхъ двуколокъ; вездѣ разбивали палатки, раскладывали костры; трещали и разгорались сучья, густой дымъ столбами подымался къ небу. Разносился говоръ и гулъ; ущелье отзывалось многочисленными то далекими, то близкими голосами.

Рѣдкая цѣпь сторожевыхъ окружала таборъ; ближе къ Марку, среди дороги, находилась застава изъ десятка вооруженныхъ людей; одинъ — часовой — стоялъ опершись на копье. Множество выюковъ, груды лежавшихъ на землѣ и нагруженныя повозки убѣдили Марка, что передъ нимъ купеческій обозъ; опасаться было нечего и онъ направился къ часовому. На встрѣчу ему поднялось съ земли нѣсколько человекъ.

— Стой!!! Кто таковъ?—кликнулъ одинъ.

— Подмастерье я!..—отозвался Маркъ:—въ городъ иду. Дозвольте съ вами вмѣстѣ?..

Его окружили рослые, здоровенные люди въ шлемахъ и желѣзныхъ наплечьяхъ; всѣ оглядывали его, ощупывали мѣшокъ за его спиной.

— А еще кто въ лѣсу остался?..—подозрительно освѣдомился широкоплечій усачъ, видимо старшой.

— Не знаю, я одинъ шелъ!..—отвѣтилъ Маркъ.

Видъ его и искренній голосъ подкупили усача; онъ оглядѣлъ Марка еще разъ съ головы до ногъ и приказалъ одному изъ кнехтовъ отвести Марка къ начальнику каравана, мастеру Иогансону.

Глава V

Мейстеръ Иогансонъ — невысокій, плотный человекъ въ черномъ камзолѣ, стоялъ около своей палатки, когда къ нему привели Марка.

Не сводя свѣтлыхъ, строгихъ глазъ съ лица вновь появившагося, онъ выслушалъ его и спросилъ, куда и зачѣмъ идетъ; узнавъ, что Маркъ хочетъ усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ, онъ кивнулъ головою.

— Добро... присоединяйся къ намъ...—отвѣтилъ: — до Вассербурга намъ по пути; оттуда мы къ сѣверу возьмемъ, а тебѣ путь на югъ, — тамъ много знающихъ людей по твоей части. Здѣсь настоящихъ мастеровъ не сыщешь. Ну, ступай, устраивайся, гдѣ хочешь.—Мейстеръ занялся разговоромъ со вновь подошедшими людьми.

Маркъ оглядѣлся и, видя, что внутри лагерь тѣсно, сталъ пробираться къ окраинѣ; тамъ онъ высмотрѣлъ костеръ, у котораго лежало всего трое людей, подошелъ къ нимъ, снялъ свой колпакъ и поздоровался; лежавшіе отвѣтили; Маркъ сбросилъ со спины ко-

томку и сѣлъ поодаль; одинъ изъ незнакомецъ поднялся и сталъ палкою мѣшать въ котлѣ, висѣвшемъ на желѣзной цѣпи подъ треногою; вкусный запахъ похлебки распространился въ воздухѣ.

— Садись ближе, молодецъ! — обратился къ нему стряпавшій: — и на тебя доля найдется!..

Маркъ поблагодарилъ и перебрался къ огню. Новые товарищи перезнакомились; тѣмъ временемъ поспѣлъ ужинъ и всѣ четверо принялись опустошать котель.

Марку почудился стонъ; онъ оглянулся и примѣтилъ прикрытаго плащомъ человека, лежавшаго на спинѣ около ближайшей двуколки.

— Больной что-ли?.. — освѣдомился Маркъ.

— Разбился онъ!.. — пояснили ему: — оскользнулся на тропѣ, и чуть въ пропасть не угодилъ!.. тоже подмастерье, какъ ты; Яномъ звать!..

Глава VI

Надъ поляною задрезжали звуки трубы; изъ лѣсистыхъ сине-черныхъ ущелій откликнулось эхо; на окраинахъ лагеря зашевелились и начали подыматься люди; встали и собесѣдники Марка.

— Что надо дѣлать? — спросилъ онъ.

Ему сказали, что на ночь весь станъ обводится чертой и закрепивается для охраны отъ демоновъ; необходимо наблюдать, чтобы черта вездѣ была сомкнута.

• Работа была выполнена копьями и заняла всего нѣсколько минутъ: по чертѣ, за отсутствіемъ патера, прошелъ высокій, уг-

рюмый человекъ со сросшимся бровями; онъ бормоталъ заклѣтья.

— Бѣда, сколько вездѣ нечистой силы!... —проговорилъ, ложась на прежнее мѣсто, ближайшій сосѣдъ Марка. — Не досмотри чего нибудь — ни за грошъ пропадешь!...

— Есть на свѣтѣ и похуже чѣмъ нечистая сила!..—буркнулъ другой;—рыцари съ ихъ замками, будь они прокляты!

— Да!..—согласился третій:—вездѣ человекъ долженъ остерегаться чего нибудь! И откуда, какъ подумаешь, развелось такъ много демоновъ на свѣтѣ?

— Боги это старинные!... отвѣтилъ первый: — не стали имъ молиться и жертвы давать — они и ушли и мстятъ намъ!...

— И теперь имъ многіе молятся!..—сказалъ третій. — Да отчего и не молиться? У богатыхъ капелланы все сдѣлають, а бѣдному человеку самому всѣхъ задобрить надо!...

— Двумъ господамъ служить нельзя!... —возразилъ Маркъ.

— Господа — дѣло другое!... — А вотъ ты туда сунься, поди!...—онъ кивнулъ на лѣсъ: — попробуй ка горнаго духа не умилоствить?...

— Тутъ неподалеку, на уступѣ горы, стоитъ замокъ...—началъ рассказывать второй и всѣ ближе придвинулись къ нему. — Завтра увидите его. Теперь онъ въ развалинахъ; жилъ въ немъ въ старые годы рыцарь по имени Водъ — хуже всякаго дьявола! былъ! Знаете сами, что дѣлають рыцари — охота, пиры да разбой — вотъ и всѣ ихъ занятія, а ужъ что этотъ бѣшеный вытворялъ и во снѣ не приснится! Для потѣхи живыхъ людей на спины дикимъ оленямъ.

привязывалъ и въ лѣсъ выпускалъ, а самъ съ собаками за ними гонялся; другихъ голодомъ въ подземельяхъ замка умаривалъ, со скалъ сбрасывалъ — что ни взбрело въ голову, то и дѣлалъ! И вотъ однажды на охотѣ застигъ его туманъ; сорвался онъ съ высоченной скалы и разбился вмѣстѣ съ конемъ въ пропасти. Не приняла его земля, приказано было ему до Страшнаго Суда въ своемъ гробу лежать, а въ полночь вставать и до разсвѣта гоняться за медвѣдями, волшебниками и разбойниками. Такъ съ тѣхъ поръ онъ и не знаетъ покоя и носится по ночамъ въ сторонѣ отъ дороги: на нихъ запрещено ему показываться. Гдѣ проскачетъ — тамъ непогода начинается, вѣтеръ завываетъ; какъ загудитъ въ трубахъ — уже знаютъ люди, что Водъ гдѣ то близко мчится!

— А видалъ его кто нибудь?...—спросилъ третій.

— Еще бы — много разы! И я его видалъ... Высокій онъ, тощій, какъ скелетъ, въ доспѣхахъ желѣзныхъ, лицо, какъ у одержимаго... бѣда встрѣтиться съ нимъ!... Возвращался я какъ то домой, да запоздалъ, ночь захватила въ лѣсу. И вдругъ слышу — загудѣло вдали, вопли зачудились, бичъ будто хлопаетъ... какъ буря на меня катится!... Я въ кусты шарахнулся; лежу ни живъ, ни мертвъ — вижу двое челоуѣкъ во весь духъ бѣгутъ; за ними на бѣломъ конѣ по воздуху рыцарь въ синихъ латахъ несется, изъ ноздрей у коня огонь пышетъ, глаза у всадника волчьи, свѣтятся... И смаху бичемъ по бѣгущимъ ж-жикъ, и-жикъ!.. каждый ударъ по клоку платья и мяса ссѣкалъ. Весь лѣсъ очнулся. — «Водъ» — «Водъ»! ...загремѣло

кругомъ... Не помню ужъ какъ отъ такой страсти до дома добрался!

— Слышалъ и я о Водѣ!...—проговорилъ третій. — Вездѣ имѣются замки страшные!

.. У насъ крестьянинъ повезъ на осликѣ овесъ въ городъ. Уже разсвѣтало; въ лѣсу на перекресткѣ повстрѣчался онъ съ какимъ то челоуѣкомъ и тотъ купилъ овесъ. Крестьянинъ повелъ за нимъ ослика; шли долго, все куда то внизъ, и въ самой глуши и чащѣ увидали зеленую отъ моха башню и стѣну. Подъемный мостъ былъ опущенъ, стражи не примѣчалось... Вступили они въ ворота подъ башней, потомъ на дворъ — и тамъ никого: травой онъ заросъ; ни души не видѣлось и въ окнахъ замка...

Незнакомецъ велѣлъ сложить мѣшки у стѣны и вошелъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ въ большой залъ. Посрединѣ за столомъ сидѣло десятка два вооруженныхъ людей въ кольчугахъ; никто изъ нихъ не шевелился — всѣ спали. При звукѣ шаговъ они повернули головы и открыли глаза.

— Что новаго на свѣтѣ?...—глухо спросилъ челоуѣкъ съ бородой по поясъ.

— Ничего нѣтъ!...—отвѣтилъ крестьянинъ. Сидѣвшіе опять опустили головы и уснули. Незвѣстный провелъ крестьянина въ слѣдующій залъ, громадный, какъ соборъ; въ немъ сидѣло четверо богатырей въ латахъ съ золотыми насѣчками и тоже спало.

Стукъ ногъ разбудилъ ихъ.

— Что новаго на свѣтѣ—прогремѣлъ старшій; сѣдая борода была у него до полу.

— Ничего не слышать, ваша милость!... — повторилъ крестьянинъ.

— Звенять ли трубы на горахъ?

— Нѣтъ...

Глаза всѣхъ четверыхъ закрылись; богатыри поникли въ глубокомъ снѣ.

Неизвѣстный расплатился съ крестьяниномъ и вывелъ его изъ замка; въ полдень онъ былъ уже дома. А тамъ плачь, тревога, ищутъ его вездѣ! Оказалось, не нѣсколько часовъ провелъ онъ въ отлучкѣ, а болѣе сутокъ.

— Кто-же такіе были люди въ замкѣ и чего они ждали?—спросилъ первый; онъ слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ.

Разсказывавшій пожалъ плечами.

— Кто-же можетъ знать? заклять замокъ какимъ нибудь волшебникомъ!

— Всего много въ лѣсу, а въ особенности въ горахъ!..—сказалъ первый.

— Разъ мой отецъ ошибся тропой и заблудился. Ночь между тѣмъ пала, да темная, безлунная, въ трехъ шагахъ ничего не распознать. А у насъ такъ-же, какъ здѣсь, горы кругомъ, лѣсъ дремучій. Что тутъ дѣлать? Того и жди съ кручи загремишь - и воронъ костей не соберетъ! Подумалъ отецъ да на дубъ большой и залѣзъ отъ звѣрей; устроился на вѣтвяхъ и рѣшилъ какъ нибудь дождаться до свѣта.

Сидѣлъ онъ, сидѣлъ, сморило его, дремать началъ. И вдругъ видитъ - свѣтляки стали загораться на землѣ - одинъ, другой, третій... какъ разсыпало ихъ. Всмотрѣлся отецъ: нѣтъ, это не свѣтляки, а маленькіе человѣчки, гномы; самый высокій въ локоть ростомъ; на всѣхъ красные колпачки, всѣ бородатые, на плечѣ у каждаго кайло маленькое, въ рукѣ фонарь зажженный. Видимо невидимо сошлось ихъ подъ дубомъ, на которомъ сидѣлъ отецъ: размѣстились всѣ на переплетшихся корняхъ, а одинъ въ красномъ

плащъ, король ихній, на бугрѣ расположился, отъ огней внизу свѣтло стало. Испугался отецъ; сами, вѣдь, знаете, что не къ добру гнома увидать; приникъ онъ къ дубу, старается не дышать. Слышитъ — разговоръ повели гномы — будто колокольчики крохотные зазвенѣли. И узналъ отецъ, что совсѣмъ близко отъ того мѣста, подъ скалой, пещера имѣется, а изъ нея два хода въ глубину земли ведутъ. А въ этихъ ходахъ несмѣтное богатство — жилы толстыя, серебряныя тянутся; гномы порѣшили этой пещеры пока не касаться, а начать работу въ другой, что за день пути отстояла — туда они и собрались идти. Отдохнули гномы и двинулся въ лѣсную глубь звѣздный потокъ изъ фонариковъ; опять темнота наступила. Только стало свѣтатъ, отецъ слѣзъ съ дуба и давай пещеру искать. Нашель ее почти сейчасъ же, вползъ въ нее на животъ — иначе нельзя было попасть, входъ очень низкій былъ — видитъ надъ нимъ словно огромныя ледяныя сосульки нависли; отыскалъ онъ и другіе два хода. Далеко идти безъ огня не посмѣлъ и только заглянулъ въ нихъ, — вѣрно: въ стѣнахъ словно канаты серебряныя скрутились, перепутались! Обрадовался отецъ. Выбрался изъ пещеры на вольный свѣтъ, положилъ помѣты на скалу съ пещерой, отыскалъ дорогу и побѣжалъ домой.

— «Такъ и такъ», говоритъ матери — «вотъ что со мной было!» Ну, радость, понятно, въ домъ сдѣлалась: богачами, вѣдь, сразу оказались! На утро отецъ забралъ кайло, суковъ смолистыхъ для освѣщенія, хлѣба и пустился въ дорогу. Нашель полянку, на которой ночевалъ и дубъ узналъ; отыскалъ свои засѣчки на деревьяхъ и даль-

ше заспѣшилъ. Шель — шель... помѣты его, а путь какъ будто не тотъ!.. и не навверхъ, какъ утромъ вчера, а внизъ куда то велъ. Спустился отецъ съ горы, на днѣ ущелья оказался. Взобрался опять на гору, сыскалъ свои надрѣзы — они его еще въ другое мѣсто завели. Сунулся по третьему слѣду — въ еще болѣе дикомъ мѣстѣ очутился, едва вылѣзъ, ни скалы, ни пещеры и вспоминѣ нѣтъ! Бился, бился отецъ, да такъ ни съ чѣмъ домой къ ночи и вернулся... Говорили потомъ старики, что нельзя было ему босикомъ въ пещеру входить — надо было обмотать ступни чѣмъ вибудь мягкимъ, чтобы слѣдовъ не оставить. А какъ наткнулись гномы на слѣды и поняли, что человекъ ихъ богатства увидѣлъ — сейчасъ же засыпали входъ и подѣлали насѣчки на деревьяхъ въ разныхъ направленихъ.

Такъ мы въ бѣдности своей и остались!..

. . . . .

Уже совсѣмъ легла ночь.

Мѣсяцъ еще не всходилъ изъ за горъ, небо было сѣро-синее; каменные вершины казались посыпанными снѣгомъ; лагерь по-немногу замиралъ.

— А пора и спать?..—проговорилъ одинъ изъ рассказчиковъ и сталъ устраиваться у огня.

Со стороны двуколки опять послышался стонъ; улегшійся было Маркъ всталъ, подошелъ къ больному и нагнулся надъ нимъ.

— Не нужно ли тебѣ чего?—спросилъ.

На него глянуло совсѣмъ молодое, блѣдное лицо съ карими глазами.

— Пить!..—проговорилъ Янъ спекшимися губами.

Маркъ подалъ длиннорлую тыкву съ водой и больной съ жадностью приникъ и долго не отрывался отъ нея.

— Спасибо!..—сказалъ и опять опустился на войлокъ. Маркъ укуталъ его въ веретье съ двуколки, прочелъ молитву и улегся по близости. Ночью онъ нѣсколько разъ просыпался и провѣдывалъ больного.

Въ серебряной ряби облаковъ плыль мѣсяцъ; только шумъ рѣчки нарушалъ тишину; отблески костровъ пятнами золотили черную стѣну безмолвнаго лѣса. Было жутко, торжественно, незабываемо хорошо...

Г л а в а VII.

Пѣвучіе звуки трубы пробудили Марка на разсвѣтѣ. Онъ открылъ глаза и нѣсколько мгновений не могъ понять въ чемъ дѣло: кругомъ недвижно висѣлъ, бѣлый какъ молоко, густой туманъ. Маркъ поднялся; сдѣлались видны верхушки палатокъ и головы людей, какъ бы плававшихъ въ разныя стороны въ этомъ молокѣ; высоко вверху четко виднѣлось кольцо горныхъ вершинъ; изъ нихъ двѣ, самыя высокія, горѣли какъ яркіе, алые маки

Туманъ понемногу осѣдалъ; люди складывали палатки, водили на водопой, сѣдлали лошадей и длинноухихъ муловъ; было сыро, холодно и когда туманъ исчезъ — сизый налетъ росы покрывалъ все.

Маркъ и трое его новыхъ товарищей подошли къ больному; онъ былъ въ забытїи и не отвѣтилъ на зовъ.

— Чего его таскать съ собой?—проговорилъ тотъ, который разсказывалъ про рыцаря Вода. — Оставить его надо: все едино помретъ!..

— Что ты?—возразилъ Маркъ.—Да его звѣри съѣдятъ!

— А кто же съ нимъ возиться будетъ? ты что ли?

— Я!..—подтвердилъ Маркъ.— Помогите мнѣ только на повозку его поднять!

Кнехты исполнили просьбу.

По второму зову трубы закричали погонщики, заскрипѣли колеса повозокъ — обозъ тронулся въ путь. Впереди, блестя остріями копій, ѣхали вооруженные всадники; другой отрядъ замыкалъ шествіе.

Маркъ зашагалъ рядомъ съ больнымъ и всячески старался не давать ему мотаться изъ стороны въ сторону на рытвинахъ и колдобинахъ.

Сталъ чувствоваться восходъ солнца: сдѣлалось теплѣй, хмурое, предразсвѣтное настроеніе людей смѣнялось оживленіемъ; въ хвостѣ каравана кто то загорланилъ пѣсню.

Понемногу сдѣлалось жарко; солнце выкатилось изъ за горной цѣпи; рой мухъ и оводовъ стали беспокоить лошадей и муловъ; погонщики обмахивали ихъ вѣтками.

Часа черезъ три долина съузилась и превратилась въ дикое безлѣсное ущелье; со всѣхъ сторонъ вставали темныя и красноватыя каменные кручи и скалы; шумъ рѣки превратился въ ревъ; клубясь и пѣнясь, она съ яростью прыгала по камнямъ; надъ стремниной вздымались отвѣсныя скалы; въ одномъ мѣстѣ — самомъ узкомъ — она давала крутой поворотъ и тамъ висѣла арка

каменнаго моста; по ту сторону рѣки, на уступѣ, надъ водой сѣрѣли башни и стѣны небольшого замка.

Караванъ сдвинулся тѣснѣе и остановился; люди стали готовить оружіе: дорогу у самаго моста перегородила толпа пѣшихъ, вооруженныхъ людей; предводитель ихъ, блестя латами, возвышался надъ всѣми на огромномъ ворономъ конѣ; пукъ бѣлыхъ и красныхъ страусовыхъ перьевъ развѣвался на его шлемѣ.

Маркъ и повозки его товарищей задержались на бугрѣ; имъ было хорошо видно все происходившее. Отъ головы каравана отдѣлился, окруженный своими всадниками, мейстеръ Іогансонъ; онъ приблизился къ рыцарю, слѣзъ съ сѣдла и снялъ шляпу; тотъ поднялъ забрало; начались какіе то переговоры.

— Ишь, сволочи!..—со злобой выговорилъ одинъ изъ кнехтовъ стоявшихъ около Марка: — и не надо намъ черезъ ихъ мостъ идти, а все таки плати за то, что мимо идешь...

— Зачѣмъ же платить?—удивился Маркъ.

— Попробуй, откажись! Сейчасъ мейстеръ много не дастъ — мы сильнѣй ихней пайки, а что нибудь сунуть надо: иначе потомъ поплатишься!

Между начальникомъ каравана и рыцаремъ, видимо, происходилъ торгъ; мейстеръ полѣзъ къ себѣ въ карманъ, вытащилъ монету и подаль ее человѣку въ полосатой курткѣ и съ синимъ колпакомъ на головѣ, стоявшему около стремени рыцаря; этотъ подкинулъ ее на рукѣ и спряталъ за пазуху. Рыцарь поднялъ надъ головой копье и люди, перегораживавшіе дорогу, разступились по

обѣ стороны ея. Мейстеръ сѣлъ на лошадь, провель сквозь нихъ отрядъ и сейчасъ же остановиль его на свободномъ мѣстѣ; по знаку его руки караванъ двинулся впередъ.

Маркъ, проходя мимо, со вниманіемъ всматривался въ бородатыя лица вражескихъ воиновъ; рослые, плечистые какъ на подборъ, они каменными изваяніями стояли опершись на копыя. Рыцарь казался грудой жедѣза; лицо его было багрово; изъ подъ клокастыхъ бровей смотрѣли маленькіе, воспаленные глаза: темная борода съ сильною просѣдью покрывала подбородокъ и щеки.

— Дьяволы!..—вполголоса произнесъ другой сосѣдъ Марка, когда стѣны изъ людей были пройдены: — хари разбойничьи! Всѣ въ шрамахъ!

— А зачѣмъ наши конные у моста остались? спросиль Маркъ.

— Чтобы не напали сзади на обозы! пояснили ему: — это такой проклятый народъ — всякую пакость сдѣлають, да еще наглумятся потомъ! Кабы ихъ сила сегодня была — либо до тла ограбили бы, либо что ни захотѣли, то и отняли бы! Сила, братъ, на свѣтѣ всему голова!

Замокъ и мостъ остались позади; дорога свернула въ боковое ущелье и густой лѣсъ опять зазеленѣлъ кругомъ каравана.

Около полудня на лужайкѣ, гдѣ было много травы, сдѣлали приваль; чтобы не попасться врасплохъ, задній отрядъ былъ усиленъ; на высокій дубъ влѣзъ сторожевой: оттуда открывалась значительная часть пройденнаго пути.

Только что развьючили животныхъ и развели костры для варки обѣда, на полянѣ, верхомъ на осликѣ, показался толстякъ мо-

нахъ въ коричневой рясѣ и съ лицомъ, въ видѣ полной луны; обрита голова его стояла на туловищѣ-бочкѣ безъ всякихъ признаковъ шеи; на маковкѣ чернѣла скуфейка; по бокамъ ослика висѣли двѣ туго набитыя переметныя сумы изъ прочной козьей шерсти; на нихъ въ растопырку торчали двѣ короткія, жирныя ноги монаха, обутыя въ грубые башмаки, подбитые крупными гвоздями.

Глаза и ротъ толстяка казались узкими щелчками; между ними краснѣла картофелина — носъ; монахъ непрерывно благословлялъ и влѣво и вправо рукою; встрѣчные обнажали головы и кланялись.

На срединѣ луговины онъ остановилъ ослика и слѣзъ; его окружили люди и помогли снять сумы.

— Здравствуйте, здравствуйте, дѣти мои!..—говорилъ монахъ не совсѣмъ твердымъ языкомъ. — Зналъ, что васъ встрѣчу: видѣніе мнѣ было такое сонное!.. Все, что нужно человѣку для счастья — все для васъ въ этихъ мѣшкахъ захватилъ!.. Онъ похлопалъ рукой по плотно набитымъ сумамъ и сталъ развязывать одну изъ нихъ; оттуда появились разныя грошевыя мелочи — кольца, маленькія статуэткі, грубо изображавшія какихъ-то страшилъ, людей, животныхъ и т. п.

— Самые сильные на свѣтѣ амулеты!.. —возглашалъ монахъ, подымая надъ головой нанизанныя на веревочки, звякавшія вещицы. — Всѣ съ ноготокъ, а сильнѣе быка! Вотъ освященныя погремушки для ословъ!.. —онъ потрясъ и зазвенѣлъ ими; — съ ними ни звѣрь не тронетъ, ни нечистая сила никуда не заведетъ, цѣна — серебряный солидъ! Вотъ кольца удивительныя: кто на правой рукѣ по-

силь — вѣрность удара пріобрѣтаетъ, цѣна два солида! Корешки крестовой травы съ Голгофы—въ пути шествующихъ оберегаютъ! Кто ихъ на груди носить—спи спокойно! ни въ какую бѣду не попадешь, пять солидовъ!.. Покупайте скорѣй добрые люди—въ послѣдній разъ эти замѣчательныя вещи видите: всѣ еще въ святой землѣ расхвачаны богомольцами!.. дешевле рѣпы отдаю—обѣтъ такой на себя наложилъ: только на пользу людей стараюсь!..

Густая толпа обступила монаха, не переставшаго нараспѣвъ выхвалять свои товары; среди нея находился и Маркъ; такое обиліе волшебныхъ вещей поразило его и онъ съ почтеніемъ и искренней вѣрой разглядывалъ ихъ; желаніе пріобрѣсти какъ можно больше всего стало разгораться въ немъ; кругомъ шель шумный торгъ, звенѣли деньги, ссыпаясь на широкую жирную ладонь монаха, а съ нея въ бездну кармана его рясы.

Одинъ изъ кнехтовъ купилъ перстень, съ вырѣзаннымъ на немъ трехголовымъ звѣремъ, предохраняющій отъ паденій. Не успѣлъ кнехтъ отойти со своимъ чудодѣйственнымъ пріобрѣтеніемъ и полусотни шаговъ, какъ споткнулся о камень и съ маху грохнулся носомъ о колесо повозки; изъ разшибленнаго мѣста ручьемъ полилась кровь.

Кнехтъ сначала ошалѣлъ, затѣмъ разсвирѣпѣлъ, вскочилъ на ноги и, расталкивая толпу, бросился къ монаху.

— Ты что же это, толстый дьяволъ, продаешь?! — завопилъ онъ, тыча растопыренными пальцами одной руки чуть не въ самое лицо монаху, а другою держась за

ность: — это такъ твое паршивое кольцо отъ падений охраняетъ?!

— Не кричи, не кричи, дубина! — невозможно отвѣтилъ монахъ: — подай сперва сюда свою лапищу... покажи, какъ ты надѣлъ его — въ этомъ вся суть!

Кнехтъ протянулъ руку; монахъ мелькомъ взглянулъ на нее.

— Ну я же зналъ что ты болванъ! — заявилъ. — Какъ еще ты живъ остался, не понимаю! Гдѣ у тебя апокалипсическая голова, остолопъ, — снаружи? А она внутри ладони должна быть! Когда она внутри — предохраняетъ отъ падений, а когда снаружи — на землю бросаетъ: такъ только тѣмъ, кого погубить хотятъ, даютъ надѣть! А ты ни шиша не зная орешъ, осель, на духовное лицо!.. — да простить тебѣ Господь за глупость это прегрѣшеніе!..

Объясненіе, данное не допускающимъ возраженія голосомъ, заставило пострадавшаго сразу умолкнуть; онъ съ сугубымъ почтеніемъ повернулъ на пальцѣ кольцо, потомъ осторожно потрогалъ раздувшійся носъ и пошелъ обмывать лицо.

Маркъ, наконецъ, сдѣлалъ выборъ и взялъ три талисмана: одинъ отъ всякихъ болѣзней, другой — приносившій удачу въ поискахъ и третій — отъ козней нечистой силы.

— Владѣй на счастье, сынъ мой!.. — сказалъ монахъ, принимая порядочное количество денегъ, бережно отсчитанныхъ Маркомъ. — Ты, вижу, хорошій человекъ, а потому дамъ тебѣ добрый совѣтъ — купи еще вотъ это! — Онъ указалъ на изогнутый плоскій мѣдный крючекъ-пряжку для пояса съ изображенными на ней какими-то фигу-

рами и щелкнулъ языкомъ. — Это, братъ, ужъ такая вещь, что сто дураковъ поумнѣютъ, пока найдутъ вторую! Кто ей владѣетъ, тотъ всѣхъ приворожитъ къ себѣ; богачемъ въ концѣ концовъ сдѣлается... Дорого, но хорошо! Тебѣ за треть цѣны отдамъ!

Маркъ преодолѣлъ соблазнъ.

— Мнѣ не нужно!.. — отвѣтилъ.

Къ магическому крючку протянулась рука высокаго кнехта; въ него же вцѣпился другой, ростомъ пониже; началась перебранка и первый кнехтъ, ворча, долженъ былъ уступить.

За обѣдомъ лагерь шумѣлъ, какъ горный потокъ: всѣ хвастались покупками; каждому казалось, что онъ сдѣлался значительнѣй и сильнѣе, чѣмъ былъ до пріобрѣтенія талисмана; Маркъ тоже переживалъ это радостное, бодрящее чувство.

Монахъ кончилъ торгъ и присосѣдился къ мейстеру Югансону; изъ второй сумы появилась большая фляга съ виномъ и монахъ дѣятельно сталъ прикладываться къ ней самъ и подчивалъ мейстера; тотъ угощалъ его обѣдомъ.

Маркъ провѣдалъ своего больного и навѣсилъ ему на шнуркѣ на шею талисманъ отъ болѣзней; Янъ былъ уже въ сознаниі и Маркъ накормилъ и напоилъ его.

Не больше какъ черезъ часъ раздался сигналъ къ выступленію: городъ былъ не далеко, и мейстеръ хотѣлъ попасть въ него засвѣтло.

Глава VI

Зеленяя стѣны лѣса опять обступили караванъ; передовые то и дѣло вспугивали зайцевъ и шумно взлетавшихъ тетеревовъ; на одномъ изъ поворотовъ изъ большой лужи на серединѣ дороги вдругъ поднялся и сѣлъ громадный дикій кабанъ; два желтыхъ клыка словно серпы торчали по бокамъ его морды. Онъ хрюкнулъ утробой, очутился на четырехъ ногахъ и метнулся, ломая кусты, въ сторону.

Маркъ нѣсколько разъ заговаривалъ съ Яномъ и узналъ, что онъ ювелирный подмастерье изъ Богеміи и направляется въ Орлеанъ для усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ.

Спрошенный Яномъ о цѣли его путешествія, Маркъ отвѣтилъ не сразу.

— Тоже учиться иду: живописецъ я!... — сказалъ онъ, опасаясь посвятить кого-нибудь въ свою тайну.

— И тоже во Францію?

— Не знаю... говорятъ есть такая страна, Италія; тамъ будто бы лучше всего учиться...

— Слыхалъ и я.. путь туда очень трудный!.. — больной умолкъ.

Дорога начала понемногу подыматься въ гору, съ перевала открылась всхолмленная равнина, ее мутною полосой разсѣкала широкая рѣка, середину занималъ длинный островъ; на немъ подымались каменные стѣны, башни, церкви и красныя крыши строеній еще далекаго города; съ острова на оба берега перекидывалось по горбтому мосту; вдали въ синемъ туманѣ тѣснились горы.

Сперва въ оцѣпѣніи, затѣмъ съ глубокимъ волненіемъ, не отрываясь, смотрѣлъ Маркъ на впервые представившееся ему видѣніе; освѣщенный алыми лучами заката городъ стоялъ какъ бы весь въ пламени, казался чѣмъ-то сказочнымъ, огромнымъ, загадочнымъ. И, находясь на высотѣ надъ безпредѣльнымъ просторомъ и этимъ видѣніемъ, Маркъ вдругъ осозналъ свое одиночество и полное ничтожество въ мірѣ...

Начался спускъ болѣе крутой, чѣмъ подъемъ; животныя съ трудомъ пробирались по воднымъ промоинамъ и рытвинамъ; выюки наѣзжали имъ на плечи и кнехтамъ то и дѣло приходилось поправлять ихъ и подтягивать подпруги; Маркъ заботливо оберегалъ Яна и поддерживалъ плечомъ то и дѣло накрывшуюся повозку.

Караванъ спустился, наконецъ, съ перевала и зазмѣился по ровному приволью луговъ. Всѣ повеселѣли: городъ дѣлался все ближе, зданія его рисовались отчетливѣй; можно стало распознать скалы, на которыхъ высились стѣны; доносился звонъ.

Мостъ охраняла четырехугольная башня съ узкими, черными отверстиями бойницъ; верхняя, кирпичная, часть ея была видимо додѣлана позже къ болѣе древней, сложенной изъ крупныхъ валуновъ; такая же вторая башня--высокая, и круглая, замыкала мостъ съ стороны острова; на верхнихъ площадкахъ обѣихъ, на брусахъ съ перекладиной, висѣло по колоколу.

Завидѣвъ приближавшійся неизвѣстный отрядъ, на передней башнѣ зазвонили тревогу; подъемный мостъ черезъ ровъ медленно поднялся на цѣпяхъ и, какъ щитомъ, плот-

но прикрылъ входныя ворота; между зубцами башни заблестѣло желѣзо шлемовъ и наплечій стражи; въ бойницахъ показались люди съ луками и колчанами.

Замостная башня откликнулась тремя басистыми ударами. Караванъ приблизился на два полета стрѣлы и остановился; мейстеръ Югансонъ съ двумя спутниками подъѣхали къ неширокому рву, отдѣлявшему башню отъ берега и замахали пучками травы въ знакъ своихъ мирныхъ намѣреній. Загремѣли, заскрежетали цѣпи и блоки, и мостъ сталъ опускаться на прежнее мѣсто; изъ воротъ появилось нѣсколько человѣкъ для опознанія прибывшихъ; разрѣшенія на остановку у города и проѣздъ въ него были даны быстро и копыта лошадей мейстера и одного изъ его спутниковъ гулко застучали по настилу моста. Другой вернулся къ каравану, и часть товаровъ, принадлежавшая мѣстнымъ купцамъ, потянулась въ городъ; остальной обозъ растекся по лугу по направленію къ тремъ двухъэтажнымъ каменнымъ постоялымъ дворамъ, сѣрѣвшимъ въ разбросъ неподалеку отъ предмостной башни; каждый изъ нихъ являлся крѣпостцой, съ небольшимъ прямоугольнымъ дворомъ внутри; окна имѣлись лишь въ верхней части стѣнъ; нижній этажъ служилъ навѣсомъ для грузовъ, муловъ и лошадей. Со стороны двора во второмъ ярусѣ тянулись открытыя деревянныя галлерей; рядъ невысокихъ дверей велъ изъ нихъ въ общія помѣщенія и отдѣльные номера для проѣзжихъ; галлерей опирались на толстые дубовые столбы, отесанные съ четырехъ сторонъ.

Говоръ, движенье, шумъ разомъ наполнили всѣ закоулки и лѣстницы. Марку по-

яснили, что за позднимъ временемъ найти пріютъ въ городѣ трудно и переночевать надо въ трактирѣ. Тѣмъ временемъ опять завизжали блоки, и мостъ поднялся снова: съ наступленіемъ сумерекъ въ городъ никто не допускался.

За небольшую плату Марку отвели каморку съ двумя некрашенными деревянными кроватями, соломенными тюфяками и такими же подушками: при помощи дорожныхъ товарищей онъ внесъ въ нее больного и свое и его имущество, потомъ захватилъ со стола небольшую масляную лампу — глиняную плошку съ ручкой—и отправился въ кухню: входъ туда велъ изъ проѣзда воротъ. Во дворѣ распрягали животныхъ и разводили ихъ къ общимъ яслямъ; въ дальніе, безопасные углы сносили и складывали вьюки.

Громадную кухню на три четверти занимали тяжелые дубовые столы и скамьи; въ ней шла суета — доставали изъ погреба провизію, спѣшно готовили ужинъ для многочисленныхъ прибывшихъ гостей. Почернѣлый каминъ былъ такихъ, обычныхъ въ тѣ времена, размѣровъ, что люди, носившіе дрова, входили въ него, не сгибаясь, а зимой по бокамъ огня въ немъ ставились стулья и замерзшіе путешественники по пятеро и больше человекъ сразу могли грѣться какъ въ гротѣ у костра.

Кухня наполнилась людомъ; запылалъ огонь; надъ нимъ висѣли цѣпи для котла и крюки для жаркого; слѣва отъ камина, за стойкой, на двухъ подставкахъ съ вырѣзомъ, темнѣлъ десятиведерный боченокъ съ деревяннымъ краномъ; двѣ миловидныя служанки въ бѣлыхъ чепчикахъ и зеленыхъ платьяхъ съ красными оборками разносили

чудовищныя глиняныя кружки съ пѣвившимся пивомъ; толстякъ хозяинъ въ синемъ колпакѣ, свисавшемъ ему на ухо, и раздувъ красныя пышки-щеки, надѣвалъ на крюки цѣльнаго барана и четверть телятины.

Маркъ освѣдомился о стоимости съѣстнаго, зажегъ уголькомъ свою лампочку и, заказавъ скромный ужинъ себѣ и товарищу, отправился обратно.

Было уже поздно; ворота запирали; на длинномъ желѣзномъ прутѣ надъ ними, знаменуя гостиницу, замерцалъ большой слюдяной фонарь; подъ сводомъ проѣзда, освѣщая часть двора и деревянныя ступени лѣстницы, дымно горѣлъ факель. Въ галлереѣ было темно; словно заплаты на стѣнѣ свѣтлѣли двери; густо пахло конскимъ потомъ, на небѣ не виднѣлось ни звѣздочки.

Маркъ отыскалъ свою дверь и вошелъ въ номеръ; его встрѣтилъ пристальный взглядъ Яна.

— Сейчасъ поужинаемъ!.. — сказалъ Маркъ. — Ты проголодался?

— Нѣтъ... — отозвался больной: — пить хочется!

— И пить принссуть, я заказалъ пива!

— У меня денегъ нѣтъ!..—проговорилъ Янъ.

— Ничего, у меня есть!.. — отвѣтилъ Маркъ. — Я уже заплатилъ!

Янъ промолчалъ. Черезъ нѣкоторое время на галлереѣ послышались проворные шаги; въ дверь стукнули, и на порогѣ съ полотенцемъ на плечѣ появилась служанка; въ рукахъ она держала деревянный подносъ съ парой кружекъ съ пивомъ; между ними на двухъ оловянныхъ тарелкахъ лежали куски хлѣба и дымившагося мяса.

— Кушайте на здоровье!.. — привѣтливо произнесла дѣвушка, поставила подносъ, положила на него же полотенце и поспѣшила назадъ.

Маркъ передвинулъ столъ къ изголовью Яна, сѣлъ на табуретъ и досталъ ножъ: вилки въ тѣ времена были еще неизвѣстны.

Янъ припалъ губами къ кружкѣ.

— Ну-ка, попробуй теперь мяса?..—предложилъ Маркъ и протянулъ товарищу ножъ съ наткнутымъ на концѣ его жирнымъ кускомъ; Янъ взялъ, но руки плохо повиновались ему; Маркъ замѣтилъ это и нарѣзалъ мясо на мелкія части.

Янъ проглотилъ нѣсколько кусочковъ и отстранился.

— Спасибо...— проговорилъ: — не въ силахъ больше!..

Маркъ одинъ принялся за уничтоженіе ужина.

Лампочка давала слабый желтый свѣтъ; отъ огонька вилась вверхъ струйка копоти: на одной стѣнѣ чернымъ бугромъ рисовалась тѣнь Марка, на другой Яна — длинная, походившая на гробъ съ мертвецомъ.

— А кто твои родители? — вдругъ спросилъ Янъ.

— Не знаю... А твои кто?

— Отецъ серебряныхъ дѣлъ мастеромъ былъ, да я его не помню!.. Захудали мы очень, мать меня отцовскому дѣлу учиться отдала!..

— Жива она?

— Нѣтъ! Лѣтъ пятнадцать мнѣ было, когда померла!

— А сестры и братья есть?

— Нѣтъ никого...

Замолчали; Янъ задумался.

— Такъ въ Италію пойдешь?.. — вымолвилъ опять, немного погодя.

— Да!

Маркъ покончилъ съ мясомъ, вытеръ руки о полотенце и взялся за свою кружку.

— Когда идти думаешь?.. — спросилъ Янъ.

Маркъ понялъ мысль, беспокоившую его новаго пріятеля.

— Не бойся, не брошу тебя!..—отвѣтилъ онъ: — покуда ты не поправишься — не уйду!

Въ карихъ глазахъ больного затеплилась ласка.

— Спасибо!..—тихо уронилъ онъ.

Въ полночь Маркъ какъ ополоумѣвшій сорвался съ постели: ему приснилось будто онъ въ дремучемъ лѣсу и сотни медвѣдей, вставъ на дыбы, окружили его. Неистовый, страшный ревъ продолжалъ раздаваться и въ дѣйствительности.

— Что такое?! — въ испугѣ проговорилъ Маркъ, не зная за что схватиться и отъ кого обороняться въ потьмахъ.

— Да нѣтъ ничего!..—успокоительно отозвался Янъ:—мулы это и ослы ревуть! Развѣ ты не слыхивалъ ихъ?

Маркъ плюнулъ въ сердцахъ.

— Вотъ голоса!.. — сказалъ: — страшнѣй медвѣжьихъ!.. У насъ два маленькихъ ослика было, они такъ не кричали!

Въ комнатѣ было душно: онъ распахнулъ дверь и вышелъ на галлерею: охватила свѣжесть; небо усыпали звѣзды.

Ревъ внизу сталъ стихать и только одинъ изъ ословъ никакъ не могъ кончить рулады и со скрипомъ и свистомъ выводилъ свое отчаянное i-а...

— Да уймите этого сатану!! — заораль внизу чей-то голосъ, немногимъ лучше ослинаго: — потяните его за хвостъ!!

Совѣтъ, очевидно, былъ исполненъ: ревъ прекратился сразу. Наступила опять тишина: алмазная розсыпь на небѣ сверкала и переливалась разноцвѣтными огнями.

Глава VII

Маркъ проснулся еще до зари; въ коморкѣ стояли сумерки; Янъ крѣпко спалъ, подложивъ руку подъ щеку.

Маркъ вышелъ наружу. Въ разныхъ мѣстахъ двора непрерывной чередой пѣли заревые пѣтухи; со стороны степи на востокѣ небо было зеленое и прозрачное; у самой земли его разсѣкала ярко желтая полоса. И люди, и животныя еще спали; подъ навѣсами, между столбами, виднѣлись лежавшіе мулы; нѣкоторые стояли понуривъ головы и опустивъ уши.

Маркъ захватилъ полотенце и сошелъ внизъ; въ углу за кухней отыскалось нѣсколько пестрыхъ глиняныхъ рукомошниковъ, висѣвшихъ на веревочкахъ.

Маркъ умылся, почистилъ пукомъ соломы платье и башмаки и когда онъ снова появился на галлерей, внизу, зѣвая и потягиваясь, стали показываться и переговариваться люди.

Съ восходомъ солнца началось оживленіе; ворота распахнулись; повели на водопой животныхъ. Маркъ вышелъ на лугъ и опять приковался взглядомъ къ городу.

Острые шпили церквей съ мѣдными пѣтухами на нихъ стремились къ небу; ихъ обливалъ румянецъ; кругомъ, золотомъ сіяли вершины цѣпи горъ, — низы ихъ окутывалъ густой туманъ.

Мостъ былъ уже опущенъ.

Желаніе поскорѣй попасть въ никогда еще невиданный городъ, было такъ сильно, что Марку не хотѣлось ни ѣсть, ни пить; тѣмъ не менѣе онъ выждалъ пробужденіе Яна, принесъ ему воды, хлѣба и ветчины и лишь тогда зашагалъ къ башнѣ.

День былъ базарный; къ мосту съ разныхъ сторонъ тянулись вереницы крестьянъ съ сѣрыми и черными осликами, исчезавшими подъ огромными корзинами съ овощами, дровами, молокомъ и прочими продуктами.

У воротъ, опираясь на длинныя аллебарды, стояли двое стражей въ кольчугахъ и въ черныхъ, круглыхъ шлемахъ.

Оба обратили вниманіе на высокаго, плечистаго Марка, скромно пробиравагося среди кучекъ крестьянъ.

— Эй, молодець?.. — окликнулъ одинъ.
— Куда путь держишь?

Маркъ оглянулся и остановился.

— Въ городъ; работу ищу!..

— Плюнь! Иди лучше къ намъ, у насъ веселѣ!..

Маркъ отрицательно качнулъ головой.

— Нѣтъ, у меня свое дѣло имѣется!..— и онъ поспѣшилъ дальше.

Подъ мостомъ бурлила и неслась рѣка; Маркъ миновалъ гулкій проходъ подъ вто-

рой башней и очутился какъ бы въ извилистомъ ущельѣ между двумя сплошными рядами двухъ и трехъэтажныхъ домовъ; надъ улицей протягивались веревки съ сушившимся бѣльемъ; дома были всѣ узкіе съ однимъ, много двумя окнами въ каждомъ этажѣ; внизу они были задѣланы толстыми желѣзными рѣшетками; входы казались черными пещерами.

То съ одной, то съ другой стороны изъ нихъ выходили женщины съ ведрами помыть или ящиками съ мусоромъ и вытряхивали и вываливали содержимое ихъ тутъ же у стѣнъ; надъ головой Марка бесѣдовали, высунувшись изъ оконъ, обыватели; одинъ передавалъ другому черезъ улицу какой то предметъ.

Маркъ шель медленно; его то и дѣло обгоняли ослики, прохожіе, торговки съ плетушками и лотками на головахъ; шумъ, выкрики и движеніе казались Марку оглушительными. Улица вывѣла на большую площадь, окруженную, съ четырехъ сторонъ, болѣе высокими и обширными домами; число оконъ въ этажахъ доходило до трехъ. Маркъ завернулъ за уголъ и приковался къ мѣсту въ нѣмомъ изумленіи; глаза его встрѣтили свѣжно-бѣлую громаду собора; вся она была покрыта каменными кружевами, многочисленными стрѣльчатými башенками; съ раззолоченнаго портала, съ cadaго выступа стѣнъ, глядѣли раскрашенныя статуи святыхъ; сверху свисали желоба водосточныхъ трубъ, имѣвшіе видъ разинувшихъ пасти драконовъ и диковинныхъ звѣрей. А передъ этимъ чудомъ гудѣлъ и шумѣлъ рынокъ; его заполняли клѣтки съ домашней птицей, груды тетеревовъ, дикихъ гусей, утокъ, цѣ-

лыхъ кабановъ и оленей; толпа двигалась между ними, какъ бы по узкимъ проулочкамъ; раздавался немолчный говоръ, споры, крики.

Маркъ пробрался къ собору и вошелъ подъ арки портала; какъ изъ подъ земли росли ряды многочисленныхъ стройныхъ колоннъ; въ вышинѣ и сумеркахъ на нихъ упирались острые своды; словно сучья отъ стволовъ деревьевъ развѣтвлялись жилы граней; между ними голубѣло небо, золотились звѣзды; всюду виднѣлись статуи; окна достигали почти до сводовъ; ихъ покрывали многоцвѣтныя картины, рисованныя на стеклѣ.

Храмъ былъ еще пустъ; Марка охватила торжественная тишина. Онъ преклонилъ колѣно передъ алтаремъ, помолился и, весь проникнутый благоговѣніемъ, сталъ разсматривать живопись. Ничего особеннаго не отыскалось и Маркъ вдоволь надивившись генію строителя, вышелъ на паперть.

Базарный гомонъ опять охватилъ его, Маркъ вдругъ примѣтилъ среди площади какое то странное сооруженіе: надъ толпой слегка возвышался помостъ съ двумя черными столбами, соединенными перекладиной; снизу въ нее были ввинчены три большіе крюка. Маркъ догадался, что то была висѣлица.

Онъ сталъ огибать площадь, и на углу одной изъ улицъ услыхалъ хохоть и крики; онъ протѣснился ближе и, благодаря своему высокому росту, увидаль изумившее его зрѣлище: двѣ разъяренныя, растрепанныя женскія головы въ сбитыхъ на сторону чепцахъ стояли на гладильной доскѣ, показывали другъ другу руками носы и неистово ругались и плевались; Маркъ распозналъ, что

доска раздвижная и лежит на плечах двухъ женщинъ; на обоихъ концахъ доски висѣло по замку и имѣлось по вырѣзу для шеи; посерединѣ, въ четырехъ меньшихъ отверстіяхъ, были заключены руки у кисти; владѣлицы ихъ, которымъ не хватало уже бранныхъ словъ и слюны, пытались лягнуть другъ друга ногами, но это не удавалось и со стороны казалось, что обѣ женщины пляшутъ.

— Что такое?!.. — съ удивленіемъ, вслухъ, подумалъ Маркъ, глядя на бѣсноватыхъ.

Стоявшій рядомъ съ нимъ, круглый какъ шаръ, человѣкъ въ темносѣрой курткѣ и красныхъ чулкахъ до колѣнъ, счелъ, что Маркъ обратился именно къ нему.

— Гдѣ? — переспросилъ онъ тоненькимъ голоскомъ.

— Да вотъ эти!.. — Маркъ указалъ на колодницъ.

Толстякъ проводилъ взглядомъ его палецъ, потомъ уставилъ подернутые влагой, свѣтло-голубые глаза на Марка, визгнулъ и залился смѣхомъ.

— Добрые люди?.. — заверещалъ онъ, оборачиваясь въ разныя стороны и то взмахивая руками, то хватаясь ими за животъ: — смотрите — вотъ человѣкъ, свалившійся съ луны!..

Вокругъ нихъ сейчасъ же сдвинулась кучка любопытныхъ.

— Сплетницы это, мой милый!.. — назидательно пояснилъ толстякъ: — когда люди начинаютъ слишкомъ много ругаться и сплетничать, — у насъ ихъ сажаютъ въ колодку! Погуляютъ такъ вдвоемъ подъ открытымъ небомъ три денька, да три ночи, —

друзьями подѣлаются! А развѣ у васъ въ городѣ иначе?

— Откуда ты самъ то?.. — освѣдомился другой изъ толпы.

Маркъ смутился, залился густымъ, молодымъ румянцемъ и назвалъ Бременъ — первое вспавшее на умъ имя города, нерѣдко слышанное имъ въ монастырѣ отъ отца Петра. Маленькимъ и незначительнымъ вдругъ вспыхнулъ на мигъ передъ нимъ ихъ монастырекъ; Маркъ какъ бы въявь увидаль двухъ старичковъ, сидящихъ въ кельѣ и бесѣдующихъ о немъ.

— А слышалъ, слышалъ!.. это далеко!.. — отозвался толстякъ. — А ты кто же такой?

— Я книги списываю, рисунки къ нимъ дѣлаю...

— О-о!.. слышите?!.. — внушительно воскликнулъ толстякъ и поднялъ надъ головой палецъ. — Высокоученый гость!.. По этому случаю вамъ надо выпить съ нами нашего пива, — оно знаменитое! И рассказовъ вашихъ послушаемъ!.. пожалуйста съ нами, ваше почтеніе?..

Кучка человѣкъ въ десять, переговариваясь вполголоса со встрѣчными и все увеличиваясь въ числѣ, двинулась окруживъ Марка; впереди расталкивая толпу, шаромъ катился толстякъ. А по базару стала расползаться вѣсть, что въ городъ прибылъ съ луны необыкновенный человѣкъ.

Толстякъ со своими спутниками дошелъ до погребка, надъ которымъ издалека виднѣлось изображеніе бѣлаго, скачущаго коня съ крутой, выгнутой шеей и взвѣвающейся гривой: спереди и сзади него двѣ руки подымали кружки съ пивомъ.

Людской потокъ сталъ литься внизъ по каменнымъ ступенькамъ; надъ ними висѣлъ слюдяной фонарь.

Низкіе, граненые своды погребка опирались на два мощные, четырехугольные столба; свѣтъ падалъ сверху въ маленькія зарѣшеченныя оконца; въ полусумеркахъ различались длинные дубовые столы, окруженные тяжелыми табуретами и маленькими пустыми боченками; слѣва темнѣла стойка съ сухарями и жаренымъ съ солью горохомъ въ глиняныхъ мискахъ; за нею всю стѣну сплошь закрывали бочки разныхъ размѣровъ, накаченныя другъ на друга въ два и въ три яруса.

Погребокъ былъ еще почти пустъ; только въ самой глубинѣ его, за кружками сидѣло двое пожилыхъ людей.

Шумъ отъ множества входившихъ привлекъ вниманіе хозяевъ; изъ подъ окна выдвинулся зеленый колпакъ, затѣмъ показался бритый и сутуловатый человѣкъ того возраста, когда сразу не разберешь—мужчина передъ тобой, или женщина; изъ-за бочекъ, мелькнувъ красной и желтой юбкой, какъ бабочки, вывернулись двѣ служанки въ черныхъ корсажахъ.

Погребокъ наполнился говоромъ: пришедшіе тѣсно сдвинули табуреты и боченки и размѣстились вокругъ Марка и толстяка; множество глазъ и разинутыхъ ртовъ уставилось на перваго; Маркъ чувствовалъ себя какъ въ западнѣ, но уйти, скрыться отъ общаго вниманія было совершенно невозможно.

На лѣстницѣ, не сходя въ погребокъ, стояла кучка любопытныхъ: за ними изъ двери торчало еще нѣсколько лупоглазыхъ

рожъ съ подстриженными въ видѣ чѣлокъ волосами на лбахъ.

— Это который же съ луны?.. — громко поинтересовалась одна.

— А вотъ этотъ, здоровенный!.. — отвѣтила другая и палецъ потыкала въ воздухъ на Марка.

— А въ Бога онъ вѣруеть?

— Въ соборъ сейчасъ былъ!

Толстякъ потребовалъ пива для себя и своего гостя; служанки забѣгали среди посѣтителей.

— Итакъ, вы изъ знаменитаго города Бремена?.. — началъ разговоръ толстякъ и потянулся чокнуться съ Маркомъ.—Первый городъ во всемъ мірѣ, хотя и нашъ городъ можетъ, конечно, кое-чѣмъ и кое-къмъ похвастаться!..—щеки его раздулись.

— Крѣпость у насъ замѣчательная, соборъ... и люди есть умнѣйшіе!.. Что же вы, высокоученый гость, собираетесь у насъ дѣлать? На ученые диспуты, быть можетъ, пожаловали?

— Работу ищу!.. по книжной части... можетъ быть, такія мастерскія есть здѣсь?

Окружавшіе Марка переглянулись.

— Такихъ нѣтъ!.. — отвѣтилъ за всѣхъ толстякъ.—За то бочары у насъ превосходные; оружейники—у-ухъ!!.. — онъ сложилъ пучкомъ пальцы и сочно почмокалъ ихъ. — Быть можетъ, вмѣсто картинокъ вы бы намъ автомата сдѣлать не отказались?

Маркъ никогда не слыхалъ этого слова, спросилъ, что оно значить.

Этотъ вопросъ заставилъ толстяка отвѣсить нижнюю губу и заспѣсивиться.

— Вы не знаете, что такое автоматъ?.. — протянулъ онъ. — Намъ нуженъ искус-

ственный человекъ изъ желѣза, который бы день и ночь звонилъ молоткомъ въ колоколь часовъ на башнѣ!

— Это колдовство!! — съ опасеніемъ проговорилъ голосъ съ лѣстницы.

— Колдовство во славу Божью!.. — важно возразилъ толстякъ: — пускай и чертъ служить на пользу церкви!.. Ну, если автомата вы не можете сдѣлать, то поговоримте о философіи: теперь всѣ лучшіе умы заняты ею... напримѣръ — сколько ангеловъ можетъ помѣститься на кончикѣ ножа... Какъ вы думаете объ этомъ со своей стороны?

Маркъ никакъ не думалъ: онъ впервые въ жизни услышалъ о существованіи такого вопроса.

— А!.. и этотъ орѣхъ вамъ не по зубамъ?.. — пренебрежительно произнесъ толстякъ и окончательно распухъ отъ гордости.

— Ну, а какъ вы полагаете насчетъ того, — могъ ли бы Господь сотворить все лучше, чѣмъ онъ это совершилъ?

— Я думаю да!.. — смущенно отвѣтилъ Маркъ.

— А почему же тогда онъ эдакъ не сдѣлалъ?

Маркъ опять ничего не могъ отвѣтить.

— Что же изъ этого явствуется? — толстякъ съ торжествомъ обвелъ взглядомъ раскрытые рты и внимательные глаза: — а то значить, что мы со-вер-шен-ны! — толстякъ поднялъ палецъ и пожевалъ губами: — да, есть кое кто изъ умныхъ людей и у насъ въ Вассербургѣ!! — добавилъ онъ многозначительно.

— Ай да мейстеръ Вальтеръ!! — крикнулъ восхищенный голосъ: — вотъ тебѣ и

ученый съ луны изъ Бремена! Въ уголь забиль!!

— Гдѣ бременцамъ?!. — поддержали еще голоса: — это имъ не селедокъ возить! Развѣ ихъ съ нашими сравнить?!. —

— Потихе, кумъ Мартинъ, потихе!..—сія, но стараясь принять скромный видъ, заявилъ толстякъ. — Одинъ глупъ, другой умень, — не будемъ гордиться тѣмъ, что кому Богъ далъ!..

На Марка вперебой посыпались разнообразныя вопросы; на большинство ихъ отвѣтитъ онъ былъ не въ состояніи; его бросало то въ потъ, то въ холодъ, казалось, вѣтъ-вотъ еще минута и тайна его путешествія будетъ разоблачена. Многіе интересовались, — какъ живется на лунѣ и какъ туда попадаютъ; другіе спрашивали про торговлю Бремена и о дорожныхъ приключеніяхъ.

Къ счастью Марка собесѣдники его не давали ему раскрыть рта и сами въ перекрестъ отвѣчали за него другъ другу, спорили и кричали. Маркъ помалкивалъ и прикрывался кружкой. Въ погребокѣ дѣлалось все шумнѣе; упоенный общими похвалами, толстякъ принялся разглагольствовать, уже не обращая вниманія на Марка; тотъ улучилъ минуту и укрылся за столбомъ, затѣмъ смѣшался со вновь входившими посѣтителями и выбрался на улицу.

На свѣжемъ воздухѣ Маркъ почувствовалъ, что рубашка на немъ такъ мокра, словно побывала подъ проливнымъ дождемъ; со лба крупными каплями катился потъ. Маркъ вытеръ его ладонью и, стараясь быть меньше замѣтнымъ, пустился къ своей гостиницѣ. Душа его была въ смятеніи: онъ на опытъ убѣдился въ полномъ своемъ невѣжествѣ;

казалось, что глупѣе и негоднѣе его уже нѣтъ никого на свѣтѣ.

Только что Маркъ вступилъ на мостъ, въ нѣсколькихъ шагахъ впереди него раздался вопль: трое мирно шедшихъ здоровяковъ вдругъ съ бранью набросились на попавшагося имъ навстрѣчу невысокаго, щупленькаго человѣчка въ длинномъ черномъ плащѣ и такомъ же колпакѣ и принялись молотить его увѣсистыми кулачищами; тотъ хотѣлъ бѣжать, но его ухватили за воротъ; высокій, острый колпакъ слетѣлъ съ него на землю, чернявая голова замоталась отъ ударовъ изъ стороны въ сторону; онъ брыкался и отбивался какъ бѣшеный, но безуспѣшно. Двое прохожихъ, сопровождаемыхъ лохмотой, сѣрой собакой, остановились развлечься зрѣлищемъ; собака съ лаемъ принялась насканивать на бойцовъ и хватала то одного, то другого за штаны и куртки; прохожіе хохотали.

Марка будто кто вытолкнулъ впередъ.

— Оставьте! За что вы его бьете?! — крикнулъ онъ и удержалъ за руку одного изъ нападавшихъ.

Тотъ вырвался.

— Проваливай, болванъ, къ сатанѣ!!—рявкнулъ онъ, грозя кулакомъ нежданному заступнику: — свою морду береги, смотри!!

И безъ того чувствовавшимъ себя униженнымъ Маркомъ вдругъ овладѣла ярость. Онъ схватилъ ругавшагося за горло и съ маху, какъ куль, шваркнулъ его объ землю; во мгновеніе ока вслѣдъ за первымъ, какъ арбузомъ, кокнулся головой объ мостъ и второй изъ нападавшихъ; третій оглянулся, увидалъ товарищей, въ обалдѣнніи приподымавшихся съ земли и бросился наутекъ. За нимъ,

мелькая подошвами, подбитыми гвоздями, пустились струхнувшіе зѣваки; слѣдомъ съ лаемъ помчалась собака.

Черномазый метнулся было бѣжать въ обратную сторону, но оглянулся, смекнулъ что произошло, молніей подскочилъ къ своимъ, еще сидѣвшимъ, врагамъ и отвѣсилъ каждому по звонкой плюхѣ; это заставило тѣхъ проскакать на-четверенькахъ, затѣмъ вскочить и со всѣхъ ногъ понестись обратно въ городъ. Чернявый успѣлъ поддаться одному изъ нихъ ногой, затѣмъ обернулся къ Марку.

— Благодарю васъ, синьоры!.. — запыхавшись, но торжественно, произнесъ онъ на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ, держа на отлетѣ правую руку, а лѣвую прижавъ къ сердцу и кланаясь съ какимъ то необыкновеннымъ изгибомъ. — Славно вы ихъ отдѣлали! — Если бы не вы — не досчитаться бы мнѣ нѣсколькихъ реберъ! Вы вели себя, какъ рыцарь Роландъ!

— За что эти разбойники набросились на васъ?..—спросилъ Маркъ; вспышка гнѣва уже прошла и ему сдѣлалось смѣшно при воспоминаніи о людяхъ, бѣгущихъ по собачьи съ напряженно-отупѣлыми лицами.

— Совершенно правильно вы ихъ назвали, — настоящіе разбойники! Невинные люди всегда отъ такихъ терпятъ непріятности!.. — черномазый поднялъ растоптанный колпакъ, расправилъ его, почистилъ и опять водрузилъ на свою голову. — Одно вамъ скажу, — не стоитъ дѣлать добро людямъ! А какъ имя синьора и гдѣ вы проживаете?

Маркъ назвалъ то и другое.

— А меня звать Луиджи!.. — я шарлатанъ *) изъ драгоцѣннѣйшей жемчужины міра — изъ Неаполя!

Маркъ не зналъ, что такое шарлатанъ и Неаполь, но переспросить не рѣшился.

— Еще разъ чувствительно благодарю!.. — сказалъ Луиджи и снова вихнулъ всѣмъ тѣломъ, отвѣсивая вторичный, глубокій поклонъ. — Быть можетъ и я чѣмъ иибуду услужу синьору?..— онъ ощупалъ себя сзади рукою и любезное выраженіе на его лицѣ разомъ превратилось въ сердитое.

— Проклятая собака!.. — проговорилъ: — штаны почти пополамъ разорвала! Непремѣнно засвидѣтельствую свое почтеніе вамъ сегодня же!

Новые знакомцы разстались.

Глава VIII

Вскорѣ послѣ обѣда на галлерей слышались шаги, затѣмъ раздался стукъ.

— Войдите... — откликнулся Маркъ.

Дверь отворилась и показалось остріе колпака, затѣмъ голова и обладатель ея — Луиджи; подъ лѣвымъ, совершенно задушимъ глазомъ его красовался обширный синякъ; другой глазъ блестѣлъ и казался крупною черносливиной; на смугломъ лицѣ чернѣли небольшіе усики и клинышекъ бородки.

— Это я!.. добрый день, синьоръ Маркъ!!.. — изысканно произнесъ онъ, склонивъ голову къ плечу и отставивъ заднюю часть тѣла. —

---

*) Такъ назывались въ Италіи бродячіе доктора.

Э-э, да здѣсь больной есть? Это вашъ товарищъ; синьоръ Маркъ?

— Да. Яномъ его зовутъ!

— Другъ вашъ?

— Да!

— А!.. Это уже хуже!..— онъ приблизился къ Яну. — Что съ вами, синьоръ?

Янъ разсказаль, что произошло съ нимъ въ горахъ. Луиджи съ важнымъ видомъ слушалъ, полузакрывъ благополучный глазъ и снисходительно поддакивая частыми кивками головы.

— Кости цѣлы?..

— Какъ будто!..

— Глаза веселые... — продолжалъ Луиджи: — покажите языкъ?.. Ага, превосходно! Вы очень опасно больны, но для вашего друга я васъ берусь вылѣчить! Слушайте внимательно: вотъ вамъ уголекъ!..— Луиджи полѣзь въ карманъ и досталь оттуда черный кусочекъ. — По виду онъ простой, а въ сути своей чудодѣйственный: изъ костра Саламандры! Съѣшьте его, запейте водой и черезъ три дня встанете!

Янъ бережно приняль драгоцѣнность.

— Спасибо!.. — проговориль Маркъ. — Сколько же мы вамъ должны за лѣкарство?

— Мнѣ? Ничего!.. Итальянцы, синьоръ, не любятъ оставаться въ долгу! Видѣли по какой оплеухѣ закатиль я этимъ болванамъ?

— Да почему они на васъ набросились?

— Собаки они, вотъ почему! Три дня тому назадъ въ ногахъ у меня валялись, просили вылѣчить ихъ отца, старому ослу навѣрное сто лѣтъ было, ходиль какъ хромя лошадь, а я изволь превратить его въ юношу?.. Я же не Богъ, чудеса творю, но не всегда!

— Что же случилось со стариком?.. — полюбопытствовалъ Янъ.

— Умеръ, скотина! Э, не будемъ больше говорить объ этихъ невѣждахъ; развѣ могутъ они понять, что смерть въ такомъ возрастѣ дѣло необходимое?

Луиджи такъ сыпалъ словами, что руки его едва успѣвали изображать и подтверждать то, что говорилъ языкъ.

— Что синьоръ Маркъ намѣренъ здѣсь дѣлать?.. — перевелъ онъ разговоръ на другое: — можетъ быть я вамъ могъ бы на что-нибудь пригодиться?

— Я писецъ и рисую картины для книгъ... ищу работы и хочу учиться!

— А, синьоръ художникъ?—воскликнулъ Луиджи.—Такъ здѣсь вамъ среди этихъ ходячихъ пивныхъ кружекъ дѣлать нечего: ступайте къ намъ, въ Италию, я самъ итальянецъ и знаю ее какъ свои пять пальцевъ!

— Я и подумываю объ этомъ!.. — отвѣтилъ Маркъ.

— А когда отправляетесь?

Маркъ остановилъ взглядъ на Янѣ.

— Когда онъ поправится..

— Онъ?.. — воскликнулъ Луиджи: — да я же сказалъ, что черезъ три дня поставлю его на ноги!

— А синьоръ Янъ тоже художникъ?

— Ювелиръ я... подмастерье!.. — отозвался тотъ.

— Ну, значить, художникъ! А вы куда направляетесь?

Янъ слегка пожалъ плечомъ.

— Думалъ въ Орлеанъ, въ Парижъ... тамъ, говорятъ, замѣчательные мастера есть!..

— Плюньте имъ на маковку!.. идите и вы съ нами! Чему могутъ васъ научить въ ка-

комъ-то Парижъ? Жулики тамъ и ничего больше! Единственная страна, гдѣ живутъ самые великіе художники—это Италія! Весь міръ идетъ учиться къ намъ.

— А вы тоже собираетесь въ Италію?—спросилъ Маркъ.

— А развѣ мнѣ не все равно гдѣ лѣжить и торговать? Вездѣ кусокъ хлѣба сыщется! Хочу — въ Германіи брожу, хочу — въ Константинополь уйду! Синьору необходима Италія и я долгомъ почту проводить его! Берите меня, синьоръ, въ товарищи—я весь свѣтъ знаю; полезнѣй меня не найдете человѣка!

— И я съ тобой пойду!.. — проговорилъ Янъ. — Свѣтъ великъ, найдемъ, гдѣ поучиться!..

Луиджи хлопнулъ въ ладоши.

— Умно сказано, великолѣпно! — весело воскликнулъ онъ. — Все за то, чтобы намъ вмѣстѣ идти. Шесть кулаковъ — это уже капиталъ! Что вы имѣете возразить противъ моего предложенія, синьоръ?

— Да я очень радъ!...—искренно сознался Маркъ. — Втроемъ путешествовать лучше!..

— Совершеннѣйшая истина!... согласился Луиджи. — Главное — безопасно! Значитъ, по рукамъ! Онъ протянулъ ладони своимъ собесѣдникамъ и тѣ ударили по нимъ. — Готово!! договоръ утвержденъ! кровью не подписываемъ, потому что черта между нами нѣтъ! Ей Богу, вы прекрасные люди и оба мнѣ очень нравитесь! Я тоже великолѣпный парень! Теперь вотъ что, друзья мои: сегодня же перебирайтесь въ городъ!

— Зачѣмъ? — спросилъ Маркъ.

— Поживете въ немъ, посмотрите; удобнѣе такъ будетъ! Кстати, я тамъ за эти дни кое какія дѣла покончу!... Вамъ вѣдь все равно?

— Все равно, конечно!... согласился Маркъ.

— И великолѣпно! Лошади у васъ имѣются?

— Нѣтъ!

— А ослы?

— Нѣтъ!

Луиджи свиснулъ.

— Не богаты же вы! Ну, да ничего, у меня осликъ есть, мы на немъ перевеземъ Яна! До скорого свиданья!!.— Онъ сдѣлалъ рукой привѣтственный жестъ и уже безъ торжественныхъ распаркиваній выпоркнулъ въ дверь.

Маркъ проводилъ его взглядомъ

— Что ты скажешь о новомъ товарищѣ? — спросилъ.

— Да ничего... забавный!.. Пролазъ должно быть большой!—отозвался Янъ.

Тѣнь на большихъ солнечныхъ часахъ на стѣнѣ во дворѣ показывала четыре, когда Луиджи привелъ маленькаго, чернаго и очень худого ослика съ бѣлымъ брюшкомъ. Вдвоемъ съ Маркомъ они почти на рукахъ снесли внизъ Яна и посадили его верхомъ.

Маркъ расплатился съ трактирщикомъ и, поддерживая больного, пошелъ съ нимъ рядомъ. По другую сторону шествовалъ Луиджи.

Увидавъ, что Маркъ даетъ деньги, послѣдній неодобрительно мотнулъ головой.

— Зачѣмъ ты деньги зря тратишь? — сказалъ онъ за воротами.

Маркъ удивился.

— А какъ же иначе? вѣдь мы жили и жили здѣсь!

— Вотъ еще глупости! Развѣ можно за все платить? На этихъ крокодиловъ денегъ не напасешься, надо платить когда за горло берутъ!

Улицы имѣли теперь другой видъ: денная суতোлка кончилась, торговцы исчезли, было сравнительно тихо. Почти около каждой двери, на вынесенныхъ наружу табуретахъ и стульяхъ и на ступенькахъ, сидѣли кучки женщинъ въ чепцахъ: кто вязалъ, кто шилъ, въ рукахъ у многихъ сновали веретена; всѣ бесѣдовали другъ съ другомъ, кое кто звонко перекликался, слышался смѣхъ, возились и играли дѣти.

Завидѣвъ шествіе, всѣ опускали работу на колѣни, внимательно разсматривали прохожихъ и громко дѣлились замѣчаніями на ихъ счетъ.

Луиджи вель по какимъ то закоулкамъ. Марку кинулось въ глаза длинное, четырехугольное зданіе, окруженное квадратными колоннами; на нихъ опирался второй этажъ, образуя крытый проходъ. Вдоль него, подъ сводами темнѣли желѣзныя двери, наглухо запертыя висячими замками.

Маркъ освѣдомился, что это за домъ.

— Лавки... Торговые ряды... — отвѣтилъ Янъ. — И у насъ такіе же имѣются!

— Вездѣ есть онѣ! — добавилъ Луиджи, — поздно теперь, всѣ заперты!

Домъ, гдѣ имѣлъ пристанище Луиджи, оказался тоже трактиромъ.

По каменной витой и темной лѣстницѣ Луиджи и Маркъ вмѣстѣ съ жердеобразнымъ хозяиномъ ввели Яна во второй этажъ, въ маленькую и низкую комнатку, гдѣ стояли двѣ плохія кровати. Единственное окно выходило на площадь.

— Здѣсь вашимъ друзьямъ будетъ превосходно, — увѣрялъ пучеглазый и желтоволосый хозяинъ. Онъ необыкновенно походилъ на мочальную куклу. — Если бы пріѣхалъ герцогъ и онъ былъ бы доволенъ этимъ помѣщеніемъ!

— Бѣдны у васъ, въ Баваріи, герцоги! — отозвался Луиджи. — Ну, да ничего, сойдетъ! Трактирщикъ ушелъ, а Маркъ и Луиджи подошли къ окну.

Гостиница тремя этажами выходила на площадь. На опустѣломъ просторѣ ея нѣсколько человѣкъ сгребали въ кучи мусоръ. Жизнь сосредоточилась у домовъ; обыватели вынесли даже столики и благодумствовали подъ открытымъ небомъ. Казалось, пестрое ожерелье изъ живыхъ людей шевелилось кругомъ площади; окна стояли распахнутыми, въ нихъ рѣдко показывался кто либо — всѣ находились внизу.

— Видишь, какъ занятно? Тутъ и безъ работы можно заработать! — сказала Луиджи. — Ну, устраивайтесь, а у меня дѣлъ — до сихъ поръ! — онъ черкнулъ себя пальцемъ по виску и исчезъ изъ комнаты.

Долго, пока совсѣмъ не стемнѣло, сидѣлъ Маркъ у открытаго окна, смотрѣлъ на городъ и перемолвливался съ Яномъ. Бесѣда ихъ приняла задумчивый характеръ и Маркъ, непривыкшій таить въ себѣ что либо и мучившійся вынужденной ложью, открылъ Яну тайну своего путешествія.

Тотъ выслушалъ его исповѣдь.

— Что-жь, мы тебѣ поможемъ!.. — сказалъ онъ и Маркъ почувствовалъ, что на слова этого человѣка дѣйствительно можно положиться. — Надо и Луиджи сказать, — онъ очень пригодится!

Г л а в а IX

Ночью пѣвучіе звуки трубы ворвались въ каморку и разбудили обоихъ. Маркъ соскочилъ съ постели и бросился къ окну.

Съ темной сини неба прямо на него глядѣлъ полный мѣсяцъ. Шпили и башни собора и высокія крыши домовъ, имѣвшія видъ шатровъ, испускали сіяніе; въ углахъ всюду прятались черныя тѣни.

Звуки лились съ башни собора. Словно серебро билось о каждую пядь стѣны... играли «Ave Maria».

Черезъ нѣсколько минутъ все стихло... ничто не шелохнулось кругомъ... городъ казался опѣпенѣвшимъ въ волшебномъ снѣ; ни единой души не показывалось и за слюдой оконъ.

Прошло еще немного времени и на площади засвѣтились двѣ красныя фигуры. Въ рукахъ у нихъ блестѣло по длинной фанфарѣ. Шаги четко раздавались по камнямъ среди мертвой тишины... невѣдомые люди скрылись въ одной изъ улицъ.

Что это было за видѣнье, Маркъ и Янъ узнали только утромъ: тридцать лѣтъ тому назадъ умеръ богатый горожанинъ и завѣщаль нѣкоторую сумму на то, чтобы до тѣхъ поръ, пока будетъ стоять городъ, каждую полночь двое трубачей играли на колокольнѣ во славу Божію «Ave Maria».

Утромъ Маркъ отправился къ обѣднѣ въ соборъ. Изъ всѣхъ улицъ туда же тянулись вереницы горожанъ; священники и причетники въ короткихъ бѣлыхъ кружевныхъ одѣяніяхъ, сквозь которыя краснѣли длинные сутаны, съ почетомъ встрѣчали у паперти какого-то важнаго, рыжеусаго, тол-

стаго рыцаря, сидѣвшаго на сѣромъ въ яблокахъ конѣ; лиловая мантия рыцаря свѣшивалась почти до земли, съ синяго берета на спину спадало нѣсколько бѣлыхъ и алыхъ страусовыхъ перьевъ; на красныхъ башмакахъ сверкали драгоценные камни пряжекъ и такія громадныя шпоры, что ими можно было пропороть брюхо коня до самыхъ внутренностей.

Рыцаря окружала большая свита изъ богато и ярко одѣтыхъ всадниковъ.

Какъ только онъ остановился у ступеней паперти, все духовенство склонило головы, сложило на груди руки и двинулось къ нему. Къ изумленію Марка, рыцарь поднималъ грузную, всю залитую перстнями, руку и благословилъ преклонившихся священниковъ, затѣмъ толпу мірянъ и, поддерживаемый десяткомъ людей, слѣзъ съ сѣдла отдѣланнаго серебромъ.

Это былъ епископъ.

Вслѣдъ за его свитой въ соборъ проникъ и Маркъ. Прислонясь у одной изъ колоннъ, онъ прослушалъ всю мессу, но, несмотря на большой и недурной хоръ, молитвеннаго настроенія у Марка не являлось: послѣ церковки ихъ скромнаго монастыря и однообразныхъ и темныхъ одеждъ братіи онъ былъ ослѣпленъ роскошью зрѣлища, яркостью и богатствомъ красокъ. Соборъ казался садомъ, наполненнымъ ожившими необычайными цвѣтами. Еще болѣе удивило Марка то, что когда у алтаря съ епископа сняли мантию, подъ нею оказалась не ряса, а синяя бархатная куртка съ золотымъ шитьемъ и бѣлые обтяжные штаны изъ лосины.

Причетники накинули на епископа кружевное короткое облаченіе и когда раскрывали и держали передъ нимъ евангеліе, онъ дѣлалъ видъ, что читалъ его про себя. Лѣвая рука его лежала на рукояткѣ меча, другая крутила рыжій усъ, затѣмъ онъ отходилъ гремя шпорами на весь соборъ и разваливался въ рѣзномъ креслѣ съ высокою спинкой.

По окончаніи службы Маркъ вернулся въ свою гостиницу.

Луиджи и Янъ бесѣдовали въ это время между собою. Янъ чувствовалъ себя много крѣпче и повѣдалъ итальянцу прошлое Марка и его задачу.

— Такъ онъ въ монастырѣ росъ?..—глубокомысленно отозвался Луиджи,—то-то онъ такой чудной! Ну, да мы его просвѣтимъ! Эхъ, меня въ погребкѣ не было, я бы имъ отваялъ диспутъ!

Онъ захохоталъ и блеснулъ бѣлыми зубами.

Въ это время появился Маркъ.

— Все мнѣ рассказано! — заявилъ Луиджи. — Краски твои найдемъ, будь покоенъ; я тебѣ ручаюсь!

— Смотри, не проговорись никому! — сказалъ Маркъ.

— Я?! — воскликнулъ Луиджи, и ткнулъ себя пальцемъ въ грудь: они были у него необыкновенно длинные. — Я могила, а не человѣкъ! А что отъ меня не потаились, хорошо сдѣлали — теперь зорко буду посматривать, гдѣ надо! Отъ меня ничто не скроется! Пиза, Флоренція, Римъ, Неаполь— вотъ куда надо намъ идти! Ну-съ, а теперь рѣшимъ, что мы будемъ дѣлать дорогой?

Вѣдь ни чеканить, ни книгъ писать въ пути не станете? Сколько денегъ у васъ?

Янъ отрицательно качнулъ головой. Маркъ развязалъ свой кошелекъ. Луиджи заглянулъ въ него и сдѣлалъ гримасу.

— На это и полпути не сдѣлаемъ! — заявилъ онъ. — Въ нѣмецкихъ Альпахъ трудно придется... дальше у насъ сплошное блаженство пойдетъ!.. Чья это лютя изъ мѣшка торчитъ?

— Моя, — отозвался Маркъ.

— Играешь на ней? И голосъ есть?

— Есть...

— А ты?.. — Луиджи повернулся къ Яну.

— Пою немного! — отвѣтилъ тотъ.

— Вотъ и славно!.. — воскликнулъ Луиджи: — вотъ вамъ и пропитаніе готово въ дорогѣ.

— А ты будешь лечить? — спросилъ Янъ.

Луиджи засмѣялся.

— Тамъ увидимъ!.. — загадочно отвѣтилъ, — насъ вездѣ съ почетомъ примутъ, только смотрите сами дураками не будьте!.. Ахъ, братцы, и страна же наша Италія! Чего только въ ней нѣтъ: женщины какія, вино... не чета здѣшной бурдѣ, — пиву!

Луиджи съ увлеченіемъ пустился посвящать пріятелей въ итальянскія дѣла и порядки. Выступленіе въ дальнѣйшій путь онъ назначилъ черезъ три дня.

* * *

Въ полночь опять разбудили ихъ звуки трубъ, снова, отсвѣчивая краснымъ, прошли по безмолвной площади двое людей; отли-

вавшіе опаломъ слюдяные глаза домовъ были закрыты.

Путь предстоялъ далекій и наканунѣ отъѣзда всѣ трое пріятелей отслушали въ таинственныхъ сумеркахъ собора мессу. Яна довели подъ руки. Особенно горячо молился и падалъ крестомъ на землю Луиджи. Затѣмъ по-очереди начали подходить на исповѣдь къ толстому священнику. Тотъ сидѣлъ въ креслѣ въ нишѣ одной изъ стѣнъ: будки, съ густой рѣшеткой, стали устраиваться позднѣе. Синій свѣтъ изъ окна падалъ на шапку съ шарикомъ священника и онъ казался изваяніемъ изъ свѣтящагося мрамора.

Первымъ — стоя на колѣняхъ — отисповѣдовался Луиджи. Получивъ отпущеніе грѣховъ, онъ всталъ и съ низкимъ поклономъ положилъ на оловяную тарелку священника какую-то крупную, тяжело звякнувшую монету, — тотъ довольно улыбнулся, благосклонно потрепалъ щедраго дателя по щекамъ и опять застылъ въ ожиданіи слѣдующей смѣны. Маркъ монетку положилъ маленькую и, сунувъ такую же Яну, отошелъ къ ожидавшему Луиджи.

— Сколько даль? — шопотомъ освѣдомился тотъ.

— Два кватрони! — тихо отвѣтилъ Маркъ.

Луиджи самодовольно улыбнулся:

— Я цѣлыхъ пять солидовъ отвалилъ!

— Почему такъ много?

— Фальшивый у меня заваялся! Настоящихъ развѣ на нихъ наготовишься?

— Какъ фальшивый? — съ недоумѣніемъ выговорилъ Маркъ. — Ты его обманулъ, значить?!

— Никогда въ жизни! Гдѣ же обманъ? Развѣ мы условились съ нимъ, какую монету я ему дамъ, фальшивую или настоящую?

— Ты Бога обманулъ а не его!.. — промолвилъ Маркъ.

Луиджи прыснулъ какъ котъ и прикрылъ лицо шапкой.

— Да развѣ Богу не все равно — зашепталъ — что въ этой бочкѣ кружкой пива меньше или больше будетъ сегодня?!

Въ кухнѣ гостиницы, въ углу, за дубовымъ столомъ, Луиджи повелъ съ хозяиномъ и бородатымъ монахомъ какіе-то секретные разговоры. Что-то онъ доставалъ изъ своей сумы, что то у него брали, разсматривали, спорили и въ концѣ концовъ дали ему деньги и стали запивать сдѣлку.

Маркъ разказалъ Яну про продѣлку итальянца.

Янъ усмѣхнулся.

— Жуликъ!.. — добродушно сказаль онъ, — это ничего, парень онъ все-таки хорошій!

Ночью въ гостиницѣ произошла суматоха: внизу раздался женскій визгъ, потомъ крики, звукъ оплеухъ, слышался топотъ людей. Маркъ сорвался съ постели и распахнулъ свою дверь. Въ потьмахъ на него налетѣло что-то бѣлое, чуть не сшибло съ ногъ и ворвалось въ ихъ комнату. При свѣтѣ мѣсяца привидѣніе оказалось Луиджи. Онъ былъ босикомъ, въ одномъ бѣлѣ и съ ночнымъ колпакомъ на головѣ.

— Что случилось? — спросилъ встревоженный Маркъ, но Луиджи зашипѣлъ — тсссы! — и быстро заперъ дверь на крю-

чекъ. Внизу продолжался шумъ. Кто-то съ огнемъ подымался по лѣстницѣ, нѣсколько постояльцевъ осматривали площадки и тѣсныя корридоры. Не найдя никого, люди спустились внизъ. Все утихло.

— Что ты натворилъ? — проговорилъ Янъ.

— Да развѣ я?! — воскликнулъ Луиджи. — Бабы всю кутерьму устроили: я по ошибкѣ въ комнату къ бѣленькой служанкѣ попалъ!

Онъ вдругъ закатился смѣхомъ, потомъ пересталъ хохотать и потрогалъ собственныя щеки.

— Дуры эти баварки! — заявилъ. — Совершенно не понимаютъ хорошаго обращенія! Въ этой паршивой странѣ никогда глаза не подживутъ!

Онъ послушалъ у двери, угремъ выскользнулъ за нее и исчезъ впотьмахъ.

Утромъ Маркъ и Янъ поднялись вмѣстѣ съ солнцемъ и разбудили Луиджи, спавшаго въ комнатѣ этажомъ ниже. Онъ долго потягивался и не могъ открыть сонныхъ глазъ, затѣмъ вскочилъ и сталъ собираться.

Часа черезъ полтора, провожаемые хозяиномъ, изъ воротъ гостиницы показались трое пріятелей. Янъ сидѣлъ верхомъ на осликѣ, ноги его доставали почти до земли; по бокамъ ослика покачивались двѣ переметныя сумы. Необычайной вышины колпакъ и черная мантия Луиджи отсутствовали — онъ былъ облеченъ въ сѣрую куртку и красную неаполитанку съ кисточкой на концѣ. Дуль вѣтеръ, надъ воротами качало фонарь. Мочала-волосы на головѣ хозяина трепались во всѣ стороны.

— Прощайте, счастливаго пути! — говорилъ онъ, махая рукой. — Товаръ будетъ, опять привози, насъ не минуй!

— Твой постоялецъ! — важно отвѣтилъ Луиджи. — Будь здоровъ, старина!

Гостиница скрылась за угломъ. Городъ пробуждался. Въ верхнемъ этажѣ одного изъ домовъ кто-то зѣвнулъ на всю улицу, затѣмъ дебелыя женскія руки вознесли надъ нею ведро съ помоями и вылили его. Луиджи чуть не попалъ подъ этотъ душъ.

— Э-эй, ослица тупоголовая?! — заоралъ онъ и на крикъ его выставилось нѣсколько любопытныхъ лицъ.

— Въ супъ себѣ помой выливай, а не на головы людямъ, которые лучше тебя!!

Скоро башня, мостъ и вторая башня остались за спинами спутниковъ. Зеленое приволье луговъ опять раскинулось передъ ними; впереди будто облака, грудились горы.

Луиджи указалъ на нихъ рукою:

— Баварскія Альпы... — сказалъ онъ. — Какъ доберемся до торной дороги — прямо въ рай попадемъ! Съ королями пойдёмъ, съ лучшимъ обществомъ! Тамъ ужъ тебѣ мужичье глазъ не подобьетъ! А ну-ка, ребятки, давайте споемъ что нибудь для начала?

Онъ пропѣлъ нѣсколько итальянскихъ пѣсенокъ. Голосъ у него былъ красивый, чувствовалось врожденное умѣнье пѣть.

Маркъ и Янъ вторили ему безъ словъ, такъ какъ не понимали ихъ. Выходило недурно: оба они оказались владѣльцами хорошихъ голосовъ.

Опытъ вполне удовлетворилъ Луиджи и онъ опять пустился въ рассказы о своей Италиі: трещать онъ могъ безъ умолку и о чемъ угодно.

Вѣтеръ между тѣмъ усиливался, на небѣ начали собираться сизыя облака. Изъ-подъ ногъ ослика и пѣшеходовъ бѣлыми клубами стала выноситься впередъ бѣлая пыль. Довольно часто попадались встрѣчные — все больше крестьяне, везшіе на осликахъ кто дрова, кто уголь. Маркъ нѣсколько разъ оглядывался, опасаясь дождя, но Луиджи заявилъ, что до мѣста ночлега они доберутся сухими.

Дорога то подымалась на взгорки, то падала съ нихъ. Скоро начался и настоящій подъемъ. Къ полдню путники взопли на первую горную цѣпь и остановились на отдыхъ въ сѣдловинѣ, укрытой отъ вѣтра красными скалами; изъ-подъ одной изъ нихъ выбивался холодный ручеекъ.

Ослика разсѣдлали и пустили пастись, а трое путниковъ достали запасенную въ городѣ провизію и расположились на травѣ обѣдать.

— А великъ городъ Римъ? — продолжая дорожный разговоръ, спросилъ Маркъ.

Луиджи махнулъ рукой:

— Сто такихъ взять, какъ Вассербургъ! да что тамъ сто — въ тысячу разъ больше! Вотъ тамъ ужъ ухо остро держи: разбойникъ народъ! Здѣсь телята по сравненію съ нашими! По вечерамъ иначе, какъ кучей, изъ домовъ не выходятъ! И вездѣ черти, боги языческіе, храмы ихъ запустѣлые... подъ землей ходы безконечныя! На одномъ изъ перекрестковъ, если встанешь въ полночь, всѣхъ умершихъ можешь увидать, хотя бы они за пятьсотъ лѣтъ тому назадъ скончались! Такъ вереницами и идутъ безъ конца мимо тебя! А на форумѣ что однажды случилось? — статуя тамъ стоитъ мраморная,

богиня какая-то! Разъ подъ вечеръ мимо нея компанія шла; всѣ подвыпившіе, понятно, были! Одинъ молодецъ снялъ съ пальца кольцо, остановился да и говоритъ: — вотъ моя невѣста! обручаюсь съ тобой! Теперь ты жена моя!.. — И кольцо ей на палецъ надѣлъ. И вдругъ статуя наклонила голову — согласилась, значитъ! Струсилъ всѣ, куда и хмѣль соскочилъ! Этотъ женихъ ее за руку ухватилъ, хочетъ стащить кольцо, анъ нельзя: палецъ она согнула! Всѣ съ фѳорума бѣжать!.. И чтобы вы думали? съ той поры каждую полночь къ нему въ домъ являлась!.. Чуть съ ума не спятилъ человѣкъ! Только послѣ нѣсколькихъ заклятій, черезъ колдуновъ, удалось кольцо получить назадъ: едва отдала статуя!..

— А что такое фѳорумъ? — освѣдомился Маркъ.

— Площадь рыночная древняя, а кругомъ нея храмы, дворцы, сенать!.. Полуразвалилось все это, конечно, теперь—пустынно тамъ: городъ въ стороны отъ нея раздался. Колонны высоченныя стоятъ, арки всякія, статуй не перечестъ!..

— И никто не живетъ тамъ??

— Никто!.. коровы да свиньи пасутся. Вообще, въ Римѣ народа немного стало... цѣлые кварталы вымерли!

— Отчего?

— Да оттого, что рѣжутся постоянно... войны да распри идутъ вѣчныя!..

— А гдѣ теперь ихъ вѣтъ?..—задумчиво проговорилъ Янь: — герцоги съ баронами дерутся, папа съ императоромъ, а платимся за все мы, бѣднота! Городамъ хорошо... ишь они, какими крѣпостями обгородились!

Долго отдыхать своимъ товарищамъ Луиджи не далъ и скоро всѣ они прежнимъ порядкомъ пустились въ путь. Дорога была плохая; мѣстами она превращалась въ тропу и вилась надъ обрывомъ по кручамъ.

Г л а в а X

Было уже почти совсѣмъ темно, когда путники завидѣли мигающій огонекъ впереди. Недолгое время спустя смутно заблѣли очертанія небольшого, двухъ-этажнаго строенія — постоялаго двора. Ворота были уже заперты. На стѣнѣ качался и скрипѣлъ тускло свѣтившій фонарь.

Луиджи постучалъ молоткомъ, прикованнымъ на цѣпочкѣ въ ворота и удары гулко отозвались во дворѣ. Черезъ нѣкоторое время наверху открылось небольшое окошко и выставилась неясно различавшаяся человѣческая голова.

— Кто тамъ?.. — спросилъ хриплый мужской голосъ.

— Пѣвцы мы странствующие! — отозвался Луиджи. — Переночевать пустите, трое насъ!

Выглянувшій убѣдился, что пришедшихъ всего трое и исчезъ. Черезъ минуту загремѣлъ желѣзный крюкъ и ворота открылись.

Янъ чувствовалъ себя очень усталымъ и былъ уже не въ силахъ взойти на крутую лѣстницу. Онъ попросилъ, чтобы его оставили на дворѣ при осликѣ — свободнаго мѣста было много. Работникъ принесъ охапку соломы и разостлалъ ее у стѣны;

Янъ съ наслаждениемъ растянулся на привольномъ ложѣ. Отъ ѣды онъ отказался.

— Не холодно ли тебѣ тутъ будетъ? — озаботился Маркъ. — Ишь, вѣтеръ, какъ воетъ!

— Нѣтъ, здѣсь тепло!—далъ отвѣтъ Янъ. — Идите, ужинайте...

Луиджи и Маркъ отправились въ кухню. Она была обычнаго вида, но на половину меньше вассербургской. Не было въ ней и такого количества бочекъ. За двумя столами сидѣли, освѣщенные огнемъ очага, проѣзжіе; четверо изъ нихъ азартно играли въ кости и съ шумомъ выбрасывали изъ деревяннаго стаканчика пару бѣлыхъ костяныхъ кубиковъ. Трое остальныхъ бесѣдовали и потягивали пиво.

Луиджи и Маркъ поздоровались и только успѣли сѣсть на лавку, какъ на порогѣ показался пожилой, высокій человекъ въ желтой курткѣ и съ длинными свѣтлыми волосами почти до плечъ. На лбу они были подстрижены челкой.

— Хозяинъ? — встревоженно проговорилъ онъ: — выйди-ка на дворъ!

Трактирщикъ, ведшій съ Луиджи переговоры объ ужинѣ, оглянулся.

— Чего я тамъ не видалъ? — прохрипѣлъ онъ въ отвѣтъ.

— Да поди же говорю: не зря зову!

Грузный, плечистый хозяинъ направился къ двери. За нимъ послѣдовалъ и остановился на порогѣ, словно лиса, вынюхивающая въ чемъ дѣло, любопытный Луиджи.

— Гляди-ка!—сказалъ высокій, и поднялъ руку.

Луиджи сдѣлалъ еще пару шаговъ и за выступомъ стѣны увидалъ зарево: высоко,

очевидно, на горѣ, словно открывшійся кровавый глазъ, алѣлъ пожаръ.

— Святые угодники!!.. Да гдѣ же это горитъ?!.. — воскликнулъ хозяинъ. — Ужъ не замокъ ли герцога?

— Нѣтъ! — отозвался изъ глубины двора совсѣмъ невидимый человекъ. — Замокъ правѣ!.. не нечистая ли сила свой шабашъ справляетъ?

Хозяинъ и Луиджи перекрестились. Заслышавъ разговоръ о пожарѣ, вышелъ и Маркъ, а за нимъ и остальные.

— Не замокъ горитъ! — увѣренно произнесъ одинъ изъ нихъ. — Это напротивъ его, на горѣ, гдѣ копи серебряныя заброшенныя!

— А чему тамъ горѣтъ?.. — возразилъ хозяинъ, — камни да сосенникъ, живой души не встрѣтишь!..

— Гномы что-нибудь дѣлаютъ! — увѣжденно сказалъ третій. — Они это, больше некому!

Пожаръ былъ очень далеко. Приѣзжіе и хозяинъ постояли во дворѣ, поглядѣли на зарево и возвратились въ кухню. Всѣ усѣлись за однимъ столомъ — объ игрѣ и не вспоминали.

— Я такъ полагаю, нечистъ это тамъ собралась, шабашъ справляетъ! — замѣтилъ одинъ изъ проѣзжихъ, человекъ угрюмаго вида, съ густыми бровями.

— Сказалъ тоже!.. — возразилъ другой, косоглазый: — шабашъ только на Брокенѣ бываетъ, подѣ Вальцургіевъ днь!..

Угрюмый отрицательно потрясъ головою.

— Вальцургіева ночь — это у нихъ какъ нашъ свѣтлый праздникъ, главный шабашъ,

а маленькіе по разнымъ мѣстамъ бываютъ: они вродѣ воскресеній!

Я самъ видалъ, какъ вѣдьмы летѣли на нихъ надъ лѣсомъ!

Всѣ примолкли; въ трубѣ надъ очагомъ гудѣлъ вѣтеръ; нѣтъ—нѣтъ и каминъ какъ будто глубоко вздыхалъ и тогда изъ него вырывался густой клубъ дыма; подъ потолкомъ синѣла пелена его.

Служанка подала нарѣзанный хлѣбъ, затѣмъ доску съ грудой варенаго мяса; каждый клалъ себѣ кусокъ прямо на столъ и рѣзалъ его собственнымъ ножомъ. Всѣ жадно принялись за ѣду и, за исключеніемъ Марка, кромѣ пива потребовали водки; мало по малу опять начались разговоры и, конечно, о нечистой силѣ.

Хозяинъ сидѣлъ въ своемъ зеленомъ передникѣ на пустомъ боченкѣ у прилавка и, зажавъ руки между колѣнами, то клѣвалъ носомъ, то просыпался на мигъ, прислушивался къ рѣчамъ и къ посвистыванью вѣтра, и опять задремывалъ.

— Шель я разъ подъ вечеръ по дорогѣ... —разсказывалъ косою:—вдругъ, вижу — бѣлое что то, будто шаръ, на встрѣчу мнѣ катится! Правду скажу — человѣкъ я смѣлый, но тутъ струхнулъ и, шарахнулся въ сторону, въ кусты; за ними на лужайкѣ дерево большое дуплистое стояло — я въ него какъ бѣлка вскочилъ! Прошло немного времени, выглянулъ я—нѣтъ никого кругомъ — ни шара бѣлаго, ни души живой! Хотѣлъ уже вылѣзть, да вдругъ голоса различилъ — и опять спрятался. Слышу — двѣ женщины встрѣтились чуть въ сторонѣ отъ моего дерева и говорятъ, а о чемъ — не могу разобратъ. Другой бы струсилъ, какъ мертвый

лежалъ бы, а я изъ за краешка дупла выглянулъ. Вижу, двѣ старухи растрепанныя, съ лопатами въ рукахъ стоятъ; у одной черезъ плечо сума висить;—старуха полѣзла въ нее, да голову человѣческую, отрѣзанную изъ нея и вытаскиваетъ: — супъ хорошій, будетъ, заявила! Батюшки мои — вѣдьмы! Сомлѣлъ я, назадъ откинулся, а вѣдьмы какъ захохочать! Потомъ улетѣли на лопатахъ на своихъ... безъ памяти я домой добрался!..

— Вездѣ нечисти много!.. — замѣтилъ угрюмый. — И вотъ еще что знающіе люди говорятъ — если гдѣ убійство произошло — тамъ она больше всего держится! Не къ ночи бы сказывать, а помните, можетъ, Іоганна рыжаго, котораго здѣсь зарѣзали, такъ вотъ...

Хозяинъ икнулъ и проснулся окончательно.

— Не мели чуши то... — сердито вмѣшался онъ — Мало ли, что болтаютъ люди? Развѣ сыщется хоть одинъ постоянный дворъ на свѣтѣ, гдѣ кого нибудь не убили бы! Сами всегда драки заводите, а потомъ на чертей все валите! Не кочанъ ли капусты ты со страху за голову принялъ?

— Ну вотъ тебѣ здравствуй!.. — возразилъ косою: — какъ тебя сейчасъ все видѣлъ!

— А гдѣ этого Іоганна убили?.. — спросилъ Луиджи; ночь ли, страшные ли рассказы подѣйствовали на него, только онъ сидѣлъ притихшій.

— А на галлерей, гдѣ номера, у самой лѣстницы...

Всѣ умолкли. Вѣтеръ жаловался и стоналъ; казалось, не одинъ, а нѣсколько человѣкъ припали къ крышѣ и то плачутъ, то угрожаютъ тѣмъ, что сидѣли въ теплѣ и при свѣтѣ. — Водъ близко носится...—вполголоса

проговорилъ кто то. Опять наступило насто-
роженное молчаніе.

— Пойдемъ ка мы спать?... — заявилъ
косой и поднялся; встали и остальные.

Всѣ кучей вышли на дворъ и задержа-
лись у лѣстницы, на которой совершилось
убійство; на нижнія ступени ея падала изъ
кухни полоса свѣта; казалось, на нихъ на-
текла лужа крови; выше густилась тьма; ночь
стояла облачная, беззвѣздная; багровая по-
лоса пожара напоминала разверзшійся входъ
въ адъ. Косой держался позади всѣхъ.

— Душновато будетъ я думаю въ номеръ?..
—заявилъ Луиджи: — я пойду около Яна въ
стойлѣ пустомъ лягу: его безъ надзора еще
никакъ нельзя оставить!..

— Ну что жъ, и я съ тобой!.. — просто-
душно согласился Маркъ. Онъ и не подозрѣ-
валъ, что страхъ охватилъ не только
его пріятеля, но и всѣхъ остальныхъ муж-
чинъ.

— А вѣдь, вѣрно?.. — произнесъ голосъ
изъ ихъ кучки. — Холодно наверху нынче —
небось насквозь продуваетъ?.. Идемъ къ
муламъ, тамъ вотъ какъ тепло — лучше,
чѣмъ на кухнѣ!..

Янъ крѣпко спалъ, пригрѣвшись въ со-
ломѣ. Маркъ и Луиджи устроились около
него; Луиджи долго, съ разныхъ сторонъ,
закрещивалъ свое мѣсто, потомъ легъ и по-
крылся съ головой; черезъ нѣсколько ми-
нуть онъ вскочилъ и опять принялся за
тоже самое; Маркъ слышалъ, что онъ бормо-
талъ какія-то латинскія заклятья. Затѣмъ
Луиджи снова завернулся въ попону, легъ и
уже не шевелился.

Маркъ долго не смыкалъ глазъ и смотрѣлъ на зарево: оно казалось ему предвѣстіемъ ожидающихъ его испытаній.

Глава XI

Солнце освѣтило путешественниковъ уже за воротами гостиницы. Вѣтеръ утихъ; шагало легко, было свѣжо и пріятно. Дорога вилась по самому гребню хребта и то спадала въ сѣдловины, то подымалась и огибала вершины; видъ открывался неизмѣримый. Позади, въ долинѣ рѣки, словно грибки-подосиновики въ корзинѣ, виднѣлся краснокровельный городъ; міръ заполняли синесизыя тучи горъ: впереди, словно бѣлыя облака, сверкали снѣговыя шапки; за пропастью увѣнчивалъ скалу замокъ; лѣвѣе его, за вторымъ ущельемъ, тлѣло обширное пожарище; будто окутанные дымомъ великаны, то появлялись, то исчезали обнаженные, красноватыя скалы.

— Лѣсъ горѣлъ!.. — сказалъ, всматриваясь, Луиджи. — Ишь, до сихъ поръ еще дымится! И шутъ ихъ знаетъ, чего это дурачье вчера перетрусило! Да я одинъ на десятерыхъ яертей пойду!

— А намъ мимо замка придется проходить?.. — обезпокоился Янь.

— Нѣтъ, онъ въ сторонѣ останется, дорога внизу! — отозвался Луиджи.

— И не опасны эти мѣста?..

— Здѣсь? — Луиджи засмѣялся. — Это кому какъ! Такимъ какъ мы отсюда самое приволье начнется! Пилигримовъ и кающихся теперь въ Римъ отовсюду рѣки текутъ!

— Какіе кающіеся?.. — полюбопытствоваль Маркъ.

— Да ты, братъ, и впрямь съ луны свалился?! — воскликнулъ Луиджи. — Иль ты полагаешь, что люди, какъ херувимы, безгрѣшные живутъ? Помирать то вѣдь всякому надо и страшно! А кто поцѣлуетъ ногу у папы и получить его благословеніе — конецъ: сразу какъ ангель, чистымъ сдѣлается! Какіе бы не накопиль грѣхи — всё сразу къ сатанѣ! Вотъ оно каждому и лестно въ Римъ сходить: чмокнулъ у папы туфлю, тебѣ — это что, наплевать, — анъ за это мѣстечко въ раю для тебя уже вѣнникомъ подметають!.. — Луиджи подмигнулъ: — были бы, братъ, деньги, а съ ними куда хочешь попадешь!..

— Ну, это ты что-то ужъ очень хватилъ!.. — возразилъ Янъ.

— Сильны деньги, да не передъ Богомъ!.. — вымолвилъ Маркъ.

— А вѣдь вы еретики! — воскликнулъ Луиджи. — Да у кого ключи то отъ рая, знаете вы это?

— У апостола Петра!

— А папа чей намѣстникъ?

— Христа... ну такъ что-же?

— А то, что, значить, папа все можетъ сдѣлать! Потолкуй съ нимъ какъ слѣдъ — даже цѣлое помѣстье въ раю приобрѣтешь. Главное — нажитья надо! потомъ цѣлую латифундію себѣ на томъ свѣтѣ обезпечу!

Въ разговорахъ время текло незамѣтно; отдохнувъ и подкрѣпившись раза два ѣдой, путники часамъ къ пяти вечера достигли до перекрестка, на которомъ высился большой, черный крестъ; нѣсколько поодаль.

подымалось большое бурое зданіе монастырской гостиницы; орденъ цистеріанцевъ много ихъ возвелъ на путяхъ въ Римъ. Надъ воротами имѣлась башенка, въ ней висѣлъ колоколъ. Всю площадь между широкой дорогой и строеніемъ заливалъ пестрый таборъ; разносился говоръ и шумъ. А на голубомъ небѣ какъ видѣныя фаты-морганы бѣлѣли стѣны и башни герцогскаго замка.

— Э, народа то сколько собралось?! — воскликнулъ Луиджи.

Устроиться въ биткомъ набитомъ дворѣ гостиницы нечего было и думать; сообразительный неаполитанецъ примѣтилъ съ краю поляны развѣсистый старый дубъ и черезъ нѣсколько минутъ трое товарищей уже расположились подъ нимъ, какъ подъ навѣсомъ; пахло конскимъ навозомъ и жаренымъ мясомъ; Маркъ и Янъ сразу обратили вниманіе на странный видъ табора: половина его состояла изъ калѣкъ и больныхъ.

Луиджи всей грудью втянулъ въ себя воздухъ и зажмурился отъ удовольствія.

— Баранину жарятъ! — сказалъ. — Сейчасъ разслѣдуемъ всѣ обстоятельства!.. — и онъ собрался уже нырнуть среди палатокъ и шалашей, но его окликнулъ Янъ.

— А ослика разсѣдывать?

— Чертъ съ нимъ; не сдохнетъ, постоитъ и такъ! — и Луиджи исчезъ среди народа.

Янъ недовольно мотнулъ головой, съ трудомъ самъ снялъ вьюки, привязалъ ослика на длинную веревку и пустилъ пастись на травѣ. Маркъ сбѣжалъ по откосу къ лѣсу набрать для костра сучьевъ и когда вернулся съ большой охабкой ихъ на спинѣ, одновременно появился и Луиджи.

— Переправы нѣтъ, рѣка бурлитъ!.. — заявилъ онъ. — Третій день люди ждуть! Придется и намъ дневку здѣсь сдѣлать!

Луиджи принесъ съ собой большой каравай хлѣба, и заднюю жареную ногу баранины и живого, только что начавшаго оперяться, вороненка, выпавшаго изъ гнѣзда.

— Зачѣмъ онъ тебѣ? — удивился Янъ.

— Не пропадать же такому носачу! — весело отвѣтилъ неаполитанецъ. — Выкормлю — товарищъ намъ будетъ! — и онъ, позабывъ о себѣ, принялся совать куски баранины въ жадно разѣвавшійся ротъ птенца.

Янъ сорвалъ нѣсколько широкихъ листовъ лопуха, постелилъ ихъ на бугоркѣ вмѣсто скатерти и пріятеля сѣли обѣдать.

— Посмотри?.. — вдругъ съ глубокимъ изумленіемъ произнесъ Маркъ и указалъ головой за спину Луиджи.

Тотъ оглянулся: высокій, мрачный человекъ съ бровями, сросшимися на переносицѣ, пробирался между палатками; на спинѣ и груди его бѣлѣли укрѣпленныя доски съ крупными черными надписями: — «убійца».

Луиджи мелькомъ посмотрѣлъ на него и опять принялся за баранину.

— Ну такъ что же?.. — равнодушно проговорилъ. — И отцеубійцъ встрѣтимъ и святотатцевъ... кого угодно! Всѣ идутъ каяться!..

— Да вѣдь такихъ вѣшаютъ?.. — сказалъ Маркъ.

— Если поймаютъ!.. — пояснилъ Луиджи. — А разъ человекъ въ другой городъ ушелъ — кто же его станетъ трогать?

Маркъ ѣлъ и продолжалъ внимательно разсматривать таборъ. У многихъ палашей стояли прислоненные костыли и даже носилки; виднѣлись забинтованныя головы

руки, подвязанныя щеки; иные не владѣли согнутой ногой и ходили, опираясь колѣномъ на деревянную култыжку. Странное дѣло — весь этотъ оборванный, бѣдный и больной людъ не имѣлъ изможденнаго вида и явно обладалъ достаткомъ: на кострахъ въ изобиліи жарилось мясо; изъ торбъ и палашей появлялись большія глиняныя сулеи съ водкой; разговоры шли оживленные; то здѣсь, то тамъ раздавались взрывы хохота, либо ругань; о благочестіи, или даже о простой сдержанности не было и помину.

— Надо и намъ на ночь шалашъ поставить, иначе подохнемъ отъ холода!—сказалъ Луиджи. — Рѣка здѣсь близко—сейчасъ подъ горой за гостиницей!

— Ахъ, вотъ туда бы попасть?— съ завистью добавилъ онъ и кивнулъ головой на замокъ. — Тамъ, говорятъ, нынче рыцарями и дамами полнымъ полно!

— Тоже каяться идутъ? — удивился Маркъ.

— А то какъ же? У нихъ то, братъ, грѣховъ побольше нашего! Вотъ тамъ бы угостили насъ!.. жаль свидѣтельства нѣтъ!

— Какого свидѣтельства?

— А о томъ, что и мы убили когонибудь, ну тетку свою что ли! Епископы ихъ выдаютъ тѣмъ, что идутъ каяться! Это, братъ, лучше всякой охранной грамоты! Съ ними вездѣ принимаютъ въ замкахъ, даромъ кормятъ!..

— Почему?

Богоугодное дѣло: милосердіемъ оно называется... Ну и дубы же вы, если этого не понимаете!..

— Богъ съ нимъ, съ кормомъ!.. — возразилъ Маркъ. — Лучше одни желуди ѣсть, чѣмъ такую доску надѣть!..

Луиджи залился смѣхомъ.

— А ты думаешь, что и въ правду они всѣ злодѣи? Да девяносто девять человѣкъ изъ ста такіе же убійцы, какъ и мы съ вами жрать—хотятъ, вотъ и притворяются!

Шумъ и звякъ желѣза, раздавшіеся со стороны дороги заставили бесѣдовавшихъ умолкнуть.

Медленно приближалась новая орда босоногихъ паломниковъ, душъ въ тридцать; часть ихъ шла въ длинныхъ черныхъ и грязныхъ сѣрыхъ и бѣлыхъ балахонахъ; въ глаза бросались доски съ надписями на груди у нѣкоторыхъ; шеи другихъ охватывали широкіе желѣзные ошейники, съ которыхъ накрестъ спускались къ желѣзнымъ же поясамъ тяжелыя цѣпи; на третьихъ висѣли цѣлыя плиты; между тяжело ступавшими, согбенными кающимися пестрѣли лохмотья всклокоченныхъ людей. Они большею частью шли въ обнимку и, видимо, были пьяны.

— Другъ?!—ораль одинъ, колотя лѣвой рукой себя въ грудь, а правой обхвативъ шею товарища. — Что жъ, что мы пьяны?.. Недолго ужъ теперь мы свиньями будемъ: въ Римѣ ангелами сдѣлаемся!..

Вновь прибывшіе частью разбрелись по табору, частью разсѣялись между кустами опушки.

Не прошло и получасу—пестрый коверъ сталъ развертываться на дорогѣ: показалось семеро рыцарей, шедшихъ босикомъ съ простыми посохами въ рукахъ, съ обнаженными головами и въ скромныхъ темныхъ одеж-

дахъ, пышно разодѣтые слуги вели позади нихъ коней; длинныя, яркія попоны были расшиты шелками и золотомъ, высокія луки сѣдель сверкали серебромъ обивки и камнями; на особыхъ, вьючныхъ, лошадахъ блестяли доспѣхи и торчали къ небу копыя.

Рыцарей сопровождала пѣшая и тоже босая свита челоуѣкъ до ста; надъ всѣми возвышались два конныхъ странствующихъ рыцаря, возложившихъ на себя охрану дорогъ и защиту всѣхъ несправедливо обиженныхъ — эти ѣхали молчаливые, въ полномъ боевомъ вооруженіи; въ поднятыя забрала ихъ шлемовъ виднѣлись носы и темные усы.

Среди рыцарей замѣчалась молодая дѣвушка въ сѣро-голубомъ платьѣ съ черными полосками; рядомъ съ нею шагаль грузный пожилой рыцарь съ начавшей сѣдѣть черною бородою, повидимому, отецъ ея.

Людской потокъ обтекъ уголь гостиницы и сталъ исчезать за переваломъ; тамъ начиналась дорога къ замку.

Одинъ изъ рыцарей, весь бритый, съ темными колючими глазами, окинулъ презрительнымъ взглядомъ таборъ богомольцевъ и обратился къ своему угрюмому, высокому сосѣду

— Противно имѣть одного Бога съ такой сволочью!.. — процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Длинный молча кивнулъ головой:

Тѣмъ временемъ Луиджи досталъ изъ сумы топоръ и вмѣстѣ съ Маркомъ пустился въ лѣсъ, чтобы нарубить кольевъ и вѣтокъ; къ наступленію сумерекъ поспѣлъ и шалапъ; сдѣлалось такъ свѣжо, что Янъ и Маркъ забрались въ него, улеглись головами ко входу и стали слѣдить за происходившимъ передъ ними.

Луиджи вынулъ изъ мѣшка какой то ящичекъ, повѣсилъ его себѣ на шею и отправился потолкаться среди народа — это было его излюбленное занятіе.

— Надписи дѣлаю?.. — выкрикивалъ онъ время отъ времени. — Господа убійцы и кровосмѣсители, доски поправлять не хотите ли?.. Дорога съ ними легка, всюду пройдете безъ кошелька!

Какой то лохматый оборванецъ, заросшій по глаза темной бородою, поднялся съ земли и подошелъ къ Луиджи. Маркъ и Янъ видѣли, что они переговорили о чемъ то, ударили по рукамъ и оба исчезли въ одной изъ палатокъ.

Площадь дѣлалась все шумнѣе. Во многихъ мѣстахъ загорланили пѣсни, вездѣ пили прямо изъ кувшиновъ, въ изобиліи появившуюся, водку. Загудѣла волынка, ей завторилъ деревянный рожокъ, засвистала флейта. Отъ протяжныхъ напѣвовъ музыканты стали переходить къ плясовымъ. Одинъ изъ людей въ цѣпяхъ вскинулъ вверхъ руки, вскрикнулъ и затоптался на мѣстѣ; цѣпи зазвякали; будто воронъ вылетѣлъ изъ тьмы на свѣтъ и замахалъ черными крыльями.

За нимъ выскочило и загикало еще нѣсколько человекъ. Раздался рѣзкій подсвистъ; одинъ изъ мнимыхъ калѣкъ подъ общій хохотъ и поощренія отстегнулъ отъ ноги деревяшку и пустился вывертывать такія колѣна, какія не снились здоровымъ. Неподалеку отъ плясуновъ началась драка.

— Въ аду мы съ тобой, или нѣтъ?!.. — проговорилъ изумленный Маркъ. — Бѣсы кругомъ насъ!!! — Онъ торопливо наложилъ на себя крестное знаменіе, затѣмъ принялся

осънять имъ прыгающую и орущую толпу, но дѣйствія это никакого не оказывало.

— Брось!..—равнодушно сказалъ Янъ. — Такіе же они люди, какъ и мы. . по разному всѣ хлѣбъ себѣ зарабатываютъ!.. А хороша дочка у чернобородаго рыцаря?..—добавилъ онъ какъ бы вскользь. — Какія ножки бѣленькія!

Къ полуночи площадь утомонилась. Будто на полѣ сраженія въ разныхъ позахъ всюду валялись человѣческія тѣла; догоравшіе костры освѣщали ихъ, палатки и опушку лѣса; басистый голосъ еще пытался что то запѣть, но ничего не выходило и умолкъ и онъ; приторно пахло спиртомъ.

А подъ чернымъ изломомъ горнаго гребня, будто кучка большихъ звѣздъ, ярко свѣтились окна замка: тамъ пло пиршество съ прибывшими гостями.

Г л а в а XII

Солнечные часы надъ воротами гостиницы показывали пять, когда Маркъ вышелъ изъ шалаша.

Кругомъ царилъ всеобщій мертвый сонъ; въ лѣсу чиликали и перекликались птички. За безмолвнымъ зданіемъ гостиницы, все повышаясь, темнѣла горная грива; въ концѣ ея къ скалѣ приткнулось заночевавшее облачко; на немъ, словно игрушка на бѣломъ блюдѣ, пылалъ въ пурпурѣ первыхъ солнечныхъ лучей замокъ.

Маркъ обогнулъ площадь и, пройдя немного лѣсомъ, завидѣлъ въ просвѣтѣ синій клочекъ рѣки; дорога пологими петлями спадала въ обрывъ.

Маркъ спустился къ самой водѣ. Перейти въ бродъ на другой берегъ было уже возможно; глубина доходила всего до колѣна и рѣчка быстро неслась между известковыми скалами; за нею тянулись холмы, заросшіе густымъ листовнымъ лѣсомъ; солнца снизу видно не было; небо еще казалось сѣрымъ и только на серединѣ его начало синѣть и шириться небольшое пятно.

Маркъ выкупался, не смотря на холодъ, и направился обратно.

Когда онъ показался на горѣ, таборъ уже шевелился; видъ у большинства подымавшихся былъ сердитый и заспанный; всѣ поеживались, откашливались и, неизвѣстно кого, поругивали.

Вѣсть о томъ, что рѣчка вошла въ свои обычные предѣлы обрадовала Луиджи.

— Если такъ, мы послѣзавтра въ Италиі будемъ!... — сказалъ онъ: — надо, братцы, поторапливаться, чтобы раньше всѣхъ уйти!... Первыми быть всегда выгодно!

Путники закусили и, осѣлавъ и навьючивъ ослика, тронулись въ путь. На серединѣ площади имъ навстрѣчу попался бородатый лохмачъ, съ которымъ наканунѣ бесѣдовалъ Луиджи. Знакомцы весело покивали другъ другу головами; лохмачъ при этомъ не безъ гордости указалъ пальцемъ на свою грудь: на ней чернѣла небольшая доска съ бѣлой надписью.

Маркъ глянулъ на него и на простодушномъ лицѣ его написалось изумленіе.

— Это ты сдѣлалъ ему надпись?... — спросилъ онъ, когда обладатель чудодѣйственной доски-кормилицы разминулся съ ними.

— Я!... — самодовольно отвѣтилъ Луиджи.
— А что, хороша?...

— Да ты что же ему надписалъ то?

— Что слѣдовало: «сукинъ сынъ и жуликъ». Я, братъ, человѣкъ справедливый: за десять кватрони подкупить себя не дамъ! За полсотни — дѣло другое — иная надпись была бы!

— А если кто-нибудь прочтетъ и ему скажетъ, тогда что?

— Да кому прочесть то? Я самъ видалъ, какъ герцоги и епископы письма вверхъ ногами держали и «читали». Да еще головами помахивали, глубокомысленныя лошади! Дурачье кругомъ!.. А мы свѣтъ разливаемъ, понимаешь?..

Маркъ не отозвался. Все слышанное и видѣнное имъ за такой короткій промежутокъ времени — такое простое и понятное для Луиджи и Яна — никакъ не могло умѣститься въ головѣ его.

Минуло еще два дня пути и послѣ нѣсколькихъ, почти подоблачныхъ, крутыхъ и каменистыхъ переваловъ, передъ путниками засинѣли мягко очерченныя горы, все спадавшія по направленію къ горизонту.

— Италія!! — восторженно воскликнулъ Луиджи и остановился. — Смотрите — вотъ она... — совсѣмъ другой видъ, другіе лѣса! И небо особенное — видите, какая синева?

Маркъ и Янъ обвели его взглядомъ, но разницы въ нѣмецкомъ и итальянскомъ небѣ не нашли.

— А вонъ внизу рѣка изгибается!.. — продолжалъ Луиджи: — тамъ чудеснѣйшая долина и среди нея знаменитый монастырь стоитъ: «Живоноснымъ Источникомъ» называется. Какое тамъ вино!! — Онъ какъ бы

въ истомѣ зажмурилъ глаза и покрутилъ головой: — воистину живоносное!

Начался спускъ. Радостное возбужденіе, охватившее Луиджи, передалось и его спутникамъ; они принялись такъ быстро шагать, что маленькій ростомъ неаполитанецъ, подгонявшій къ тому же ослика, наконецъ взмолился.

— Да тише идите вы, нечистые духи?! — закричалъ онъ: — что васъ какъ вѣтромъ подхватило?.. На свиданье, что ли, спѣшите?

Маркъ и Янъ опомнились и всѣ пошли позади ослика.

Съ каждымъ поворотомъ дороги просторъ долины развѣтывался все болѣе и болѣе; показались воздѣланные поля, зачернѣли полоски пашни; съ полугоры открылся монастырь, — цѣлый городокъ, защищенный стѣнами и башнями. Съ трехъ сторонъ его обтекала круто изогнувшаяся, широкая рѣка; изъ за зубцовъ стѣны устремлялся къ небу острый и длинный шпиль большой церкви и крутая кровля изъ сѣрыхъ плитъ; всѣ строенія были бѣлаго цвѣта.

Первымъ обратилъ на это вниманіе Маркъ.

— Нѣмцы строятъ зданія изъ кирпича... — пояснилъ Луиджи: — а мы изъ известняка; у насъ его вездѣ много!.. Говорятъ, будто здѣсь Святая Дѣва явилась кому то изъ нѣмецкихъ королей — этихъ именъ и вдвоемъ не выговоришь — и запретила ему идти съ войсками на Римъ! А на мѣстѣ ея появленія изъ подъ земли забилъ цѣлебный источникъ!..

Близъ входа въ монастырь, какъ бы мость, тянулись въ два ряда гостиницы, тоже походившія на крѣпостцы; обитателей

въ нихъ было множество — чуть не изо всѣхъ оконъ выглядывали головы.

Наши путники заняли коморку подь самой крышей, пообѣдали и отправились въ монастырь.

Тяжелыя, окованныя желѣзомъ, ворота стояли распахнутыми; двумя тѣсными кучами сидѣли около нихъ оборванные нище и калѣки.

Чуть не весь обширный, вымощенный плитнякомъ дворъ закрываль, какъ навѣсь, необычайно раскидистый и узластый, но невысокій дубъ, обхватовъ пяти. Близъ приземистаго, чернаго ствола его съ груды булыжниковъ бѣлымъ видѣніемъ смотрѣла статуя Божьей матери съ младенцемъ Христомъ на рукахъ. Изъ подь ногъ ея выбивался родникъ. Ниже ея, у воды, на широкой деревянной скамьѣ сидѣль, олицетворяя землю при небѣ, толстѣнный, пучеглазый, бритый монахъ, необыкновенно походившій на черноглазую, дебѣлую кормилицу; въ жирной рукѣ онъ держаль колокольчикъ и нѣтъ-нѣтъ встряхиваль его и серебряный звонъ сыпался по всему двору.

— Прикладывайтесь къ слѣду Богородицы!.. — подшлепывая пухлыми губами, на распѣвъ возглашаль толстякъ. — Жертвуйте для Матери Божьей... Ахъ ты свинья, свинья... — огорченно добавилъ онъ, закачавъ круглой головой и обращаясь къ одному изъ богомольцевъ, очень походившему на него размѣрами: — намусолилъ святыню на солидъ, а даешь кватрони?.. э-эхъ, совѣсть то у тебя собаки съѣли!..

Получившій замѣчаніе опасливо оглянулся и поспѣшилъ скрыться.

Трое нашихъ путниковъ приложились къ углубленію въ булыжинѣ — «слѣду Богородицы», по объясненію монаха, напились святой воды изъ источника — холодной и вкусной — и только что направились въ церковь — въ воротахъ появилось нѣсколько носилокъ съ лежавшими на нихъ больными; за ними валомъ валилъ большею частью простой людъ; часть его была съ обвязанными головами и руками, иные еле брели съ помощью костылей, или товарищей. Нѣсколько обнаженныхъ до пояса человѣкъ съ ожесточеніемъ хлестали себя черезъ плечо ремнями; спины ихъ были исполосованы багровыми рубцами. Всѣ направлялись къ статуѣ; и больные и здоровые распростирались на землѣ крестами; изъ церкви вынесли накрытый полотняной скатертью небольшой столикъ-алтарь; появились въ бѣлыхъ кружевныхъ ризахъ двое низенькихъ старичковъ патеровъ и зазвучали слова мессы. Среди сплошь устлавшихъ землю тѣлѣ стали слышаться выкрики; они усиливались, дѣлались возбужденнѣе; патеры взяли по кропилу и, сопровождаемые мальчиками въ красныхъ одеждахъ, несшими миски съ водой изъ родника, стали обходить и кропить лежавшихъ.

— Смотрите, «исцѣлился»!! — раздались выкрики.

На однихъ носилкахъ вдругъ поднялся на рукахъ и затѣмъ всталъ разслабленный. Рядомъ, шатаясь, какъ бы выросли двое другихъ; спотыкаясь, плача и размахивая руками они неловко заспѣшили къ статуѣ; многіе побросали костыли и, стоя на мѣстѣ, ощупывали себя, какъ бы провѣряя не случилось ли чего и съ ними; толпа задвига-

лась, заахала, загудѣла, кто то истерично рыдалъ.

Маркъ глядѣлъ на происходившее взволнованный и растроганный; Янъ часто крестился, на глазахъ его блестѣли слезы; Луиджи оставался равнодушнымъ, и какъ всегда, былъ переполненъ всяческими дѣловыми соображеніями. Онъ пробрался къ одному исцѣленному, къ другому и вернулся къ пріятелямъ.

— Сейчасъ ихъ угощать поведутъ!..—сказалъ онъ: — выгодное это дѣло — исцѣляться!

Маркъ перевелъ на него недоумѣвающіе глаза.

— Ну да!..—подтвердилъ Луиджи: — парочку молодцовъ я хорошо знаю; круглый годъ по разнымъ мѣстамъ исцѣляются!

— Да не можетъ быть?!..—воскликнулъ Маркъ: Янъ невольно всплеснулъ руками.

— Да чего вы обалдѣли!..—удивился въ свою очередь Луиджи: — вѣдь за это вездѣ подарки и деньги даютъ! Есть и такіе, которые впрямь исцѣляются!

Брови Марка сдвинулись; онъ покачалъ головой и пошелъ прочь отъ источника; Луиджи взялъ Яна подъ руку и послѣдовалъ за нимъ.

— И телята же вы, какъ я погляжу!..—сказалъ Луиджи.—Что бы вы безъ меня дѣлали, всякій бы васъ околпачилъ!

— А нѣтъ ли здѣсь мастерской иконописной!..—спросилъ Маркъ и пріостановился.

— Сейчасъ узнаемъ!.. отозвался Луиджи: — бери лѣвѣй, за уголъ!

Пріятели обогнули два-три низенькихъ, длинныхъ зданія и очутились на тѣсномъ внутреннемъ дворикѣ; весь его, словно зе-

ленный зонть, покрываль другой дубъ, тоже невысокій и мощный. Подъ нимъ темнѣль столъ и двѣ скамьи; другъ противъ друга, за большими кружками съ виномъ сидѣли и бесѣдовали двое людей; одинъ былъ грузный и краснолицый монахъ; круглая черная шапочка, прикрывавшая тонзуру, дѣржалась у него на самомъ затылкѣ; бритое лицо украшалъ, будто отполированный, фіолетовый носъ; другого облекали коричневый камзолъ и высокіе сапоги; широкополая черная шляпа и такой же плащъ лежали на скамьѣ рядомъ съ нимъ; лицо у незнакомца было смуглое, съ клинышкомъ бороды, казавшимся заостреннымъ углемъ; длинные усы были закручены въ двѣ прямыя, острия стрѣлки; черные глаза были полны достоинства, спокойствія и вниманія.

Трое пріятелей приблизились и сняли шляпы; сидѣвшіе отвѣтили наклоненіемъ головъ.

— Что скажете, дѣти мои? — спросилъ толстякъ, бѣлки глазъ его были какъ сѣткой покрыты красными жилками. — Если желаете мессу, то вамъ придется вернуться назадъ!

Луиджи сдѣлалъ шагъ впередъ и низко поклонился, коснувшись краемъ шляпы земли — такъ требоваль хорошій тонъ.

— Намъ уже отслужили ее... — отвѣтилъ онъ: — мы идемъ въ Римъ, и хотимъ вашего святого благословенія.

Жирный монахъ расплылся отъ удовольствія.

— Прекрасно... прекрасно... благословляю!.. — прохрипѣль онъ и сдѣлалъ что-то похожее на крестное знаменіе и затѣмъ сунуль руки для поцѣлуевъ пришельцамъ.

Путники приложились къ нимъ.

— Мы хотѣли бы немного поучиться у васъ въ монастырѣ.. — заявилъ Луиджи.

— Чему? — съ недоумѣніемъ спросилъ монахъ.

— Святой жизни... и мастерству кромѣ того: мы иконописцы художники!.. Не имѣется ли у васъ хорошихъ мастеровъ?

— Вотъ что! — на толстыхъ щекахъ монаха появилась улыбка. — Можете и учиться! А я ужъ думалъ, что вы грамотой хотите заняться: это мірянамъ воспрещено!.. — строго добавилъ онъ, поднявъ вверхъ палецъ. — Иконныхъ мастеровъ у насъ тоже не имѣется, но выпить по случаю хорошаго знакомства всегда возможно! — Онъ оперся руками на столъ и поднялся.

— Синьоръ Карнаро?.. — обратился онъ къ продолжавшему молча сидѣть компаньону: — и вы, молодые господа, вы люди достойные... прошу васъ къ намъ... отдохнуть!..

Монахъ сдѣлалъ тяжелой перевалкой нѣсколько шаговъ и пошатнулся; его подхватили съ одной стороны Луиджи, съ другой Янъ и бережно стали спускать по указанной имъ каменной лѣстницѣ; Карнаро и Маркъ послѣдовали за ними. На лицѣ монаха было написано блаженство.

— Почитайте меня, дѣтишки, почитайте... и счастливы будете!.. — бормоталъ онъ своимъ помощникамъ.

Всѣ вступили въ обширный подвалъ; сумерки и густой запахъ вина охватили ихъ; изъ пары крохотныхъ, задѣланныхъ желѣзными прутьями, окошекъ, пробитыхъ почти подъ самымъ сводомъ, брезжилъ свѣтъ; вдоль стѣнъ тянулись ряды бочекъ; изъ

перваго подвала пришедшіе попали во второй и наконецъ въ третій, болѣе свѣтлый. Тамъ вдоль одной изъ стѣнъ вытягивался дубовый столъ; кругомъ въ безпорядкѣ были распаханы деревянные кресла и табуреты; часть ихъ занимала компанія монаховъ, чело-вѣкъ изъ пяти; всѣ были сильно подвыпивши.

— Отче Антоній?! — возопили они. — И синьоръ-философъ съ тобой?!

— Мы это, дѣтишки, мы... — отвѣтилъ, ухмыляясь, Антоній. — А это молодые художники... въ Римъ идутъ... и желаютъ имѣть отъ насъ поученіе!

Вновь прибывшихъ усадили за столъ; противъ каждаго сейчасъ же появилось по кружкѣ съ виномъ, нацѣженнымъ изъ ближайшей бочки. Для общаго пользованія подали миску съ жаренымъ и посоленнымъ горохомъ.

Начался шумный разговоръ; Маркъ и Янъ въ него почти не вступали: за нихъ обоихъ отвѣчалъ и вдохновенно и самоувѣренно вралъ Луиджи; у Марка даже вспотѣлъ лобъ отъ его неожиданныхъ и самыхъ беззастѣнчивыхъ выдумокъ.

Монахи слушали со вниманіемъ и интересомъ — въ тѣ времена на вѣру принималось рѣшительно все и хорошій болтунъ могъ рассчитывать на самое широкое гостепріимство.

Карнаро отхлебывалъ вино и, усмѣхаясь, одними глазами, поглядывалъ на рассказчика. Разговоръ коснулся ученья.

Багроволицый Антоній вдругъ сдѣлался синимъ и застучалъ волосатымъ кулачищемъ по столу.

— Не нужно его, пропади оно пропадомъ! Отъ злого духа оно!—захрипѣлъ онъ.—Сами ихъ святѣйшества папы запрещали ученье! Мы, духовенство, уже знаемъ все и довольно, ваши души въ надежныхъ рукахъ, онѣ намъ препоручены, а не вамъ!.. Только не мѣшайте намъ, а ужъ мы проведемъ васъ въ царство небесное!.. Всѣхъ! Сколько угодно!

— Да, да!.. поддержали другіе монахи:— надѣйтесь на насъ!..—Одинъ всталъ и, протянувъ руки къ о. Антонію, хотѣлъ направиться къ нему, но повалился грудью на столъ и опрокинулъ кувшинъ и пару кружекъ; красное вино лужей крови расплылось по столу и потекло на колѣни сосѣдей.

— Надѣйтесь, надѣйтеесь!..—заплетая языкомъ, бормоталъ упавшій; щекой онъ угодилъ въ самую лужу и выкрасился въ багрецъ; потерпѣвшаго крушеніе подняли и повели, вѣрнѣе потащили, къ двери, чернѣвшей въ глубинѣ подземелья; тамъ скрывалось уединенное помѣщеніе, густо устланное соломой; на ней въ разныхъ положеніяхъ спало нѣсколько на смерть пьяныхъ монаховъ.

— Усыпальница наша!—икая пояснилъ Яну монахъ, съ которымъ тотъ доволокъ въ нее новаго обитателя.

— Хорошо жить мірянамъ!.. — разглагольствовалъ въ это время за столомъ третій монахъ.—Ни хлопотъ у нихъ, ни заботъ—дыши, ѣшь, пей и веселись!—а мы работай, молись!.. думаете, легко проводить всякаго дурака въ рай?

— А если дуракъ не хочетъ рая?.. — освѣдомился Карнаро.

— За шиворотъ поведемъ!.. — грозно закричалъ кто то и треснулъ кулакомъ по столу.

— Мы знаемъ, что дѣлаемъ!.. А упираться будетъ — на костеръ! Сожжемъ тѣло, а душу спасемъ!..

— Главное — библию не читайте!..—совсѣмъ разслабѣвъ,—уговариваль гостей о. Антоній.—Зло въ мѣръ идетъ черезъ грамоту — дьяволь ея изобрѣлъ!..

— Двѣ дѣвченки чернобровыя!

— Пошли въ горы погулять!..—запѣлъ сосѣдъ Антонія; два-три голоса нестройно подхватили; кулаки забарабанили по столу.

— Ну, мнѣ пора въ путь!.. — произнесъ Карнаро и поднялся съ табурета; за нимъ встали съ мѣсто и наши паломники.

— Куда?.. Куда?!.—завопили монахи; ближайшіе ухватили собравшихся уходить за руки.

— Намъ еще чудотворной статуѣ поклониться надо!..—заявилъ Луиджи.

— Не нужно!.. — дружно отвѣтило нѣсколько человекъ: — посидите съ нами, а все остальное само собой сдѣлается!

Карнаро и Луиджи едва смогли убѣдить хозяевъ отпустить ихъ. Все же гостей заставили выпить «на дорожку» по огромной кружкѣ. Монахи сочно перецѣловали всѣхъ и, напутствуя благочестивыми наставленіями какъ вести себя, проводили ихъ до двери.

Луиджи выбрался изъ погреба и сплюнулъ.

— Вотъ слонявые черти!.. — произнесъ онъ, утираясь рукавомъ: — а вѣдь я обалдѣлъ, ей Богу?...

— И я!.. — сказалъ Янъ. — Ничего; монастырь обстоятельный!

Маркъ молчалъ: онъ лишь пригубливалъ вино и выпилъ только одну заключительную кружку.

— А въ дѣйствительности, безъ вранья, — куда вы идете?.. — неожиданно спросилъ у Марка Карнаро.

— Въ Римъ!.. — отвѣтилъ тотъ. — Мы художники, учиться хотимъ!

— И онъ тоже художникъ? — Карнаро указаль на Луиджи.

-- Н-нѣтъ...

— Я уже ученый!.. — важно вмѣшался Луиджи. — Я неаполитанецъ и руковожу ими!..

— Неаполитанцы всегда были всезнайками!.. — отвѣтилъ Карнаро. — Теперь послушайте моего совѣта: забудьте то, что болтали эти пьяницы и идите сперва въ Болонью, поучитесь въ университетѣ, а тамъ съ Богомъ, куда глаза глядятъ!

— А чему учать въ университетѣ? — заинтересовался Маркъ.

— Многому: — выйдете оттуда развитыми людьми, и тогда дѣлайтесь художниками, или чѣмъ хотите..

— Зачѣмъ художникамъ ученье?! — вскинувъ плечами, спросилъ Луиджи.

— Чтобы стать человѣкомъ! Сперва надо приобрѣсти знанія, а ужъ потомъ браться за какое-нибудь дѣло!

— Я бы хотѣлъ изучить составы красокъ?.. — нерѣшительно выговорилъ Маркъ.

— Пройдете семь свободныхъ искусствъ, потомъ узнаете и эти пустяки!.. — сказалъ Карнаро.

— Слушайте?.. — вдругъ вырвалось порывомъ у Марка. — Неужели же все на свѣтѣ одинъ обманъ и нѣтъ ничего чистаго?!

Карнаро внимательно поглядѣлъ на поблѣднѣвшее лицо его.

— Есты!.. — твердо и ласково произнесъ онъ. — Нужно искать!

Попомните слова мои: знаніе — свѣтъ и прежде всего о приобрѣтеніи его заботьтеся!.. Не всегда будетъ тьма; бдите, какъ евангельская дѣва въ ожиданіи жениха! А пока—до свиданья!...—онъ протянулъ руку Марку и кивнулъ Яну и Луиджи.

— А вамъ развѣ не по пути съ нами, синьоръ?—спросилъ послѣдній. — Быть можетъ вмѣстѣ бы отправились—было бы безопаснѣе?

— Я ѣду въ обратную сторону!—Карнаро сдѣлалъ всѣмъ привѣтственный жестъ рукой. — До встрѣчи въ Болоньѣ!

Карнаро скрылся въ дверяхъ сосѣдняго дома, а путешественники вернулись къ первому дубу. Дворъ по прежнему пестрѣлъ на рѣдомъ; около чудотворной статуи шла суета; здоровенные дѣтины бережно подымали ее, ставили на длинныя, прочныя носилки и укрѣпляли вызолоченными распорками: статую ежедневно обносили кругомъ монастыря.

Наши путники вышли въ ворота, чтобы со стороны посмотреть на шествіе и только что остановились на облюбованномъ бугоркѣ, какъ вдругъ вся толпа калѣкъ, жавшаяся у воротъ, шарахнулась прочь и что горохъ, въ разсыпную покатила по полю; впереди бѣжали люди съ обвязанными головами и руками, за ними ковыляли хромыя, позади всѣхъ, извиваясь, ползли совсѣмъ безногіе.

Въ чемъ дѣло?.. — спросилъ Янъ поравнявшася съ нимъ сухорукаго бѣглеца.

Тотъ остановился перевести духъ и кивнулъ головой на ворота: изъ нихъ показались склоненные, черные кресты на длинныхъ древкахъ, зачервонѣли красныя одежды

духовенства; въ темномъ пролетѣ, надъ головами людского потока, словно живая, чуть поколыхивалась статуя Богоматери.

— Отъ нея надо подальше!.. — выговорилъ остановленный.

— Это почему?! — изумился Янъ.

— А вдругъ исцѣлишься?—Тогда что дѣлать? кто тебя даромъ кормить станетъ?

И калѣка, помахивая черной, сведенной рукой, какъ птица подстрѣленнымъ крыломъ, пустился дальше.

Г л а в а XIII

Ночью не спалось Марку—слишкомъ ужъ много думъ и впечатлѣній собралось за недолгое время его странствованій. Дѣлиться ими съ товарищами не хотѣлось:—Луиджи не понялъ бы его и только посмѣялся бы, а Янъ—хоть и добрый малый, жилъ своимъ особымъ міромъ.

Маркъ приподнялъ съ подушки голову.

Луиджи подхрапывалъ и что то невразумительно болталъ; Янъ дышалъ ровно. Въ окно глядѣлъ полный мѣсяць, доносился звонъ къ полунощницѣ.

Маркъ свѣсилъ ноги съ постели и всталъ.

— Ты куда?.. — неожиданно спросилъ Янъ.

— Не спится; въ церковь пройти хочу...— отозвался Маркъ.

— Что тамъ дѣлать?

— Какъ что — молиться!

— И я съ тобой!.. — Янъ зашевелился и черезъ минуту оба они тихо, чтобы не разбудить товарища, выбрались на лѣстницу; въ рукахъ Маркъ несъ лютню; во дворѣ ихъ

охватило запахомъ конскаго пота; подъ черными навѣсами слышался хрусть; чуть проржала какая-то лошадь.

Ворота и калитка были заперты; въ углу, около нихъ, на соломя, спалъ сторожъ, закутанный въ одѣяло

Янъ толкнулъ его.

Сторожъ зашевелился и открылъ лицо.

— Кто такіе?.. Что надо?.. — пробормоталъ онъ, садясь.

— Свои... въ церковь хотимъ пройти!.. — отвѣтилъ Маркъ.

— Куда?! — изумился сторожъ.

— Въ церковь...

— Да вы въ умѣ, или нѣтъ? Кто же васъ пуститъ туда ночью?

— Звонятъ къ полунощницѣ: значить ~~стучатъ~~; церковь должна быть открыта!..

Сторожъ покрутилъ головой и отперъ калитку. — Какъ же, ждуть васъ тамъ!.. Помолитесь, помолитесь... — насмѣшливо произнесъ онъ, выпуская пріятелей.

Лугъ, рѣка и монастырь серебрились; по сиве-пепельному небу плылъ яркій мѣсяць... мягкій звонъ колокола нарушалъ безмолвіе.

Маркъ и Янъ подошли къ башнѣ и толкнулись въ калитку — она была заперта; Маркъ постучалъ въ нее, но отзыва не было; онъ подождалъ и опять ударилъ желѣзнымъ молоткомъ.

Кто-то наверху зѣвнулъ и выглянулъ въ бойницу.

— Какой дьяволъ стучить?.. — спросилъ грубый голосъ.

— Богомольцы!.. — отозвался Маркъ.

— Ступайте спать, дурачье!.. — былъ отвѣтъ со стѣны. — Завтра намолитесь!

— Мы хотимъ сейчасъ!.. — настойчиво возразилъ Маркъ: — звонять къ полунощницѣ!

— Мало бы что звонять!.. звонять, а службы нѣтъ!

— Служба должна быть!..

— Учи еще, осель! День и ночь вамъ служи — обалдѣешь! Всѣ теперъ отдыхаютъ — пьяные лежатъ!

— Зачѣмъ же звонять тогда?

— А чтобъ ты зналъ, болванъ, что время молиться вамъ! Встань къ стѣночкѣ и помолись. А ты беспокоить людей лѣзешь, дубина!

— Да ты больно не лайся! — вскипѣлъ Янъ. — Ишь, пьяная морда, даже сюда съ башни виномъ разить.

— Проваливайте, проваливайте, пока бока вамъ не наломали, идиоты несчастные!

Янъ схватилъ камень и запустилъ имъ въ сторожа. Наверху послышался хрускъ, посыпались черепки и раздалась отчаянная ругань: гостинецъ угодилъ въ глиняный кувшинъ, стоявшій въ бойницѣ и расшибъ его; вино потекло по стѣнѣ, оставляя на ней черный слѣдъ.

Янъ хотѣлъ еще разъ повторить свое привѣтствіе, но Маркъ удержалъ его.

— Оставь!.. — сказалъ онъ. — И впрямь лучше у стѣнки помолиться!..

Провожаемые неистовыми проклятіями, друзья дошли до слѣдующей башни и завернули за уголъ: темный шатеръ дуба надъ стѣной указалъ мѣсто, гдѣ стояла чудотворная статуя. Звонъ стихъ.

— Отслужимъ полунощницу?.. — предложилъ Маркъ.

— Я не умѣю... — отозвался Янъ.

— Ничего, вторь мнѣ безъ словъ!..

Пальцы Марка коснулись струнъ; звуки, будто серебряные жучки, взобрались по неровной стѣнѣ и стекли къ подножію дуба; во дворѣ прозвенѣло чуткое эхо. Сдерживая голосъ, Маркъ запѣлъ молитву; бари-тонъ его росъ и звучнѣлъ, Янъ вторилъ бархатнымъ басомъ, обоихъ охватило вдохновеніе...

Пѣвцы кончили и еще полные возвышеннаго настроенія, медленно направились къ гостиницѣ: тишина настала зачарованная; серебряный монастырь спалъ среди черныхъ и серебряныхъ горъ.

На другое утро, когда трое нашихъ путниковъ уже шагали за осликомъ, Маркъ обернулся къ неаполитанцу.

— Луиджи?.. — проговорилъ онъ: — я въ эту ночь много передумалъ и рѣшилъ идти въ Болонью...

— Вотъ какъ?.. — протянулъ Луиджи. — Что, слова синьора Карнаро такъ на тебя подѣйствовали?

— Онъ правъ: надо сперва поучиться, а **потомъ** заниматься искусствомъ! Я какъ въ лѣсу—ничего не знаю и непонимаю!

— Да плюнь! Мало ли что набрешеть тебѣ всякое дурачье?

Маркъ отрицательно и упрямо мотнулъ головой.

— И ты, Янъ, собираешься въ университетъ поступать? — сердито освѣдомился Луиджи.

— Я?.. нѣтъ... — отозвался тотъ. — Гдѣ мнѣ! Я только своему мастерству подучиться хочу!

— Значить — разставаться намъ надо? Маркъ молчалъ.

— А почему вмѣстѣ не идти? — спросилъ Янъ.

— Да чертъ же васъ всѣхъ раздери съ проклятымъ Карнаро! — закричалъ взбѣшенный Луиджи. Онъ сорвалъ съ себя шляпу и швырнулъ ее объ землю. — Сегодня въ Неаполь идемъ, завтра въ Болонью, послѣ-завтра въ Парижъ, провались они съ вами въ тартарары къ дьяволу! Убирайтесь одни куда хотите, а я назадъ ухожу!

Онъ бросился къ ослику и сталъ заворачивать его обратно.

— Да постой, ну чего обозлился?.. — остановилъ его Янъ. — Вѣдь ты же самъ говорилъ, что тебѣ все равно куда ни идти?

— Говорилъ!

— Ну, вотъ видишь?.. и пойдемъ опять всѣ вмѣстѣ, если ему понадобилось!

Луиджи стихъ.

— Черти эдакіе! зарѣзаль бы васъ — такъ огорчили! Ну, да пожалуй... Э!!.. — Луиджи махнулъ рукой. — Валимъ въ Болонью, когда такъ! Мастера и дураки имѣются всюду!

Лицо Марка прояснилось. Онъ съ благодарностью взглянулъ на своихъ товарищей.

— Только путь на Болонью другой!.. — уже совсѣмъ весело продолжалъ Луиджи: — скоро будетъ развилокъ!.. Сами на себя пеняйте — Болонья ваша прескучная! Одно въ ней хорошо — сосиски изъ ослинаго мяса. Объяденье! — Луиджи щелкнулъ языкомъ.

Выступъ скалъ скрылъ отъ путниковъ монастырь и долину рѣки. Мѣстность потя-

нулась суровая и пустынная; къ полудню они завидѣли справа на бугрѣ полуразрушенную четырехугольную башню; ее окружали остатки стѣнъ. На одной изъ осыпей неподвижно стоялъ одѣтый въ сѣрую рясу человекъ съ большой, темной бородой; Маркъ первый завидѣлъ его.

— Смотрите?..—сказалъ онъ: — монахъ, чтоли, какой то?

— Это отшельникъ... — равнодушно отозвался Луиджи: — здѣсь много будетъ ихъ попадаться!..

— Кто же они такіе?

— Да всякіе... Больше всего нобили, есть даже герцоги и комтуры... напраказать — и маршъ спастись: здѣсь безопасно!

— Гдѣ же они живутъ?

— Да въ пещерахъ, въ развалинахъ. Эта дорога полна ими! Какъ влюбится кто неудачно — тоже въ отшельники идетъ; проболтается сколько нибудь времени — рясу долой и оиять за прежнее! Иные, изъ за дуэлей и дракъ съ убійствомъ отсиживаются, ждуть, когда позабудется...

— И здѣсь, значить, обманъ?.. — проронилъ Маркъ.

— Какой же обманъ?.. удивился Луиджи: — всласть живутъ люди — такъ и надо! Вѣкъ имъ, что ли, въ самомъ дѣлѣ хныкать? Жить то одинъ разъ! Наплевать на все и кончено!

— А чѣмъ они питаются?.. — полюбопытствовалъ Янъ.

— Друзья имъ привозятъ и присылаютъ; другіе сами покупаютъ гдѣ нибудь... съ голоду не умираютъ!

Луиджи направилъ ослика къ башнѣ; отшельникъ завидѣлъ, что къ нему идутъ

гости, сошелъ съ каменнаго бугра и сталъ ждать у входа.

Онъ былъ высокаго роста, представительный; сразу было видно, что этотъ человекъ не изъ простаго званія.

Луиджи вполголоса высказалъ это предположеніе.

— Почему ты такъ думаешь?.. — усомнился Янъ.

— А поди, дай ему въ морду — узнаешь благородный онъ или нѣтъ!

Путники поровнялись съ пещерой и маленькій караванъ остановился.

Луиджи снялъ шляпу и поклонился пустыннику.

— Мы пѣвцы!..—сказалъ Луиджи.—Если угодно, мы споемъ вашей святости что-нибудь изъ божественнаго?

— Добро пожаловать!..—былъ отвѣтъ. — Заходите въ мою обитель!..

Янъ разсѣдлалъ и пустилъ на траву ослика, Маркъ досталъ лютню, и трое путниковъ вошли вслѣдъ за хозяиномъ въ полутемную башню. Она была довольно обширна; свѣтъ въ нее падалъ изъ двери и четырехъ узкихъ, какъ щели, оконъ, находившихся очень высоко. Посреди землянаго пола бѣлѣлъ простой столъ; около него размѣщались три табурета; у задней стѣны на козлахъ были настланы доски, замѣнявшія постель.

— Радъ васъ послушать!.. — продолжалъ хозяинъ:—садитесь, а я поищу, не найдется ли у бѣднаго отшельника, чѣмъ промочить вамъ горло!

Яну и Марку показалось, будто онъ скрылся прямо въ стѣну: Луиджи примѣтилъ, что въ томъ мѣстѣ имѣлся замаскиро-

ванный ходъ въ подземное помѣщеніе. Неаполитанецъ приподнялъ крышку съ кастрюльки, стоявшей на другомъ концѣ стола, и подмигнулъ товарищамъ.

— Постникъ!.. — шепнулъ онъ: — курочка тутъ у него жареная!..—И сейчасъ же откашлялся и принялъ строгій видъ: возвратился отшельникъ; въ рукахъ онъ держалъ глиняный кувшинъ, нѣсколько ломтей хлѣба и четыре кружки. Онъ поставилъ принесенное на столъ, налилъ вина и сѣлъ на чинаровый толстый чурбанъ.

— Теперь послушаемъ!..—произнесъ онъ, отхлебывая вино.—Божественное хорошо для души!

Луиджи запѣлъ церковный гимнъ; Маркъ и Янъ вторили; послѣ третьяго пѣснопѣнія отшельникъ снова наполнилъ имъ кружки

— Славно поете!.. — сказалъ онъ: — но я очень впечатлителенъ и боюсь растрогаться, поэтому нѣтъ ли у васъ чего-либо повеселѣе?

— Есть все, что угодно!.. — отвѣтилъ Луиджи:—но да извинить насъ святой синьоръ — мы еще не обѣдали, а на голодный желудокъ мірскія высокія ноты брать трудно!

— Къ прискорбію, моя кладовая совсѣмъ пуста и могу предложить вамъ только хлѣбъ: друзья, что снабжаютъ меня скудною пищею, что-то запоздали, и пожалуй, приѣдутъ лишь завтра!..

— Ваша святость, если бы захотѣла, могла бы сотворить чудо!.. — опустивъ блестящіе, лукавые глаза, смиренно произнесъ Луиджи.

— Я? чудо?!—удивился отшельникъ.

— Да. Скажите одно слово и въ этой пустой кастрюлькѣ очутится курица!..

Хозяинъ запрокинулся назадъ и захохоталъ.

— Ахъ, каналья! — задыхаясь отъ смѣха, выговорилъ онъ: — скажите, вы изъ Неаполя?

— Синьоръ угадалъ — я изъ этого дивнаго города!

— Это и видно! Ну, мой милый, если васъ скоро не повѣсятъ, вы пойдете далеко! А что касается чуда, я его, конечно, сдѣлаю!.. — Онъ снялъ крышку съ кастрюльки и придвинулъ ее къ Луиджи: — приступайте!

Неаполитанецъ разсыпался въ похвалахъ и благодарностяхъ, вынулъ курицу, разрѣзалъ ее тутъ же на столѣ на четыре части и подаль галантно каждому по куску на остриѣ ножа.

— Въ честь вашей святости!.. — сказалъ онъ, поднявъ свою кружку, наполненную виномъ.

Всѣ чокнулись.

Луиджи, покончивъ съ обѣдомъ, спѣлъ, подъ хохотъ отшельника, нѣсколько игривыхъ пѣсень и странники простились съ хозяиномъ.

Фигура его долго виднѣлась имъ — онъ стоялъ на выступѣ горы близъ башни.

— Должно быть, друзей своихъ ждетъ?.. то-то попируетъ сегодня! — А вонъ и они! — замѣтилъ Луиджи и указалъ на пыль, густымъ облакомъ быстро несуюся навстрѣчу; въ ней мелькали трое всадниковъ въ черныхъ плащахъ.

Янъ быстро своротилъ ослика съ пути ихъ и только успѣлъ сдѣлать это, мимо

проскакало трое молодыхъ, богато одѣтыхъ людей; за ними слѣдовало четверо всадниковъ слугъ; позади сѣдель были перекинуты кожаняя сумы; пѣшеходы успѣли примѣтить, что изъ одной торчали горлышки бутылокъ, а изъ другой вылѣзаль, еле вмѣщавшійся, огромный, запеченный окорокъ.

— Мессу отслужать сейчасъ славную! — проронилъ Луиджи, съ завистью проводивъ взглядомъ встрѣчныхъ: курица не утолила, а только раздражила его аппетитъ.

Глава XIV

Вечеръ засталъ нашихъ путниковъ въ полѣ; начинало смеркаться, а строеній нигдѣ видно не было; на горахъ кругомъ, то здѣсь, то тамъ, желтыми звѣздочками зажигались огни.

Маркъ обратилъ на нихъ вниманіе.

— Это все норы пустынниковъ!.. — пояснилъ Луиджи.

— И все такихъ же? — спросилъ Янъ.

— Всякіе есты!.. А пора бы и о ночлегѣ позаботиться?.. Куда свернуть?.. — вслухъ подумаль Луиджи.

Долго затруднять себя рѣшеніемъ этого вопроса ему не пришлось; изъ за скалы выѣхаль всадникъ и перегородилъ лошадыю дорогу.

— Добрый вечеръ! — проговорилъ онъ, приподнявъ шляпу: — синьоры не пилигриммы ли?

— Вы обладаете даромъ всевѣдѣнія, сударь!.. — отвѣтилъ Луиджи и продѣлаль тоже движеніе со своей шляпой. — Мы каю-

щіеся!.. Но можемъ и спѣть, если вамъ это угодно!

— Тогда идите за мной: почлегъ вамъ готовъ!.. — съ этими словами всадникъ повернулъ коня и поѣхалъ въ сторону отъ торной дороги; трое пріятелей послѣдовали за нимъ.

Мѣстность началась непривѣтливая, угрюмая; четко цокали по камнямъ подковы; надъ головами путниковъ безшумно и часто стали проноситься ночныя птицы; иногда стаи ихъ садились совсѣмъ близко на самой дорогѣ и тогда она казалась посыпанной фосфорическими огоньками. Проступили искры звѣздъ; мѣсяца видно не было.

Луиджи отвернулся и незамѣтно для другихъ положилъ на себя крестное знаменіе.

— Я убѣжденъ, сударь... — сказалъ онъ: — что вы ведете насъ въ превосходное мѣсто, но все же мнѣ хотѣлось бы знать, какъ оно называется?

— Замкомъ эччеленцы синьора Паоло ди Прато!.. — не безъ высокоумія произнесъ вожатый.

— А!.. — съ почтеніемъ протянулъ Луиджи. — Вашъ господинъ не изъ послѣднихъ въ Ломбардіи!..

— И даже во всей Италіи! — поправилъ всадникъ. — Видите впереди огни — это уже замокъ!..

Дорога круто сорвалась въ обрывъ; узкое, лѣсистое ущелье перегораживалъ замокъ, обнесенный крѣпостными стѣнами и башнями; съ горы виденъ былъ дворъ, его освѣщали два большихъ факела, укрѣпленныхъ по сторонамъ входа, имѣвшаго видъ церковнаго портала; на въѣздной башнѣ го-

рѣли другіе факелы; подъемный мостъ былъ поднятъ, красныя зыблящіяся струи змѣнились на черной водѣ во рвахъ.

Вожатый вынулъ изъ подъ плаща кривой рогъ, и глухіе грудные переливы покатались въ горную даль; въ лѣсу, какъ бы все удаляясь, многократно пропѣло тотъ же зовъ эхо... Словно падающая стѣна отдѣлился отъ башни мостъ и медленно сталъ наклоняться впередъ; изъ бойницъ глядѣло нѣсколько головъ въ шлемахъ; огонь золотилъ ихъ и концы копій.

Путники вошли въ ворота, залязгали и застонали цѣпи и мостъ поднялся. На дворѣ находилось нѣсколько слугъ.

— Господинъ ждетъ!..— произнесъ одинъ, учтиво поклонившись прибывшимъ.

— А нельзя ли пообчиститься?.. — спросилъ Луиджи: онъ явно началъ потрухивать, но бодрился;—пыли на насъ сегодня насѣло достаточно!

Пожеланіе его было исполнено немедленно; Маркъ вынулъ изъ сумы лютню, и трое друзей вступило въ высокую переднюю; ее освѣщало пять желто-синихъ фаянсовыхъ плашекъ съ саломъ, дымно горѣвшихъ на желѣзномъ ободѣ, висѣвшемъ на трехъ цѣпяхъ.

Слуги провели гостей въ довольно большой залъ; онъ знойно блисталъ отъ множества восковыхъ свѣчей, зажженныхъ на стѣнахъ; диковинными звѣрями выступали пузатые шкапы и сундуки изъ рѣзного дуба.

Слѣдующая комната была невелика; середину ея занималъ круглый столъ, накрытый на двѣнадцать приборовъ; вокругъ него темнѣло столько же пустыхъ креселъ съ высокими спинками; у стѣны слѣва, между

двумя дверями, не шевелясь, какъ изваянный, стоялъ высокій рыцарь, весь закованный въ желѣзо и со шлемомъ на головѣ; забрало его было опущено; руки закрывали чешуйчатые перчатки; въ огромномъ каминѣ пылала гряда пней и корней и будто отъ свѣтъ пожара наполнялъ столовую и игралъ на доспѣхахъ рыцаря. Слуга предложилъ путникамъ обождать и исчезъ въ маленькую боковую дверь.

Маркъ и Янъ вѣжливо отвѣсили рыцарю по поклону, но тотъ не удостоилъ ихъ даже мановенія пальцемъ.

Луиджи, наблюдавшій за этой сценой, вдругъ прикрылъ ладонью ротъ и тихо фыркнулъ. Товарищи покосились на него.

— Это же не живой человѣкъ, а манекень, простая подставка для доспѣховъ—посмотрите на его ноги—онѣ чугунныя! — зашепталъ Луиджи; онъ подошелъ къ рыцарю и пощелкалъ его по бедру; раздался металлическій звукъ; рыцарь не шевельнулся.

— Вы сюда лучше взгляните! — добавилъ Луиджи и кивнулъ на серебряные приборы и кувшины, заполнявшіе столъ; всѣ обратили вниманіе и на мѣдный колоколь, висѣвшій на крюкѣ надъ каминомъ.

Дверь отворилась и появился невысокій, худощавый человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ; черные волосы на головѣ и острый бородкѣ его казались посыпанными инеемъ; въ сухощавомъ лицѣ и крупныхъ глазахъ было что то властное, сразу заставившее пришедшихъ угадать въ немъ владѣльца замка; на плечахъ его, поверхъ камзола вишневаго цвѣта, былъ накинутъ черный плащъ съ маленькимъ мѣховымъ воротникомъ.

—Добро пожаловать...—произнесъ онъ въ отвѣтъ на низкій, почтительный поклонъ трехъ друзей и обвелъ ихъ испытующимъ взглядомъ; прищельцы ему, видимо, понравились.

— Вижу, что соловьи залетѣли въ мой домъ?..

Мы художники, синьоръ!..—отвѣтилъ за всѣхъ Луиджи: — но можемъ и спѣть, если насъ захотятъ слушать!

Ди-Прато хлопнулъ въ ладоши и одновременно изъ двухъ дверей показалось нѣсколько слугъ.

— Три прибора!.. — приказалъ онъ.

Слуги безшумно отодвинули отъ стѣны маленькій столикъ и оставили его тяжелымъ серебромъ и исчезли.

Ди-Прато опустился въ самое высокое и изукрашенное кресло и указалъ рукой на столикъ.

— Садитесь!..—пригласилъ онъ— не подумайте, что я не сажаю васъ съ собой изъ гордости! Дѣлаю это потому, что всѣ мѣста за большимъ столомъ заняты!

— Синьоръ... — возразилъ, опять кланяясь, Луиджи:—для насъ честь находиться хотя бы гдѣ нибудь при васъ!

Гости сѣли и почти тотчасъ же двое слугъ внесли на толстыхъ деревянныхъ подносахъ небольшого кабана и цѣлую гору жареныхъ тетерекъ и куропатокъ; высокіе стеклянные стаканы наполнились краснымъ виномъ.

Ди-Прато ѣлъ мало и все кутался въ свой плащъ; онъ сидѣлъ спиною къ огню и лицо его казалось больнымъ и блѣднымъ.

Ужинъ прошелъ и кончился почти въ безмолвіи; Маркъ и Янъ чувствовали себя подавленными еще никогда не виданнымъ ими великолѣпіемъ; Луиджи наоборотъ оправился и былъ готовъ ко всякой случайности. Онъ подмигнулъ Марку и легкимъ кивкомъ головы указалъ на лежавшую неподалеку лютню.

Ди-Прато замѣтилъ это.

Пѣніемъ мы займемся завтра!..—проговорилъ онъ:—эта ночь—ночь дурная и музыка къ ней не подходитъ! Мы ее скоротаемъ у камина...

Онъ, не вставая, повернулъ свое кресло бокомъ къ огню и орлиный профиль его освѣтился и сдѣлался еще чеканнѣе.

Слуги снова наполнили виномъ стаканы и удалились.

— Насъ было двѣнадцать друзей!..— началъ Ди-Прато, взявъ въ руку стаканъ. — И мы дали другъ другу клятву каждый годъ до самой смерти, въ этотъ вечеръ собираться здѣсь у меня въ замкъ. Ни бури, ни разстояніе, ни нападенія не останавливали насъ. Весело прошло пять лѣтъ, затѣмъ съ каждымъ годомъ число насъ стало все уменьшаться. Въ позапрошлый годъ эту ночь мы встрѣтили только вдвоемъ; въ прошломъ году я проводилъ ее одинъ съ одиннадцатью мертвецами... видите ихъ окровавленные тѣни кругомъ стола?

Луиджи съ испугомъ озирнулся влѣво: Маркъ и Янъ повернули въ ту же сторону головы. Тамъ никого не было; свѣтъ отъ камина падалъ на спинки креселъ и то темныя, то алыя пятна передвигались по нимъ; стеклянныя венеціанскія чаши и стаканы играли переливами алмазовъ и радуги.

Путники перекрестились; Ди-Прато откинулся назадъ и вытянулъ впередъ ноги.

— Гости всѣ въ сборѣ!..—проговорилъ онъ. — Приступимъ къ рассказамъ!

— Что же угодно услышать отъ насъ синьорамъ?..—спросилъ струхнувшій Луиджи.

— Начнемъ съ прорицателей, они интересуютъ меня!.. одинъ старикъ предсказалъ заранѣе все, что постигнетъ каждого изъ моихъ друзей. И все сбылось!..

— Я боюсь, понравится ли мой рассказъ?..

— Говорите, мы слушаемъ...

Луиджи покосился на кресла и ему почудилось, что на двухъ изъ нихъ что то пошевелилось; потъ выступилъ на лбу его; онъ разомъ отвелъ глаза въ сторону, на каминъ, и залпомъ осушилъ стаканъ — это его подбодрило.

— Синьоры слышали, конечно, о свирѣпомъ императорѣ Каракаллѣ, правившемъ древнимъ Римомъ?.. — словно охрипнувъ, спросилъ Луиджи.

— Да!.. — былъ отвѣтъ Ди-Прато.

— Въ Неаполѣ можно услышать необыкновенныя вещи!.. вотъ что когда то давно говорили мнѣ... Жилъ въ тѣ далекія времена нѣкто Опилій Макринъ, богатый и знатный человекъ, другъ императора. Однажды Каракаллѣ вздумалось съѣздить въ Сирію и Макринъ, передъ отправленіемъ вмѣстѣ съ нимъ въ это путешествіе, зашелъ къ гадалкѣ узнать — что ожидаетъ его. Старуха велѣла ему показать руку, взглянула на его ладонь и говоритъ: — «ты рожденъ подъ счастливою звѣздой! Будешь на волосокъ отъ лютейшей смерти и останешься живъ; уйдешь въ далекій путь простымъ человекомъ,

вернешься цезаремъ». И попотомъ добавила: «Каракалла будетъ тобою убитъ!».

Макринъ обомлѣлъ — даже тѣнь мысли о такихъ словахъ могла стоять ему головы!

— «Ты лжешь, вѣдьма!!» — воскликнулъ онъ. — «Я обожаю императора и сами боги не смогутъ заставитьъ меня поднять на его священную особу руку!..»

— «И все таки подымешь!..» — повторила колдунья: — не свою, но это, все равно! Здравствуй, императоръ!».

Онъ бѣжать! Понятное дѣло, ни душѣ о своемъ гаданіи не заикнулся и нѣсколько дней спустя отплылъ вмѣстѣ съ цезаремъ въ Сирію. Проходитъ еще нѣкоторое время, и вдругъ въ Аѳрикѣ появляется какой то косматый прорицатель и начинаетъ возглашать на торжищахъ, что конецъ Каракаллы близокъ и что императоромъ станетъ Макринъ.

Колдуна-звѣздочета схватили, заковали въ цѣпи и прислали въ Римъ. Префектъ допросилъ его, и тотъ, не запираясь, повторилъ слова свои. Его заперли въ темницу до распоряженія императора и префектъ сейчасъ же отправилъ донесеніе въ Сирію.

Каракалла, какъ всему свѣту извѣстно, страстно любилъ конскія ристалища. И вотъ, въ самый разгаръ гонки колесницъ въ циркѣ появляется гонецъ и подаетъ, окруженному пышной свитой, императору письмо префекта. Каракалла взялъ, взглянулъ на надпись — «весьма спѣшное» и сунулъ его стоявшему рядомъ съ нимъ Макрину, — «сейчасъ самое важное — бѣга!!» — заявилъ онъ. — «Доложишь мнѣ послѣ нихъ!»...

Макринъ принялъ письмо — ихъ черезъ его руки ежедневно проходили десятки — и вдругъ почему то взволновался: почувство-

валь, что долженъ немедленно вскрыть именно этотъ пакетъ. Макринъ смѣшался съ толпой придворныхъ, незамѣтно отошелъ въ укромный уголокъ, распечаталъ и быстро прочелъ донесеніе о себѣ.

Въ ту минуту онъ пережилъ вѣчность — онъ понялъ, что исхода нѣтъ, долженъ погибнуть либо онъ, либо Каракалла! И ровно черезъ часъ Каракалла лежалъ съ кинжаломъ наемнаго убійцы въ сердцѣ, а легіоны подымали на щитѣ новаго императора — Макрина...

— Такова власть боговъ надъ человѣкомъ, синьоры!.. Я хотѣлъ сказать — Божья власть!

— На все судьба!..— проронилъ Ди-Прато.
— Слѣдующій?..

Луиджи толкнулъ локтемъ Марка и тотъ поднялся.

— Я выросъ въ монастырѣ, синьоры, и мало знаю...—сказалъ онъ и пріятный, бархатистый голосъ его заставилъ Ди-Прато устремить на него глаза; они неестественно свѣтились.

— Но вотъ что — рассказывалъ мнѣ старецъ Антуанъ, — случилось на его памяти. Жилъ въ моей странѣ, въ Германіи, великій мудрецъ, Адальбертъ. Всѣ знатные господа оказывали ему чрезвычайное почтеніе, а особенную дружбу къ нему изъявлялъ нашъ герцогъ. Однажды въ замокъ къ нему пріѣхалъ Адальбертъ и герцогъ замѣтилъ, что гость его какой-то разсѣянный, задумчивый. Онъ спросилъ о причинѣ и мудрецъ отвѣтилъ, что звѣзды возвѣстили ему близкую смерть императора.

— Хотѣлъ бы я сдѣлаться императоромъ!.. — сказалъ герцогъ. — Весь свѣтъ перевернулъ бы я, кажется!..

— А были бы ли вы тогда такъ же милостивы, государь, какъ теперь? — спросилъ Адальбертъ.

— О, да! А вы были бы мнѣ дороже родныхъ, если бы помогли мнѣ: васъ всѣ слушаютъ!.. — горячо воскликнулъ герцогъ.

— Хорошо... — отозвался мудрецъ. — Я сдѣлаю по вашему...

Онъ исполнилъ свое обѣщаніе и герцогъ былъ избранъ въ императоры.

Прошло три года. Адальбертъ уединенно жилъ въ своемъ замкѣ, никуда не показывался, но отъ людей слышалъ, что новый императоръ сдѣлался чрезвычайно надменнымъ и жестокимъ, и рѣшилъ провѣрить слухи о немъ.

Однажды во время большого праздника во дворцѣ въ рублищѣ нищаго появился Адальбертъ.

— Я обѣднѣлъ, меня отовсюду гонять!.. — сказалъ онъ своему высокому другу. — Помнишь ли ты, государь, меня и свое обѣщаніе?

Императоръ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на его лохмотья.

— Выбросить его вонъ!.. — приказалъ онъ стражѣ; Адальберта схватили и вдругъ все окружавшее великолѣпіе и все множество людей исчезло и императоръ въ одеждѣ герцога очутился стоящимъ у окна своего прежняго замка. Около него находился Адальбертъ въ обычномъ нарядѣ.

— Что это значить?!.. гдѣ мой дворецъ, гдѣ свита?!.. — закричалъ, озираясь, герцогъ.

— Ваше высочество изволили вздремнуть... — отвѣтилъ мудрецъ: — вашъ сонъ длился всего три минуты...

Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности... Великій Адальбертъ съ тѣхъ поръ у герцога не показывался!..

— Славный рассказъ!..—проговорилъ Ди-Прато. — Многимъ нужно было бы его послушать. Что сообщить намъ слѣдующій?

Всталъ Янъ.

— Въ подземельѣ замка сидѣлъ плѣнный рыцарь!..—началъ Янъ. — Еще въ молодости онъ слышалъ отъ пѣвцовъ о дамѣ необыкновенной красоты, томящейся въ плѣну у злого волшебника, и далъ себѣ клятву освободить ее. Онъ ѣздилъ изъ страны въ страну по кручамъ горъ, по темнымъ лѣсамъ, заглядывалъ за облака, но нигдѣ не находилъ слѣдовъ ея. Въ честь своей дамы онъ сложилъ множество пѣсенъ, побѣдилъ великановъ и разбойниковъ, сражался съ волшебниками и всюду прославлялъ ея имя. Но вотъ однажды его захватили враги въ плѣнъ и посадили въ глубокой подвалъ подъ башней.

Потекли годы, смѣнилась стража при тюрьмѣ, и одинъ изъ тюремщиковъ, узнавъ его исторію, открылъ ему, что дама, о которой онъ все поетъ и тоскуетъ, заключена чародѣемъ въ подземельѣ рядомъ съ нимъ и обѣщала передать ей о немъ. Рыцарь воспрянулъ духомъ, ночью разбилъ кувшинъ, въ которомъ носили ему воду и осколкомъ его сталъ подкапывать стѣну.

Когда уставалъ отъ работы, начиналъ пѣть и ободрялъ свою сосѣдку, обѣщая ей скорое освобожденіе. Въ отвѣтъ до него сталъ доноситься чуть слышный слабый и

нѣжный голосъ ея. Она вѣрила и ждала. Дни и ночи помчались для рыцаря быстро — онъ рыль и пѣль, забывъ о снѣ и усталости, и въ одно прекрасное утро, — когда стража вошла въ тюрьму, — плѣнника нашли мертвымъ: онъ умеръ отъ истощенія!

Янъ умолкъ.

— Это все?.. — съ недоумѣніемъ спросилъ Ди-Прато. — Что же случилось съ прекрасной дамой?..

— Ея совсѣмъ не было, синьоры!.. — отвѣтилъ Янъ. — Добрый сторожъ видѣлъ, что плѣнникъ угасаетъ и чтобы порадовать его, повѣсилъ надъ окномъ подземелья эолову арфу: рыцарь умеръ счастливымъ!

Ди-Прато задумался.

— Всѣ мы на землѣ плѣнники!.. — проронилъ онъ минуту спустя. — Всѣ чего то добиваемся, ищемъ и все въ концѣ концовъ — прекрасная дама, которой нѣтъ!..

Чугунный рыцарь, стоявшій между дверями, вдругъ стронулся съ мѣста; мертво брязгая огромными шпорами онъ медленно и гулко двинулся по каменнымъ плитамъ пола къ камину.

На лицахъ всѣхъ трехъ путниковъ написался ужасъ; Луиджи почти сползъ подъ столъ, уцѣпился за край его концами пальцевъ и вытаращилъ глаза; Янъ откинулся на стѣну, словно желая вдавиться въ нее; Маркъ, шепча молитву, навалился на него. Ди-Прато сидѣлъ какъ бы ничего не замѣчая.

Чугунный автоматъ прослѣдовалъ мимо камина и остановился сбоку его; закованная въ желѣзную перчатку правая рука рыцаря поднялась, взялась за конецъ веревки отъ колокола и дернула; раздался густой, звуч-

ный ударъ, другой, третій... пробило двѣнадцатъ. Звонившій отпустилъ веревку, рука его повисла вдоль ноги, онъ повернулся на пяткѣ, тяжко прошагалъ на свое мѣсто и застылъ снова.

Гуль, наполнившій комнату, замиралъ и дѣлался все нѣжнѣе.

— Полночь... — проговорилъ Ди-Прато. — Время взглянуть на звѣзды!..

Еще не совсѣмъ опомнившіеся отъ испуга путники встали съ мѣстъ и направились вслѣдъ за хозяиномъ; проходя мимо страшнаго автомата они гуськомъ старались обойти его какъ можно дальше и затѣмъ быстро ныряли въ сосѣдную комнату.

По пустымъ корридорамъ и переходамъ, освѣщеннымъ висячими стѣнными плошками, Ди-Прато и его спутники дошли до каменной лѣстницы и поднялись по ней. Мелькавшій впереди слуга отворилъ низкую дверь; чернымъ занавѣсомъ, усѣяннымъ звѣздами, открылся квадратъ неба; потянулъ свѣжій воздухъ; пришедшіе очутились на верхней площадкѣ главной башни. Дворъ и низы строеній были по прежнему озарены дымно горѣвшими факелами; выше въ полусумеркахъ, на стѣнахъ каменѣли вооруженные сторожевые.

— Въ эту ночь всѣ бодрствуютъ до утра! — проговорилъ Ди-Прато. — Только въ эту ночь враги мои могутъ захватить замокъ — такъ сказали астрологи!

Онъ закутался плотнѣе въ плащъ и устремилъ взглядъ на лѣсъ, затѣмъ перевелъ его ввысь.

— Марсъ охраняетъ мою звѣзду!.. — проговорилъ онъ черезъ нѣкоторое время. Смотрите какъ онъ бодрствуетъ и шлетъ мнѣ

добрые знаки то зелеными, то синими огнями! А вокругъ него все въ туманѣ: — у враговъ смущеніе и неудачи!..

Марку почудился стонъ — исходилъ онъ какъ будто изъ подъ башни. Заслышавъ его и Янь и оба наклонились, чтобы провѣрить себя.

Ди-Прато оглянулся на нихъ.

Отдаленный стонъ повторился.

— Тамъ мой плѣнный рыцарь!.. — съ усмѣшкой пояснилъ Ди-Прато: — завтра я прикажу повѣсить ему золоту арфу... Однако, холодно, идемте внизъ!

Маркъ шелъ послѣднимъ и когда онъ собирался нагнуться передъ дверью — по лѣсу раскатился яростный хохотъ подхваченный въ разныхъ мѣстахъ. Маркъ перекрестился, проскочилъ на лѣстницу, захлопнулъ и закрестилъ ходъ за собой.

Въ столовой всѣ размѣстились на прежнихъ мѣстахъ; въ каминъ за время ихъ отсутствія были навалены дрова и они пылали, наполняя комнату пріятнымъ тепломъ. Чугунный рыцарь стоялъ недвижно; вокругъ большого стола никого не было.

— Рассказывайте!.. — почти приказалъ Ди-Прато, придвинувшись еще ближе къ огню и совсѣмъ погрузясь въ кресло...

Рассказы длились всю ночь. Блѣдный свѣтъ глядѣлъ въ узкія окна, когда безмолвно слушавшій хозяинъ зашевелился.

— Уже утро?.. — сказалъ онъ, какъ бы очнувшись. Онъ ударилъ въ ладоши; у двери немедленно выросъ слуга.

— Гости устали... проводи ихъ отдохнуть!..—приказалъ, подымаясь, Ди-Прато.

Путники встали; лицо хозяина, казавшееся страшнымъ ночью, теперь было обыкновенно и даже пріятно, но измучено и безкровно.

— Спасибо вамъ!.. — обратился онъ къ гостямъ. — Съ вашей помощью я нескучно провелъ время. Когда уйдете отсюда, въ своихъ сумахъ найдете воспоминаніе объ минувшей ночи! Овидій говоритъ, что вѣщія сны видятся всегда на разсвѣтѣ: желаю вамъ добрыхъ сновъ!

Движеніемъ руки онъ отпустилъ ихъ.

Съ облегченіемъ въ душѣ Луиджи и его товарищи отвѣсили поклонъ и слуга повелъ ихъ въ нижній этажъ. Маркъ уходя оглянулся; Ди-Прато въ комнатѣ уже не было а на подоконникѣ сидѣла и чирикала среди глубокой тишины сѣренькая, какъ раннее утро, птичка.

Глава XV

Замокъ былъ еще погруженъ въ сонъ, когда изъ воротъ его выступили осликъ, Луиджи и трое нашихъ путниковъ.

Сторожевой указалъ имъ ближайшую дорогу, блестящую въ узкой долинѣ и скоро зелень кустовъ и деревьевъ окутала и скрыла стѣны и башни.

Луиджи снялъ шапку и помахалъ ею, какъ вѣромъ себѣ на лицо.

— Ф-у-у-хъ!! — проговорилъ онъ. — Слава Богу, выбрались благополучно изъ этого чортова гнѣзда! Что ни шагъ—все колдовство было!

Янъ хотѣлъ заглянуть въ сумы, чтобы узнать, что въ нихъ положили въ замкѣ, но Луиджи безпокоился и воспротивился.

— Наше отъ насъ не убѣжить!.. — заявилъ онъ:—остановимся на обѣдѣ, тогда и увидимъ. Теперь надо поскорѣй отсюда ноги уносить!

Въ бродъ перешли они черезъ небольшую рѣчку, а къ полдню намѣтили особенно глухое мѣсто въ окружавшемъ ихъ вѣковомъ лѣсу, забрались въ чащу и расположились подъ платаномъ на обѣдѣ и отдыхъ.

Сумы на осликѣ оказались набитыми всякою всячиной и по мѣрѣ того, какъ изъ широкихъ листовъ лопуха, замѣнявшихъ бумагу, появлялись жаренныя тетерьки и куры, лицо Луиджи все прояснялось; открытіе цѣлаго жаренаго козленка и кувшина съ виномъ заставило неаполитанца окончательно развеселиться.

— Колдуны понимаютъ толкъ въ ѣдѣ!.. — замѣтилъ онъ. — Послѣ ночи съ привидѣніями надо подкрѣпиться какъ слѣдуетъ!

Онъ приложился къ кувшину и закрылъ глаза; въ горлѣ у него забулькало; кувшинъ пошелъ въ круговую.

Послѣ обѣда и долгаго отдыха трое друзей снова выбрались на дорогу и пустились дальше.

— —

Минуло трое сутокъ; послѣ многихъ встрѣчъ съ рыцарями, монахами и пилигримами, съ невысокой горы передъ нашими странниками развернулась необозримая, зеленая равнина; въ маревѣ дали бѣлѣло что то напоминавшее городъ.

Луиджи остановился и протянулъ руку.

— Вонъ она, вапа обѣтованная земля — Болонья!..—сказаль онъ:—я какъ Іисусъ Навинъ вывелъ васъ изъ пустыни! Прикладывайте!..—и онъ поднесъ обѣ руки къ губамъ своихъ спутниковъ какъ бы для поцѣлуя.

Маркъ долго не отводилъ взглядъ отъ далекаго видѣнья.

Черезъ нѣсколько часовъ, совсѣмъ вблизи отъ города, предусмотрительный Луиджи свернулъ съ дороги въ небольшой овражекъ и, укрывшись тамъ отъ солнцепека и прохожихъ, снялъ съ ослика сумы, и всѣ расположились на густой травѣ.

— Ну, друзья мои!..—заявилъ Луиджи, покончивъ съ ѣдой и запивъ ее виномъ: — теперь надо рѣшить, что каждый изъ насъ будетъ дѣлать дальше! Въ городѣ намъ придется разстаться...

— Почему?.. — удивился Маркъ.

— Да потому что подмастерья живутъ у своихъ хозяевъ... А при университетѣ имѣются квартиры для студентовъ; жить ни съ кѣмъ изъ васъ мнѣ нельзя! Ой, Маркъ, въ послѣдній разъ говорю тебѣ—иди лучше, ищи свои краски! Наголодаешься ты въ своемъ университетѣ, а ни черта онъ тебѣ не дастъ, помяни мое слово! Студенты — вѣдь это чума, оборванцы, разбойники; кромѣ дракъ да пьянства, ничего не увидишь!..

Янъ лежалъ на животѣ, поднявъ вверхъ подошвы ногъ и покусываль какую то травку.

— А ты что будешь дѣлать?..—спросилъ онъ Луиджи.

— Я человекъ вольный!.. — отвѣтилъ тотъ. — Пока что, мнѣ здѣсь быть не особенно безопасно... Ну, да тамъ увидимъ, что дальше будетъ! Вотъ вамъ мой сказъ: часто

видѣться намъ теперь уже не придется, потому сдѣлаемъ такое условіе: среди города стоитъ соборъ большой, будемъ на немъ, въ укромномъ уголкѣ свои помѣтки дѣлать: я стану обозначаться однимъ кружкомъ ты, Маркъ — двумя, а ты, Янъ — тремя. Если все благополучно — значки будемъ дѣлать мѣломъ, если худо — углемъ. Коли помощь нужна — кружки подчеркивать надо; при большой бѣдѣ — двѣ черты подъ ними ставьте. Это будетъ значить — бросай все и спѣши на помощь! А главное условіе — не оповѣстивъ товарищей, изъ города порознь не уходить!..

Сообщивъ еще нѣсколько условныхъ знаковъ и надававъ товарищамъ разныхъ совѣтовъ, Луиджи поднялся съ травы; Маркъ и Янъ навьючили ослика и всѣ вернулись на дорогу.

Городъ раскидывался широко; сѣрой лентой ползла кругомъ него по холмамъ стѣна съ высокими четверугольными башнями; такія же башни смотрѣли и изнутри города; мѣстами между ними виднѣлись церкви; всѣхъ ихъ превышала одна — очень длинная, съ синимъ куполомъ.

— Соборъ!.. — произнесъ Луиджи, указывая на него пальцемъ.

У низкихъ, походившихъ на пещеру, городскихъ воротъ сидѣло нѣсколько вооруженныхъ стражей въ шлемахъ съ черными гребнями и широкими полями.

Нашихъ путниковъ пропустили безо всякихъ опросовъ вмѣстѣ съ кучкой крестьянъ, везшихъ разные овощи.

Тѣсныя, полутемныя и кривыя улицы, словно ущелья, разбѣгались въ разные стороны; вездѣ висѣло сушившееся бѣлье, и

мѣстами казалось, будто надъ головами прохожихъ былъ натянутъ сплошной навѣсъ изъ рубахъ и простынь; въ маленькихъ клѣточкахъ подъ окнами пулькали перепела.

Сразу охватило тяжелымъ запахомъ и, несмотря на знойный день, прохладой.

Чѣмъ ближе подвигались путники къ серединѣ города, тѣмъ все оживленнѣе онъ дѣлался; стали попадаться лавки перрукеровъ (парикмахерскія), около нихъ на улицѣ стригли и брили людей; въ распахнутыя двери тавернъ (погребковъ) виднѣлись груды бочекъ и столики. Попалось нѣсколько ювелирныхъ мастерскихъ, и Янъ съ любопытствомъ и вниманіемъ поглядывалъ на нихъ; доносилось постукиванье по серебру маленькихъ молоточковъ. Кто то пѣлъ о Венеціи. Парикмахерскія и мастерскія ювелировъ служили въ тѣ времена своего рода клубами, и въ нихъ встрѣчались молодежь и праздный зажиточный людъ, интересовавшіеся новостями.

Иногда къ домамъ примыкали башни съ бойницами вмѣсто оконъ; внизу ихъ, въ стѣнахъ, чернѣли вдѣланные огромные желѣзные крюки: на нихъ ночью, а въ случаѣ тревоги и днемъ, надѣвались цѣпи и кварталы запирались.

Улица вывела путниковъ на просторъ рыночной площади; кругомъ подымалось нѣсколько башенъ.

— Отчего ихъ такъ много внутри города?..—полюбопытствовалъ Маркъ; Луиджи пояснилъ, что онѣ принадлежатъ разнымъ знатнымъ фамиліямъ, часто враждующимъ между собой, и служатъ крѣпостцами и надежнымъ убѣжищемъ въ случаѣ распрей.

Осликъ самъ свернулъ въ ворота, надъ которыми красовалась зеленая вывѣска съ изображеніемъ бѣлаго коня, распустившаго по вѣтру пышный хвостъ, и заспѣшилъ къ видимо хорошо извѣстному ему стойлу; Луиджи предоставилъ товарищамъ разсѣдывать его, а самъ отправился для переговоровъ къ хозяину; усатое и смуглое лицо его виднѣлось въ глубинѣ тратторіи (трактира).

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ и позвалъ товарищей.

Въ длинной и почти совсѣмъ темной комнатѣ всѣ столы были свободны; Луиджи выбралъ мѣстечко, укрытое съ двухъ сторонъ бочками, и пріятеля расположились за ними.

— Духъ то какой?.. — сказала Луиджи, втягивая всей грудью густой запахъ вина.

— Какъ въ раю, ей Богу!.. Ну, братцы, съ благополучнымъ окончаніемъ пути поздравляю васъ.

Всѣ чокнулись поданными прислужницей глиняными кружками съ виномъ и осушили ихъ.

— Запомните — если меня комунибудь изъ васъ надо будетъ найти, обращайтесь къ здѣшнему хозяину. Если онъ не будетъ знать ничего — я вамъ покажу на краю города совсѣмъ маленькую тратторію; называется она «Два льва»: очень удобное мѣсто въ случаѣ недоразумѣній! Тамъ я синьоръ Мальвіо — затвердите это покрѣпче!

Друзья покончили съ виномъ и отправились знакомиться съ городомъ; Луиджи хотѣлъ показать лучшихъ ювелировъ, университетъ и, наконецъ, укромный уголокъ

стѣны собора, которому предстояло замѣ-
нять имъ почту.

— —

Къ вечеру Маркъ и Янъ нѣсколько озна-
комились съ городомъ; Янъ нашель мѣсто
подмастерья у самаго извѣстнаго въ Болоньѣ
ювелира — Піетро Бонавентури, а Маркъ осмот-
рѣлъ живописную мастерскую въ мѣстномъ
монастырѣ и такъ увлекся ею, что въ уни-
верситетѣ рѣшилъ идти только на слѣдующій
день. Луиджи кратко и туманно упомянулъ
о какихъ то важныхъ дѣлахъ, которыми онъ
долженъ заняться.

Послѣдній вечеръ передъ разставаньемъ
друзья рѣшили провести за кружкой вина
и, развязавшись съ дѣлами, забрались въ
одну изъ двухъ тавернъ находившихся на
площади; часть столиковъ изъ нея была вы-
несена на улицу и вѣкругъ нѣкоторыхъ си-
дѣли люди.

Друзья расположились въ укромномъ
уголкѣ и имъ хорошо было видно все, что
дѣлалось на засумеречившей площади; она
все болѣе погружалась во тьму; въ окнахъ
кое гдѣ зажигались огни.

Луиджи потребоваль кувшинъ кіанти.

— За ваши успѣхи!.. — возгласилъ онъ,
поднимая кружку.

— За всѣхъ насъ!.. — сказалъ Янъ.

Не успѣли они выпить — ближайшій къ
нимъ домъ озарился огнемъ и изъ за угла
улицы показались двое вооруженныхъ всад-
никовъ съ наклоненными длинными факелами въ рукахъ. За ними ѣхали верхами ка-
кой то важный, полный синьоръ и молодая
дѣвушка въ длинномъ полосатомъ платьѣ;
поѣздъ замыкало четверо слугъ.

— А вѣдь это нашъ рыцарь съ дочкой?..—
вдругъ проговорилъ Янъ.

— Какой нашъ рыцарь?.. — удивился
Луиджи.

— Да тотъ, что пѣшкомъ шелъ въ за-
мокъ!.. мы еще подъ дубомъ, въ таборѣ
тогда ночевали?

— Вѣрно!.. — вспомнилъ Луиджи. — Да
ты, братъ, того — ужъ не влюбился ли?

Янъ покраснѣлъ.

— Глупости какія!.. -- отозвался онъ,
глядя въ сторону.

— Ладно, ладно, знаемъ мы васъ, ти-
хонь!.. — продолжалъ Луиджи. — А ты,
Маркъ, какъ—тоже слабъ по этой части?

Маркъ сидѣлъ задумавшись и очнулся
отъ вопроса.

— Я? по какой?.. — произнесъ онъ съ
недоумѣніемъ.

— О чемъ ты думалъ?

— О завтрашнемъ днѣ, объ университетѣ..

Разговоръ вязался плохо — Маркъ и
Янъ были полны ожиданіемъ этого загадоч-
наго дня и ихъ настроенію поддался и без-
печный Луиджи.

Съ соборной башни прогудѣлъ и поплылъ
надъ городомъ густой ударъ колокола: то
былъ приказъ всѣмъ тушить огни; окна ве-
здѣ погасли...

Наши друзья допили вино и среди полной
темноты, чуть не ощупью, направились къ
гостиницѣ «Бѣлый конь»; фонарь надъ ея
воротами мерцалъ далекою, желтою звѣздоч-
кой; на перекресткахъ гремѣли цѣпи—улицы
замыкались на ночь.

Утромъ товарищи простились и разошлись каждый въ свою сторону. Маркъ наканунѣ хорошо примѣтилъ дорогу, и, не опрашивая встрѣчныхъ, сталъ пробираться по узенькимъ улочкамъ къ окраинѣ города, гдѣ находился университетъ.

Будничная жизнь уже началась, у многихъ домовъ стояли ослики съ грузомъ дровъ и хвороста по бокамъ сѣделъ; на другихъ висѣло по парѣ огромныхъ, съуживавшихся книзу корзинъ, изъ-за которыхъ торчали только тоненькія ножки да длинныя уши; на лоткахъ серебрилась рыба, грудились оливковыя головки артишоковъ, краснѣли помидоры; выкрики продавцовъ неслись со всѣхъ сторонъ; съ третьихъ и четвертыхъ этажей домовъ то и дѣло спускались на веревкахъ небольшія корзинки: продавцы клала въ нихъ требовавшуюся провизію, и онѣ проворно уѣзжали наверхъ. Слышались шутки и споры изъ-за цѣны.

Раза два чуть не попавъ подъ душъ изъ помойныхъ ведеръ, Маркъ добрался до второй, меньшей по размѣрамъ пустынной площади; она была усѣяна народомъ и шумѣла не хуже базарной; по другую сторону ея тянулся длинный и низкій сѣрый амбаръ для склада товаровъ, о чемъ свидѣтельствовали подъемные крюки съ блоками и рычаги, выставлявшіеся съ крышъ изъ большихъ слуховыхъ оконъ; внизу, у самой земли выглядывали изъ травы маленькія оконца, зарѣпеченныя желѣзными, заржавленными брусками.

Это и былъ университетъ, помѣщавшійся за неимѣніемъ лучшаго мѣста въ подвалахъ городского амбара.

У стѣны черной лентой сидѣло, а частью лежало на землѣ, или прогуливалось, множество молодыхъ и пожилыхъ людей; черныя бороды у иныхъ достигали до груди, изъ-подъ колпаковъ и широкополыхъ шляпъ свисали на плечи длинные волосы; одежды преобладали чернаго цвѣта: у большинства онѣ были достаточно потрепанныя, а зачастую и рваныя.

Встрѣчные съ любопытствомъ разглядывали Марка, опустившаго глаза и скромно пробиравшагося ко входу въ аудиторію; онъ по крайней мѣрѣ на голову превышалъ всѣхъ ростомъ.

Находившаяся подъ серединой амбара неширокая каменная лѣстница вела довольно глубоко внизъ. Тяжелая, облупленная желѣзная дверь, находившаяся въ концѣ ея, стояла распахнутой.

Маркъ обогнулъ кучку студентовъ, игравшихъ въ орлянку, затѣмъ кружокъ игроковъ въ кости и быстро сбѣжалъ внизъ; тамъ онъ очутился въ пустой и полутемной комнатѣ съ нѣсколькими дверями; и слѣва и справа слышались невнятные одиночные голоса, произносившіе рѣчи.

Маркъ постоялъ немного, затѣмъ осторожно пріоткрылъ одну изъ дверей и заглянулъ въ нее; представившаяся картина поразила его.

Громадное, гдѣ-то въ безконечности и мглѣ тонувшее помѣщеніе было наполнено черными тѣнями людей; окошки слѣва пронизывали прозрачныя, золотистыя столбы солнечнаго свѣта и то здѣсь, то тамъ пы-

лали выхваченныя изъ сумерекъ отдѣльныя фигуры и группы студентовъ; всѣ они полулежали либо сидѣли въ разныхъ позахъ на полу, на соломѣ, а кое-гдѣ и на деревянныхъ скамьяхъ и чурбанахъ. Въ ближайшемъ концѣ аудиторіи возвышалась кафедра, имѣвшая видъ рюмки съ широкой приступкой кругомъ ножки; въ ней, будто въ купели сидѣлъ профессоръ, видный только до половины; его облекала черная мантия съ кистями на плечахъ; на головѣ торчала какая-то необыкновенная не то корона, не то колоколь съ длинною рукояткой.

Студенты моремъ заполняли все остальное помѣщеніе. У оконъ, съ необдѣланными аспидными досками и грифелями въ рукахъ, будущіе ученые усердно записывали лекцію. Ближайшій изъ писавшихъ сразу привлекъ къ себѣ вниманіе Марка: онъ работалъ высунувъ и прикусивъ кончикъ языка; лохматая голова его была склонена на бокъ, длинные волосы лежали на доскѣ и обметали ее.

Маркъ прижался къ стѣнкѣ и напряженно сталъ слушать; глаза его освоились съ полутьмой и онъ хорошо разглядѣлъ профессора — лицо у того было горбоносое, обритое, худое и казалось монетой, на которую смотрять со стороны ребра. Говорилъ онъ медленно, громко и важно. Рѣчь шла объ астрологіи въ связи съ медициной.

— Если вы видите, что Юпитеръ и Марсъ начинаютъ сближаться другъ съ другомъ, — знайте, — это предвѣстіе плохое: встрѣча этихъ планетъ влечетъ за собой появленіе на землѣ мора, болѣзней и всякихъ бѣдствій; встрѣча Венеры и Марса знаме-

нуеть сильные дожди; Юпитера съ Меркуриемъ — общаетъ бури и грозы, а самое страшное — это сближеніе Сатурна и Юпитера — оно чревато бѣдами, сулитъ чуму и всякіе моры. Соединеніе трехъ планетъ въ знакѣ Рыбъ вызываетъ смуты и распри!

— Какъ я вамъ уже объяснялъ, планетъ, не считая солнца и луны, имѣется всего пять: это Юпитерь, Марсъ, Сатурнъ, Меркурій и Венера. Онѣ управляютъ всею жизнью, на землѣ и потому истинно ученый медикъ прежде всего долженъ знать ихъ дѣйствіе на человѣка и на природу; призываемый къ больному, онъ обязанъ въ серьезныхъ случаяхъ прежде всего осмотрѣть небо и опредѣлить отношеніе планетъ къ звѣздѣ больного — если онъ конечно, изъ знатнаго рода. Если будете имѣть дѣло съ незнатными, то вмѣсто этого прописывайте касторку; простому люду она замѣняетъ гороскопы!

Луна оказываетъ чрезвычайное вліяніе на человѣческой организмъ: кровь, мозги и жидкія части тѣла всецѣло находятся въ зависимости отъ силы ея дѣйствія, поэтому полнолуніе имѣетъ особенное значеніе въ критическіе дни болѣзни.

Твердо запомните, что самое мощное воздѣйствіе на сердце производитъ — солнце; на мозгъ и кровь — луна; на печень — Юпитерь; на селезенку — Сатурнъ — онъ вызываетъ черную желчь и меланхолю; на легкія — Меркурій...

Гулкій ударъ въ подвѣшенную на улицѣ бронзовую плиту прервалъ лекцію; аудитория зашевелилась и разомъ наполнилась говоромъ; профессоръ сошелъ съ кафедры и затерялся въ окружившей его толпѣ студен-

товъ. Нѣсколько десятковъ человѣкъ обступило Марка и принялось спрашивать — кто онъ и откуда.

Маркъ зналъ, что главный предметъ преподаванія въ Болоньѣ — юридическія науки, но новые товарищи сообщили, что въ университетѣ проходятся кромѣ того и семь свободныхъ искусствъ — тривиумъ и квадриумъ; видя недоумѣніе Марка, они пояснили, что тривиумъ состоитъ изъ трехъ наукъ — грамматики, реторики, и діалектики, а квадриумъ — изъ арифметики, геометріи, астрономіи и музыки.

— Законы мнѣ не надобны!.. — проговорилъ Маркъ.

— Самое хлѣбное дѣло!.. — отозвались голоса.—Посмотри-какъ хорошо живутъ всѣ судейскіе?

— Поступай на тривиумъ!.. — сказалъ кто-то: — будешь философомъ!

— Лучше всего иди въ оруженосцы къ богатому рыцарю и займись джострами!..* — насмѣшливо посовѣтовалъ четвертый. — Ишь ты какой здорovenный!

Нѣсколько человѣкъ засмѣялось: Маркъ плохо разбиравшійся въ словахъ новыхъ товарищей, смутился и сталъ оглядываться, какъ бы выискивая лазейку для выхода изъ кольца окружившихъ его зубоскаловъ.

— Нѣтъ, ужъ я въ тривиумъ!..—произнесъ онъ — Только вотъ какъ же съ грамматикой быть: вѣдь она запрещена паннами?..

Раздался хохотъ.

— Э, братъ, да ты сто лѣтъ тому назадъ родился должно быть?..—заговорили кругомъ. — Откуда этотъ чудакъ взялся...

---

*) Турниры

Двое рослыхъ, рыжихъ какъ огонь, студентовъ, стоявшихъ чуть поодаль и прислушивавшихся къ разговору съ новичкомъ, вмѣшались въ толпу товарищей.

— Ты изъ Германіи?..—спросилъ по нѣмецки одинъ изъ нихъ, плотный молодець съ веснушчатымъ лицомъ и бѣло-желтыми жгутами висячихъ усовъ, имѣвшими видъ моржовыхъ клыковъ; брови его были такого же цвѣта.

Лицо Марка просіяло.

— Да, я изъ Баваріи!.. — отвѣтилъ онъ на родномъ языкѣ.

— Ступай за нами; мы тебѣ все объяснимъ и расскажем!..

И три отмѣтныхъ головы словно поплыли къ выходу надъ моремъ черныхъ и смуглыхъ итальянцевъ.

— Меня зовутъ Мартинъ!.. — сообщилъ усачь. — А это Адольфъ изъ Швабіи.

Мартинъ распросилъ Марка о его намѣреніяхъ и одобрилъ его выборъ факультета; Маркъ узналъ, что о помѣщеніи ему беспокоиться нечего, такъ какъ чуть не сплошь всѣ обитатели окрестныхъ домовъ сдаютъ у себя комнаты и цѣлыя квартиры студентамъ и что такія помѣщенія именуется коллегіями.

Прежде всего надо было выбрать профессоровъ и записаться къ нимъ; Мартинъ, сопровождаемый какъ тѣнью безмолвствовавшимъ Адольфомъ, провелъ Марка въ небольшую комнатку, уютившуюся въ томъ же подвалѣ. Подъ единственнымъ окномъ ея сидѣлъ, склонившись надъ толстою книгой, невысокій монахъ, облеченный въ сѣрую рясу; услыхавъ шаги, онъ поднялъ черные глаза и кивнулъ вошедшимъ въ отвѣтъ на поклонъ ихъ.

— Записаться?—спросилъ онъ.

— Да!..—отвѣтилъ за Марка Мартинъ.

Монахъ взялъ лежавшій на столѣ каламъ и обмакнулъ его въ глиняную баночку съ чернилами.

— Какъ фамилія? — спросилъ онъ, приготовясь писать.

Маркъ смутился: фамиліи у него не было.

— Какъ же это могло такъ случиться?.. — удивился монахъ.

Маркъ запинаясь, рассказалъ свою исторію.

— Вотъ оно что?..—проговорилъ монахъ и задумался.—Ты говоришь, монастырь вашъ высоко въ горахъ стоитъ?

— Да.

— Такъ будь же ты Хохбергомъ!.. Аминь! — монахъ стукнулъ рукой по столу и принялся за записъ въ книгѣ

Маркъ обомлѣлъ, когда монахъ назвалъ ему цифру платы за право ученья — такихъ денегъ онъ не имѣлъ и трети.

— Что, капиталовъ не хватаетъ?.. — произнесъ монахъ замѣтивъ смущеніе молодого человѣка. — Да, братъ, наука что яблоня, приносящая золотые плоды... Взращеніе ея стоитъ трудовъ и денегъ. Но ничего, я тебѣ дамъ отсрочку на три мѣсяца: за это время оглядишься и достанешь все — товарищи тебѣ помогутъ и укажутъ какъ и что сдѣлать!

Онъ помѣтилъ что-то въ книгѣ, и трое студентовъ вышли на площадь. Яркій солнечный свѣтъ заставилъ Марка зажмуриться; шумъ и говоръ поразили его послѣ тишины канцеляріи; поблизости отъ себя онъ увидалъ тѣсный кругъ изъ людей. Среди него, какъ бы на аренѣ, находились двое студентовъ; крича, они наступали другъ

на друга; толпа вокругъ нихъ то хохотала, то разражалась рукоплесканіями.

— Это діалектики диспутъ ведутъ! — пояснилъ Мартинъ.—А гдѣ твои вещи?

— Въ тракторіи...

— Такъ ты перенеси ихъ къ намъ въ коллегію—въ нашей все нѣмцы! Тебѣ найдется мѣстечко.

Онъ указалъ свою квартиру и, будто окрыленный, Маркъ поспѣшилъ въ тракторію.

Не больше какъ черезъ часъ онъ уже стоялъ у входа въ свое новое жилище и оглядывался, не зная, куда идти дальше. Передъ нимъ впадиной темнѣлъ корридоръ; въ глубинѣ виднѣлась закрытая дверь, слѣва вела на верхъ, полная вѣчной ночи, каменная, винтовая лѣстница; будто ребра скелета бѣлѣли сточенныя по срединѣ ступеньки; Маркъ поднялся по ней и попалъ въ лабиринтъ короткихъ закоулковъ и извилинъ, обычныхъ въ тѣ времена... За одной изъ дверей онъ услышалъ голосъ и постучалъ въ нее; выглянула рыжая голова Мартина.

— Входи, входи, ждемъ!..—произнесъ онъ.

Маркъ перешагнулъ черезъ порогъ и очутился въ низкой, длинной комнатѣ, освѣщавшейся только однимъ окошкомъ. Несмотря на яркій день, половина его тонула въ сумеркахъ — солнечные лучи не проникали въ глубину уличныхъ ущелій. Вдоль стѣнъ, прямо на каменномъ полу, лежали набитые соломой, сплюснутые и рваные тюфяки; поверхъ cadaго валялась либо куртка, либо плащъ, замѣнявшіе простыни и одѣяла; подушками служили узелки и походныя сумы. У окна бокомъ стоялъ простой дубовый столъ; на немъ чернѣли грифеля и

стопка тонкихъ, съ изломами по краямъ, аспидныхъ плитъ, служившихъ вмѣсто драгоцѣнной бумаги. По обѣ стороны стола имѣлись коротенькія лавки, но размѣститься на нихъ могло не свыше четырехъ чело-вѣкъ. Никакой другой мебели въ комнатѣ не было, между тѣмъ обитателей въ ней, кромѣ Адольфа и Мартина, находилось еще пять че-ловѣкъ, все на подборъ рослыхъ молодцовъ.

Маркъ познакомился со всѣми, и Мартинъ указалъ ему на одинъ изъ тюфяковъ у стѣны.

— Вотъ твоя постель — восьмая! — ска-залъ онъ. — У насъ артель, и мы все дѣла-емъ сообща; каждый вноситъ свой пай...—А старшимъ выбранъ я, со мной и будешь ве-сти всѣ счеты!

Маркъ покраснѣлъ.

— У меня сейчасъ очень мало денегъ,— отвѣтилъ онъ.

— А у насъ, думаешь, ихъ много? — возразилъ Мартинъ: — богатыхъ-то развѣ десятка два на весь университетъ, а всѣ остальные сами себѣ хлѣбъ добываютъ! Когда есть что жевать — мы учимся; нѣтъ — по монастырямъ идемъ пѣть, прела-ты и монахи насъ любятъ! *) А кто не

---

*) Особенно рѣзко выработался типъ странствующаго студента въ XII вѣкѣ.

Бѣдняки-схоластики платили монастырямъ и др. ла-тинскими пѣснями: нѣкоторые превратили ихъ въ свое ре-месло и получили прозвище вагантовъ или же голлардовъ. Они бродили по одиночкѣ и цѣлыми обществами отъ одного епископа и монастыря къ другимъ; языкомъ они стѣснены не были, т. к. всѣ говорили по латыни; епископы, ведшіе веселую жизнь любили ихъ и призывали даже записывать ихъ пѣсни наряду съ разными занимательными рассказами въ сборники.

Нѣкоторые изъ такихъ застольныхъ пѣсень до сихъ поръ поются студентами.

можетъ—предсказаніями занимаются, сказки рассказываютъ, книги списываютъ; есть и такіе, что милостыней питаются: всячески перебиваются люди!..

— А какъ же съ лекціями? — недоумѣнно спросилъ Маркъ.

— Потомъ наверстываемъ; отъ товарищей узнаемъ!.. Конечно, годъ-другой лишній приходится изъ-за этого поучиться... торопиться некуда!

Въ корридорѣ раздался шумъ и смѣхъ; дверь отворилась, и вошла кучка студентовъ.

Жизнь втянула Марка въ колею.

Глава XVII

Янъ съ тонкимъ бронзовымъ обручемъ на лбу и волосахъ сидѣлъ на толстѣйшемъ чурбанѣ у самага окна полутемной мастерской и усердно постукивалъ молоточкомъ по чекану, кончая заданную ему пробную работу; въ рядъ съ нимъ за тѣмъ же занятіемъ размѣщалось четверо молодыхъ людей.

Очень интересны и ядовиты сатирическія пѣсни голіардовъ, часто направленные противъ духовенства и Рима.

Шутка ихъ: „если звательный падежъ вызвалъ тебя въ Римъ и винительный хочеть низложить тебя, привлеки къ дѣлу дательный и тогда отпустить тебя творительный“.

Была у нихъ и шуточно-сатирическая проза-пародія на буллы, мессы, евангелія, заповѣди и т. д.; постоянно упоминается въ нихъ Бахусъ.

Развитіе этого рода сочиненій вызвало разрывъ ихъ съ церковнымъ обществомъ и студенты получили новое прозвище „рибальди“ (шегодяй); въ концѣ XIII в. они уже были въ полномъ упадкѣ, а въ XV в. голіарды превратились въ нищенствующихъ студентовъ, занимавшихся плутнями и чернокнижіемъ.

Въ мастерскую то и дѣло заглядывали: и входили посѣтители, разсматривали вещи, спорили, но Янъ только мелькомъ кидаль на нихъ взглядъ и опять погружался въ свое дѣло. Полный, благодушнаго вида, сѣдовласый хозяинъ — Пиетро Бонавентури стоялъ у дубоваго прилавка, навалясь на него какъ обвалъ горы, и что то объяснялъ нѣсколькимъ синьорамъ.

Яну вдругъ почудился свѣжій и звучный женскій голосъ; онъ оглянулся и увидалъ, что хозяинъ показываетъ какія то серебряныя вещи молоденькой дѣвушкѣ и пожилой дамѣ. Янъ чуть не выронилъ молотокъ — дѣвушка была та самая, что вмѣстѣ съ отцомъ уже дважды встрѣчалась ему. Кровь начала приливать къ щекамъ Яна; чтобы скрыть это, онъ еще ниже склонилъ надъ работой голову, молотокъ его застучалъ усерднѣе.

— Ужъ не знаю, что еще показать синьоритѣ?.. — разведя руками, сказалъ Бонавентури; — вамъ труднѣе угодить, чѣмъ святому Петру! Развѣ взглянемъ на то, что дѣлаетъ мой новый помощникъ... Вещь еще не готова, я говорю про замысль!..

Онъ подошелъ къ Яну и взялъ у него изъ рукъ небольшой серебряный стаканъ съ округленными боками и уже покрытый съ одной стороны вычеканенными изображеніями.

— А вѣдь хорошо! — отъ души вырвалось у стараго ювелира. Онъ приподнялъ въ рукѣ стаканъ и, видимо, сталъ любоваться имъ. — Есть талантъ!.. Эта вещь украситъ любой столъ!..

— Да... очень недурно!.. — согласились обѣ дамы, и Янъ, негодуя на себя, почувствовалъ что опять краснѣеть.

— Этотъ стаканъ я возьму!.. — заявила дѣвушка.—Когда онъ будетъ готовъ?

— Я думаю послѣзавтра, не раньше...
— отвѣтилъ Бонавентури, взглянувъ на Яна.
— Завтра!..—вырвалось у того.

Хозяинъ опять посмотрѣлъ на него.

— Завтра такъ завтра!.. — согласился онъ.—Если такъ, то онъ же и принесетъ его вамъ.

Гости простились и ушли, сопровождаемые слугами, ожидавшими ихъ на улицѣ.

Бонавентури проводилъ ихъ до порога и обратился къ Яну:

— Не хотѣлъ я говорить при синьоритѣ Габриеллѣ...—заявилъ онъ:—а теперь скажу — тише, братъ, ѣдешь — дальше будешь!.. А рука у тебя вѣрная и чутье есть, но въ рисунокѣ имѣются промахи—видно, и тутъ торопился! Смотри, напимѣрь, на эту руку, она чуть длинна; больше всматривайся въ пропорціи людей! А въ общемъ я доволенъ: оставляю тебя у себя въ мастерской! Будешь усерденъ — станешь настоящимъ мастеромъ... Ну, посмотрите и вы всѣ, — продолжалъ Бонавентури, передавая стаканъ товарищамъ Яна.

Одинъ изъ нихъ — непривѣтливаго вида, со сросшимися на переносѣ черными тонкими бровями — мелькомъ взглянулъ на стаканъ и съ недовольной гримасой отстранилъ его отъ себя рукою; трое остальныхъ отнеслись къ работѣ новичка съ горячимъ одобреніемъ.

Къ сумеркамъ работа въ мастерской прекратилась; толстую наружную дверь заперли желѣзнымъ засовомъ; Янъ, закрывавшій ставнемъ окно, на минуту задержался у него. Улица уже опустѣла; въ двухъ-трехъ

мѣстахъ на ней, будто выходцы изъ ада, куда то спѣшили темныя человѣческія фигуры; лица ихъ, озаренныя раскаленными углями, лежавшими въ глиняныхъ чашкахъ, казались огненными: обыватели, не подбросившіе во время дровъ на очагъ, бѣгали за огонькомъ къ сосѣдямъ.

Съ закрытіемъ ставень домашняя жизнь рѣзко отмежевывалась отъ уличной, становившейся совсѣмъ чуждой и даже враждебной.

По обычаю тѣхъ временъ, подмастерья и хозяева обѣдали и ужинали вмѣстѣ въ кухнѣ — самой обширной комнатѣ въ домѣ; освѣщалась она очагомъ, а иногда по вечерамъ и сальной свѣчкой, горѣвшей въ огромномъ, какъ блюдо, мѣдномъ подсвѣчникѣ. На темныхъ стѣнахъ красовались ряды полокъ, тѣсно уставленныхъ всевозможной посудой; прислуживала хорошенькая, румяная и черноглазая Моника, приходившаяся дальней родственницей бездѣтной хозяйской четѣ.

Старый Бонавентури любилъ поговорить и, если былъ въ духѣ, то послѣ ужина, за стаканомъ вина, часто заводилъ рассказы о разныхъ интересныхъ дѣлахъ и приключеніяхъ и о чертовщинѣ. Эти послѣдніе бывали такъ страшны, что подмастерья сидѣли съ поблѣднѣвшими вытянутыми лицами, а хорошенькая Моника застывала, гдѣ, пришлось, съ раскрытымъ ртомъ и поблѣднѣвшими, какъ отъ инея, щеками.

Тогда вмѣшивалась жена Бонавентури — полная, сѣдовласая привѣтливая старушка.

— Полно тебѣ людей пугать... спать пора!! — заявляла она, подымаясь со стула. —

Ишь до чего доболтались — лицъ ни на комъ нѣтъ!

Всѣ приходили въ себя, старались улыбаться и казаться молодцами, но никто не рѣшился бы одинъ сдѣлать хоть шагъ въ сосѣднюю темную комнату.

Спать подмастерья отправлялись всею гурьбой — обиталище ихъ находилось на чердакѣ, гдѣ были разставлены деревянные кровати.

Долго не могъ заснуть Янъ въ эту ночь.

Его постель помѣщалась прямо противъ слухового окна и съ густой синевы неба ему мигали и переливались небесные сигнальные огни; глубокая тишина на улицѣ однажды нарушилась топотомъ бѣжавшихъ ногъ; черезъ нѣкоторое время мѣрно прошагало нѣсколько человѣкъ и по карнизу противоположнаго дома красною мышью скользнулъ лучъ свѣта: проходили съ фонаремъ сбирьы *)

Что то особенное и непонятное творилось въ душѣ Яна. Онъ лежалъ, закинулъ руки за голову, что то видѣлъ передъ собою, чему то улыбался. И мысль его вертѣлась на томъ, что завтра онъ увидитъ Габриеллу...

Бонавентури еще въ постели слышалъ стуки одиночнаго чекана и сперва удивился, затѣмъ улыбка забралась къ нему подъ густые усы: новый помощникъ ему нравился.

Къ полудню стаканъ былъ готовъ; Янъ наскоро похваталъ кое чего изъ обѣда, бережно завернулъ свою работу въ чистую тряпочку и устремился по указанному ему пути.

---

*) Полицейскіе.

На углу улицы онъ чуть не столкнулся съ двумя богато одѣтыми молодыми людьми въ маленькихъ черныхъ шапочкахъ; въ каждую было воткнуто¹ по орлиному перу; на бокахъ висѣли длинныя шпаги.

— Э-й!..—пустилъ ему вслѣдъ одинъ изъ щеголей.—Если ты на висѣлицу торопишься, то еще успѣешь — она свободна!

Янъ, не отвѣтивъ, пустился дальше. Нѣсколько поворотовъ и передъ нимъ открылась цѣль его стремлений — узкій, высокій домъ, примыкавшій къ еще болѣе высокой башнѣ, нѣсколько выдвинутой на улицу для обстрѣла ея по всему протяженію.

Дубовая дверь была закрыта.

Янъ постучалъ молоткомъ и услыхалъ гулъ, раскатившійся по комнатамъ: въ пріоткрывшуюся щелку выглянуло лицо молодого слуги.

— Что надо? — спросилъ послѣдній.

— Отъ Пьеро Бонавентури... — отвѣтилъ Янъ: — нужно видѣть синьориту Габриеллу Готье!..

Слуга шире отворилъ дверь и Янъ попалъ въ полутемную обширную прихожую; изъ нея вела на верхъ деревянная колѣнчатая лѣстница; потолокъ опирался на четыре тонкія, витыя колонны; за ними у стѣнъ виднѣлись длинныя сундуки; всюду висѣли шлемы, шпаги и арбалеты; въ тѣ времена оружіе всегда держалось подъ рукою.

Яна повели по лѣстницѣ; за поворотомъ ея на него уставились узкія бойницы, чернѣвшія за просторомъ зала; у стѣнъ чередами высились тяжелые, рѣзные шкафы, обитые тисненой кожей диваны и кресла; всѣ свободныя мѣста занимало отборное, дорогое оружіе; — зоркій глазъ Яна сразу

выдѣлилъ два вороненыхъ шлема, покрытыхъ художественной чеканкой и вышедшихъ изъ рукъ знаменитыхъ миланскихъ мастеровъ. Слѣва разѣвалъ огромную черную пасть каминъ. Въ стѣнѣ съ бойницами багровѣла низенькая дверь изъ толстаго желѣза, ведшая въ башню: попасть въ третій этажъ можно было только черезъ нее.

Изъ сосѣдней комнаты слѣва слышался разговоръ; Янъ узналъ голоса обѣихъ синьоръ, бывшихъ вчера въ мастерской Бонавентури; къ нимъ примѣшивался густой бархатистый баритонъ.

Слуга доложилъ о приходѣ ювелира и позвалъ Яна.

Съ сильно забившимся сердцемъ молодой художникъ переступилъ черезъ порогъ и увидалъ привѣтливо улыбавшееся лицо Габріели; она сидѣла за пяльцами; какъ въ туманѣ различилъ онъ помѣщавшуюся за прялкой около нея пожилую даму и представителяго челоуѣка въ лиловой щегольской сутанѣ епископа. Янъ отвѣсилъ низкій поклонъ, вставшей ему на встрѣчу дѣвушкѣ, и подалъ ей свое произведение.

— Какая прелесть!.. — громко воскликнула она. — Посмотрите, тетя!..

— Очень хорошо... отлично!.. — произнесла дама, мелькомъ взглянувъ на стаканъ.

— Ничего... недурно!.. — снисходительно согласился епископъ. Тутъ только Янъ замѣтилъ, что епископъ былъ бы красивъ, если бы его не портилъ носъ такихъ размѣровъ, что казался приставленнымъ.

— Это твоя работа?.. — освѣдомился епископъ.

— Моя... — отвѣтилъ Янъ.

— Такъ зайди ко мнѣ на дняхъ со своимъ хозяиномъ; у меня есть работа для тебя!..

Епископъ сталъ разспрашивать Яна кто онъ и откуда; тѣмъ временемъ Габріель выскользнула въ боковую дверь со своимъ стаканомъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулась уже безъ него.

Янъ удовлетворилъ любопытство своего собесѣдника и откланялся. Пожилая дама и епископъ отвѣтили легкими кивками; молодая дѣвушка проводила его въ залъ.

— А кольцо и деньги я занесу вашему хозяину завтра около полудня... — сказала она и вдругъ быстро оглянулась и прижала палецъ къ губамъ; лицо ея сразу измѣнилось и приняло умоляющее выраженіе.

Не успѣлъ Янъ сообразить въ чемъ дѣло, въ рукѣ его очутился сложенный маленькимъ квадратикомъ кусокъ тончайшаго папируса.

— Пожалуйста передайте!.. отвѣтъ завтра!.. — едва слышно шепнула она и громко добавила: «до свиданья!»

— До свиданья!.. — пробормоталъ ошеломленный Янъ. Онъ зажалъ записку въ кулакъ, чуть не скатился съ лѣстницы и очутился на улицѣ. Что означало это внезапное письмо? Къ кому оно? Прочестъ его было невозможно — кругомъ мелькали люди; надо было найти укромный уголокъ и безъ свидѣтелей взглянуть на имя.

Онъ метнулся за уголъ, потомъ за другой — вездѣ либо глазѣли изъ оконъ, либо шли прохожіе. Янъ сдѣлалъ наугадъ еще нѣсколько поворотовъ и очутился передъ громадой собора.

На широкихъ каменныхъ ступеняхъ восходившихъ на паперть сидѣли и лежали

кучки баратіери — босыхъ людей разнаго возраста въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ и съ ничѣмъ не покрытыми лохматыми головами; всѣ были подпоясаны ремнями, на которыхъ висѣли небольшія кожаныя сумки.

Нѣсколько головъ повернулось въ сторону Яна. Двое или трое запустили руки въ сумы и вытащили оттуда игральныя кости.

— Есть кости, кости! — воскликнулъ одинъ, подкидывая на ладони черныя кубики.

— Охъ, сегодня удачный день для тебя!! — возгласилъ другой: — попытай счастье!

— Не бѣги самъ — дай я за тебя это сдѣлаю?.. — предложилъ третій.

Яну было не до игры. Онъ качнулъ отрицательно головою, почти бѣгомъ взлетѣлъ по ступенькамъ и скрылся въ соборѣ.

Сидѣвшій поодаль статный и еще молодой черноусый человѣкъ съ бронзовымъ, смѣлымъ лицомъ и съ курчавой какъ у негра головою, проводилъ его внимательнымъ взглядомъ.

— Куда бы это онъ такъ спѣшилъ?.. — проронилъ онъ.

— Да въ церковь!.. — наивно отозвался ближайшій, глуповатаго вида человѣкъ.

— Какъ же... помолиться приспичило! — насмѣшливо сказалъ курчавый. — Нѣтъ, братъ, молиться такъ не бѣгаютъ! Не пахнетъ ли здѣсь чѣмъ вкуснымъ? Эй, Беппо?! — крикнулъ онъ.

На зовъ его съ противоположной стороны поднялся невысокій, щуплый человѣкъ съ острой, какъ бы хорьковой мордочкой.

— Что тебѣ?.. — спросилъ онъ, по-
дойдя.

— Прослѣди ка пойдѣ за этимъ молод-
цомъ!.. — приказалъ курчавый, видимо быв-
шій начальствомъ. — Нѣтъ ли свиданья у
него въ соборѣ? Рожа то еще незнакомая..
добычкой попахиваетъ!..

Беппо юркой, быстрой походкой затыр-
кался по лѣстницѣ, мелькнулъ въ порталѣ
и исчезъ.

—

Соборъ былъ пустъ; на заполнявшихъ
его скамьяхъ въ полусумеркахъ рисовались
всего двѣ-три поникшихъ черныхъ фигуры.
Янъ торопливо преклонилъ передъ среднимъ
главнымъ алтаремъ колѣно, выбралъ мѣ-
стечко у колонны поближе къ окну, изъ
котораго врывался свѣтъ, оглянулся кру-
гомъ и разжалъ кулакъ.

Записка была запечатана большой вос-
ковой печатью; на другой сторонѣ было вы-
ведено чернилами: «Помпео Маркони, у Фло-
рентійскихъ воротъ.»

Въ первую минуту Янъ ничего не по-
нялъ.

— «Какой такой Маркони?.. почему эта
записка сунута мнѣ?» — провеслись
мысли. Онъ сдѣлалъ, было, движеніе, чтобы
распечатать ее, но удержался и сталъ при-
ходить въ себя. Письмо, несомнѣнно, за-
ключало въ себѣ какую-то тайну синьориты.
Она довѣрилась ему, значитъ надѣется на
него и желаніе ея надо выполнить во что
бы то ни стало.

Янъ тщательно запряталъ записочку за
пазуху, склонился головой на спинку скамьи,

находившейся впереди и нѣсколько минут просидѣлъ среди глубокой тишины въ этой благочестивой позѣ. Онъ не видалъ, что позади него въ то время, когда онъ бережно засовывалъ письмо во внутренній карманъ, на ближайшей колоннѣ обрисовалось смуглое настороженное лицо.

Янъ поднялся и вышелъ на паперть; за нимъ поодаль слѣдовалъ Беппо. Яна сейчас же окружило съ разными предложеніями нѣсколько назойливыхъ пройдохъ, а Беппо въ это время шепотомъ сообщилъ пославшему его, что видѣлъ.

Курчавый кивнулъ головою, сдѣлалъ незамѣтный знакъ и кучка пристававшихъ къ Яну людей сразу отстала отъ него.

Янъ сошелъ съ лѣстницы и остановился.

— А вотъ не скажете ли вы мнѣ гдѣ Флорентійскія ворота? — спросилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

— О, это далеко!.. — отозвался ближайшій баратіери. — Молодому синьору нужно, конечно, передать любовное письмо, такъ давайте его намъ: это наша спеціальность! Все будетъ шито-крыто...

— И обойдется всего въ какіе-нибудь два десятка кватрони!.. — подхватилъ другой.

Янъ почувствовалъ что краснѣеть.

— Вовсе не письмо!.. — проговорилъ онъ: — тамъ у меня знакомый живетъ... пріятель!.. — Янъ повернулся и быстро зашагалъ прочь. Вслѣдъ ему раздался смѣхъ и остроты.

Курчавый баратіери опять подалъ знакъ головой и слѣдомъ за Яномъ, стараясь

быть незамѣченнымъ и не потерять его изъ виду, пустился тотъ же Беппо.

Глава XIX

Янъ шелъ озабоченный. Еще впервые въ жизни онъ попалъ въ такую исторію, да еще осложненную полнымъ незнаніемъ города и его жителей. Спросить у перваго встрѣчнаго кто такой и гдѣ живетъ Помпео Маркони Яну казалось невозможнымъ — выдачей тайны Габріели всему городу. И вдругъ лицо его просвѣтлѣло — онъ вспомнилъ о всезнающемъ Луиджи и рѣшилъ сейчасъ же зайти къ нему.

Трактиръ «Бѣлаго Коня» былъ какъ разъ по пути и Янъ заглянулъ въ него, но Луиджи тамъ не оказалось; хозяинъ сообщилъ, что его не видно уже нѣсколько дней. Предстояло идти въ «Два Льва», но это было далеко и сперва было необходимо зайти въ мастерскую и отпроситься у Бонавентури.

Старикъ задержалъ его недолго и когда Янъ, потупивъ глаза, сказалъ, что отлучиться ему необходимо для того, чтобы проститься съ уѣзжающимъ пріятелемъ, Бонавентури подмигнулъ женѣ и воскликнулъ: — Доброе дѣло! Только смотри — не въ юбкѣ ли твой пріятель, а то, пожалуй, до самага утра дороги домой не найдешь?

Вся мастерская захохотала; Янъ покраснѣлъ, что то пробормоталъ и выюркнулъ на улицу.

Быстро и не оглядываясь пустился онъ въ путь и минутъ черезъ двадцать уже стоялъ передъ двухъэтажнымъ, сѣрымъ домомъ,

надъ вѣздомъ въ который висѣла вывѣска, изображавшая двухъ огненныхъ львовъ, любовно положившихъ лапы другъ другу на плечи.

Янъ вошелъ въ тѣсный дворъ и подъ навѣсомъ нашель хозяина, отпускавшаго ячмень для лошадей приѣзжихъ. Янъ приподнял беретъ и освѣдомился здѣсь ли синьоръ Мальвио.

Кривой на одинъ глазъ и весь заросшій черными волосами трактирщикъ непривѣтливо глянулъ на него.

— А вы кто такой?..—спросилъ онъ.

Янъ назвалъ себя.

Кривой пожевалъ губами, подумалъ, потомъ ткнулъ пальцемъ на уголь, откуда начиналась каменная лѣстница. — Туда!..—коротко добавилъ онъ.

Янъ поднялся на крыльцо, отворилъ лѣвую изъ двухъ дверей и попалъ въ погребъ; охватило густымъ виннымъ духомъ; съ противоположной стѣны тускло, словно луна изъ за тумана, глядѣло круглое, высоко пробитое и затянутое паутиной окно; въ сумеркахъ выявлялись ряды бочекъ, накаченныхъ другъ на друга; между ними были устроены проходы и кое гдѣ размѣщались столики и скамейки. Людей никого не было и Янъ, оглядываясь по сторонамъ, медленно пошелъ среди бочекъ. Справа открылся болѣе широкій и свѣтлый проходъ, оттуда слышался говоръ; Янъ свернулъ туда и попалъ въ кухню тракторіи. Нѣсколько столиковъ были заняты пестрымъ, обѣдавшимъ и пившимъ виномъ людомъ. Въ глубинѣ имѣлся другой, прямой, выходъ на дворъ; Янъ приостановился, выискивая глазами нужнаго ему человѣка; нѣсколько черныхъ головъ оглянулось на

новаго пришельца и Янъ почувствовалъ легкій ударъ по своему плечу: позади него, словно выросшій изъ каменныхъ плитъ пола, стоялъ и улыбался Луиджи.

— Здорово, дружище!.. — произнесъ неаполитанецъ: — откуда Богъ послалъ?

— Дѣло къ тебѣ!.. — вполголоса сказалъ Янъ.

Луиджи мигнулъ ему, взялъ подъ локоть и повелъ въ только что пройденное царство бочекъ.

— А ну ка намъ кувшинчикъ?.. — обратился онъ къ проходившей мимо служанкѣ.

— Тутъ поукромнѣе шепнулъ онъ Яну!..

• Погребъ, видимо, былъ извѣстенъ Луиджи прекрасно. Онъ выбралъ совершенно укрытый отъ стороннихъ глазъ и ушей уголокъ и расположился въ немъ со своимъ гостемъ.

— Говори тихо!.. — предупредилъ онъ: — чтонибудь стряслось?

— Да особеннаго ничего... откуда ты взялъ? — удивился Янъ.

— Да по твоей физикѣ вижу!.. — въ чемъ исторія?

Янъ медленно полѣзъ въ карманъ, вытащилъ записку и, не выпуская ее изъ рукъ, не безъ смущенья рассказалъ все происшедшее.

Луиджи слушалъ насторожась, затѣмъ молча взялъ письмо и поднесъ близко къ глазамъ.

— Не вижу, темно!.. — проговорилъ онъ. — Я пойду, прочту и онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы встать, но Янъ удержалъ его.

— Оно Помпео Маркони, у Флорентійскихъ воротъ...

— Помпео Маркони?.. раздумчиво повторилъ Луиджи. — Что то знакомое имя... А,

вспомнилъ!!! важный синьоръ... Такъ въ чемъ же загвоздка? Ступай и отнеси!

Янъ молчалъ: глаза его были недвижно устремлены въ одну точку.

— Чего ты уперся?..

— А если оно любовное?..—неожиданно для себя самого выговорилъ Янъ, мысль зародившуюся у него въ душѣ.

— Да тебѣ то что за печаль?—Луиджи откинулся на бочку и вдругъ залился тончайшимъ фальцетнымъ смѣшкомъ.

— О король идіотовъ!!.—воскликнулъ онъ.

— Да ты что-ужь не влюбился ли?!.. когда же ты успѣлъ? Ахъ проворный малый!!.

Янъ не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, братъ, ошибаешься!..—прервалъ самъ себя Луиджи. —Голову прозакладываю, что здѣсь что то другое!..

— Что же такое?

— Любовныхъ записокъ не пишутъ!..—продолжалъ неаполитанецъ: — приглашенія на свиданія передаются на словахъ служанкой, или баратіери — это ихъ хлѣбъ... тутъ чтонибудь много важнѣе, разъ она рѣшилась на такой рискъ и не довѣрилась своимъ окружающимъ.

— Вѣдь и меня она не знаетъ!.. — заявилъ Янъ.

— Это то и примѣчательно... значить ты рожей своей ей понравился, вѣру въ себя внушилъ!..

— Ты такъ думаешь?

Луиджи кивнулъ головой.

— Именно такъ. Мой нюхъ издалека супъ чуетъ! Смотри, будь остороженъ, не отдавай письма при людяхъ! Хорошо можешь заработать на этомъ дѣлѣ!.. — Онъ возвратилъ записку Яну.

— Зарботка я не хочу!—буркнулъ тотъ.

— Ну, конечно!..—иронически согласился Луиджи. — Вы всё сѣверяне только по виду люди, а на самомъ дѣлѣ болваны! Ей Богу, чего же ты хочешь? Чтобы родовитая синьорита да еще французенка, Габріэль Готье, бросилась тебѣ на шею, или вышла за тебя замужь?.. Это вотъ видалъ ты? — Онъ поднесъ къ самому носу Яна кукишъ.

— Ничего мнѣ не надо... я такъ!..—упрямо повторилъ Янъ. — Она, значить, французенка, а я не зналъ!

Пріятели осушали по кружкѣ вина и Луиджи налилъ по второй.

— Надѣюсь, своему хозяину ты ничего не сказалъ о письмѣ? — освѣдомился онъ.

— Ничего.

— Умно!.. И такъ, тебѣ надо знать, гдѣ живетъ Помпео Маркони?

— Да... у другихъ спросить я боялся!

— Э, да ты умнѣй, чѣмъ я думалъ!..—усмѣхнувшись, отвѣтилъ Луиджи. — Изъ тебя выйдетъ толкъ! Ладно, я провожу. Только навѣрное ты никому не проболтался куда собираешься идти?

— Никому!.. впрочемъ на паперти собора я спросилъ гдѣ Флорентійскія ворота.

— У кого? У босоногихъ прохвостовъ?

— Да.

Луиджи неодобрительно мотнулъ головою.

— Худо!..—Это же разбойники, шпіоны и все что хочешь! А когда сюда шель—никого изъ нихъ позади тебя не было?

— Я не оборачивался...

Луиджи подумалъ съ минуту и протянулъ руку.

— Давай сюда письмо. Вмѣстѣ пойдемъ, а будетъ оно у меня!.. — пояснилъ онъ. — Такъ безопаснѣ!..

Онъ спряталъ отданную Яномъ записку и велѣлъ пріятелю не трогаться съ мѣста, а самъ всталъ и началъ осторожно пробираться между стѣной и бочками къ кухнѣ. Тамъ сидѣли все прежніе посѣтители, но въ самомъ дальнемъ углу зоркій глазъ неаполитанца сразу завидѣлъ бѣлое пятно и призналъ въ немъ баратіери. Беппо что то ѣлъ и все поглядывалъ на ходъ въ погребъ.

Луиджи быстро вернулся въ свое убожище.

— Есть!.. Видишь, что значитъ распускать языкъ?..—прошепталъ онъ.—Справа въ углу сидитъ. Это такіе черти, я тебѣ скажу!..

Онъ на спѣхъ объяснилъ Яну по какимъ примѣтамъ и куда надо идти. — Только не оглядывайся; на перекресткахъ улицъ обращайся на всѣ четыре стороны, будто не знаешь дорогу и примѣчай гдѣ мы. Ты ступай первымъ, за баратіери я пойду — онъ меня въ лицо не знаетъ! Домъ Маркони сразу опредѣлишь — онъ тамъ единственный, красный, кирпичный; надъ входомъ бѣлый щитъ съ синимъ шлемомъ виситъ. Какъ завидишь его — вправо сейчасъ же забирай. Я къ Помпео прошмыгну, а ты заведи жулика подальше, посиди гдѣ нибудь въ тракторіи и домой ступай — къ закрытію мастерской я съ отвѣтомъ подойду!.. Ну, съ Богомъ... вали, какъ будто ничего не знаешь!.. —Онъ слегка подтолкнулъ Яна, а самъ опять исчезъ между стѣной и бочками.

Янь обдернулъ на себѣ куртку и направился въ тракторію. Человѣкъ. въ бѣломъ

увидаль его и Яну показалось, будто съежился и глубже втиснулся въ уголь.

Янъ вышелъ на дворъ, затѣмъ на улицу; Луиджи наблюдалъ изъ своей засады и убѣдился, что онъ не ошибся: баратіери быстро, допилъ вино, бросилъ на столъ звякнувшую монету и поспѣшилъ уйти. За нимъ издали послѣдовалъ неаполитанецъ.

Янъ точно исполнялъ все, что было ему сказано и въ свою очередь увидаль, что за нимъ слѣдили. Душа его вдругъ исполнилась какой то радости — ему захотѣлось смѣяться и показать носъ шпиону, котораго они сейчасъ такъ ловко одурачатъ. Онъ летѣлъ какъ на крыльяхъ.

Послѣ множества поворотовъ и изгибовъ улица, сдѣлавшаяся совсѣмъ глухой и безлюдной, уперлась въ башню и обтекла ее справа и слѣва. Янъ замѣтилъ неподалеку красный домъ и, какъ было условлено, взялъ въ обратную отъ него сторону.

Луиджи задержался за уголъ, убѣдился, что Янъ и его преслѣдователь скрылись изъ вида, подошелъ къ входу подъ бѣлымъ щитомъ и синимъ племомъ, еще разъ оглядѣлся и ударилъ о скобу желѣзнымъ молоткомъ, имѣвшимъ видъ руки въ боевой перчаткѣ.

Дверь отворилась и впустила Луиджи въ полутемную прихожую обычнаго типа тѣхъ временъ. Рядомъ съ деревянной лѣстницей имѣлся совсѣмъ узкій корридоръ, выводящій на дворъ.

— Синьоръ Помпео дома?.. — спросилъ Луиджи.

— Дома!.. — коротко отрѣзалъ пожилой коренастый слуга съ густыми бровями, мрачно сросшимися на переносѣ.

— Порученье имѣю къ нему...

— Отъ кого?..

— А это я ужъ лично доложу вашему господину!..—отвѣтилъ Луиджи.—Будьте любезны подняться къ нему на верхъ, мой дорогой другъ. И нѣсколько поторопитесь—меня ждетъ герцогъ!

— Пожалуйте за мной!.. — проговорилъ опѣшавшій слуга.

Оба они взошли по лѣстницѣ и слуга, оставивъ Луиджи въ небольшомъ залѣ, скрылся за пурпурнымъ ковромъ, замѣнявшимъ дверь.

Луиджи обѣжалъ все внимательнымъ взглядомъ.

У стѣнъ и въ углахъ размѣщалось нѣсколько статуй изъ бѣлаго мрамора, превосходной работы, но частью поломанныя. Старинная, тяжелая и прочная, была и мебель.

Неуспѣлъ Луиджи разсмотрѣть все какъ слѣдуетъ—изъ за ковра показался человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ полосатомъ малиново-голубомъ платьѣ. Располагающее къ себѣ лицо его съ небольшой бородкой было нѣсколько озабочено.

Луиджи отвѣсилъ почтительный и въ то же время свободный поклонъ. Маркони отвѣтилъ легкимъ наклоненіемъ головы.

— Въ чемъ дѣло?..—спросилъ онъ.

— Синьоръ...—отвѣтилъ опять кланяясь неаполитанецъ:—я не имѣю права говорить при постороннихъ!..—Онъ указалъ глазами на слугу, недвижно стоявшаго у лѣстницы.

— Это свой, вѣрный человѣкъ!.. — сказалъ Маркони.— А впрочемъ...—онъ сдѣлалъ легкій знакъ рукой и слуга исчезъ подъ поломъ.

Луиджи досталъ записку Габріели и подалъ ее Маркони. Тотъ посмотрѣлъ на почеркъ, потомъ на печать и выхоленные, бѣлые пальцы его заторопились распечатывать письмо. Оно было длинное, съ какими то рисунками и, какъ молча соображалъ Луиджи, значить было заготовлено синьоритой заранѣе и выжидало случая къ отправкѣ.

Лицо Маркони по мѣрѣ чтенія дѣлалось оживленнѣе, на губахъ появилась улыбка.

— Добрыя вѣсти—добрая и плата!.. — произнесъ онъ, складывая письмо.

Онъ открылъ висѣвшую у него на бедрѣ, вышитую бисеромъ сумочку, досталъ оттуда золотую монету и протянулъ ее Луиджи. Тотъ принялъ ее и раскланялся еще ниже.

— Подожди здѣсь, я сейчасъ напишу отвѣтъ!.. — приказалъ Маркони и край ковра опустился за нимъ.

Луиджи развалился въ креслѣ съ высокою спинкой и съ довольнымъ видомъ, свысока, сталъ посматривать на окружавшихъ его мраморныхъ богинь и боговъ. Рядомъ съ нимъ оказался сидѣвшій на камнѣ фавнъ; онъ обнялъ обѣими руками приподнятое колѣно и съ загадочной умѣшкой смотрѣлъ на неаполитанца. Тотъ вдругъ ухватилъ его за козлиную бородку и сжалъ ее, затѣмъ отъ избытка удовольствія покровительственно потрепалъ по щекѣ.

— Такъ то, дурачекъ!.. — проговорилъ онъ вполголоса.

Синьоръ Маркони писалъ долго. Наконецъ, коверъ зашевелился и Луиджи вскочилъ со своего мѣста.

— Вотъ мой отвѣтъ!.. — проговорилъ Маркони, отдавая ему письмо. — До завтраш-

няго вечера! Ты, вѣдь, съ нами пойдешь, конечно?..

— Всенепремѣнно, синьоръ... но куда именно?

— Мы знаемъ теперь потайной ходъ въ его тюрьму... — отвѣтилъ Маркони. — Остальное, конечно, тебѣ извѣстно!

— Все знаю, синьоръ! Но гдѣ сборъ?

— У падающихъ башенъ. Пароль будетъ «соколь». До свиданья!..

Луиджи выбрался на улицу и направился къ тавернѣ, указанной имъ Яну. Голова неаполитанца усиленно работала, сясь проникнуть въ тайну, продолжавшую все запутываться. Вспомнилось ему только одно — что фамилія Маркони числилась въ партіи Гибеллиновъ, ярыхъ враговъ папы. Но при чемъ же тутъ французенка, Габріель Готье и тюрьма?

Въ раздумьи добрался Луиджи до назначенной таверны, но тамъ Яна не оказалось; Луиджи заглянулъ еще въ нѣсколько окрестныхъ кабачковъ — пріятеля его нигдѣ не было. Онъ подождалъ за кружкой вина въ одномъ мѣстѣ, потомъ въ другомъ, въ третьемъ — Янъ не появлялся; дѣло между тѣмъ шло уже къ вечеру и улицы должны были скоро начать замыкаться.

Луиджи поспѣшилъ къ мастерской Бонавентури и, не заходя въ нее, заглянулъ въ окно и облегченно вздохнулъ — онъ увидалъ бѣлокурую голову пріятеля, низко склоненную надъ работой.

Заходить въ мастерскую и передавать письмо при всѣхъ было неудобно и Луиджи рѣшилъ прогуляться и медленно обогнулъ пару кварталовъ; какъ разъ къ закрытію мастерской онъ былъ опять около нея; Янъ

запираль наружныя ставни и вдругъ почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то руку; онъ быстро оглянулся.

— А это ты?! — прошепталъ онъ, обрадовавшись. — Сдѣлалъ?

Луиджи молча кивнулъ головой и непримѣтно сунулъ ему отвѣтное письмо.

Еще неплотно прижатая ставня пріотворилась и лучъ свѣта упалъ на лицо Яна. Луиджи ахнулъ: лѣвый глазъ Яна совершенно запухъ и подъ нимъ чернѣлъ синякъ; лобъ украшала громадная сизо-багровая шишка.

— Что такое?! — чуть не вскрикнулъ неаполитанецъ.

— Напали!.. — тихо повѣдалъ Янъ. — Еще двое меня поджидали. Накинули на голову мѣшокъ, сразу свалили, обшарили всего и исчезли; когда я выпутался — ихъ и слѣдъ простылъ. О камни лицомъ пришелся!

— Та-а-къ!! — протянулъ Луиджи. — Ну, это не бѣда, не мы въ дуракахъ!.. Смотри же!.. — озабоченно добавилъ онъ: — завтра ни на шагъ изъ дома, пока не сдашь!.. понялъ?

— Понялъ... спасибо тебѣ!.. — отвѣтилъ Янъ.

— Я-а-нъ?.. — раздался въ эту минуту голосъ Бонавентури. — Гдѣ ты-ы?! Кого еще провожаешь?

Изъ мастерской донесся дружный взрывъ смѣха.

— Прощай!.. — шепнулъ Янъ: — въ воскресенье приду! — и онъ исчезъ въ дверяхъ.

Чѣмъ ближе къ полудню подходило на другой день время, тѣмъ все возбужденнѣе становился Янъ. Онъ то и дѣло взглядывалъ на синій клочекъ неба, чтобы опредѣлить положеніе невиднаго ему солнца и прислушивался къ шагамъ и голосамъ на улицѣ. Письмо Маркони было еще съ ранняго утра сложено въ самый малый размѣръ и такъ засунуто за бортъ куртки, что въ любую секунду однимъ незамѣтнымъ движеніемъ его можно было извлечь оттуда.

Звякнули подковы коней и Янъ вздрогнулъ. Лошади остановились около двери мастерской и на порогѣ показались, одѣтые въ длинныя голубое и вишневое платья, Габріель и пожилая дама. уже извѣстная Яну.

Бонавентури встрѣтилъ ихъ глубокимъ поклономъ. Янъ почувствовалъ, что онъ весь заливадается заревомъ и потушилъ глаза; записка мгновенно очутилась у него въ рукѣ. Гости поздоровались и Габріель обвела взглядомъ работавшихъ.

— А гдѣ же вашъ помощникъ?.. — спросила она:— тотъ, что принесъ вчера стаканъ — я хотѣла еще разъ поблагодарить его за чудесную работу!

Янъ поднялъ голову и увидалъ, что пухло-бѣлое лицо Бонавентури совсѣмъ расплылось отъ улыбки, а толстый палецъ съ изумруднымъ перстнемъ устремленъ на него.

— Какъ, это вы?!.— съ неподдѣльнымъ участіемъ воскликнула и даже всплеснула руками дѣвушка.. — Что съ вами случилось?!

— Это у него отъ излишней чувствительности, синьорита!.. — отвѣтилъ за него Бона-

вентури: — очень растрогался вчера на проводахъ товарища!

Подмастерья тихо зафыркали.

— Надѣюсь, что ничего болѣе худого съ вами не произошло?.. — сказала Габріель. — Я принесла кольцо, которое хочу передѣлать.. — она обратилась къ хозяину и взяла сумочку, висѣвшую у нея сбоку.—Разсмотрите пожалуйста, гдѣ бы можно было укрѣпить на немъ нашъ гербъ?

Бонавентури подошелъ къ самому окну и погрузился въ соображенія; Габріель стала между нимъ и Яномъ, и Янъ почувствовалъ напоминательный толчекъ; не поворачивая головы онъ метнулъ глазами влѣво и вправо, и записка мгновенно перемѣстилась въ руку Габріели.

Ювелиръ съ увлеченіемъ принялся объяснять, что возможно сдѣлать съ драгоценностью, Габріель согласилась со всѣми его предположеніями, оставила кольцо и расплатилась.

— Мерси!..—съ особымъ чувствомъ произнесла она, простившись съ Бонавентури и уходя изъ мастерской; Янъ перехватилъ ея признательный взглядъ, устремившійся на мгновенье на него и понялъ, что это слово относилось исключительно къ нему. Опять краска покрыла его щеки.

— Слышалъ, что я говорилъ?—обратился къ нему Бонавентури, вернувшись съ улицы, куда онъ проводилъ обѣихъ дамъ.

— Слышалъ... — отозвался Янъ.

— Такъ вотъ держи—поручаю кольцо тебѣ!..—Смотри, не ударь лицомъ въ *грязь, да сдѣлай мнѣ сперва рисунокъ!

День прошелъ для молодого подмастерья какъ въ туманѣ: въ душѣ его пѣли соловьи и въ ухахъ все время звучало «мерси».

Падающихъ башенъ въ Болонѣ было двѣ. Онѣ стояли на небольшой площади и были никѣмъ не обитаемы; на верхахъ ихъ росла трава и кусты. Ходило преданіе, что за триста лѣтъ до описываемаго времени чертъ выстроилъ ихъ въ одну ночь для заложившаго ему душу рыцаря. Рыцарь въ концѣ концовъ покаялся и, когда въ условленное время чертъ явился за нимъ — обѣ башни оказались наполненными канониками, служившими мессы и сатана не могъ проникнуть во внутрь. Розыгралась страшная гроза и буря, и чертъ видя, что добыча его ускользаетъ, ухватилъ при блескѣ молніи башню за уголь и хотѣлъ опрокинуть ее; она накренилась и чертъ замѣтилъ, что его жертвы въ ней нѣтъ; онъ въ бѣшенствѣ кинулся на другую; къ счастью въ эту минуту запѣлъ пѣтухъ и нечистая сила стремглавъ бросилась въ разсыпную. Рыцарь поступилъ въ монастырь, а дьявольскія постройки остались заброшенными и по ночамъ, случалось, люди видѣли въ нихъ огонь и слышали хохотъ и пѣніе.

Около башенъ стояла городская висѣлица и понятно, что ни одна живая душа не показывалась ночью на этомъ страшномъ пустырѣ, поросшемъ бурьяномъ.

Какъ чуть не сплошь всѣ въ тѣ времена, Луиджи хорохорился днемъ и трусилъ ночью; поэтому чѣмъ ближе надвигались сумерки, тѣмъ все неспокойнѣе становилось у него на

душѣ и онъ нѣсколько разъ выругаль себя самымъ забористымъ образомъ за то, что ввязался въ совершенно непонятную исторію, могшую помимо страховъ еще неблагоприятно отозваться и на его шеѣ. Вечеръ наступилъ темный и бурный; барабанилъ дождь, время было пускаться въ путь. Луиджи ощупаль на мѣстѣ ли амулетъ, всегда висѣвшій у него на шеѣ, прицѣпилъ къ боку стиллетъ, набожно перекрестился нѣсколько разъ и вышелъ на улицу; сразу охватило дождемъ и вѣтромъ.

Луиджи закутался плотнѣе въ плащъ и зашагалъ въ глубь города. Два раза впереди показывался движущійся свѣтъ и Луиджи прижимался къ стѣнѣ и застывалъ, или же прятался за уголъ—проходили съ фонарями сбирь, или запоздавшіе гуляки: встрѣча съ тѣми и съ другими была не безопасна.

На краю площади съ падающими башнями Луиджи остановился; по спинѣ его потекъ холодокъ.

— Ну, куда ты, свинья, полѣзь?!. тоскливо думаль онъ; передъ глазами у него встала тратторія, полная тепла и свѣта, съ компаніей собутыльниковъ у камина. Онъ хотѣлъ повернуть назадъ, но преодолѣлъ себя, стиснулъ зубы и пустился по проклятому мѣсту. Черезъ десятокъ—другой шаговъ онъ наткнулся на какой то столбъ—передъ нимъ была висѣлица; онъ шарахнулся въ сторону и завидѣлъ едва распознававшуюся во тьмѣ склоненную башню.

— Кто идетъ?..—негромко окликнулъ оттуда голосъ.

— Свой!..—отозвался Луиджи.

— Кто свой?..

— Соколъ!..

Около неаполитанца выросла черная фигура.—Во вторую башню!..—шепнула она.

Видъ живого существа подбодрилъ Луиджи; у входа въ башню у него опять спросили пароль; дверь отворилась и снова захлопнулась за нимъ.

Странная картина представилась глазамъ Луиджи: тѣсное помѣщеніе было наполнено людьми въ черныхъ плащахъ, но ни лицъ, ни фигуръ ихъ нельзя было различить въ темнотѣ; видны были только ноги да полъ, выстланный неровными плитами; у стѣны стояло нѣсколько лопатъ, ломъ и два фонаря съ закутанными въ тряпки верхними половинами; благодаря этому свѣтъ, словно туманъ, стлался только по низу.

Появилось еще нѣсколько человѣкъ; высокій, съ бархатной полумаской на лицѣ, пересчиталъ собравшихся и двое людей взяли за лопаты и бисто раскопали небольшую грудку мусора у лѣвой стѣны. Обнажилась каменная плита съ ржавымъ желѣзнымъ кольцомъ: ее подняли и Луиджи увидалъ лѣстницу, ведущую куда то въ глубину земли.

— Вы на всякій случай здѣсь останьтесь!..—распорядился высокій и отдѣлилъ четырехъ человѣкъ со шпагами:—двое наружи караульте и двое здѣсь.

— За дѣло, друзья!

Голосъ его показался неаполитанцу знакомымъ.

Подъ плащами у нѣкоторыхъ оказались еще фонари и свѣтъ сразу наполнилъ древнюю башню; ломы и лопаты были разобраны и черное шествіе стало исчезать подъ землею.

Луиджи, на всякій случай пристроившійся къ самому концу его, очутился въ узкомъ корридорѣ съ низко нависшимъ сводомъ; нѣсколько дальше проходъ расширялся; справа и слѣва стали зиять впадины; ихъ освѣщали фонарями и открывались пустыни комнатъ разныхъ размѣровъ; въ нѣкоторыхъ находились изъѣденные временемъ столы и лавки. У одной изъ камеръ шедшіе столпились и остановились; нѣсколько фонарей сразу освѣтили ее; у стѣны сидѣло и лежало въ разныхъ позахъ восемь скелетовъ, прикованныхъ цѣпями за шею, либо за поясъ. Одинъ стоялъ съ высоко надъ головой подтянутыми руками. Въ обширной могилѣ царила тишина.

Луиджи и его спутники перекрестились и заспѣшили дальше, уже не засматривая въ тайны земли.

Отставать отъ товарищей и оказаться одному среди мертвецовъ, вотъ—вотъ могущихъ выглянуть изъ своихъ норъ, было страшнѣй чѣмъ имѣть какое угодно дѣло съ живыми и Луиджи, подгоняемый страхомъ, очутился впереди всѣхъ, рядомъ съ высокимъ человѣкомъ въ маскѣ.

— Что, руки уже чешутся?.. — снисходительно — ласково проговорилъ послѣдній.

Луиджи угадалъ въ немъ Маркони.

— Люблю быть впереди, синьоръ!.. — стараясь не очень лязгать зубами, отвѣтилъ неаполитанецъ.

Маркони жестомъ руки остановилъ своихъ сообщниковъ: путь имъ преградила кирпичная стѣна.

— Епископская тюрьма!.. — вполголоса проговорилъ онъ, указывая на стѣну. — Надъ нами дворецъ его!

— Да неужели?!..—воскликнулъ кто то. — Значить, мы прошли подъ землей полъ города?

— Совершенно вѣрно!..—отвѣтилъ Маркони. — Я получилъ старинный планъ этихъ подземелій...—онъ вынулъ листокъ папируса изъ за борта куртки и Луиджи сейчасъ же узналъ переданную имъ записку.

Маркони предложилъ перейти въ находящуюся рядомъ камеру и тамъ разложилъ на столѣ папирусъ для ознакомленія желающихъ.

— Кирпичная стѣна...—заговорилъ онъ:— возведена всего пятьдесятъ лѣтъ назадъ; подземелье въ этой части обрушилось и его замуровали. Стѣну мы сейчасъ проломимъ и попадемъ въ винные подвалы епископа; пройдя ихъ, пробьемъ вторую стѣну и очутимся въ самой тюрьмѣ. Останется сбить замки съ дверей камеръ и наши товарищи будутъ на свободѣ!

Слова Маркони встрѣтили общее одобреніе.

— А шумъ не услышать?..—напомнилъ голосъ.

— Нѣтъ!..—увѣренно отозвался Маркони. —До конца погребовъ полная безопасность. А тамъ, въ тюрьмѣ, тамъ можетъ быть придется поработать шпагами.

Дружно и глухо застучали кирки и ломы; посыпались осколки кирпича; корридоръ наполнился какъ дымомъ пылью; фонари горѣли будто за желтою занавѣской. Стѣна оказалась не особенно толстой и вскорѣ одинъ изъ ломовъ проскользнулъ въ сквозную пробоину. Удары участились, зачернѣло отверстіе, вполнѣ достаточное для прохода.

Памятуя слова, что погребъ самое безопасное мѣсто, Луиджи первымъ прошмыгнулъ въ него и высоко поднялъ чей то фонарь, попавшійся ему подъ руку.

Обрисовались ярусы большихъ бочекъ, уходившіе во мракъ; не слышалось ни звука и соучастники Маркони одинъ за другимъ пролѣзли въ подвалъ.

— Вотъ это погребъ!..—умилился неаполитанецъ.

И вдругъ ему показалось, будто онъ наткнулся на острие шпаги и изъ груди его хлынула кровь; онъ отшатнулся въ ужасъ и повалился навзничь на бочку; страшнаго ничего не оказалось: передъ нимъ съ поднятымъ фонаремъ въ одной рукѣ и длиннымъ жестянымъ ливеромъ*) въ другой стоялъ, выпуча глаза, монахъ; изъ ливера лилось на Луиджи красное вино.

Нѣсколько рукъ мгновенно схватили монаха и, не давъ даже пикнуть, скрутили веревкой, завернули голову полой его рясы и оставили лежать въ проходѣ.

— Онъ пьянъ!.. — проговорилъ одинъ изъ вязавшихъ.

— Врядъ ли онъ одинъ здѣсь пилъ!.. — заявилъ, оглядываясь, Маркони: — нѣтъ ли еще когонибудь?... осматривайте погребы!

Огоньки разбѣжались по подвалу и скоро сошлись въ отдаленіи.

Маркони и Луиджи заспѣшили туда и увидали большую и глубокую нишу, едва освѣщенную висѣвшею на стѣнѣ масляной лампой; струйка дыма спиралькой вилась надъ ней; на полу, кругомъ поставленнаго

---

*) Длинная жестяная трубка, при помощи которой вытягиваютъ пробы вина изъ бочекъ.

стоймя боченка, на ворохѣ соломы рас-
полагалось трое людей; одинъ изъ нихъ
былъ монахъ—онъ спалъ будто убитый, ут-
кнувшись лбомъ въ стѣнку боченка; двое
другихъ, одѣтые одинъ въ красный, другой
въ пестрый жилеты и въ короткіе коричне-
вые штаны, сидѣли, оба пьяные какъ бочки
и что то пытались растолковать другъ другу.
Появленіе множества огней и незнакомцевъ
изумило ихъ; оба сдѣлали бесплодную по-
пытку встать, но не смогли и остались си-
дѣть, почмокивая и будто кланяясь. На бо-
ченкѣ лежалъ пустой кувшинъ и какія то
недоѣденныя закуски.

— Кто вы такіе?.. — сурово спросилъ
Маркони.

— Мы здѣшніе!.. — жалобной фистулой
выговорилъ тотъ, что былъ въ красномъ
жилетѣ.

— Тюремщики они, я знаю ихъ!..—рѣзко
вмѣшался сосѣдъ Луиджи. — Давайте ключи
сейчасъ!..

Испуганный окрикомъ пьяный попытался
вынуть изъ за пояса забренчавшую связку,
но не смогъ; это быстро выполнили за него
чужія руки.

— Задача облегчается!.. — проронилъ Мар-
кони. — Одинъ кто нибудь останься здѣсь,
караулить этихъ пьянчугъ... Впередъ,
господа!..

Желѣзная дверь уже виднѣлась; она
оказалась только притворенной.

Маркони осторожно пріоткрылъ ее: ни
слышно, ни видно ничего не было и толпа
людей съ обнаженными, блестящими шпа-
гами и съ фонарями въ рукахъ хлынула въ
новое, просторное подземелье; высоко на
верхъ, вѣроятно во дворъ, вела лѣстница изъ

сѣрыхъ плитъ; справа и впереди длиннымъ строемъ тянулись тяжелыя двери съ прорѣзанными, крохотными отверстіями: въ нихъ появились блѣдныя лица заключенныхъ, взволнованныхъ отсвѣтами огня и шумомъ въ необычное время.

Часть освободителей бросилась вверхъ по лѣстницѣ для охраны входа, но это оказалось излишнимъ—обитая толстѣннымъ желѣзомъ дверь была заперта на внутренній замокъ и никакой опасности со стороны двора не угрожало. Другіе принялись отворять камеры и выпускать оттуда узниковъ—исхудалыхъ, обросшихъ волосами и еще не понимавшихъ совершавшагося передъ ихъ глазами чуда; слышались вскрики радости, нѣкоторые узники обнимались со своими избавителями; семеро исхудалыхъ и заросшихъ длинными бородами человѣкъ сбилось особой кучкой и недоумѣнно озиралось, не зная что дѣлать; одежда на нихъ висѣла въ лохмотьяхъ.

Къ Маркони подошелъ одинъ изъ его товарищей.

— Здѣсь есть и чужіе!..—сообщилъ онъ, указывая кивкомъ головы на стоявшихъ отдѣльно.

— Ихъ счастье!..—весело отозвался тотъ. — всѣхъ выпустимъ! Друзья епископа здѣсь врядъ ли отыщутся. А я не вижу Бастиано Паллавичини... гдѣ онъ?

— Здѣсь, здѣсь!!.—посыпались отклики.

Маркони снялъ маску, быстро вошелъ въ одну изъ камеръ, въ которой слышались частые, глухіе удары кирки; охватило тяжелымъ воздухомъ; у стѣны стоялъ молодой, стройный человѣкъ, прикованный къ цѣпи и рвалъ ее; двое изъ спутниковъ Маркони

выламывали изъ стѣны большое кольцо, державшее эту цѣпь.

Увидавъ другъ друга и заключенный и освободитель вскрикнули и обнялись — видно было, что ихъ связываетъ крѣпкая дружба.

Луиджи вертѣлся около нихъ и разслышалъ, что въ отвѣтъ на горячую благодарность Бастіано Маркони сказалъ: — не меня благодари, а синьориту Габріеллу: — она добыла плавъ подземелій, а безъ него и полкъ солдатъ не смогъ бы здѣсь ничего подѣлать!

Бастіано вострепнулся, черно-бархатные глаза его просіяли.

Кольцо со звономъ вылетѣло изъ стѣны; расклепать ошейникъ было нечѣмъ и Бастіано подобралъ цѣпь обмоталъ ее вокругъ шеи какъ шарфъ и камера опустѣла.

Маркони приказалъ по прежнему запретить всѣ двери и обрадованная удачей толпа повалила въ винный подвалъ.

Трое пьяныхъ покоились глубочайшимъ сномъ. Маркони приказалъ засунуть связку ключей за поясъ красножилетнаго сторожа. Они были въ рукахъ Луиджи, уже чувствовавшего себя какъ дома; неаполитанецъ выполнилъ распоряженіе, затѣмъ приподнялъ надъ головой промокшій насквозь беретъ и обратился къ своему патрону.

— Не найдетъ ли глубокочтимый синьоръ удобнымъ разрѣшить намъ всѣмъ выпить за здоровье почивающаго надъ нами дорогого епископа?

Дружный смѣхъ огласилъ подвалъ.

— Нужно!.. нужно!.. — поддержали голоса: — онъ не глупъ этотъ пѣтушокъ!

— Выпить, такъ выпить!.. — съ усмѣшкой согласился Маркони: — жаль только, что

виночерпші святого отца лыка не вяжутъ, а то мы отвѣдали бы его любимаго!

— А есть еще одинъ — связанный!.. — напомнилъ кто-то.

Луиджи, а за нимъ еще двое, бросились на поиски, но скоро вернулись съ пустыми руками—монахъ спалъ такъ же непробудно, какъ и его товарищи, и даже не почувствовалъ, какъ его развязывали; Луиджи принесъ только ливеръ.

— Хорошія вина всегда въ маленькихъ бочкахъ, даже у большихъ людей!—заявилъ Луиджи.—Пусть синьоры присядутъ, мы сейчасъ разыщемъ! И онъ вспрыгнулъ на бочки и пошелъ по нимъ, свѣтя себѣ фонаремъ.

— Есть!!.—долетѣлъ крикъ его; нѣсколько человекъ поспѣшили къ нему на помощь и торжественно принесли боченокъ, весь заросшій тѣмъ особеннымъ пепельнымъ и длиннымъ мохомъ, какимъ покрываются только столѣтнія вина. Появленіе его было привѣтствовано всеобщимъ одобреніемъ.

Пара глухихъ ударовъ по боченку и пробка изъ него вылетѣла.

Луиджи вытянулъ ливеромъ вина и наполнилъ имъ кувшинъ и четыре кружки, предварительно сполоснувъ ихъ, при чемъ ополоски выплеснулъ на лица спавшихъ. Тѣ даже не шелохнулись. Двѣ первыя кружки онъ поднесъ Маркони и Бастіано.

— Думаю, синьоръ...—обратился онъ къ послѣднему: — что здѣсь давали вамъ вино нѣсколько худшее?

Подвалъ опять наполнился смѣхомъ.

— Да, я попомню здѣшнее гостепріимство!..—многозначительно пообѣщаль Бастіано и поднялъ кружку.—Пью за васъ всѣхъ,

господа! Всѣмъ вамъ великое спасибо за освобожденіе, а тебѣ, Помпео, особенное! Я вашъ должникъ!

Онъ залпомъ выпилъ вино и низко поклонился всѣмъ.

— А вино, дѣйствительно, чудесное! — одобрилъ, смакуя, Маркони. — Смотрите, помните, друзья, что ноги намъ сегодня еще необходимы: старое вино отнимаетъ ихъ!

Боченокъ былъ быстро распить и вся компанія двинулась въ дальнѣйшій путь.

У пробойны Маркони остановился, пропустилъ впередъ большинство людей, а остальнымъ приказалъ покидать въ дыру куски кирпичей, валявшихся на плотно убитомъ полу и очистить его; затѣмъ перекатили два яруса бочекъ такъ, что нельзя было даже заподозрить за ними существованіе пролома.

Кончивъ работу, арьергардъ по одиночѣ, бокомъ протискался въ отверстіе и съ шумнымъ говоромъ, уже не опасаясь ничего, двинулся вслѣдъ за своими по царству мертвыхъ; Маркони и Бастіано шли послѣдними; Луиджи виднѣлся въ серединѣ толпы.

Обратный путь показался недолгимъ и участники нападенія на тюрьму епископа стали надѣвать маски и подыматься по ступенямъ лѣстницы; башня тѣсно набилась людьми.

— Всѣ ли здѣсь?..—спросилъ Маркони.

Присутствовавшіе были пересчитаны и входъ въ подземелье завалили плитой; сверху былъ набросанъ щебень и мусоръ.

— Вы здѣшніе?.. приютъ у васъ есть? — обратился Маркони къ семерымъ оборванцамъ.

Тѣ переглянулись.

— Не всё... нѣтъ!..—отозвались двое.

Маркони досталъ нѣсколько золотыхъ монеть и роздалъ ихъ незнакомцамъ; тѣ, кромѣ одного отказавшагося, приняли съ низкими поклонами.

— Ступайте за мною! - добавилъ онъ и обратился ко всемъ остальнымъ. — Пароль остается «соколь»...—если вы мнѣ спѣшно понадобится—на моемъ окнѣ будетъ красная занавѣска. А теперь по домамъ, скоро свѣтать станетъ!..

Башня опустѣла. На дворѣ по прежнему лилъ дождь, выль и бушевалъ вѣтеръ, изрѣдка стучали ставни; площадь висѣльничковъ тонула во тьмѣ и въ грязи и на ней прочавкали и стихли шаги невидимыхъ людей.

Г л а в а XXI

Въ то время, какъ Яну наколачивали шишки, а Луиджи получалъ съ синьора Маркони деньги, Маркъ съ двумя товарищами шель по пустынной и однообразной, заросшей кустарникомъ мѣстности, парасангахъ въ двадцати отъ Болоньи.

Солнце уже садилось, косые лучи багрецомъ обливали на взгоркахъ листву кустовъ; ничѣмъ не покрытая, рыжія головы Мартина и Адольфа пылали какъ неопалимая купина. За спинами у пѣшиходовъ висѣли холщевыя сумы, чѣмъ то на половину наполненныя; въ рукахъ у cadaго имѣлось по порядочной дубинѣ; Маркъ несъ, кромѣ того, лютню.

— Куда мы забрели—и ума не приложу! — проговорилъ Мартинъ.—Давнымъ давно монастырь долженъ быть видѣнъ!..

— Куда нибудь придемъ!.. — спокойно отозвался Маркъ.

Быкообразный Адольфъ молчалъ, какъ всегда, и только слегка посапывалъ отъ своей собственной мощи и грузности.

— Надо было оставаться въ замкѣ и переночевать!..—опять сказалъ Мартинъ—здѣсь волковъ, говорятъ, непочатый край!

Адольфъ приподнялъ палку.— А дубки?.. —будто чугунный шаръ по желѣзному кегельбану пустилъ онъ.

Какъ бы въ отзывъ на слова Мартина совсѣмъ неподалеку послышался тягучій волчій вой.

Солнце ушло за горизонтъ и сразу все осумрачилось; даль стала застилаться туманомъ; было душно; усиленно донимали комары.

Сколько ни оглядывался Мартинъ—даже огонька не мерцало нигдѣ; ночь заходила беззвѣздная.

Путники спустились въ ложокъ, перевалили еще пару холмовъ и Мартинъ, державшійся немного впереди, издалъ радостное восклицаніе:—неподалеку мерцалъ огонь.

Студенты ускорили шаги и вскорѣ различили костеръ; вокругъ него лежало и сидѣло десятка два людей; позади костра виднѣлось нѣсколько шалашей; человекъ пять доканчивали покрывку ихъ травой и вѣтками.

Вынеслась изъ полукруга свѣта и залаяла большая черная собака, но два окрика заставили ее замолчать и вернуться.

— Никакъ это наши студенты?.. — про-
ронилъ Мартинъ.

— Да это жъ товарищи!!.—долетѣло отъ
шалашей. Одинъ изъ студентовъ надѣлъ
шляпу на палку, поднялъ ее и завертѣлъ въ
воздухъ.

— Сюда, сюда... здѣсь рай земной!!.—про-
пѣлъ звучный теноръ.

— Къ намъ, къ намъ!! — закричалъ дру-
гой.—У насъ пироги съ пулярдками, фалерн-
ское двухсотого года изъ подваловъ его свя-
тости Климента!..—Дружный хохоть заглу-
шилъ дальнѣйшія слова.

Трое путниковъ подошли къ табору и
ихъ окружили и закидали вопросами това-
рищи. Мартинъ сообщилъ, что они побывали
въ маленькомъ монастырѣ и направлялись
въ аббатство Климента, но заблудились.
Смѣхъ опять раскатился по степи.

— И не показывайтесь туда!—закричали
кругомъ.—Это развѣ прелать — онъ скупъ,
какъ утопленникъ!.. Знаете, чѣмъ онъ за наши
пѣсни и рассказы отблагодарилъ?

— Чѣмъ?..— поинтересовался Мартинъ.

— Подарилъ намъ по треченарію *) на
пять обѣдней!.. Теперъ мы спокойны: умремъ,
такъ за упокой насъ даромъ обѣдни отслу-
жать... А накормими такъ, что собака и та
голодной ушла!..

Смѣхъ далеко разнесся снова.

— Такъ куда же намъ направиться?.. —
недоумѣнно обратился Маркъ къ своему во-
жатому, но тому не дали отвѣтить.

— Да валите съ нами къ бенедиктин-
цамъ!—закричали со всѣхъ сторонъ. — Тамъ

---

*) Право на опредѣленное количество зауспокойныхъ
по себѣ обѣдней.

ребята хорошіе. Завтра къ обѣду поспѣемъ, а оттуда ступайте, куда угодно! Ночуйте съ нами... кругомъ вѣдь парасанговъ на десять и жилья нѣтъ!..

Предложеніе было принято безъ возраженій: темень не располагала къ путешествію.

У костра потѣснились и дали мѣсто новымъ товарищамъ; всѣ развязали сумы и изъ нихъ стали переселяться на траву для общаго пользованія огромные куски жаренаго мяса и сыра, цѣлые хлѣбы и даже небольшой бурдюкъ съ виномъ. Появленіе его было встрѣчено всеобщимъ гоготомъ и ржаньемъ.

— Привѣтъ тебѣ, о богъ веселья,

Ты людямъ счастье даришь!! —

запѣлъ, простеревъ къ нему руку, теноръ.

Всѣ дружно принялись за ужинъ; говоръ, остроты, смѣхъ не умолкали и припасы таяли быстро. Дошла очередь до вина; у каждаго отыскалось въ мѣшкѣ по кружкѣ и къ веселому шуму прибавилось чоканье и хоровое пѣніе.

— Тьма то какая... какъ въ преисподней!.. — проронилъ одинъ изъ молчавшихъ сосѣдей Марка, покончившій съ ѣдой и удобно устроившійся на боку. — Блуждать теперь гдѣ то тамъ одному... бррр!! — онъ передернулъ плечами.

— Братцы, а вѣдь капаетъ?.. — спохватился кто-то.

— Да; ужъ давно!.. — отозвались голоса.

— Расходись по дворцамъ, молодцы!.. — напыщенно-важно крикнулъ теноръ. — Синьоръ шталмейстеръ, бурдюкъ еще не весь выпить — потрудитесь назначить на ночь почетный караулъ къ нему!

Дождь усилился и студенты, позвавъ Марка и его спутниковъ, со смѣхомъ и шутками разсыпались и попрятались по норамъ изъ вѣтвей; костеръ мало по малу сталъ угасать, говоръ въ шалашахъ замолкъ; изрѣдка вырывалось бранное слово и пояснительное добавленіе къ нему — «за шиворотъ протекло!»

А дождь поролъ все сильнѣй и сильнѣе; налеталъ вѣтеръ, шептались кусты, слышался волчій вой...

Около полудня странствующие студенты показали у воротъ аббатства; дежурившій на башнѣ братъ ударилъ въ колоколь, возвѣщая прибытіе гостей.

Утро было свѣжее, веселое; съ горы, вершину которой занималъ монастырь, открывался широкій видъ; за неоглядной зеленой поймой кустарниковъ смутнымъ маревомъ чуть бѣлѣла далекая Болонья; съ сѣвера и со стороны Феррары глядѣли горы.

Сейчасъ же за высокими стѣнами монастыря начинался фруктовый садъ, переходившій на солнечной сторонѣ въ виноградники; они заливали весь остальной скатъ горы.

Мартинъ указалъ Марку влѣво, внизъ и тотъ увидалъ въ глубинѣ пропасти незамѣченный имъ другой монастырь, маленькій и тѣсный, весь сбившійся на обнаженной скалѣ, какъ стадо овецъ въ полдень; бѣлое аббатство какъ бы парило надъ нимъ. По крутому обрыву, къ нему изломами сбѣгала лѣстница изъ каменныхъ плитъ.

— Здѣсь серебра много, а тамъ ума!.. — проговорилъ по нѣмецки Мартинъ. — Въ томъ монастырѣ библіотека имѣется, скрипторія!..

Глаза Марка вспыхнули, но отвѣтить онъ не успѣлъ, такъ какъ теноръ, бывшій не только вожакомъ, но и запѣвалой, остановилъ ватагу товарищей.

— Синьоры?.. — звонко сказалъ онъ: — кантату въ честь святой Дѣвы!

Онъ взмахнулъ руками и раздался торжественный гимнъ. Изъ оконъ выглянуло нѣсколько монаховъ; на ихъ лицахъ разлились улыбки: «школяры» пользовались большимъ расположеніемъ не только у свѣтскихъ лицъ, но и въ монастыряхъ.

Изъ калитки сада показался добродушнаго вида старикъ монахъ въ сѣрой рясѣ; онъ приложилъ ко лбу въ видѣ щитка руку, опозналъ пѣвшихъ и въ перевалку направился къ нимъ. Пѣніе кончилось и студенты окружили старика.

— А-а, соловьи наши!..—радушно произнесъ онъ.—Добро пожаловать! А мы только что вчера вспоминали о васъ! Голодные, небось, перемокшіе?

— Высохли по дорогѣ, отецъ экономя!..—отвѣтили веселые голоса. — А проголодались какъ волки!!

— Сейчасъ все устроимъ, на всѣхъ хватить, на всѣхъ Богъ подаетъ!

Старикъ въ перекачку заторопился впередъ и шумная гурьба молодежи влилась вслѣдъ за нимъ въ длинную трапезную; низкіе своды ея опирались на два ряда толстыхъ боченкообразныхъ колоннъ.

Послѣ сытнаго обѣда товарищи Марка отправились спать; Марку не терпѣлось по-

пасть поскорѣй въ свое святое святыхъ, но былъ часъ всеобщаго отдыха и онъ медленно обошелъ соборъ, затѣмъ садъ, присѣлъ у обрыва на лавочкѣ и сталъ разсматривать окрестности. Немного погодя изъ пропасти показался совсѣмъ юный монахъ съ особеннымъ, какъ показалось Марку, выраженіемъ лица. Оба поклонились другъ другу; монахъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, оглянулся и остановился.

— Вы кого нибудь ждете? — освѣдомился онъ; голосъ у него былъ пріятный.

— Нѣтъ!..—отвѣтилъ, подымаясь, Маркъ. — Но я хотѣлъ бы посмотреть мастерскую?

— А вы художникъ?!..—оживленно спросилъ монахъ.

— Да.

Быть можетъ, иллюминаторъ и скрипторъ?

— Да.

Монахъ всплеснулъ руками и лицо его облилось лихорадочнымъ румянцемъ.

— Двѣнадцатый!! — вскрикнулъ онъ. — Господи, да вы находка для насъ! Сейчасъ я васъ къ настоятелю проведу. Пойдемте!—Онъ схватилъ Марка подъ руку и заспѣшилъ съ нимъ обратно по головоломной, крутой лѣстницѣ безъ периллъ.

Нижній монастырь принадлежалъ другому, недавно возникшему ордену картезіанцевъ. Маркъ обратилъ вниманіе на необычайный видъ строеній, казавшихся кубами съ надѣтыми на нихъ коронами; только возвышавшаяся надо всѣмъ церковь была стройная и совершенно круглая съ колоннадой вокругъ.

Монахъ сообщилъ Марку, что весь монастырь стоитъ на остаткахъ древнихъ соо-

руженій, которые ихъ нынѣшній настоятель, аббатъ Паоло, возобновилъ и перестроилъ. Монахъ отзывался о немъ съ величайшимъ почтеніемъ и вмѣсто обычнаго титула называлъ «нашъ мужъ Господень».

Лѣстница кончилась и Маркъ и его вожатый какъ бы слетѣли съ воздушнаго простора въ тѣсное, каменное гнѣздо. Узкая улочка привела ихъ къ колодцу, увѣнчанному чернымъ крестомъ; близъ него высилась бѣлая церковь; къ ней, почти вплотную, примыкало небольшое, но на тысячелѣтія рассчитанное зданіе изъ сизыхъ и красноватыхъ валуновъ; верхній этажъ его опоясывала крытая галлерейя съ тонкими колоннами; изъ глубины ея глядѣли четыре большихъ окна, въ нижнемъ этажѣ они были длиннѣе, но гораздо уже. Входъ находился по срединѣ стѣны; его сторожили два льва, грубо высѣченные изъ мрамора и положившіе морды на переднія лапы. На стѣнѣ надъ ними, на полосѣ извести, золотомъ была выведена крупная надпись — «Скрипторія».

Настоятель жилъ рядомъ; монахъ постучалъ и вошелъ въ бѣдно и просто убранную келью и Маркъ увидалъ низко склоненную надъ книгой, коротко остриженную голову въ черной круглой шапочкѣ; за правымъ ухомъ у нея торчалъ каламъ.

Заслышавъ приближавшіеся шаги, сидѣвшій поднялъ близорукіе глаза и на обритомъ худощавомъ лицѣ его появилось вопросительное выраженіе; ряса на немъ была старенькая и потертая.

Вошедшіе склонились передъ настоятелемъ и монахъ представилъ Марка какъ чловѣка, ищущаго свѣта; въ карихъ глазахъ

сѣдоброваго старика замелькали радостные огоньки.

— Привѣтствую тебя, мудрый юноша!.. — ласково произнесъ онъ нѣсколько слабымъ голосомъ. — Радъ тебя видѣть! Все должно быть открыто людямъ; все, что сами знаемъ то и тебѣ покажемъ!

Онъ поднялся со стула изъ простого, некрашеннаго дерева и сопровождаемый монахомъ и Маркомъ, вышелъ на улочку; миновавъ львовъ, они вступили въ зданіе изъ гранитныхъ валуновъ.

Длинную комнату наполняли полусумерки; свѣтъ яркими золотыми порогами лежалъ на каменномъ полу; слѣва стояло нѣсколько столовъ и скамей и висѣла на крюкѣ черная доска изъ необдѣланной аспидной плиты. Уголь справа занимали пять глиняныхъ умывальниковъ; вода изъ нихъ стекала въ жолобъ, выводившій ее наружу.

— Здѣсь наша школа... учимъ всѣхъ, кто хочетъ, грамотѣ!.. — пояснилъ настоятель.

Лѣстница привела ихъ во второй этажъ.

Въ крохотной передней у стѣны строимъ вытягивались мягкія черныя туфли; оба спутника Марка надѣли ихъ и онъ послѣдовалъ ихъ примѣру.

— Здѣсь святилище, здѣсь типина!.. --- прошепталъ настоятель и нажалъ на массивную, какъ бы крѣпостную, дверь; Марка поразили стѣны: даже внутреннія доходили толщиной до двухъ аршинъ.

Открылась свѣтлая, вся бѣлая комната съ голубыми сводами; на нихъ сіяли золотыя звѣзды; въ углубленіяхъ были подѣланы полки и на нихъ темнѣли и желтѣли огромные, толстые фоліанты въ переплетахъ изъ дуба и пузыря.

— Цѣлыхъ семьдесятъ пять томовъ!.. — поднявъ палець, съ нескрываемой гордостью прошепталъ настоятель и беззвучно заскользиль дальше. За второй такой же несокрушимой дверью открылось помѣщеніе, значительно превышавшее размѣрами библиотечное и еще болѣе свѣтлое. И въ немъ сводъ изображалъ небо, но разверстое посрединѣ и оттуда глядѣль и, какъ бы благословляль всѣхъ находившихся въ ней, бѣловласый Господь Саваофъ.

Въ скрипторіи размѣщалось двѣнадцать кафедръ; на нихъ, за большими столами съ наклонными крышками сидѣли монахи, главнымъ образомъ молодежь и усердно переписывали развернутыя передъ ними книги.

Никто не всталъ при видѣ вошедшаго настоятеля — такъ полагалось во время работы. Одинъ столъ былъ не занятъ и Маркъ вспомнилъ восклицаніе встрѣтившаго его монаха — «двѣнадцатый» и понялъ скрытый смыслъ его.

Двое писцовъ работали не каламами, а гусиными перьями — это была новость и Маркъ съ удивленіемъ слѣдилъ какъ разнообразно и послушно ложились другъ за другомъ и красиво округлились ряды буквъ.

Низенькая дверка вывела на круговую галерею. Съ нея открылся видъ на далекія горы Феррары; справа, на отвѣсныхъ скалахъ властно взлетѣло къ небу аббатство.

Настоятель и его спутники вернулись черезъ скрипторію въ библиотечку; старикъ остановился около ближайшаго шкафа и досталъ изъ него одну книгу, затѣмъ другую и положилъ ихъ на столъ передъ Маркомъ.

— Вотъ это наша работа!.. — сказалъ онъ, развернувъ первую.

На Марка глянула художественно, необычайно четко исполненная рукопись съ яркими, радостными заставками, украшеніями и заглавными буквами нѣжнѣйшихъ, голубого, зеленого и краснаго цвѣтовъ.

У Марка замерло сердце.

— Весной вѣтъ... не правда ли?.. — произнесъ, любуясь ею, настоятель.

— А вотъ эта старинная, чужая... — продолжалъ онъ, разворачивая другую.

Маркъ глянулъ на давно знакомыя ему тусклыя, красную, желтую и зеленую расцвѣтки и опять приковался къ первой.

Какія краски!!.—воскликнулъ онъ.— Откуда онѣ? У насъ никогда не получалось такихъ нѣжнѣйшихъ голубыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ!

И Маркъ оборвался и умолкъ: слово — «у насъ» — могло выдать его тайну, но настоятель не замѣтилъ обмолвки.

— Не мудрено!.. — отозвался онъ: — въ обоихъ этихъ цвѣтахъ главную роль играетъ индиго, а достать его почти невозможно: его привозять съ самаго края земли... есть, какъ рассказываютъ нѣкоторые старые моряки, никому неизвѣстная, полная всякихъ чудесъ, страна — Индія. Ъхать туда, говорятъ, надо два года; путь опасный, страшный — водовороты, бури, звѣри чудовищные, люди еще ихъ страшнѣйшіе. Я встрѣтилъ однажды въ Генуѣ смѣльчака, который только что вернулся оттуда. Смотрю, изумительнѣйшаго небеснаго цвѣта у него парусъ на кораблѣ! Вотъ отъ него то я и добылъ маленькій ящичекъ этого драгоцѣннаго индиго: хранимъ его, какъ зеницу ока!..

— А когда оно окончится?.. — спросилъ Маркъ.

— Тогда въ Индію за нимъ сами поѣдемъ!

— Да, да!! — восторженно подхватилъ монахъ: — вы меня пошлете святой отецъ, не правда ли?

Старикъ съ ласковой улыбкой потрепалъ его по плечу.

— Вездѣ побываешь во имя Божье!.. — пророчески проговорилъ онъ. — А ты у насъ не останешься ли, молодой другъ?.. — обратился онъ къ Марку. — Много дѣла есть въ виноградникѣ Господнемъ!

Щеки Марка зардѣлись.

— Я долженъ учиться, святой отецъ!.. — отвѣтилъ онъ. — И меня ждутъ на родинѣ.

— Учиться?.. — задумчиво проговорилъ старикъ: — ты знаешь главное — грамоту и твой долгъ другихъ научить ей. Высшее счастье въ перепискѣ и въ размноженіи книгъ: это смыслъ и цѣль нашей жизни. Уча мы приносимъ пользу пока живы, а книги написанныя нами пройдутъ черезъ вѣка, просвѣтятъ тысячи людей! О моихъ и твоихъ знаніяхъ скажутъ въ свое время, что они — глупость и темнота и забудутъ ихъ, а наши скрижали разнесутся по всему міру и останутся. Это неугасимыя лампы за наши души!.. Нѣтъ лучшаго дѣланія передъ лицомъ Божиимъ, какъ переписка книгъ!.. Я расскажу вамъ случай...— Настоятель опустился на табуретъ. Маркъ и монахъ стояли прислонясь по обѣ стороны шкафа и жадно слушали.

— Жилъ въ давніе годы въ одномъ монастырѣ братъ. Былъ онъ великій грѣшникъ, повинный въ тысячахъ нарушеній устава, но его терпѣли потому, что онъ былъ скрипторъ и любилъ свое дѣло. И

вотъ по собственному почину переписаль онъ и разукрасилъ огромный томъ, а вскорѣ затѣмъ умеръ. Душа его явилась къ апостолу Петру и демоны окружили ее и хотѣли уже тащить въ адъ, но ангелы принесли книгу, переписанную имъ. И рѣшено было за каждую букву ея сбрасывать по грѣху и оказалось, что число буквъ превысило число грѣховъ на одну... бѣсы отступили со срамомъ... Вотъ, дѣти мои, какъ велико дѣло писца!

Старикъ сдѣлалъ движеніе, чтобы встать; его бережно подхватили двѣ узкихъ и блѣдныхъ и двѣ мускулистыхъ руки.

— Невольно не могу... поступаю какъ знаешь!.. — ласково обратился онъ къ Марку: — значить зачѣмъ то другимъ приводилъ тебя сюда перстъ Божій!.. Ночуй у насъ... братъ, Михайлъ поруководитъ тобой!

Онъ благословилъ обоихъ и ушелъ работать въ свою келью.

Маркъ, сопровождаемый Михаиломъ, ознакомился со всѣмъ монастыремъ, побывалъ на урокъ въ школѣ, гдѣ учились бородатые люди, прослушалъ вечерню и засидѣлся въ кельѣ у молодого монаха. Въ крохотное оконце ея виднѣлись румяныя горы; солнце уже садилось, пышное аббатство казалось пурпурнымъ облакомъ, застывшимъ на чистомъ небѣ; носились и кричали стрижи.

Маркъ признался своему новому товарищу. кто онъ и почему очутился въ Италіи: послѣ разказа настоятеля объ индиго эта, претившая ему, таинственность являлась ненужной.

— У насъ нѣтъ тайнъ!.. — отвѣтилъ монахъ: — что мы сами знаемъ, то и людямъ

сообщаемъ. Надо размножать знанія — таковъ завѣтъ святого отца настоятеля! Что же ты теперь предпримешь — назадъ къ себѣ вернешься?

Маркъ долго молчалъ, потупивъ голову.

— Нѣтъ... — твердо проговорилъ онъ наконецъ. — Что я привесу сейчасъ своему монастырю? Ничего! Отецъ Антуанъ сказалъ, что душа сама подскажетъ мнѣ что дѣлать. Буду учиться!

— Будь двѣнадцатымъ!.. — мягко и просительно произнесъ Михаилъ и положилъ блѣдную руку на колѣно сосѣда. — Насъ и было двѣнадцать, но одинъ братъ умеръ недавно. — Учитель у насъ великій — вся жизнь его на пользу людямъ! Видѣлъ, какъ онъ бѣдно живетъ и одѣтъ?.. Знаешь, какое чудо съ нимъ было? — блестя глазами, съ возбужденіемъ добавилъ онъ. — Однажды засидѣлся онъ далеко за полночь у себя, а масла въ лампочкахъ не хватило — стали угасать онѣ. И что жъ бы ты думалъ — начала свѣтиться у него рука и все больше и больше — весь столъ его осіяла! А онъ и не замѣтилъ — продолжалъ до разсвѣта писать... Нѣсколько человекъ изъ братіи это видѣли!..

Горы уже скрылись; аббатство погасло и напоминало бѣлый корабль съ распущенными парусами; долина внизу поглотилась черною пропастью.

— А что онъ пишетъ? — освѣдомился Маркъ.

— Все, что случается: хронику событій, ученые трактаты, переписываетъ съ нами сказанія, разныя ветхія хартіи. Сколько открытій онъ сдѣлалъ, сколько мыслей и дѣяній великихъ людей спасъ отъ забвенья и

тлѣна! Сидя здѣсь на скалѣ мы, благодаря ему, видимъ невидимое—прошлую жизнь разныхъ странъ и народовъ, слышимъ пѣсни и стихи рыцарей, рѣчи святыхъ отшельниковъ. Господи, какое это счастье!!

Монахъ прижалъ къ впалой груди обѣ руки и умолкъ, устремивъ взглядъ въ пространство.

— Однако время въ скрипторію идти?..— проговорилъ онъ, вставая.

— Всегда у васъ по ночамъ пишутъ?..— спросилъ Маркъ, подымаясь тоже.

— А то какъ же!.. — воскликнулъ Михайль.— Ночь самое лучшее время для нашей работы: тишина совсѣмъ особенная, звѣзды горять. Днемъ въ работѣ восторга нѣтъ!

Надъ лѣстницей, ведшей въ скрипторію, горѣла повѣшенная на трехъ цѣпочкахъ глиняная трехрогая лампа.

Маркъ и его спутникъ надѣли туфли, миновали чуть освѣщенную библіотеку и вошли въ скрипторію.

На каждомъ изъ столовъ горѣло по три лампадныхъ бездымныхъ огонька; словно ожерелье изъ золотыхъ звѣздочекъ мерцало кругомъ стѣнъ; неизъяснимая тишина окружала низко нагнувшихся надъ пергаментомъ монаховъ: всѣ были погружены въ свое дѣло.

Маркъ долго, пока Михайль не тронулъ его за рукавъ, наблюдалъ за писцами; они казались ему виднѣемъ не отъ міра сего.

Михайль отворилъ дверь на терассу и вышелъ наружу.

— Пойдемте на кровлю? — шепотомъ предложилъ онъ Марку.

Молча выбрались они по другой лѣстницѣ на ровную площадку, выстланную пли-

тами. Михайлъ сѣлъ бокомъ на невысокую стѣнку, служившую оградой; Маркъ помѣстился противъ него.

— За звѣздами отсюда хорошо наблюдать...—проронилъ Михайлъ. — Иногда мы собираемся здѣсь!

Стояла лунная ночь; аббатство и скалы, на которыхъ раскинулось оно, сіяли въ синеватомъ свѣтѣ; длинный рядъ оконъ надъ самой пропастью блисталъ яркими огнями; можно было распознать двигающіяся фигуры людей.

Среди тишины ласточкой пролетѣлъ издалека высокій звукъ—будто струна прозвенѣла гдѣ то; хоръ голосовъ покрылъ ее—пѣли въ замкѣ аббатства. Словъ разобрать было нельзя, но и Маркъ и Михайлъ узнали знакомую, веселую пѣсню странствующихъ студентовъ. Грохнулъ хохотъ, зашелкали дружные, многочисленные аплодисменты.

Маркъ и Михайлъ долго и безмолвно вслушивались въ ночь; души ихъ были въ невѣдомомъ...

Монахъ проводилъ Марка въ свою келью и тотъ камнемъ уснулъ на жесткомъ ложѣ хозяина; Михайлъ вернулся къ своимъ товарищамъ и весь отдался любимому занятію.

До крика пѣтуха звенѣли струны, пѣли и плясали въ замкѣ тѣни; до разсвѣта теплились среди безмолвія въ скрипторіи тридцать три свѣтляка передъ склоненными головами безвѣстныхъ писцовъ и антикваріевъ.*)

---

*) Такъ назывались переписчики произведеній древней греческой и римской литературы.

Глава XXII

Въ воскресенья Бонавентури вмѣстѣ со всѣми подмастерьями былъ по обычаю въ соборѣ и слушалъ мессу; народа было множество; пѣли всѣ молившіеся и что то стихійное гремяло въ этомъ тысячеголовомъ хорѣ; звуки двухъ лютней вплетались въ него хрустальными гаммами.

Янъ, забравшійся въ укромный уголокъ подальше отъ оконъ, вдругъ замѣтилъ далеко впереди знакомое голубое платье; молитвенное настроеніе разомъ соскочило съ него и уже до конца службы онъ не отводилъ глазъ отъ склоненной головы Габріели; рядомъ съ ней мощнымъ монументомъ возвышался ея отецъ въ бѣломъ съ малиновымъ платьѣ и тетка, недостававшая головой даже до плеча его.

Месса кончилась. Янъ вмѣшался въ толпу, притаился у стѣны близъ выхода и сталъ ждать появленіе Габріели—ему хотѣлось хотя бы мелькомъ повидать ее, побыть съ нею рядомъ.

Скоро показался рыцарь; рядомъ съ нимъ шла Габріель. Не дыша Янъ глядѣлъ на нее. Она точно почувствовала взглядъ и лицо ея повернулось въ его сторону. Она узнала Яна; улыбнулась и незамѣтно кивнула ему головой.

Яну захотѣлось закричать отъ восторга; онъ выскользнулъ вслѣдъ за нею на паперть, но Габріель болѣе не оглядывалась; Янъ проводилъ ее до угла глазами и ликуя, напѣвая и прицелкивая пальцами, пустился въ гости къ Луиджи.

Неаполитанецъ поджидалъ его въ тратто-

рія и сейчасъ же увелъ его въ свой излюбленный уголь за бочками.

— Ты опять какой-то особенный!..—сказалъ Луиджи, приглядѣвшись къ пріятелю: —или еще синяковъ захотѣлось?

— Чѣмъ особенный?. —отвѣтилъ Янъ. — А вотъ новости принесъ я тебѣ удивительныя. Знаешь что этою ночью случилось?

— Нѣтъ, не знаю. А что именно?

Янъ нагнулся къ уху Луиджи и шепотомъ произнесъ: — дьяволъ унесъ изъ епископской тюрьмы всѣхъ узниковъ!

— Да неужели?.. — иронически удивился неаполитанецъ. — И кто-нибудь этого дьявола видѣлъ?

— Четверо человѣкъ: двое сторожей и двое монаховъ! Какая бурная ночь была!.. они отъ страху пошли вчетверомъ провѣрить замки въ тюрьмѣ и вдругъ изъ подъ земли какъ взобьется огонь и высоченный демонъ весь въ красномъ явился! Не успѣлъ никто крестнаго знаменія на себя положить— туча бѣсовъ накинулась на нихъ, швырнула ихъ на полъ, двери камеръ сами распахнулись, цѣпи со звономъ послетѣли, заключенные повскочили на чертей верхомъ и унеслись сквозь стѣны... Страшные колдуны все тамъ сидѣли!.. Вотъ какая исторія!

— Да... — протянулъ Луиджи.—А не тюремщики ли сами выпустили своихъ плѣнниковъ?.. Не этотъ ли дьяволъ имъ помочь? —онъ похлопалъ себя по зазвенѣвшему карману.

— Да какъ же это возможно? Вѣдь епископская тюрьма во дворѣ замка, тамъ всегда полно стражи, у воротъ тоже. И никто не видалъ, какъ девятнадцать человѣкъ ушло? Изъ нихъ нѣсколько брави было! Особенно,

говорятъ, отличался небольшой чертикъ вотъ съ тебя ростомъ, съ такой же бородкой...

Луиджи поперхнулся виномъ.

— Да развѣ сторожа могли разобрать что-нибудь въ темнотѣ?

— Какая тамъ темнота! Всѣ подвалы пуше чѣмъ днемъ, освѣтило. Сторожа говорятъ, что если бы они встрѣтили этихъ чертей, сейчасъ же узнали бы ихъ! Весь городъ у воротъ замка, народу — толпа! Вѣдь пойми: всѣ замки цѣлы, стѣны тоже, а заключенныхъ нѣтъ. Хочешь сходимъ, поглядимъ?

— Нѣтъ, у меня что то нога болить!.. — отвѣтилъ Луиджи: рассказъ простодушнаго Яна нѣсколько обезпокоилъ его. Онъ смекнулъ, что не зря и не изъ пустой прихоти Маркони замаскировалъ мѣсто пролома: событие сваливалось благодаря этому на плечи нечистой силы.

— А изъ бѣглецовъ никого не поймали? — спросилъ неаполитанецъ.

— Ищутъ ихъ сбирь, да вѣдь гдѣ же найти — они, я думаю, давно за сто парасанговъ отсюда! — Говорятъ, что его святость обѣщалъ сжечь на кострѣ всѣхъ тѣхъ, кого поймаютъ!

Луиджи выспросилъ у пріятеля всѣ подробности о передачѣ записки синьоритѣ и въ свою очередь кратко повѣдалъ о своемъ посѣщеніи Маркони: о полученіи золотого и обо всемъ дальнѣйшемъ онъ умолчалъ.

Янъ слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ.

— А Маркони молодой?.. — будто между прочимъ обронилъ онъ.

— Такъ, среднихъ лѣтъ... — отвѣтилъ Луиджи: — рожь порядочная...

— Да? въ самомъ дѣлѣ?..

— Да чего же мнѣ врать: ужъ если я что говорю — значить сама истина!.. Тутъ, братъ, не любовь, а политика... это ужъ ты мнѣ вѣрь!.. Вотъ что, братъ... кажется мнѣ на дняхъ придется на нѣкоторое время изъ города уѣхать, такъ ты съ Маркомъ почаще заглядывайте въ соборъ — не будетъ ли тамъ помѣточки отъ меня!

— А куда ты собираешься?

— Дѣло наклевывается...

Пріятели распили кувшинъ вина и, отуманенный имъ и мыслями о синьоритѣ, Янъ отправился домой; Луиджи поднялся на третій этажъ въ свою коморку; воронъ сидѣвшій на спинкѣ стула съ радостнымъ карканьемъ перелетѣлъ къ нему на плечо и сталъ тереться головой о щеку. Луиджи поласкалъ птицу, накормилъ ее и погрузился въ раздумье — ему начало казаться, что онъ попалъ въ скверную исторію.

Черезъ нѣкоторое время онъ спустился внизъ и пообѣдалъ, прислушиваясь къ застольнымъ разговорамъ; велись они о событіи, взбудоражившемъ весь городъ; толковали шумно и горячо и доходили до такихъ прикрасъ, что если бы Луиджи не зналъ дѣла, то и не догадался бы, что рѣчь шла именно о томъ, въ которомъ онъ только что участвовалъ.

Наслушавшись вдоволь Луиджи всталъ и направился къ выходу. Проходя мимо стойки онъ услыхалъ легкое «пстъ»... и оглянулся; мрачный, какъ всегда, хозяинъ подмигнулъ ему единственнымъ глазомъ.

Луиджи подошелъ къ прилавку и звякнулъ объ него монетой.

— Надо обречься!.. — шепнулъ кривой, придвигая подъ видомъ сдачи деньги обратно. И сейчасъ же отвернулся и занялся рѣзкой хлѣба.

Луиджи дрогнулъ отъ неожиданности, но зная нелюбовь хозяина къ объясненіямъ и разговорамъ, молча вышелъ изъ тратторіи.

Совѣтъ былъ дѣльный: догадливый хозяинъ видѣлъ, что его постоялецъ вернулся откуда то въ бурную, грозovou ночь, весь мокрый до нитки и сопоставилъ эту ночную отлучку съ происшествіемъ у епископа.

Участіе хозяина почему то успокоило неаполитанца: онъ почувствовалъ у себя за спиной надежную, давно испытанную опору.

Въ первой же попавшейся лавочкѣ перукиери ему быстро смахнули усы и бородку и преобразенный и опять довольный собою Луиджи отправился пошататься.

Издали, отъ угла, онъ посмотрѣлъ на дворецъ епископа, около котораго продолжалъ толпиться народъ и свернулъ на другую улицу. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что забрался далеко — передъ нимъ оказался красный домъ. Сердце у Луиджи ёкнуло: на среднемъ окнѣ верхняго этажа висѣла красная занавѣска.

Первымъ намѣреніемъ Луиджи было немедленно исчезнуть отъ этого опаснаго мѣста, но что то подшепнуло ему, что этотъ сигналъ имѣеть важное значеніе и для него лично. Стоять и раздумывать не приходилось: Луиджи осторожно оглядѣлся, перешелъ черезъ улицу и стукнулъ молоткомъ. Дверь словно поджидала его и сейчасъ же отворилась; тотъ же густобровый слуга провелъ неаполитанца наверхъ къ своему господину; онъ стоялъ въ залѣ и внимательно

разсматривалъ какую то мраморную богиню. Услыхавъ шаги, Маркони оглянулся.

— Кто это?..—съ недоумѣніемъ произнесъ онъ, не узнавая Луиджи. — Въ чемъ дѣло? Ба, да это ты, пѣтушокъ?!

Я самый, синьоръ!.. — отвѣтилъ съ низкимъ поклономъ неаполитанецъ. — Вы вывѣсили сигналъ и я здѣсь.

— И при томъ первый!.. — съ улыбкой сказалъ Маркони.—Твое усердіе будетъ оцѣнено по заслугамъ. А пока синьорита велѣла тебѣ передать на память вотъ это...—онъ досталъ изъ сумочки блеснувшее золотое кольцо съ изумрудомъ и далъ его Луиджи; неаполитанецъ раскланялся и надѣлъ его на палецъ.

— Теперь намъ предстоитъ вотъ что...—продолжалъ, опустившись въ кресло, Маркони: — Ты уже, конечно, слыжалъ городскіе толки про наше похождение?

— Какъ же, синьоръ... Все свалено на чертей — это самое пріятное!

— Да, но я слышалъ, будто одинъ изъ сторожей запомнилъ двоихъ изъ насъ. Ты, между прочимъ, хорошо сдѣлалъ, что обрлся. Это предусмотрительно! Такъ вотъ... въ городѣ оставаться нашимъ друзьямъ очень опасно: черти чертями, а вся полиція на ногахъ и у воротъ усилена стража. Необходимо вывести бѣглецовъ изъ города...

— Это очень трудно, синьоръ!

— Знаю. И тѣмъ не менѣе—надо. Ты ловкій и смѣтливый молодець; сколькихъ же челоуѣкъ ты возьмешь на себя?..

Луиджи задумался.

— Двоихъ, синьоръ, не больше!..

— Хорошо...—подумавъ, согласился Маркони. — Но помни, что епископъ золь до бѣшенства и если кого поймають, то за

сношеніе съ дьяволомъ тому не миновать костра!

— Огонь непріятная штука, синьоръ. Охотниковъ изжариться живьемъ найдется мало и они дороги!

Маркони досталъ изъ сумки вязаный кошелекъ и бросилъ Луиджи; тотъ подхватилъ его. — Срокъ два дня!

— Три, синьоръ, не меньше!

— Пусть будетъ по твоему. Бартоломео?.. — обратился Маркони къ слугѣ, стоявшему между каменныхъ статуй. — Условься съ Яномъ, гдѣ и въ какое время ты сможешь найти его. Твое имя Янъ, кажется?

Луиджи закашлялся.

— Да, синьоръ... Но чаще меня зовутъ Луиджи!..

— Отлично. И такъ помни: я надѣюсь на тебя, какъ на себя самого. Дѣйствуй!

Движеніемъ руки Маркони отпустилъ неаполитанца.

Луиджи вышелъ озабоченный. На улицѣ подозрительныхъ лицъ не было и онъ раздумывая что предпринять, поплуталъ по закоулкамъ и вдругъ вспомнилъ о Маркѣ; въ головѣ его появилась мысль попытаться выпроводить изъ города бѣглецовъ подъ видомъ студентовъ, отправляющихся въ обходъ по монастырямъ.

Луиджи поспѣшилъ въ общежитіе. Какъ на зло Марка не оказалось и никто не могъ сообщить, когда можно было ожидать его возвращенія въ городъ. Раздосадованный неаполитанецъ вернулся въ свое убѣжище и, не желая показываться въ тратторіи, потребовалъ вина къ себѣ наверхъ и сталъ забавляться съ ворономъ.

На другой день Луиджи побывалъ въ соборѣ и сдѣлалъ въ опредѣленномъ мѣстѣ условленный призывной знакъ. Выполнивъ это, онъ боковымъ ходомъ вышелъ наружу и только повернулъ за уголъ — крѣпко столкнулся съ машисто шагавшимъ человѣкомъ. Луиджи отлетѣлъ отъ толчка въ сторону, выругался и вдругъ уцѣпился за рукавъ встрѣчнаго.

— Маркушка, ты?! — радостно вскрикнулъ онъ. — А я тебя ищу вездѣ!..

— Мы только что вернулись изъ обхода... — улыбаясь отвѣтилъ Маркъ. — Я въ соборъ шель... посмотрѣть!..

— И я оттуда же... теперь ко мнѣ пойдемъ!..

Луиджи оглянулся черезъ плечо и, хотя никого не было, шопотомъ произнесъ: — очень важное дѣло есть!

Близъ университетской площади они слышали какой-то странный гулъ и крики.

— Что бы это значило?.. — проговорилъ неаполитанецъ.

— А тебѣ не все равно? — равнодушно отозвался Маркъ.

— Какъ все равно?! — возразилъ, начиная воспламеняться, Луиджи. — Да вѣдь тамъ дерутся!!

— Ну и пускай!..

— Нѣтъ, братъ, надо взглянуть!.. — Луиджи чуть не бѣгомъ бросился въ сторону шума; Маркъ неторопясь слѣдовалъ за нимъ.

На площади они остановились. Часть ея, ближайшая къ университету, кишѣла народомъ и происходило нѣчто невообразимое — надъ головами мелькали кулаки и палки,

какъ цѣпы, молотившія кого и по чемъ попало; стѣна изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ насѣдала на другую, куда менѣе многочисленную; она подавалась назадъ, слышался ревъ, вой и дикіе возгласы.

— Что такое?!—въ полномъ недоумѣніи проговорилъ Маркъ.

— Студенты съ профессорами своими дерутся!.. — хихикая пояснилъ незнакомый пожилой сосѣдъ, съ интересомъ слѣдившій за боемъ:—ученый споръ какой-нибудь разрѣшаются!..

Луиджи весь кипѣлъ. — Вотъ здорово!.. —такъ его!.. вали-вали!! — то и дѣло приговаривалъ онъ, забывъ все и видя только побoище.

Студенты явно одолѣвали. Но въ ту минуту, когда профессора, бакалавры и лиценціаты уже были притиснуты къ самой стѣнѣ, та часть бойцовъ, что была загнана внутрь университета, вдругъ хлынула обратно, но уже въ шлемахъ, латахъ и въ желѣзныхъ перчаткахъ; за ними выбѣжали сторожа кто съ метлой, кто со скамьей, или палкой, и съ яростью обрушились на студентовъ; опять закипѣлъ бой. Передніе, поразбивъ себѣ кулаки о желѣзо латы и шлемовъ, отхлынули подъ градомъ ударовъ и черная лавина, усѣивая свой путь отступленія сшибленными съ ногъ товарищами, стала откатываться отъ университета. Свалка шла уже около Марка и Луиджи.—Бей ихъ, бей!!—вопилъ послѣдній, суча кулаки невѣдомо противъ кого.

Жестокая и столь же неизвѣстно чья плюха скосила его какъ косою; окончательно разъяренный неаполитанецъ вскочилъ какъ кошка и далъ въ ухо ни въ чемъ

неповинному зрителю-сосѣду; тотъ, сочтя авторомъ удара Марка, влѣпилъ ему кулакомъ подъ глазъ; кто-то третій засвѣтилъ ему же съ другой стороны. Маркъ разсвирѣпѣлъ и, не разбирая виновныхъ, принялся крушить налѣво и направо кого подвернется; драка охватила всю площадь, зрители и бойцы смѣшались въ одну кашу. Еще нѣскольکو минутъ и студенты въ разсыпную кинулись въ бѣгство; со всѣхъ сторонъ сталъ доноситься бурный смѣхъ — экстазъ драки превратился во всеобщес веселье: хохотали побѣдители, хохотали побѣжденные.

Преслѣдованія дальше конца площади не полагалось. Среди нея появилось и чуть заколыхалось на высокомъ аломъ древкѣ зелено-красно-бѣлое знамя университета — знакъ окончанія распри. Профессора торжествовали; нѣкоторые особенно уставшіе, тутъ же снимали съ себя тяжелое вооруженіе и передавали его служителямъ.

Маркъ и Луиджи, оба раскраснѣвшіеся и запыхавшіеся, встрѣтились на окраинѣ площади. У Марка были подбиты оба глаза; Луиджи отдѣлался благополучнѣе, но тѣмъ не менѣе одна скула у него сильно вспухла.

— Молодцы профессора!! — въ полномъ восторгѣ воскликнулъ неаполитанецъ: — здорово учать... скамейками!!

Маркъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе.

— Изъ-за чего вся исторія вышла?.. Что такое случилось?.. — спросилъ онъ, недоумѣвая и ощупывая глаза начавшіе превращаться въ щелки.

Луиджи пожалъ плечами.

— Всякому иногда бываетъ пріятно подраться!.. — отвѣтилъ онъ; — кровь полируется!..

— Да нѣтъ!.. — вмѣшался въ разговоръ какой-то незнакомецъ, совсѣмъ сторонній университету. — Сказываютъ, правила какія-то новыя утверждали!..

На улицахъ, выходявшихъ на площадь, царило оживленье; многихъ профессоровъ тѣсными кольцами стали окружать ихъ возвращавшіеся ученики; нѣкоторыхъ молодежь подхватила на плечи и понесла по улицамъ; загремѣлъ только что народившійся «гаудеамусъ-игитуръ».

Маркъ и его пріятель пробрались черезъ толпу зѣвакъ и поднялись въ его коморку.

— Послѣ удовольствія—дѣло!..—сказалъ Луиджи.

За кружками вина онъ вкратцѣ повѣдалъ озадаченному Марку о бывшихъ съ нимъ приключеніяхъ и о своемъ намѣреніи спасти бѣглецовъ, выдавъ ихъ за студентовъ. О полученныхъ деньгахъ не упомянулъ ни словомъ.

— Отъ тебя намъ надо людей, человѣкъ пятнадцать!..—закончилъ Луиджи. — Открывать имъ ничего не нужно, а потомъ тѣ, которыхъ намъ поручать, отстануть гдѣнибудь въ пути, а я съ вами дальше пройду по монастырямъ... иногда необходимо помолиться!

— Мы только что вернулись?..—въ раздумѣ проговорилъ Маркъ, покручивая отросшую свѣтлую бородку.—Не знаю съ кѣмъ бы сговориться!

— Неужели ты до сихъ поръ дружбы ни съ кѣмъ ни свелъ?..—воскликнулъ неаполитанецъ. — Вотъ сѣверный медвѣдь!

— Да есть двое... попробую съ ними потолковать!.. Скажи, а развѣ здѣшній епи-

скопъ плохой человѣкъ, что ты противъ него пошелъ?

— Самъ сатана!!.—воскликнулъ Луиджи. — весь городъ его не терпитъ. Надо дѣйствовать немедленно! И помни — тайна это величайшая. Пронюхаетъ этотъ бѣсъ безъ вертела жаркое изъ насъ сдѣлаетъ?!. Скажи своимъ, что хорошо заплатятъ!

Маркъ кивнулъ головой и, раздумывая о слышанномъ, поспѣшилъ въ свое общежитіе.

До поздняго вечера всѣ кабачки были переполнены студенчествомъ и профессорами, распивавшими вино и обнимавшимися другъ съ другомъ; раздавались пѣсни и выкрики, здравицы, хохотъ. А поздно ночью давно уже спавшіе обыватели вскакивали и выглядывали изъ оконъ: на черномъ лонѣ улицъ - ущелій пылали красные факела, виднѣлись носилки съ неподвижно распростертыми тѣлами, перекатами раздавался «гаудеамусъ» — это толпы студентовъ разносили по домамъ своихъ профессоровъ.

Пыль и песокъ несъ и крутилъ смерчами южный вѣтеръ по улицамъ Болоньи на слѣдующій полдень. Площади казались завѣшенными туманомъ, все живое попряталось по домамъ; окна всюду были закрыты и только ватага студентовъ, закутавшая плащами лица по самые глаза, направлялась, кляня погоду, къ восточнымъ воротамъ. Шло человѣкъ около двадцати; у всѣхъ были торбы, двое имѣли лютни, каждый опирался на длинную палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, которую мгновенно можно было превратить въ короткое копье.

Пятеро передовыхъ сразу бросались въ глаза особеннымъ цвѣтомъ волосъ: это были Маркъ, два быкообразныхъ усача и еще двое такихъ же рыжеволосыхъ человѣкъ, гораздо поменьше ихъ ростомъ; Луиджи забрался въ самую середину ватаги и то и дѣло кидалъ впередъ безпокойные взгляды: уже показалась башня Феррарскихъ воротъ; сверхъ обычая они были закрыты и въ полутемномъ пролетѣ ихъ виднѣлись вооруженные сторожевые.

Завидѣвъ приближавшихся, нѣсколько человѣкъ выступило имъ на встрѣчу и аллебардами преградили дорогу. Всѣ остановились.

— Мы артисты...—прогудѣлъ Мартинъ.— Что надо?

— А вотъ мы разберемъ, кто артистъ, кто нѣтъ!.. — грубо отвѣтилъ старшій изъ караульныхъ. — Эй, гдѣ Виталиусъ?..

На окрикъ изъ башни показался невысокій, пожилой человѣкъ въ короткихъ, коричневыхъ штанахъ и пестромъ жилетѣ, поверхъ котораго былъ надѣтъ сѣрый камзолъ.

У Луиджи перехватило дыханье — онъ узналъ одного изъ тюремщиковъ епископа.

Виталиусъ только мелькомъ взглянулъ на передовыхъ и маленькіе глазки его, съ большими коричневыми мѣшками подъ ними, пытливо устремились на остальныхъ.

Закрыватья плащомъ значило обратить на себя особенное вниманіе; Луиджи смекнулъ это, снялъ шляпу и началъ обмахиваться ею какъ вѣеромъ. Взглядъ Виталиуса задержался на мигъ на его лицѣ и скользнулъ дальше; радостное чувство всколыхнулось въ груди неаполитанца, но тутъ же

погасло: глаза сыщика опять вернулись къ нему.

— Кто ты?.. — спросилъ онъ Луиджи.

— Артисты!.. — отвѣтилъ тотъ. — А что, крестили мы съ тобой гдѣнибудь?..

— Глазъ то у тебя почему запухъ?..

— Сегодня полъ города съ синяками ходить: вчера диспутъ былъ!..

— Вѣрно!.. — поддержалъ старшій: — вонъ они, ученые билеты подъ глазами у всѣхъ наклеены!

Стража захохотала.

— А куда идете?

— Пѣть по монастырямъ... — Сперва къ его святости епископу въ загородный дворецъ зайдемъ!

Тюремщикъ внимательно осмотрѣлъ остальныхъ и махнулъ рукою.

Аллебарды опустились: въ воротахъ открылась калитка и ватага гуськомъ выбралась за черту города.

Не смотря на жару и пыль неаполитанцу захотѣлось кувыркаться, запѣть, выкинуть чтонибудь необыкновенное, но сторожевая башня была еще близко и Луиджи преодолѣлъ искушеніе и сдѣлался чрезвычайно важнымъ; только единственный глазъ его, горѣвшій огнемъ, выдавалъ его переживанія.

Благодаря повороту дороги вѣтеръ сталъ дуть путникамъ въ спину: идти сдѣлалось легко.

Луиджи поравнялся съ передовыми.

— Зачѣмъ ты совралъ, что мы идемъ къ епископу?..—вполголоса спросилъ Маркъ.

— Вдохновеніе, братья!.. — воскликнулъ неаполитанецъ. — Безъ этого пропадешь!

Болонья мало по малу стала сливаться съ далью; пыль надъ нею стояла облакомъ.

Подъ вечеръ вѣтеръ утихъ. На гребнѣ увала, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, открылась колоннада и какія то древнія развалины; Луиджи пытливо всмотрѣлся въ нихъ и что то шепнулъ Мартину; тотъ, шедшій за вожака, свернулъ къ нимъ со своими спутниками.

— Здѣсь заночуемъ!.. — объявилъ онъ во всеуслышаніе.

Развалины оказались храмомъ; къ нему вела мраморная лѣстница изъ семи широкихъ ступеней. Сохранилась большая часть свода и подъ нимъ на невысокихъ постаментахъ бѣлѣлъ полукругъ изъ мраморныхъ статуй; двѣ или три лежали на полу, разбитыя на куски; разрушеніе и запустѣніе глядѣли со всѣхъ сторонъ.

Нѣсколько человѣкъ отправилось собирать дрова; неподалеку отыскался ручей.

Въ самой глубинѣ храма, поодаль отъ статуй, артисты развели на мраморномъ полу костеръ и принялись стряпать ужинъ изъ вареныхъ бобовъ. Эхо отзывалось на каждое движеніе и слово.

Луиджи нѣсколько разъ выходилъ наружу и вглядывался въ начавшую густиться темноту. Скоро прямо противъ входа въ развалины на небѣ засквозило синеватое сіяніе: всходилъ мѣсяцъ — огромный, круглый, багровый и не свѣтящій; будто пожаръ вспыхнулъ гдѣ то въ черной дали.

Артисты очертили углемъ мѣсто, избранное для ночлега, закрестили его, подмостили подъ головы мѣшки и улеглись спать. Нѣмцы студенты расположились отдѣльно,

около второго бокового выхода, и тихо бесѣдовали.

Мѣсяць, превратившійся опять въ серебряный, плылъ уже высоко; лучи его проникали въ провалъ на сводѣ и нездѣшнимъ свѣтомъ озаряли недвижныя статуи; на полу тянулись отъ нихъ длинныя тѣни; въ углу, въ повалку, будто куча щенковъ, крѣпко спали въ разнообразныхъ позахъ странствующіе студенты и угасавшій костеръ обрызгивалъ ихъ красными пятнами.

Среди полного безмолвія почудился звякъ подковы. Луиджи выскочилъ изъ двери, за нимъ поднялись одинъ за другимъ нѣмцы.

По дорогѣ мелькали какія то неясныя тѣни, топотъ копытъ сдѣлался явственнѣй; одна изъ лошадей засѣкала ногу и пощелкиванье желѣза по желѣзу выдѣлялось отчетливо. Кучка всадниковъ свернула къ развалинамъ.

— Кто ѣдетъ?!—окликнулъ Луиджи.

— Соколы!..—отозвался передній. — Кто спрашиваетъ?

— Два льва!.. — отвѣтилъ Луиджи; его окружили всадники и стали спѣшивать — всего было семь человѣкъ.

— Бастиано?!—раздался зовъ одного изъ пріѣхавшихъ.

Къ нему, простеревъ руки, кинулся рыжій студентъ.

— Что такое—это ты?!

— Я, я!..

Къ великому изумленію Адольфа незнакомый товарищъ его сорвалъ со своей головы огненные волосы и подъ ними оказались черныя, отливавшіе при свѣтѣ мѣсяца синевою; въ одно мгновеніе онъ отодралъ приклеенную бороду; то же продѣлалъ и дру-

гой рыжій; его никто не зналъ и никто съ нимъ не поздоровался.

Ни во что не посвященный Адольфъ вытаращилъ глаза; Мартинъ и Маркъ оставались невозмутимыми.

Палавиччини пристегнулъ къ боку привезенную ему шпагу и сталъ благодарить своихъ спутниковъ.

— А тебѣ, пѣтушокъ, особенное спасибо!..—добавилъ онъ, обращаясь къ Луиджи. —Если комунибудь изъ васъ я могу пригодиться — ищите меня въ Римѣ. Замокъ Бастіано Палавиччини вамъ укажетъ всякій... кромѣ поповъ, конечно; господа кардиналы расходятся со мной во взглядахъ на нихъ! А это возьмите на расходы себѣ!

Онъ ощупалъ рукой сѣдельную сумку подведеннаго ему статнаго вороного коня и досталъ оттуда нѣсколько кошельковъ съ золотомъ; два изъ нихъ онъ сунулъ Луиджи и по одному далъ тремъ остальнымъ.

— Можетъ синьоръ временно нуждается въ деньгахъ?..—вопросительно добавилъ Палавиччини, обращаясь къ стоявшему поодаль своему товарищу по заключенію.

Тотъ сдержанно поклонился.

— Весьма тронуть, синьоръ!.. — отвѣтилъ онъ:—кромѣ добраго скакуна мнѣ ничего не нужно!

— Вы съ нами ѣдете?..—спросилъ Палавиччини, садясь на нестоявшаго коня.

Другого, запасного, подвели къ незнакомцу.

— Нѣтъ, я долженъ свернуть въ сторону Пизы!..—отозвался онъ, мѣрря рукой длину стремянъ.

— Смотрите, ночью пути опасны для одинокаго!..

— Какъ нибудь проберусь!..—съ усмѣшкой сказалъ неизвѣстный.—Я вѣрю въ свою звѣзду, синьоръ!..

— Тогда добраго пути!.. Прощайте!..

Палавиччини махнулъ всѣмъ шляпой, повернулъ вороного и галопомъ направился къ дорогѣ; кавалькада поскакала за нимъ.

Незнакомецъ подтянулъ подпруги и легко вскочилъ на сѣдло.

— Мнѣ васъ отблагодарить сейчасъ нечѣмъ!..—произнесъ онъ:—но быть можетъ настанетъ часъ, и я пригожусь вамъ!

— А не откроетъ ли намъ синьоръ своего имени?—осторожно освѣдомился неаполитанецъ.

Бѣлые зубы блеснули на лицѣ всадника; онъ засмѣялся.

— Имя мое—вѣтеръ!.. - отвѣтилъ онъ.— Ну, желаю вамъ успѣховъ!

Раздался топотъ копытъ и незнакомецъ быстро сталъ удаляться и тонуть въ синихъ сумеркахъ.

— Почему они были въ парикахъ!..—густо вымолвилъ Адольфъ.

— Спасались отъ лапъ сбировъ!.. — коротко отозвался Мартинъ.

— А-а!.

Адольфъ успокоился и на этомъ разговоръ окончился.

Четверо оставшихся долго смотрѣли вслѣдъ уѣхавшимъ. Уже ничего не стало видно вдали и Маркъ началъ подыматься по ступенямъ къ колоннадѣ; за нимъ медленно послѣдовали остальные.

— Теперь могу учиться безъ перерывовъ!.. — съ довольной улыбкой проронилъ Маркъ. — А что мы скажемъ завтра товарищамъ о пропавшихъ?

— Э!!.—отозвался Луиджи: — заявимъ, что одинъ разболѣлся и другой увелъ его на зорькѣ обратно въ городъ!

— Кто бы такой былъ этотъ «вѣтеръ»? — вслухъ подумалъ Маркъ.

Отвѣта не было и не могло быть; чтобы не разбудить спавшихъ, путники на носкахъ вопли во храмъ и улеглись на прежнія мѣста.

Безмолвіе и ночь опять зачаровали міръ.

Глава XXIV

Урожай винограда и фруктовъ въ тотъ годъ былъ необычайный: для вина не хватало ни бочекъ, ни сорокаведерныхъ амфоръ изъ глины, врытыхъ въ землю многія столѣтія назадъ; дороги, ведшія въ города, были покрыты вереницами осликовъ и муловъ, нагруженныхъ корзинами съ черными и янтарными кистями винограда; около воротъ раскинулись цѣлыя ярмарки фруктовъ — внутрь городовъ, на базарныя площади, ихъ не пропускали изъ за тѣсноты и по причинѣ множества пчелъ, провожавшихъ караваны и вившихся на солнцепекѣ вокругъ сладкаго, какъ медъ, винограда.

Ватага Мартина пользовалась огромнымъ успѣхомъ и сборы ея были таковы, что никто изъ студентовъ не мечталъ даже о четверти ихъ. Причиной этого былъ не только обильный всѣмъ годъ, но и удивительная октава Адольфа и басъ Мартина, приводившіе слушателей въ изумленіе; нѣкоторые во время пѣнія даже заглядывали имъ въ ротъ, чтобы узнать откуда

берется такая бездонная мощь звуковъ. Любитель пѣнія Мартинъ подобралъ по своему вкусу остальныхъ товарищей, среди которыхъ первое мѣсто занялъ весельчакъ Луиджи, потѣшавшій важныхъ прелатовъ и аббатовъ до колѣкъ подъ ложечкой самыми нецензурными, а часто и кощунственными, остроумными рассказами и пѣсенками.

Нѣмцы-пѣвцы сначала приходили въ ужасъ; итальянцы хохотали и аплодировали какъ бѣшеные.

Какъ ни стремился Маркъ поскорѣе вернуться въ Болонью и засѣсть за ученье — ихъ всюду задерживали по нѣскольکو дней и даже по недѣлямъ и, когда пѣвцы окончательно закинули свои лютни за спины и направились къ Болоньѣ, минуло шесть недѣль.

Приближался праздникъ патрона города и Болонья и вся обширная округа ея дѣятельно готовились къ джострѣ.

Вокругъ коммунальной, главной площади, имѣвшей форму овала, врывали въ землю короткіе столбы и оцѣпляли ее толстымъ канатомъ; въ разныхъ концахъ стучали топоры — на длинныхъ сторонахъ устраивались помосты, грохотали сбрасываемыя съ карруцъ доски.

Дороги, ведшія въ городъ, пестрѣли народомъ; шли и ѣхали на осликахъ ремесленники и крестьяне; на великолѣпныхъ грузныхъ коняхъ возсѣдали ярко разодѣтые рыцари съ длинными страусовыми перьями на головахъ и дамы; отряды слугъ везли доспѣхи; всѣ эти многоцвѣтныя рѣвки вливались въ запахнутыя городскія ворота и растекались по улицамъ; Болонья напоминала шумный и оживленный улей.

Мартинъ, отойдя нѣсколько парасанговъ отъ послѣдняго монастыря, свернулъ свою ватагу въ ближайшій оврагъ и тамъ, въ прохладной тѣни, произвелъ общій подсчетъ и раздѣлъ добычи. Ея, а главное денегъ, было столько, что даже выдавшій виды Луиджи пришелъ въ восторгъ.

— И на черта сдалось намъ ученье?! — закричалъ онъ, увидавъ высыпанную на мѣшокъ кучку серебра и даже нѣсколько золотыхъ монетъ. — Развѣ это не жизнь! — дыши, наслаждайся! А мы мучаемся — зубримъ! Слышите жаворонковъ?..—онъ воздѣлъ руки къ небу и, уже искренно считая себя студентомъ, запѣлъ древній гимнъ богу вина и любви, передѣланный впоследствии духовенствомъ въ кантату въ честь Богородицы. Нѣсколько человѣкъ подхватило.

— Честное слово, не знаю что теперь дальше дѣлать — жениться или въ монастырь уйти! Хорошо жить на свѣтѣ монахамъ!.. — сказалъ Луиджи, окончивъ пѣть. — Даже обѣты ихъ превосходящая статья; мнѣ вчера святой отецъ пріоръ душу открывалъ! Назюзился до слезы, почмокалъ губками, поднялъ пальчикъ кверху и говорить: — главное на свѣтѣ, мой другъ, слушайся духовныхъ отцовъ и давай обѣты; я скромный человѣкъ, а мой обѣтъ бѣдности приноситъ мнѣ каждый годъ по сто тысячъ дохода, а обѣтъ повиновенія далъ мнѣ почти королевство — на вершокъ меньше!

Луиджи такъ ловко изобразилъ раскисшее отъ виннаго блаженства лицо пріора, что всѣ захохотали.

Еще задолго до заката солнца партія студентовъ достигла Болоньи и благодаря многолюдству безо всякихъ осмотровъ и пре-

пятствій вошла въ городъ и разбрелась по своимъ угламъ.

Наканунъ джостры никакія цеховыя работы не производились; всѣ лавки и мастерскія были закрыты и принарядившіеся горожане прогуливались со своими дамами по улицамъ, разсматривали пріѣзжихъ гостей и вслухъ разбирали ихъ достоинства и недостатки.

Луиджи рѣшилъ навѣстить Яна и передать ему кольцо, но того дома не оказалось; по какому то наитію неаполитанецъ направился къ замку синьориты и дѣйствительно въ числѣ звѣвакъ увидалъ своего пріятеля, поглядывавшаго не столько на пріѣзжихъ, сколько на окна Габріели; синьорита не показывалась.

Луиджи взялъ Яна подъ локоть; тотъ оглянувшись и озабоченное лицо его просвѣтлѣло.

— А вѣдь ты совсѣмъ дуракъ!! — проговорилъ ему на ухо неаполитанецъ, уводя его дальше... — Ты бы еще въ окно къ ней сейчасъ влѣзь? У меня есть тебѣ подарочекъ!

— Какой?..

Луиджи снялъ съ пальца кольцо Габріели и сунулъ его Яну. — Это ея благодарность тебѣ...

Лицо Яна заестрѣло бѣлыми и красными пятнами.

— Гдѣ ты видѣлъ ее, когда?! — пробормоталъ онъ, крѣпко сжимая драгоцѣнное кольцо.

Луиджи не успѣлъ отвѣтить; на него въ упоръ глянули суровые глаза довѣреннаго

слуги Маркони; густыя, сросшіяся брови сдѣлали чуть замѣтное движеніе и Луиджи сообразилъ, что слуга долженъ что то передать ему. Онъ сослался на свиданье, будто бы назначенное какой то красоткой, наскоро простился съ Яномъ и послѣдовалъ за посломъ Маркони. Они очутились въ шумномъ, переполненномъ народомъ, погребкѣ близъ Коммунальной площади; видимо хорошо знакомый хозяинъ усадилъ ихъ въ отдаленный, полутемный уголокъ, изъ котораго они могли наблюдать за всѣмъ происходившимъ.

— Имѣю отъ синьора порученіе къ вамъ!.. — тихо проговорилъ слуга.

— Очень рады! Конечно, онъ знаетъ, что синьоръ Бастіано давно гуляетъ по Риму?

— Знаетъ...

— А какъ здоровье остальныхъ?

— Отлично.

— Что значить со мной имѣть дѣло!! — самодовольно произнесъ неаполитанецъ и постучалъ въ грудь кулакомъ. — Драгоценнѣйшій талисманъ ношу! Ну съ, къ дѣлу, мой любезный... зачѣмъ я понадобился?

Посланный нагнулся въ сторону Луиджи.

— Завтра епископъ собирается сражаться на джострѣ; синьоры рѣшили устроить скандалъ ему... Навербуйте людей и ждите свистка съ трибунъ!.. съ деньгами не скупитесь — вотъ онъ!.. — И онъ незамѣтнымъ движеніемъ передвинулъ по столу къ Луиджи тяжелый сѣрый мѣшечекъ

Тотъ такъ же ловко прикрылъ его ладонью и отправилъ въ карманъ.

— Ого!.. — проронилъ неаполитанецъ: — по вѣсу чувствую, что потѣха должна выйти серьезная!

— Таково желаніе синьора!..

— Хорошо... Но что именно хотѣлъ бы вашъ господинъ? Какъ онъ смотритъ напри-
мѣръ на гнилыя яйца?

На хмуромъ лицѣ посланца появилась усмѣшка.

— Это зависитъ отъ того, какъ вы смотрите на свою шею? — отвѣтилъ онъ. — Синьоръ полагается на васъ!

Собесѣдники покончили вино и разговоръ и слуга ушелъ, а Луиджи долго еще сидѣлъ за столикомъ и соображалъ что надо дѣлать.

Глава XXV

Еще раннимъ утромъ начала шумѣть площадь; тысячи народа заполнили всѣ свободные уголки ея; алыми маками казались кастальды, стоявшіе вдоль каната и не пропуская зрителей на арену: на ней могли находиться только участники джостры.

Площади было не узнать — она казалась сплошнымъ цвѣтникомъ. Окна, балконы, крыши, кампанилья — все было облѣплено зрителями, разодѣтыми въ платья ярчайшихъ окрасокъ; стѣны домовъ скрывались подъ многокрасочными коврами и сукнами; для защиты отъ солнца надъ трибунами были натянуты они же. Синее небо было безоблачно.

Состязаніе должно было начаться въ полдень, но уже часамъ къ десяти негдѣ было упасть зерну; гулъ и говоръ морскимъ прибоемъ доплескивались до самыхъ отдаленныхъ улицъ города.

На одномъ изъ концовъ площади, на зеленой, врытой въ землю мачтѣ недвижно висѣло бѣло-зеленое, бархатное знамя Болоньи. За нимъ, ближе къ ратушѣ, разноцвѣтнымъ городкомъ тѣснились палатки рыцарей, осѣненные знаменами съ гербами; другая часть ихъ была разбита на противоположной сторонѣ поля; между ними суетились слуги и оруженосцы, подготавливавшіе все къ переодѣванію господъ въ доспѣхи. Тамъ же важно прогуливались двое докторовъ въ черныхъ плащахъ и въ такихъ же остроконечныхъ высокихъ колпакахъ. Поодаль горою лежали наваленныя другъ на друга тупыя копыя; на аренѣ устанавливали квинтану-чучело человѣка въ латахъ, прочно сидѣвшее на деревянной подставкѣ; въ особую стойку ввинчивали неподвижное, толстое желѣзное кольцо.

Джостры длились по цѣлому дню и зрители въ избыткѣ запасались виномъ и съѣстными припасами; забравшіеся спозаранку уже закусывали и прикладывались кто къ кружкамъ, кто попросту къ горлышкамъ кувшиновъ, громко разбирая въ то же время тѣлесныя статьи подѣзжавшихъ участниковъ.

Празднество должно было начаться съ багордо — такъ назывались одностороннія игры, въ которыхъ всадники, вооруженные копьемъ, показывали свое умѣнье владѣть конемъ и оружіемъ; Италія была единственной страной, гдѣ параллельно съ рыцарями участіе въ джострѣ и багордо могли принимать горожане, обладавшіе средствами на покупку коня и доспѣховъ.

Въ полдень на облитой солнцемъ аренѣ показался весь въ желтомъ, будто золотой, всадникъ съ длинной фанфарой въ рукѣ; съ нея свисала широкая парча такого же цвѣта.

Зазвучали переливы сигнала и площадь всколыхнулась и смолкла; ѣда сразу исчезла по карманамъ и взгляды тысячъ обратились въ сторону бѣлой ратуши: ее огибало шествіе знаменъ цеховъ города; за нимъ, въ одеждахъ цвѣта своихъ знаменъ, вереницей выѣзжали молодые всадники. Ни доспѣховъ, ни шлемовъ на нихъ не было; съ правыхъ плечъ свисали плащи, державшіеся на застежкѣ; длинные волосы на открытыхъ головахъ были схвачены золотыми обручами; у многихъ изъ подъ нихъ развѣвались тонкія вуалетки ихъ возлюбленныхъ; въ лѣвыхъ рукахъ у cadaго находилось по легкому щиту.

Всадники выстроились въ одну линію; кони волновались и не стояли, ихъ оглаживали помощники.

Особые судьи освидѣтельствовали правильность и цѣлость копій и роздали ихъ участникамъ багордо.

Опять зазвенѣла труба и развѣзжавшій по аренѣ главный распорядитель поднялъ надъ головой пурпурнаго цвѣта жезль и махнулъ имъ; копя участниковъ опустились на перевѣсъ; крайній правый въ зеленомъ платьѣ, съ бѣлымъ плащемъ за плечомъ, стронулъ съ мѣста вороного коня и вынесся впередъ; пыль всклубилась за нимъ.

Первымъ стояло желѣзное чучело; ударъ зеленаго всадника только скользнулъ по нему, а требовалось опрокинуть его, либо сломать при ударѣ копье; промахнулся

всадникъ и по кольцу и только удачно взялъ препятствіе — невысокій барьеръ.

Зрители молчали; раздалось два-три насмѣшливыхъ возгласа.

Судья пустилъ второго—сине-краснаго на буланомъ, тяжеломъ конѣ; словно языкъ пламени метнулся за нимъ плащъ; въ пустую звякнули желѣзо на чучелѣ и затѣмъ кольцо; передъ препятствіемъ конь вдругъ всталъ какъ вкопанный и всадникъ растопырилъ руки и подъ общій смѣхъ кувыркнулся черезъ заборъ.

Третій — молодой и стройный—синій съ бѣлымъ всадникъ — на бѣломъ конѣ сразу приковалъ къ себѣ общее вниманіе: прикрывшись щитомъ, онъ карьеромъ налетѣлъ на чучело и опрокинулъ его вмѣстѣ съ подставкой; звукъ удара разнесся по всей площади; она одобрительно загудѣла въ отвѣтъ.

Не уменьшая хода скакуна, синій попалъ копьемъ въ кольцо; конецъ его хрястнулъ и отломился; ѣздокъ на полномъ скаку поднялъ остатокъ древка надъ головой, перескочилъ черезъ препятствіе и свернулъ подъ трибуну; аплодисменты и крики привѣтствовали удалого наѣздника.

Состязанія были повторены дважды и изъ шестнадцати участниковъ только трое полностью выполнили всѣ заданія; въ числѣ счастливицевъ находился и удалецъ въ синемъ.

Опять пропѣла фанфара и всѣ всадники выстроились впереди знаменъ; предстоялъ самый трудный заключительный номеръ — надо было на всемъ скаку воткнуть въ арену взятое подъ мышку толстое боевое копье и переломить его, удержавшись при этомъ въ сѣдлѣ.

Служители быстро убрали все лишнее и первымъ выѣхалъ зеленый всадникъ. Онъ ткнулъ копьемъ въ землю, пробороzdилъ ее пыльною лентой и грохнулся бы съ коня, если бы во время не выпустилъ изъ подъ плеча рукоятку.

Та же участь выпала на долю сине-краснаго.

Удача сине-бѣлаго вызвала восторженные крики всей площади; четвертый черкнулъ концомъ копья по землѣ, оно врѣзало глубоко въ грунтъ и вдругъ словно невѣдомая сила сорвала всадника съ сѣдла и подняла на воздухъ; онъ описалъ дугу и рухнулъ на землю; конь, звеня стременами, поскакалъ въ сторону.

Хохотъ привѣтствовалъ паденіе неудачника.

Еще двое соперниковъ тѣмъ же порядкомъ вылетѣли изъ сѣделъ; двое не удержались и опрокинулись, а затѣмъ свалились; нѣсколько человѣкъ уронили копья и только тѣ же трое опять оказались побѣдителями.

Въ честь ихъ загремѣли фанфары, рога и литавры; подъ звуки музыки они шагомъ объѣхали всю арену. Изъ толпы летѣли вверхъ шляпы, махали руки и цвѣтные головные шарфы; съ балконовъ и изъ оконъ сыпался цвѣточный дождь.

Триумфаторы радостные и возбужденные, съ раскраснѣвшими лицами, кланялись, ловили на лету цвѣты и совали ихъ куда пришлось — въ волосы подъ обручи, за бортъ куртокъ, въ петли, за пояса, собирали въ букеты и кидали ихъ зрителямъ, туда, гдѣ больше аплодировали и больше тѣснилось хорошенькихъ женскихъ личицъ.

Парадъ кончился; герои багордо слѣзли съ фыркавшихъ и тершихся головами о бабки коней, сдали ихъ подручнымъ, а сами смѣшались на трибунахъ съ толпою.

Наступила очередь джостры.

На аренѣ показался бѣлоснѣжный герольдъ на такомъ же конѣ; только буффы на плечахъ и шляпа у него были пунцовые.

— Благородный рыцарь синьоръ Пьетро Джиноре вызываетъ на бой достойныхъ!.. — звонко возгласилъ герольдъ и со стороны противоположной ратушѣ засверкали, что зеркала, доспѣхи богатыря-рыцаря; голову его закрывалъ тяжкій шлемъ; съ высокаго гребня падали на лѣвое плечо длинныя павлиньи и страусовыя перья. Руки, закованныя въ желѣзные перчатки держали древко боевого копья, но съ тупой оковой на концѣ, большой щитъ съ гербомъ. Громадный, могучій конь по низъ груди былъ покрытъ сплошной броней и лишь по чернымъ, мощнымъ ногамъ можно было судить о его силѣ и масти; голову коня защищаль налобникъ; между прядавшими ушами огонькомъ мерцалъ пучокъ красныхъ перьевъ.

У противоположныхъ палатокъ произошла суматоха—рыцарь запоздалъ съ вооруженіемъ и слуги спѣшно подавали ему то тотъ, то другой предметъ; на голову онъ надѣлъ простеганную на ватѣ черную мягкую «скуфью»—на нее вторую «капироне» и поверхъ нихъ шлемъ; оруженосцы быстро и наглухо пристегнули его ремнями и пособили рыцарю стать на широкое стремя, а затѣмъ и сѣсть на сѣдло.

— Благородный рыцарь Христофано ди Фатторе принимаетъ вызовъ... — прокричалъ герольдъ и отѣхалъ въ сторону.

Соперники, держа стоймя копыя съ развѣвающимися на нихъ флажками, разминутись короткимъ, тяжелымъ галопомъ и отсалютовали другъ другу; на концахъ поля они повернули коней, копыя опустились по боевому; рыцари укрылись щитами, кони собрались на короткихъ поводяхъ и вмѣстѣ со всадниками превратились въ сіяющія изваянія.

Площадь замерла.

Не успѣлъ прозвучать сигналъ—на мѣстахъ, гдѣ стояли рыцари, столбами закрутилась пыль и серебряные всадники ураганомъ понеслись другъ на друга; на серединѣ арены кони сшиблись грудь въ грудь; съ одного изъ рыцарей слетѣлъ и покатился по землѣ шлемъ; другой повалился отъ удара копыя на крупъ коня, но удержался и выпрямился. Къ обоимъ бросились оруженосцы осматривать и исправлять поврежденія; шлемъ хранителя поля оказался съ глубокой выбоиной и ему надѣли новый: пѣна ключьями падала съ золотыхъ удилъ лошадей; имъ вытерли рты мокрыми губками.

Бойцы развѣхались и снова яростно бросились другъ на друга. Судьба была противъ Фатторе: ударъ пришелся ему въ самую середину груди и онъ грохнулся на арену; побѣдитель поднялъ забрало и съ открытымъ лицомъ поѣхалъ къ своей палаткѣ; площадь гремѣла аплодисментами.

Вторая пара бойцовъ устроила неожиданную потѣху для зрителей: при сшибкѣ кони осѣли на хвосты, а оба всадника одновременно покатались на землю, при чемъ одинъ зацѣпился громадною зубчатой шпорою за сѣдло и нѣсколько секундъ висѣлъ внизъ головою. Стычка была повторена

трижды; щиты звенѣли какъ подъ кузнечными молотками, копыя съ трескомъ разлетались на куски, но рыцари держались непоколебимо.

Судьи признали бойцовъ равносильными и кони, кося кровавыми глазами, унесли ихъ съ поля.

При появленіи третьей пары кони ея привѣтствовали другъ друга звонкимъ ржаніемъ. И будто по сигналу со всѣхъ сторонъ откликнулись ихъ товарищи и ржаніе на нѣсколько мгновеній заглушило оживленный говоръ народа.

И эта стычка принесла неожиданность — маленькій рыцарь съ голубой шалью дамы сердца на шлемѣ ловко принялъ на щитъ только скользнувшее копые противника, вдвое превышавшаго его ростомъ, мѣткимъ ударомъ въ голову свалилъ его на землю и отъѣхалъ къ палаткѣ. Сбитый самъ подняться не могъ; его разоблачили и увели подъ руки.

— Его преосвященство, синьоръ епископъ вызываетъ достойнаго соперника...—возгласилъ герольдъ и словно солнце засіяло на аренѣ: показался закованный въ драгоценные золоченые доспѣхи, весь блистающій рыцарь; лиловыя перья на шлемѣ и такого же цвѣта длинная мантия, спадавшая съ плечъ, указывали на важное духовное званіе его. Ъхалъ онъ избочась, самоувѣренно.

На другомъ концѣ поля началось нѣкоторое смятеніе, слышались вскрики и какіе то совершенно необъяснимые, хрюкающіе звуки: на арену вынеслась длиннорылая черная свинья и пустилась вскачь на епископа. За ней въ разсыпную гнались люди. Кто то заулюлюкалъ.

Площадь захохотала отъ хохота.

— Вѣрно!.. достойный соперникъ!..—кричали изъ разныхъ мѣстъ. — Ваше преосвященство, не ударьте лицомъ въ грязь!

Опустивъ въ землю копые всадникъ стоялъ неподвижно.

При помощи кастальдовъ и оруженосцевъ непрощенная участница джостры была изгнана съ поля.

Герольдъ повторилъ вызовъ, но отклика не было; къ нему подскочилъ не то пажъ, не то оруженосецъ небольшого роста и назвалъ имя противника.

— Сяньоръ Таракано ди Шерстобито принимаетъ бой!—съ недоумѣніемъ выкрикнулъ герольдъ.

Показалась странная фигура: на костлявой, высоченной и опоенной пѣгой клячѣ сидѣлъ не менѣе ея длинный и худой всадникъ, весь обмотанный паклей и шерстью; полуразбитый, старый шлемъ держался только на макушкѣ совершенно лысой головы; забрало было поднято и виднѣлось дряхлое лицо; въ рукѣ у диковиннаго ѣздока вмѣсто копья торчалъ длинный шестъ.

Одра тащили подъ уздцы двое людей; онъ упирался; къ нему подскочилъ тотъ же оруженосецъ и сунулъ ему подъ хвостъ колючку репейника; кляча загарцевала, всадникъ зашатался изъ стороны въ сторону — онъ былъ пьянъ въ дребезги. Буря рушащая зданія — вотъ сравненіе съ тѣмъ, что произошло на площади. Она ревѣла, хохотала, ругалась; въ сторону епископа изъ разныхъ мѣстъ полетѣли яйца, баклажаны, печеная рѣпа; нѣсколько такихъ гостинцевъ попало въ латы его.

— Долой епископа!! — неистово вопили голоса.

— Да это нашъ шерстобитъ, Вальяно!.. — кричали другіе, узнавшіе старика. — Луи, Вальянушка, поддержи!!

На трибунахъ между сторонниками епископа и его врагами начались драки; публика стала прыгать и сыпаться черезъ барьеры ложъ; кастальды мгновенно были смяты и люди, словно разсыпанный горохъ, покатились по площади; оруженосцы и рыцари похватали копыя и оцетинились ими противъ буяновъ. Распорядители съ крикомъ носились по аренѣ, унимая и прекращая драку. Пьянаго шерстобита окружило челоуѣкъ съ полсотни и, вмѣсто фанфаръ, съ пѣніемъ провели его какъ триумфатора.

Маленькій оруженосецъ суетился какъ угорѣлый.

— Исчезай!.. исчезай теперь! — кидаль онъ то одному то другому изъ наиболѣе ярыхъ задирь.

Еще четверть часа—и все утихло; поле очистилось; неизвѣстный оруженосецъ кануль какъ въ воду.

Джостра пошла своимъ чередомъ.

Г л а в а XXVI

Много было шумныхъ разговоровъ и толковъ въ кабачкахъ и повсюду въ тотъ вечеръ и на другой день!

Выяснилось, что сторонники епископа ожидали, что вызовъ его будетъ принятъ враждебнымъ лагеремъ и къ бою съ нимъ никто не готовился; свинья выбѣжала не слу-

чайно, а была нарочно выпущена изъ ближайшаго дома; шерстобита спозаранку накачивали виномъ какіе то молодцы въ кабачкѣ, подзадаривали и спорили, что онъ не посмѣетъ сѣсть на лошадь.

Епископъ уѣхалъ блѣдный отъ злобы и отдалъ приказъ во что бы то ни стало розыскать оруженосца, несомнѣнно игравшаго роль распорядителя въ происшедшей исторіи.

Маркъ и его новые товарищи-нѣмцы присутствовали на зрѣлищѣ и сразу узнали въ таинственномъ оруженосцѣ Луиджи. Узналъ его и завистливый и мрачный товарищъ Яна; онъ стоялъ въ толпѣ у самаго каната и недобрымъ взглядомъ слѣдилъ за суетой, устроенной неаполитанцемъ.

Янъ почти не отрываясь смотрѣлъ на ближайшую трибуну; въ первомъ ряду ея въ розовомъ съ серебромъ платьѣ сидѣла Габріель Готье. На арену онъ взглядывалъ только тогда, когда Габріель чѣмъ нибудь проявляла радость, или особый интересъ къ происходившему; вмѣсто джостры онъ видѣлъ только что то сказочное, яркое, пестрое, шевелящееся и въ центрѣ всего—ее.

Волшебный сонъ кончился, публика стала расходиться, солнце было уже на закатѣ; верхъ компанильи былъ какъ бы охваченъ пожаромъ. Ни видѣть, ни разговаривать съ кѣмъ либо Яну не хотѣлось: надо было одному пережить все испытанное и онъ зашелъ въ первый подвернувшійся погребокъ, забрался въ отдаленный уголъ и спросилъ вина. На протяженіи руки отъ него помѣщалась подвыпившая компанія изъ пяти чловѣкъ, бесѣдовавшихъ между собой.

До Яна вдругъ донеслось имя Габріели; онъ насторожился, сдѣлалъ видъ, что отвернулся и сталъ внимательно вслушиваться.

— Да ужъ я знаю, что говорю, вѣрьте мнѣ!..—спотыкаясь языкомъ твердилъ одинъ:— тутъ не просто дѣло!..—онъ постучалъ костяшками кулака по столу:—тутъ не просто! Позвольте узнать почему съ тѣхъ поръ, какъ приѣхала эта французенка у нашего епископа однѣ непріятности? А? То черти изъ тюрьмы всѣхъ унесли, нынче опять свинья... это какъ называется? Вѣдьма, вотъ какъ!..— онъ снова стукнулъ кулакомъ.

— Да нѣту, не такъ!..—бія себя въ грудь кулакомъ, тоненькимъ дискантомъ возражалъ другой: — ты вздоръ городишь! Не вѣдьма если самъ его святость влюбленъ въ нее. Это разъ! А вотъ что: она невѣста синьора **Бастіано Палавиччини**. Понимаете? Онъ поднялъ вверхъ палецъ.—Вотъ нашъ и засадилъ его въ тюрьму! А она фюить—и выпустила молодца! По секрету вамъ открою:—пробоина въ стѣнѣ тюрьмы найдена!

Всѣ ахнули.

— Вотъ такъ нечистая сила!! — протянулъ третій.

У Яна перехватило дыханіе. Онъ отодвинулъ еще не начатую кружку, всталъ и удалился изъ погребка.

— — —

Черезъ день городъ принялъ обычный видъ.

Янъ пасмурный и молчаливый, съ узкимъ, мѣднымъ обручемъ на лбу, не разгибался надъ работой. Напрасно краснощекая, въ черномъ корсажѣ и пунцовой юбкѣ, Моника

нѣсколько разъ приближалась къ двери въ мастерскую и кидала на него взгляды — онъ не замѣчалъ ничего. Передъ самымъ обѣдомъ Яну понадобилось выйти въ кухню; кромѣ Моника никого въ ней въ эту минуту не было и Янъ увидалъ, что дѣвушка забилась въ укрытый отъ взглядовъ уголь и озабоченно дѣлаетъ ему призывные знаки.

Янъ подошелъ къ ней.

— Человѣкъ приходилъ сейчасъ!.. — быстро зашептала она: — Высокій, бѣлокурый, по нашему плохо говорить... велѣлъ сказать, что Луиджи арестованъ!

Моника отскочила въ сторону и, напѣвая, принялась развѣшивать на протянутую веревочку полотенца: изъ за двери выглянуло настороженное лицо со сросшимися бровями и сейчасъ же скрылось.

Янъ вернулся въ мастерскую и, когда всѣ поднялись по зову хозяйки къ обѣду, заявилъ Бонавентури, что ѣсть не хочетъ и долженъ уйти по своему дѣлу.

— Бѣги, бѣги!.. — благодушно отвѣтилъ старый мастеръ и потрепалъ его по плечу: — въ этомъ вся жизнь — отбѣгаешь свое время, сядешь дома на лавочкѣ!..

Янъ вышелъ на улицу и торопливо направился къ Марку, чтобы узнать что произошло.

Маркъ оказался дома; съ нимъ находилась и неразлучная пара — Мартинъ и Адольфъ. Первые двое вели разговоръ; послѣднй лежалъ на своемъ тюфякѣ, положивъ слоновьи ступни ногъ на чурбанъ, замѣнявшій стулъ, и по обычаю молчалъ, или изрѣдка издавалъ густой гулъ, какъ только что отзвонившій колоколь; одобрителный или протестующий характеръ его зависѣлъ отъ личности себе-

сѣдника: Мартинъ въ его глазахъ былъ непрекаемымъ оракуломъ.

Маркъ познакомилъ ихъ съ Яномъ. Адольфъ даже не пошевелился и только однимъ выпуклымъ глазомъ обвелъ новичка.

Маркъ сообщилъ, что зналъ: Луиджи схватили сбирь вчера подъ вечеръ близъ Флорентійскихъ воротъ; очевидцами были трое студентовъ изъ той партіи пѣвцовъ, съ которой онъ совершилъ такой удачный обходъ монастырей. Куда отвели плѣнника — студенты не догадались прослѣдить.

— Дернуло же его дурака валять на джострѣ!.. — наивно заключилъ Маркъ свой рассказъ.

— Дурака?..—переспросилъ Мартинъ. — Нѣтъ, братъ, бери выше: это заговоръ!.. тутъ деньгами посыпано!..

— Да неужели?... — изумился Маркъ. — Противъ епископа?

— Здѣсь вѣчные заговоры противъ когонибудь!.. — отвѣтилъ Мартинъ: — итальянцы безъ этого дня прожить не могутъ!

— Но вѣдь епископъ поставленъ самимъ императоромъ?.. — возразилъ Маркъ.

— Въ томъ то и загвоздка: поговариваютъ будто императоръ никакого права не имѣетъ на это. Слухи идутъ будто папа говоритъ, что власть ставить и утверждать не только епископовъ и кардиналовъ, но и королей и даже самого императора принадлежитъ только намѣстнику Христову — папѣ. Силь только пока еще мало у него.

— Какъ же быть съ Луиджи?—вмѣшался Янъ и всѣ смолкли и задумались.

Прежде всего нужно было узнать мѣсто заключенія товарища, но сдѣлать это являлось почти невозможнымъ. Между тѣмъ не-

обходимо было торопиться — дѣло грозило пыткой.

Янъ вдругъ ударилъ себя по лбу: вспомнилъ о трактирщикѣ изъ Двухъ Львовъ; вспомнились слова неаполитанца о немъ и Марку; порѣшили, что Янъ сходить въ погребокъ на развѣдку; про исторію съ передачей письма Янъ не обмолвился ни словомъ и поспѣшилъ къ Двумъ Львамъ.

Кривой трактирщикъ какъ будто поджидалъ Яна; онъ моргнулъ въ направленіи погребка и Янъ направился туда; посѣтителей въ тракторіи было всего человекъ пять. Хозяинъ, не торопясь, налилъ изъ большого кувшина кружку краснаго вина, насыпалъ въ крохотную мисочку очищенныхъ грецкихъ орѣховъ и понесъ ихъ новому гостю.

Янъ стоялъ въ полутъмѣ среди бочекъ.

— Гдѣ синьоръ Мальвіо?.. — шепотомъ спросилъ онъ.

— Пока въ городской копилкѣ!

— Что теперь дѣлать?

Трактирщикъ мотнулъ головою.

— Надо укараулить куда переведутъ, а тамъ увидимъ!.. — отвѣтилъ онъ.—Люди уже стерегутъ... На чеку будьте!.. куда дать знать?

Янъ сообщилъ гдѣ можно найти его и, не прикоснувшись къ вину, другимъ ходомъ исчезъ изъ погребка.

Хозяинъ проводилъ его единственнымъ глазомъ, потомъ медленно выпилъ кружку, закусилъ щепоткой орѣховъ, вернулся за прилавокъ и стукнулъ объ него посудой.

— —

Темнымъ вечеромъ того же дня, когда Янъ уже запералъ окно мастерской, около него появился закутанный по глаза въ черный плащъ, неизвѣстный.

— Увезенъ въ загородное чистилище!..— тихо проронилъ онъ и исчезъ въ темнотѣ.

Сообщеніе это встряхнуло Яна. Личными переживаніями заниматься было некогда — нужно было спасать Луиджи. Прежде всего заработала мысль — какъ и когда отлучиться изъ мастерской, чтобы дать знать своимъ. Отпрашиваться у Бонавентури Яну не хотѣлось—онъ чувствовалъ, что стараго ювелира провести трудно и рѣшилъ улизнуть тою же ночью тайкомъ.

Ужинъ, какъ нарочно, затянулся долже обычнаго—судили и рядили о происшедшемъ на джострѣ и о таинственномъ оруженосцѣ. Мрачный подмастерье загадочно улыбался.

Бонавентури поднялся наконецъ со стула и всѣ разошлись по постелямъ.

Янъ долго прислушивался къ дыханію товарищей, затѣмъ свѣсилъ съ кровати ноги, захватилъ въ руки куртку и башмаки, осторожно добрался до лѣстницы и сталъ спускаться въ непроглядную тьму; громко, на весь низъ, крикнула подъ его ногой ступенька и Янъ замеръ...—царила ненарушимая тишина. Онъ выждалъ нѣсколько минутъ, добрался до кухни и, простеревъ какъ слѣпой, руки сдѣлалъ еще пару шаговъ, нащупалъ стулъ, сѣлъ и быстро натянулъ платье и обувь.

Въ углу у печки стояла орѣховая дубинка; Янъ вспомнилъ объ этомъ, нашарилъ ее, потомъ прокрался въ мастерскую, отодвинулъ засовъ и вышелъ на дворъ; ручки у

двери снаружи не было и Янъ плотно прижалъ створку и пустился въ опасный путь.

— — —

Комокъ сухой глины влетѣлъ въ комнату Марка и больно треснулъ по головѣ крѣпко спавшаго Адольфа. Онъ сразу съль.

— Что, что?.. — прогудѣлъ онъ спросонокъ. — Кой чертъ дерется?..

— Гдѣ чертъ?.. — спросилъ Маркъ и тоже получилъ ударъ въ грудь чѣмъ то твердымъ.

Онъ метнулся къ окну — оно оставалось ими на ночь открытымъ: оттуда летѣли куски земли.

Не было видно ни зги.

— Кто тамъ?..—окликнулъ Маркъ.

— Я!.. — отозвался голосъ Яна. — Впустите скорѣй; сбирь!..

Маркъ бросился впотьмахъ внизъ по лѣстницѣ и вернулся съ пріятелемъ.

Проснулся и Мартинъ.

— Дѣло дрянъ!.. — сказалъ онъ, выслушавъ ночного гостя. — Чистилище — это загородный замокъ епископа; я тамъ бывалъ —тюрьма въ башнѣ, а кругомъ широкій ровъ водяной. Силой не вызволишь!..

— Подкупить нельзя ли кого?..—спросилъ Маркъ...—сейчасъ деньги есть у меня.

— И у насъ!.. — добавилъ Мартинъ. — Только врядъ ли хватить ихъ?..

— Завтра уже надо въ путь!.. — заявилъ Янъ.

— А какъ ты со своимъ Бонавентури устроишься?.. Отпустить онъ тебя?

Лица пріятеля Марку видно не было, но въ голосѣ его онъ уловилъ что-то новое.

— Плевать!.. — отвѣтилъ Янъ: — освободимъ Луиджи, а тамъ котомку на плечи и дальше... свѣтъ великъ!..

Въ коморкѣ чуть освѣтлѣло и можно стало различить совѣщавшихся.

— Сбирьы должно быть?.. — тихо проговорилъ Мартинъ.

На зрачкахъ у всѣхъ намѣтились свѣтящіяся точки; свѣтъ слегка наполнилъ комнату; Янъ осторожно выглянулъ наружу и увидалъ пятерыхъ человѣкъ вооруженныхъ копьями; двое несли въ рукахъ по большому слюдяному фонарю; отблескъ игралъ на концахъ копій, на шлемахъ и кольчугахъ.

Сбирьы прошли, свѣтящіяся точки въ глазахъ погасли.

Янъ условился съ товарищами о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и Маркъ проводилъ его на улицу; черная ночь опять проглотила молодого подмастерья.

Стараясь тихо ступать, прислушиваясь къ каждому звуку, Янъ пробирался вдоль стѣнъ и черезъ нѣкоторое время замѣтилъ, что заблудился. Распознать среди мрака, въ тѣснинахъ улицъ гдѣ онъ находился, было немислимо и на душѣ у Яна захолонуло... Онъ принялся гадать и сворачивать то вправо, то влево и вдругъ дома разступились и открылась небольшая площадь; на ней пылали факела, озарявшіе двѣ накрененныя башни, кучку вооруженныхъ солдатъ и висѣлицу; на ней покачивались двое людей, со связанными позади руками; одинъ еще дергался и здоровенный палачъ весь въ красномъ схватилъ его за ноги и повисъ на нихъ. Свѣтъ достигалъ до оконъ домовъ и во всѣхъ нихъ различались лица зрителей, въ томъ числѣ и дѣтей; мужчины выгляды-

вали въ ночныхъ колпакахъ и раздѣтые, на женщинахъ бѣлѣли кофты и чепчики.

Внѣ себя отъ испуга, Янъ бросился назадъ, сдѣлалъ три-четыре поворота и запутался окончательно; весь облитый холоднымъ потомъ онъ, какъ по подземельямъ, пробѣжалъ по нѣсколькимъ улицамъ и очутился передъ городской стѣной — узналъ ее по зубцамъ, смутно начеканеннымъ на небѣ. Еще минутъ десять быстрого хода и впереди глянулъ желтый огонекъ; темной громадой ушла въ высь башня съ воротами; надъ проходомъ горѣлъ большой фонарь; смотрѣлъ огонекъ и изъ оконца башни — тамъ находилось помѣщеніе стражи.

Какая это была башня, въ какую сторону отъ нея находился домъ Бонавентури — плохо знакомый съ городомъ Янъ не могъ сообразить. Огоньки и тишина нѣсколько успокоили его и онъ вознамѣрился попытаться направиться по улицѣ, упиравшейся въ ворота. Но и она завела его въ какой то тупикъ, гдѣ Яна чуть не обнаружилъ патруль, прошедшій въ десяткѣ шаговъ отъ него; Янъ замѣтилъ изъ за угла лучъ свѣта и успѣлъ растянуться у стѣны дома.

Измученный до-нельзя Янъ добрался до какой то церкви; она была заперта; онъ подергалъ за ручку, затѣмъ опустился у стѣны, чтобы отдохнуть и спѣшить дальше. Но утомленіе взяло свое; Янъ склонялся все ниже и ниже и наконецъ легъ совершенно; крѣпкій сонъ оковалъ его.

Грубый окрикъ и пинки ногой пробудили ночного скитальца. Былъ уже день, припекало солнце; надъ Яномъ стоялъ стожъ съ парой огромныхъ ключей въ рукѣ.

— Чего развалился какъ боровъ?—сердито восклицалъ старикъ: — ишь какую постель нашель себѣ! Люди въ церковь идутъ, а онъ всю дверь перегородилъ!

Янъ вскочилъ, вспомнилъ все, что происходило съ нимъ и пустился бѣгомъ; на улицахъ уже царило оживленіе, раздавался говоръ, изъ распахнутаго окнакакого то дома неслось пѣніе женскаго голоса.

Янъ затерялся среди прохожихъ, спросилъ про дорогу и добрался до своего жилища. На сердцѣ у него было неспокойно.

Когда онъ показался въ мастерской, она вдругъ вся смолкла; ни звука не проронилъ и даже не глянулъ на него и Бонавентури, мимо котораго онъ прошелъ на свой табуретъ у окна. Янъ успѣлъ замѣтить, что отсутствовалъ только его сосѣдъ—подмастерье со сросшимися бровями.

Бонавентури сдѣлалъ нѣсколько указаній товарищамъ Яна, затѣмъ вышелъ въ кухню и немного погодя Янъ услыхалъ зовъ его.

Янъ всталъ съ мѣста и вся мастерская, какъ одинъ человекъ, подняла головы и проводила его глазами.

— Зайди ка сюда?.. — проговорилъ Бонавентури, пропуская молодого подмастерья на свою половину. Онъ плотно заперъ за собою дверь.

Янъ впервые очутился въ хозяйской спальнѣ; она была большая, полутемная; надъ двумя деревянными кроватями съ горами подушекъ были устроены выцвѣтшіе синіе балдахины съ позолоченною рѣзьбой на столбахъ. Около окна сидѣла и съ сердитымъ видомъ вязала чулокъ сѣдая хозяйка; она устремила на Яна негодующій взглядъ,

а пухлые пальцы ея продолжали проворно бѣгать и жить самостоятельную жизнью.

— А ну ка, садись, дружокъ!.. — проговорилъ Бонавентури, указывая на свободный стулъ и грузно опускаясь рядомъ. — Я тебя очень люблю и цѣню: будетъ изъ тебя прокъ, всѣмъ это говорю, а вотъ все же приходится разстаться съ тобой!.. Не потому, что ты ночью ушелъ тайкомъ и домъ оставилъ открытымъ — мало ли вѣдь кто могъ бы забратъся и обокрасть насъ?.. ну, да ты это не подумавъ сдѣлалъ; ты влюбленъ, твое дѣло молодое, всѣ въ твои годы сумасбродствуютъ! Но ты ударился въ политику...

— Я?! — изумился Янъ.

— Да ты! Ты связался съ партией враговъ господина епископа, а онъ сила! Ты участвовалъ въ выпускѣ разбойниковъ изъ тюрьмы...

— Я, участвовалъ?.. какихъ разбойниковъ?! — Янъ онѣмѣлъ и глядѣлъ на старика вытаращивъ глаза.

— Потомъ джостра!.. — продолжалъ ювелиръ:—оруженосецъ то оказывается твоимъ другомъ и теперь схваченъ и сидитъ подъ замкомъ! Это все знаю пока я, да еще одинъ человѣкъ... онъ слѣдилъ за тобой и сегодня предупредилъ меня... Человѣкъ онъ скверный, опасный!.. не поручусь, что нынче же не явятся ко мнѣ сбирьы и не отведутъ тебя въ тюрьму, а я этого не хочу допустить! Собирай скорѣй свои вещи и уходи изъ города... того прохвоста я нарочно по будто бы очень спѣшному дѣлу услалъ подальше, чтобъ не успѣлъ донести на тебя! Вотъ тебѣ заработанное...—онъ досталъ изъ кармана и протянулъ собесѣднику кошелекъ: — тутъ немного больше, ну, да когданибудь

сочтемся: пройдетъ годъ—другой, опять буду ждать тебя къ себѣ!..

Янъ поцѣловаль у него руку и старикъ растрогался.

— Ну, а теперь часъ добрый... живо укладывайся!..

Бонавентури поднялся со стула.

Старый ювелиръ вышелъ и скрылся въ мастерской, плотно притворивъ за собой кухонную дверь. По дорогѣ онъ оглянулся на занавѣску, за которой помѣщалась кровать служанки: оттуда доносились заглушенныя всхлипыванія Моника, подслушавшей разговоръ.

Янъ побѣжалъ наверхъ и когда спускался обратно со своимъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ, то услыхаль разговоръ внизу.

— Гуся то ты завернула ему?.. — озабоченно говорила старушка Бонавентури.

— За-вер-ну-ула!.. — отвѣчала Моника.— Хлѣ-ѣба еще надо!..

— Побѣлѣй который, возьми свѣжаго... Да полотенце положи съ мыльцемъ!.. — Янъ вошелъ въ кухню. Мѣшокъ его набили биткомъ; хозяйка вызвала мужа изъ мастерской и произошло прощанье. Бонавентури обнялъ своего бывшего помощника и всѣ трое, желая ему счастливаго пути, проводили его до порога кухни.

Янъ оглянулся: на нихъ въ воротахъ, махнулъ беретомъ и скрылся. Толстый Бонавентури стоялъ, обнявъ одной рукой за плечи жену, и киваль ему головою; Моника выскочила на улицу и долго глубоко вздыхала и смотрѣла вслѣдъ приворожившему ея сердце подмастерью.

Тронутый, озадаченный и встревоженный Янъ прежде всего побывалъ въ «Двухъ Львахъ».

Тратторія была пуста совершенно; хозяинъ усѣлся съ гостемъ въ уголкѣ за столомъ и Янъ разсказалъ все вновь приключившееся. Одноглазый слушалъ внимательно, ни въ какія поясненія не вдавался и, какъ всегда, былъ скупъ на слова.

— Бонавентури — умный человекъ!.. — проронилъ онъ —: когда собираются тучи — надо прятаться!..

— Но кто же этотъ мой врагъ?.. — спросилъ Янъ.

— Тотъ, кто завидуетъ!

— Вѣдь онъ все навралъ про меня!

— Навралъ или нѣтъ, а скоро не возвращайся: повѣсятъ, потомъ поди, доказывай, что не виноватъ! И я скажу: не возвращайся; заberi съ собой птицу и ослика синьора Мальвио: съ ними легче идти будетъ!.. Если попытка не удастся — выпустите ворона — онъ вернется сюда!

Хозяинъ и Янъ вышли на дворъ и первый указалъ своему спутнику на черную птицу, сидѣвшую подъ навѣсомъ на балкѣ; она чистила себѣ клювомъ перья на крылѣ.

— Ворка, Ворка?.. — позвалъ кривой. Воронъ каркнулъ, перелетѣлъ на плечо къ позвавшему и потерялся головой объ его ухо.

Черезъ нѣсколько минутъ отъѣвшійся сѣрый осликъ, старый знакомый Яна, былъ осѣдланъ и стоялъ съ недовольнымъ видомъ, отвѣсивъ нижнюю губу; ворона, чтобы не привлекать вниманіе прохожихъ посадили въ ручную корзиночку и привязали къ сѣдлу; въ одну изъ переметныхъ сумъ владѣлецъ «Двухъ Львовъ» на всякій случай сунулъ.

маленькую пилку, долото и нѣсколько пучковъ веревокъ и бичевокъ. Янъ простился съ нимъ и погналъ ослика къ ожидавшимъ товарищамъ.

Г л а в а XXVII

Къ вечеру того же дня трое студентовъ и Янъ были далеко отъ Болоньи. Янъ сначала шелъ возбужденный и веселый. — «Новую жизнь начинаю,» — пояснял онъ товарищамъ причину этого, но вскорѣ притихъ, осумрачнѣлъ и молча подгонялъ ослика.

Ночь заходила безлунная и надо было торопиться; наконецъ показались бѣлыя развалины храма и Мартинъ съ товарищами свернулъ къ нему.

Гулко прозвучали подъ сводомъ шаги; Маркъ высѣкъ огня, Адольфъ нашарилъ немного сухой травы и хворосту и развелъ костеръ; Янъ оглядѣлся, увидалъ недвижный рядъ бѣлыхъ, застывшихъ на пьедесталахъ людей и положилъ на себя крестное знаменіе.

Товарищи поужинали и расположились на ночлегъ какъ обычно; ослику Янъ спуталъ ноги и пустилъ пастись; ворона накормили и привязали за ножку тонкимъ шнуркомъ къ корзинѣ.

Громкое карканье и хлопанье крыльями разбудили путниковъ еще до разсвѣта. Было холодно; траву сизымъ налетомъ покрывала густая роса.

Ежась и щурясь четверо товарищей пустились въ дальнѣйшій путь. Высоко-высоко надъ головами ихъ стали переливаться еще смутные лучи солнца: съ самой

середины неба проглянулъ веселый васильковый глазъ и будто подобранная на ночь тончайшая голубая кисея скользнула по необъятному своду міра вплоть до самой земли: изъ за края ея, сверкая, поднялось солнце.

Часа черезъ два хода показался перекрестокъ.

Мартинъ махнулъ рукою вправо.

— Намъ сюда!..— заявилъ онъ.— Къ полудню будемъ у замка епископа.

Точный во всемъ Мартинъ не ошибся: солнце было еще далеко отъ зенита, когда со взгорка, за подступившимъ къ нему густымъ буковымъ и дубовымъ лѣсомъ, открылись высокія стѣны и четверугольныя башни обширнаго замка. Онъ стоялъ на днѣ низины, былъ окутанъ широкимъ водянымъ рвомъ и безпросвѣтными дебрями и доступа къ нему, кромѣ дороги, не было.

Надо было какъ можно скорѣй сворачивать съ нея, чтобы не нарваться на встрѣчу съ кѣмъ либо изъ замковыхъ обитателей; это было выполнено и едва пролазная чаща кустовъ и чудовищъ—деревьевъ надежно укрыла путниковъ; охватило сыростью и запахомъ земли. Мартинъ, знакомый съ мѣстностью, влѣзъ на вершину высокаго дуба и сразу призналъ башню, гдѣ помѣщалась тюрьма; примѣтилъ онъ и то, что въ ровъ впадало нѣсколько глубокихъ овраговъ.

Мартинъ слѣзъ со своего наблюдательнаго поста и повелъ за собой товарищей: онъ рѣшилъ обогнуть замокъ и выискать противъ тюрьмы удобное мѣсто для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Пробираться въ дремучемъ, полутемномъ лѣсу оказалось труднымъ; приходилось об-

ходить сваленные вѣками и бурями деревья, продираются сквозь кусты, вязнуть чуть не по колѣно на топкихъ мѣстахъ. Трава была такъ высока, что изъ нея виднѣлись только головы, какъ бы плившихъ гуськомъ людей; донимали крупные комары.

По дну первого оврага, до котораго добрались путники, бѣжалъ мелкій ручеекъ; раздвигая нависшія надъ нимъ вѣтки, они спустились по теченію, перевалили черезъ второй гребень и оказались въ другомъ провальѣ; въ третьемъ Мартинъ остановилъ товарищей и предоставилъ имъ отдыхать на упавшемъ деревѣ, а самъ отправился на развѣдку. Идти пришлось недолго — сквозь зелень листвы впереди блеснула широкая гладь воды, покрытая купавками; въ ней отражалась сѣрая, угрюмая башня. Мартинъ осторожно отклонилъ одну изъ вѣтокъ; онъ не ошибся — передъ нимъ была тюрьма. Два верхнихъ этажа ея имѣли по три небольшихъ оконца, задѣланныхъ желѣзными прутьями; въ нижнемъ не было даже бойницъ.

На верхушкѣ башни, на низенькой стѣнкѣ, бокомъ, сидѣлъ юный часовой въ короткомъ черномъ панцырѣ и въ кругломъ шлемѣ; рукой онъ слегка опирался на длинный лукъ. Не то онъ грезилъ среди тишины, не то глубоко задумался. За рѣшетками ничего и никого видно не было.

Мартинъ вернулся къ товарищамъ.

Янъ предложилъ изготовить лѣстницу и ночью переправить ее черезъ ровъ, но ни сдѣлать ее, ни воспользоваться ею было нельзя, такъ какъ стѣна башни вставала прямо изъ воды; Адольфъ брался попасть въ любое окно стрѣлой съ привязанной къ

ней бичевой, но ни лука, ни топора ни у кого не имѣлось; было неизвѣстно и главное — въ какомъ этажѣ находился неаполитанецъ. Къ довершенію бѣды плавать умѣлъ только одинъ Янъ.

Заговорщики перешли ближе къ тому мѣсту, съ котораго смотрѣлъ Мартинъ; Янъ остался наблюдающимъ; ослика привязали на травѣ и сѣли обѣдать; разговоръ велся шепотомъ.

И вдругъ трое нѣмцевъ застыло не донеся до рта кусковъ: послышался голосъ Луиджи, пѣвшій неаполитанскую народную пѣсенку.

Осликъ поднялъ голову, воронъ обезпокоился тоже и неожиданный и никѣмъ не предусмотрѣнный неистовый ревъ огласилъ лѣсъ; къ нему присоединилось отчаянное карканье и хлопанье крыльями; отозвалось и покатилося дальше эхо. Маркъ вскочилъ какъ бѣшеный и схватилъ ослика за хвостъ; ревъ прекратился.

Изъ кустовъ показался Янъ и всѣ бросились къ нему.

— Луиджи въ верхнемъ этажѣ!.. — тихо сообщилъ Янъ. — Кажется въ среднемъ окнѣ.

— А часовой что дѣлаетъ?

— Слушаль... а какъ осель заревѣлъ — всталъ и на другую сторону перешелъ — должно быть не разобралъ откуда крикъ донесся!

Сѣрому виновнику переполоха привязали къ хвосту чурку и, стараясь не хрустнуть и не зашуршать, четверо заговорщиковъ пробрались къ спасительной чащѣ кустовъ и стали наблюдать за часовымъ. Онъ стоялъ вытянувшись во весь ростъ и все еще при-

слушивался къ безмолвію. А подь нимъ скрытое подь выступомъ карниза, глядѣло, прижатое къ прутьямъ, лицо Луиджи; онъ держался за нихъ обѣими руками и всматривался въ непроницаемыя дебри: видно было, что и его слуха коснулись знакомые звуки.

Сторожевой неподвижно простоялъ нѣкоторое время, затѣмъ нагнулся и дернулъ рукой за веревку; гдѣ то внизу во дворѣ прозвучалъ ударъ небольшого колокола.

Черезъ нѣсколько минутъ на верхней площадкѣ башни показался пожилой, чернобородый человѣкъ въ шлемѣ, но безъ доспѣховъ.

— Что случилось?.. — басисто спросилъ онъ.

— Осель сейчасъ кричалъ на той сторонѣ!.. — отвѣтилъ сторожевой.

— А какое тебѣ дѣло до него? ты то ослица, что ли?

Каждое слово ихъ разговора долетало черезъ водную гладь отчетливо.

— Можетъ напасть кто хочеть?

— Такъ развѣ съ ослами нападаютъ? Эхъ, ты, голова!.. Заблудилась чья то скотина, вотъ и все!..

— И воронъ кричалъ!..—смущенно добавилъ молодой.

— Еще того лучше!.. Гдѣ же имъ и кричать, если не въ такой труппѣ? Мы въ кости играемъ, а ты тревожишь зря! Только сатана здѣсь сможетъ что нибудь сдѣлать, а не птицы: одинъ ровъ пятнадцать футовъ глубины имѣеть! Стой спокойно!..—чернобородый повернулся и исчезъ во внутреннемъ ходѣ.

Янъ сдѣлалъ знакъ товарищамъ и отошелъ съ ними назадъ.

— Я придумалъ что дѣлать!..—тихо произнесъ онъ. — Надо чѣмънибудь отвлечь вниманье часового на ту сторону башни, а тѣмъ временемъ пустимъ ворона — онъ полетитъ къ Луиджи и отнесетъ ему пилку!..

Мартинъ отрицательно мотнулъ рыжею головою.

— Не донесетъ!.. — возразилъ онъ: — неудобная она, длинная, да и зазвенить о стѣну. А тонкую бичевку подвязать ему можно!

Заговорщики условились въ планѣ дѣйствій и Маркъ погналъ ослика съ такимъ расчетомъ, чтобы очутиться съ нимъ по другую сторону башни. Мартинъ и Адольфъ спѣшно привязали къ шеѣ птицы пучокъ бичевки и залегли почти у самой воды въ ожиданіи минуты, когда можно будетъ выпустить пернатого сообщника. Янъ раздѣлся, накинулъ отъ комаровъ на голое тѣло плащъ и приготовился плыть.

Снова вынеслась и зазвенѣла неаполитанская пѣсенка. Опять, будя дикое эхо, откликнулся на нее скрипучій ревъ ослика: Маркъ уже успѣлъ прибыть съ нимъ на назначенное мѣсто.

Часовой сейчасъ же перешелъ на противоположную сторону площадки; въ ту же минуту, тяжело махая крыльями, изъ кустовъ вылетѣлъ воронъ; бѣлое человѣческое тѣло беззвучно нырнуло въ воду и быстро поплыло къ башнѣ. Воронъ опустился на среднее окно верхняго этажа и прыгнувъ во внутренность тюрьмы; Янъ пересѣкъ ровъ, прицѣпился рукой къ небольшой выбоинѣ въ отвѣсной стѣнѣ и сталъ напаривать ногами какую нибудь опору для нихъ. Она нашлась на нѣкоторой высотѣ въ видѣ

выпуклости большого валуна; Янъ съ уси-
ліемъ занесъ на него ногу, выискалъ гла-
зами другую выбоинку, вцѣпился въ нее и
застылъ, будто распятый, лицомъ къ стѣнѣ.
Онъ поднялъ глаза и убѣдился, что не
ошибся: благодаря карнизу, съ башни видно
его не было. Теперь весь вопросъ заклю-
чался въ томъ — долго ли онъ сможетъ
продержаться въ такомъ напряженномъ по-
ложеніи.

По стѣнѣ сѣренькой змѣей поползла
внизъ бичевка; Янъ завидѣвъ ее, ловко пой-
малъ конецъ, перехватилъ его въ зубы и
хотѣлъ уже спускаться со своего мучительно
неудобнаго мѣста, но вспомнилъ о часовомъ
и снова прильнулъ къ камнямъ. Силы его
изсякли — еще минута и онъ бы шумно
сорвался въ воду и погубилъ бы все дѣло.
Онъ безпомощно оглянулся на товарищей и
увидѣлъ, что Мартинъ, прикрывшись отогну-
той назадъ большой вѣткой, усиленно дѣ-
лаетъ ему призывные знаки рукой.

Донесся новый ослиный крикъ; Янъ со-
скользнулъ въ ровъ, нырнулъ въ купавки и
облѣпленная блѣднозелеными водорослями
голова его показалась у противоположнаго
берега.

Часовой продолжалъ стоять къ нему
задомъ. Бѣлая спина Яна мелькнула среди
травы; онъ оглянулся и скрылся въ кустахъ.

Маркъ и Адольфъ ждали его съ пилою,
стамеской и толстой веревкой въ рукахъ; все
было прикручено къ доставленному имъ
концу, его задержали и Луиджи, сообразивъ,
что все готово, потянулъ бичевку къ себѣ.

Съ волненіемъ слѣдили трое заговорщи-
ковъ за поволокшимся отъ нихъ къ берегу
сверткомъ; онъ шуршалъ качалъ траву и

наконецъ плюхнулся въ воду. Часовой оглянулся, увидаль нѣсколько легкихъ круговъ на водѣ, счель ихъ за всплескъ утки или рыбы и опять все вниманіе устремилъ на штуки, которыя устраиваль Маркъ. Оттуда доносился то хриплый вой рыси, то взлетала невѣдомо кѣмъ отломленная и брошенная вѣтка.

Связка въ водѣ погрузилась на дно; Луиджи почувствовалъ тяжесть и сталъ тянуть осторожно и медленно; связка начала наконецъ подыматься вверхъ по стѣнѣ башни и скрылась въ окошкѣ; всѣ наблюдавшіе за ея путешествіемъ вздохнули съ облегченіемъ.

Адольфъ побѣждалъ за Маркомъ — роль его была кончена; ослику опять навязали на хвостъ тяжесть и пустили его на траву. Теперь оставалось ждать ночи.

На башнѣ смѣнились часовые; время тянулось медленно; Мартинъ установилъ очередь для наблюденія за тюрьмой и свободные, подостлавъ подъ себя кто вѣтки, кто нарванной травы, улеглись спать.

Еще до захода солнца въ лѣсу наступила ночь; она дѣлалась все чернѣй и глуше; начиналъ сѣяться дождь; деревья стали казаться ожившими, загадочными существами; иногда тупо доносился стелящій, негромкій вой и присвисты.

— Совы это...—проронилъ среди общаго молчанія Маркъ и простеналь по совиному такъ, что на дерево надъ самой головой его опустилась тѣнь и вспыхнули два фосфорные глаза; всѣ сидѣли закутавшись въ плащи; было такъ сыро, что рука, прикоснувшаяся хотя бы къ сосѣду, оказывалась мокрой. Ровъ началъ застилаться ту-

маяномъ; языки его вздымались все выше и вскорѣ непроницаемая бѣлая пелена закрыла лѣсъ; на небѣ очерчивались вершины деревьевъ да часть башни съ силуэтомъ человека на ней.

Адольфъ, сидѣвшій въ засадѣ, пришелъ сообщить, что плѣнникъ подаетъ сигналъ частыми выстрѣками огня; Янъ опять быстро скинулъ съ себя платье и съ жуткимъ чувствомъ, какъ въ черный, бездонный колодезь, погрузился въ воду; водоросли и купавки то и дѣло прикасались къ его тѣлу и онъ, весь подрагивая, спѣшилъ плыть дальше. Руки его натолкнулись на препятствіе; Янъ ощупалъ его — передъ нимъ была башня; онъ ошарилъ подножье стѣны и нашелъ висѣвшую толстую веревку — Луиджи укрѣпилъ ее наверху.

Янъ дернулъ ее нѣсколько разъ, затѣмъ придерживаясь за нее одной рукой, сталъ ждать плѣнника.

Легкій, чуть уловимый шорохъ достигъ до Яна; по судорожному колебанію веревки онъ сообразилъ, что Луиджи уже спускается и черезъ нѣсколько мгновеній подхватилъ бѣглеца правой рукой.

— Держись за мое плечо!..—едва слышно шепнулъ Янъ и осторожно опустилъ Луиджи въ воду; тотъ дрожалъ частой, какъ сыпь, дрожью. Янъ поплылъ. Неаполитанецъ хватилъ ртомъ воды и задыхающееся «и-и» громко пронеслось надъ рвомъ. На берегу захохоталъ филинъ; крикъ его безъ отзвука потонулъ въ туманъ—кричалъ и хлопалъ въ ладоши Маркъ.

Часовой громко забормоталъ «патерностеръ».

Товарищи пловцовъ ожидали ихъ у самаго рва и помогли выбраться на берегъ.

— Ну, теперь ходу отсюда!.. — проговорилъ Мартинъ.

Ощупью, по легкому пофыркиванью, нашли ослика, осѣдлаваго еще до наступленія темноты.

— Куда же идти?.. — спросилъ Маркъ, озираясь по сторонамъ; ни малѣйшаго просвѣта въ густомъ молокѣ не было.

— Пойдемъ за осликомъ!.. — отозвался Луиджи, продолжая дрожать.

Перекликаться было нельзя, поэтому чтобы не потерять другъ друга, Маркъ досталъ еще одну веревку; ее привязали къ сѣдлу, всѣ взялись за нее на разстояніи длины руки и Луиджи тихо почмокалъ. Осликъ тронулся невѣдомо куда; за нимъ, едва различая своихъ сосѣдей, послушной вереницей слѣдовали люди. Идти было невѣроятно трудно; то и дѣло напарывались на сучья, падали, осликъ нѣсколько разъ проваливался въ невидныя трясины по брюхо и Мартинъ со своимъ другомъ Адольфомъ подхватывали его за подпруги и вытаскивали какъ какую нибудь рѣпу.

Всѣ шли прикрывая одною рукою бесполезные глаза; караванъ нѣсколько разъ останавливался для передышки и снова пускался тонуть въ туманѣ.

Маркъ замѣтилъ, что подъ ногами у него бѣжить вода.

— Мы вверхъ по ручейку идемъ!..—проговорилъ онъ.

— Это хорошо.... значить замокъ остался позади!..—отозвался Мартинъ: — оврагъ куда нибудь вывести!

Слова его оказались вѣрными — черезъ нѣкоторое время вѣтви стали хлестать путниковъ меньше—осликъ, стало быть, попалъ на какую то тропку. Она продолжала взбираться все въ гору; туманъ рѣдѣлъ; начали проступать очертанья деревьевъ. Еще немного — и лѣсъ и туманъ остались за плечами педшихъ; подъ чернымъ небомъ кругомъ разостлался черный просторъ; кое гдѣ мелкими желтыми искрами обозначились звѣзды.

— Дорога!.. — сказалъ Мартинъ, почувствовавъ подъ ногами камни.

— А вѣдь она та самая, по которой мы шли днемъ!.. — произнесъ Маркъ. Онъ остановился; то же сдѣлали и остальные.

Замокъ и лѣсъ, изъ котораго они только что выбрались, были не видны; вмѣсто нихъ бѣлѣло громадное озеро со вздыбленными и недвижными волнами.

— Скоро начнетъ свѣтать!.. — замѣтилъ Мартинъ: — надо уходить скорѣе!

Только что путники двинулись дальше, слѣва впереди показалось красное, дымное облако; подъ нимъ виднѣлась озаренная множествомъ факеловъ длинная вереница вооруженныхъ всадниковъ, поблескивали доспѣхи; посрединѣ ѣхалъ рыцарь въ епископской мантии.

Мартинъ схватилъ ослика подъ уздцы и кинулся въ сторону; за нимъ метнулись и остальные; всѣ припали къ землѣ.

Отрядъ прослѣдовалъ шагахъ въ ста отъ бѣглецовъ и стекъ внизъ къ замку.

Мартинъ выждалъ нѣкоторое время, чтобы не наткнуться въ темнотѣ на отсталыхъ, и поднялся на ноги.

— Теперь скорѣе!.. — проговорилъ онъ; Луиджи захлесталъ ослика и всѣ поспѣшили дальше. Мартинъ зналъ тропку, сокращавшую путь на Лукку и вскорѣ послѣ восхода солнца свернулъ на нее съ проѣзжей дороги. Ненадолго путниковъ вновь обступилъ густой лѣсъ; черезъ какой нибудь часъ онъ смѣнился травяной заболоченной равниной.

Маркъ, шедшій позади всѣхъ, часто оглядывался: какъ разъ въ ту пору должны были хватиться въ тюрьмѣ плѣнника; Мартинъ, продолжавшій оставаться вожакомъ, казался невозмутимо-спокойнымъ, такъ же какъ и его другъ Адольфъ. Горячіе лучи солнца отогрѣли наконецъ неаполитанца; онъ оживился и принялся болтать, перемежая болтовню радостными восклицаніями и смѣхомъ; онъ даже сплясалъ на ходу подобіе сарабанды.

— А я вѣдь все время ждалъ васъ!.. — сказалъ онъ между прочимъ: — вѣрилъ, что не бросите! Потому и пѣлъ, чтобы подать вѣсть гдѣ я! Меня еще вчера взяли бѣ на пытку, если бы эта лиловая балда не запоздала! Ну и купанье же было дьявольское — такъ и казалось, что черти сейчасъ схватятъ за ноги и уволочутъ на дно! А холодище какой, бррр!! Молодчина, Янушка!..—и онъ затормошилъ пріятеля, потомъ отскочилъ и запѣлъ во всю силу легкихъ.

— Не вопи!.. — отвѣтилъ Янъ. — Погоня вѣдь будетъ за нами!

— Э!!.—безпечно возразилъ Луиджи:—за нами на Болонью да на Пистойю бросятся, а мы вонъ куда — на Лукку взяли!

— По всѣмъ дорогамъ поскачутъ!..—проронилъ Мартинъ: — людей хватить!

Всѣ оглянулись, но на пустынномъ горизонтѣ ничего не виднѣлось: впереди и по бокамъ сіяли безчисленные озера, зеленѣль и частію уже желтѣль камышъ — скрыться было бы рѣшительно негдѣ. Тропка иногда выбѣгала на гать изъ хвороста и неукрѣпленныхъ бревенъ и она колыхалась подъ ногами.

Въ полдень Мартинъ сдѣлалъ привалъ для обѣда и черезъ четверть часа заторопилъ всѣхъ дальше: съ минуту на минуту могли появиться преслѣдователи. Луиджи притихъ, наморщилъ лобъ и то и дѣло сталъ оборачиваться...

— Вотъ что?.. — заявилъ онъ: — какъ только кто увидитъ погоню — сейчасъ же всѣ назадъ возвращайтесь, будто къ епископскому замку направляетесь, а я въ болото залѣзу.

Путники сдѣлали не болѣе сотни шаговъ и Маркъ издалъ легкое восклицаніе; вдали, на дорогѣ точно горсть муравьевъ, намѣтились черныя точки; онѣ катились съ небольшого взгорка.

Луиджи мгновенно скрылся за спинами товарищей, присѣлъ и ужомъ скользнулъ въ осоку и низкій кустарникъ, подходившій въ томъ мѣстѣ къ самой тропѣ; шурша имъ, онъ сталъ пробираться въ глубину болота. Мартинъ сразу заворотилъ ослика и всѣ медленно направились навстрѣчу неизвѣстнымъ.

Мартинъ вынулъ свою лютню.

Всадники быстро приближались; ихъ было десять человекъ, вооруженныхъ копьями; изъ за спинъ выглядывали оконечья луковъ. О сопротивленіи нечего было и думать.

— Кантату пресвятой Дѣвѣ!..—невозмутимо распорядился Мартинъ.

Маркъ взялъ аккордъ, загремѣли басы, мощно зарокотала октава; ихъ повелъ сочный, высокій баритонъ. Хоръ получился необыкновенный.

Всадники были уже совсѣмъ близко; Мартинъ отогналъ ослика съ середины узкой дороги и остановилъ товарищей.

Передній затянулъ поводъ и взмыленный вороной конь его сталъ какъ вкопанный; подскакали и перегородили дорогу и остальные; запаренные кони тяжело водили мокрыми боками.

— Кто такіе, куда идете?! — охриплымъ голосомъ рѣзко крикнулъ передній.

— Артисты изъ Болонскаго университета!.. — отвѣтилъ Мартинъ. — Идемъ въ замокъ епископа.

— Откуда?

— Изъ Пистойи!

— Не встрѣчали ли кого нибудь по дорогѣ?

— Какъ будто нѣтъ... Впрочемъ, вчера подъ вечеръ двѣ крестьянки старухи проходили!

Преслѣдователи переглянулись.

— Я такъ и думалъ!.. — сказалъ предводитель: — это болонскихъ рукъ дѣло!

— Не болонскихъ!.. — убѣжденно возразилъ поравнявшійся съ нимъ всадникъ.

— Въ камеру сегодня мы впятеромъ, вѣдь, вошли — на нашихъ глазахъ тотъ чловѣкъ ворономъ скинулся и въ окно улетѣлъ! Развѣ такого башня удержитъ? Только лошадей зря перемучили!

— А зачѣмъ же веревка тогда была спущена?.. — отвѣтилъ предводитель.

— А нарочно, чтобы глаза всё́мъ отве-
сти!..

Предводитель привсталъ на стременахъ и прикрывъ ладонью глаза, осмотрѣлъ даль — она была пустынна.

— Что жъ... проронилъ онъ: — поворачи-
вай коней!.. Счастливаго вамъ пути!..

Путники приподняли колпаки и шляпы и вооруженный отрядъ тронулся обратно легкою рысью.

Чтобы не навлечь на себя подозрѣній, Мартинъ и Адольфъ наломали изъ гати и изъ ближайшихъ кустовъ вѣтокъ и развели ко-
стеръ; всё съ наслажденіемъ растянулись
вокругъ него; до того велика была усталость,
что кромѣ Адольфа, никто даже не прико-
снулся къ ѣдѣ. Мартинъ и Маркъ неотступно
наблюдали за все уменьшавшимися всадни-
ками и за мѣстомъ, гдѣ прятался неаполи-
танецъ.

Прошло съ добрый часъ; епископскіе лю-
ди скрылись совершенно, время было выру-
чать Луиджи. Осликъ былъ снова осѣдланъ,
Адольфа и Яна, успѣвшихъ крѣпко заснуть,
растолкали и маленькій караванъ отправил-
ся обратно.

— Э-э-й!! — окликнулъ Мартинъ.

Въ отвѣтъ слышалась возня въ ку-
стахъ, они стали шататься, раздвигаться и
у самыхъ корней ихъ зачернѣло страшное
эфиопское лицо.

— Бросьте веревку!.. — задыхаясь ска-
залъ голосъ Луиджи: — утопаю.... трясина!..

Маркъ поспѣшилъ къ ослику, вытащилъ
изъ мѣшка веревку и кинулъ конецъ
нецъ неаполитанцу. Тотъ съ трудомъ высво-
бодилъ руку и ухватился за него. Адольфъ
перенялъ у Марка другой конецъ, взялъ ве-

ревку себѣ на плечо, нагнулся и словно быкъ поперѣ почти засосаннаго трясиной товарища, вырывая тѣломъ его съ корнями кусты; глянцебитая торфяная грязь облѣпляла его отъ волосъ на головѣ до пятокъ и только лобъ бѣлѣлъ будто перевязанный тряпкою.

Раздался всеобщій смѣхъ. Даже ничѣмъ невозмутимый Адольфъ разинулъ огромную пасть и грохоталъ подземнымъ грохотомъ.

— Дьяволы!.. — съ сердцемъ произнесъ обезсилѣвшій Луиджи.

Еще пушій смѣхъ встрѣтилъ это слово.

— Черти!! — уже съ улыбкой добавилъ онъ, нѣсколько отдышавшись.

Ему сообщили, что преслѣдователи вернулись обратно; окончательно воспрянувшій духомъ Луиджи поднялся на ноги, отыскалъ неподалеку большую лужу, раздѣлся до гола и принялся черпать воду шляпой и мыться, потомъ выполоскалъ платье и накинулъ на себя плащъ Марка.

Вновь спасенному дали отдохнуть, ослика осѣдлали, накинули поверхъ сумъ для просушки одежду Луиджи и караванъ тронулся въ сторону еще далекой Лукки. И только что онъ вытянулся по тропѣ, его нагнала низко летѣвшая большая черная птица.

— Воронокъ!.. — закричалъ Луиджи и поднималъ обѣ руки надъ головой.

Птица съ радостнымъ карканьемъ опустилась ему на плечо.

Г л а в а XXVIII

Еще два дня благополучнаго странствованія и тропа привела путниковъ къ малень-

кому, взобравшемуся на холмъ городку, защитившемуся невысокими кирпичными стѣнами и частыми башнями: это была Лукка; на просторномъ выгонѣ около нея раскинулась шумная и пестрая ярмарка; далеко разносилось ржаніе лошадей, крики ословъ и гомонъ людей; среди площади, образовавшейся между карруцами, на высококомъ шестѣ чернѣла широкополая шляпа съ длиннымъ орлинымъ перомъ — знакъ того, что торгъ состоитъ подъ покровительствомъ какого то синьора; иногда вмѣсто нея вѣшалась боевая рукавица.

Продиранье ночью въ дремучемъ лѣсу прошло для путниковъ небезнаказанно и къ нимъ сейчасъ же стали привязываться, предлагая свои услуги, странствующие портные и владѣльцы передвижныхъ лавочекъ готово платя.

— Синьоры?.. — кричали хозяева и приказчики, заманивая прохожихъ къ себѣ и даже хватая ихъ за руки: — штаны, колеты, куртки, береты — всякаго цвѣта!

— Не штаны, а радуга!.. — зазывали другіе, раскидывая товаръ на рукахъ, а то и прямо на землѣ.

— Къ намъ пожалуйста — зашьемъ, починимъ, латки положимъ, въ полчаса — творимъ чудеса — дѣлаемъ изъ стараго новое!

— А вѣдь и впрямь намъ надо починиться?.. — сказалъ Луиджи: — мы совсѣмъ въ оборванцевъ превратились!

Предложеніе было разумное и путники отдались во власть двумъ приглянувшимся подмастерьямъ; тѣ отвели ихъ въ палатку, около которой, сидя прямо на землѣ, проворно работало иглами нѣсколько человекъ.

Дѣйствительно, въ какіе-нибудь полъ часа все было готово и даже разъютюжено.

— Ей Богу франты!.. — сказалъ Луиджи, облачившись и охорашиваясь.

Въ тавернѣ, куда товарищи зашли посидѣть и выпить вина, они узнали, что въ городѣ сегодня предстоитъ свадьба богатаго синьора Гвиниджи и что пріѣздъ невѣсты ожидается съ минуты на минуту; путники порѣшили отдохнуть какъ слѣдуетъ и остались ночевать въ городкѣ.

На башнѣ зазвонили въ колоколь и всѣ, коротавшіе время въ кабачкахъ, высыпали наружу: со стороны поля приближался длинный и многоцвѣтный поѣздъ невѣсты.

Она ѣхала верхомъ въ розовомъ платьѣ; четверо рослыхъ слугъ несли надъ ней балдахинъ такого же цвѣта, предохранявшій ее отъ солнца, впереди въ двѣ шеренги шли трубачи и барабанщики; позади слѣдовали фамилыя знамена нѣсколькихъ поколѣній; многочисленная свита замыкалась вооруженнымъ отрядомъ.

Изъ воротъ города на встрѣчу поѣзду показался весь въ блѣдно-зеленомъ бархатѣ рыцарь; на лѣвой рукѣ его золотилась длинная перчатка, на ней сидѣлъ соколъ съ алымъ колпачкомъ на головѣ.

За рыцаремъ выѣхали и полукругомъ расположились близъ воротъ его пышно разодѣтые родственники и близкіе.

На башнѣ сверкали трубы ожидавшихъ сигнала музыкантовъ; заходящее солнце обливало ихъ косыми лучами. Снизу подали знакъ и съ башни раздались звуки встрѣчи; откликнулись приближавшіеся трубы и барабаны; сбѣжавшіеся отовсюду толпы народа разразились привѣтственными криками. Два

шествiя слились въ одно и стали втяги-
ваться въ городъ. Изъ усѣянныхъ зрите-
лями оконъ на невѣсту и жениха посыпались
цвѣты.

Начало темнѣть и городокъ превратился
во что-то сказочное: на крышахъ, на стѣ-
нахъ, изъ оконъ, отовсюду выставились за-
женные факелы и казалось, что гигантскимъ
костромъ запылалъ весь городъ; на черномъ
небѣ заалѣло зарево, стало свѣтло какъ
днемъ; улицы запрудили нарядно одѣтые
обыватели. Изъ дома Гвиниджи разносилось
пѣнiе, звуки роговъ и флейтъ.

Луиджи потолкался съ товарищами въ
толпѣ за полночь и затѣмъ вернулся съ
ними въ кабачекъ, гдѣ былъ оставленъ
осликъ и всѣ уснули какъ убитые.

Еще день пути и равнинная мѣстность
начала холмиться; вдали намѣтились горы.
Дорога сдѣлалась оживленнѣе и лучше, то
и дѣло стали попадаться встрѣчные — все
указывало на близость большого города.

Раннимъ утромъ путники завидѣли суро-
вые башни и стѣны многолюдной, богатой
Пизы.

— Вотъ гдѣ можно дѣла дѣлать!.. —
прищелкнувъ языкомъ сказалъ Луиджи и
кивнулъ въ сторону города. — Главное
торжище мощами на весь мiръ, можно
сказать!

— Надобно будетъ и намъ купить!.. —
отозвался Маркъ.

— Зачѣмъ?.. — изумился Луиджи. — Да
мы ихъ теперь вездѣ наберемъ сколько

угодно! Отсюда ихъ цѣлыми кораблями увозять!

— А какъ отличаютъ мощи отъ простыхъ костей?.. — спросилъ Маркъ.

— По степени глупости покупателя!.. — заявилъ Луиджи.

Базаръ въ Пизѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, находился не въ городѣ, а снаружи его, подъ стѣной у воротъ. Путники пробрались среди толпы продавцевъ и покупателей къ башнѣ, миновали проѣздъ подъ нею и попали на тѣсную и извилистую многолюдную улицу. Прежде всего они отыскивали тратторию, заняли для себя комнату, устроили ослика и Луиджи повелъ своихъ товарищей на знаменитый мостъ Меццо, перекинутый черезъ широкую, синюю ленту Арно.

Вдоль моста двумя безконечными рядами тянулись столы, лари, передвижныя и деревянныя лавочки съ навѣсами; пространство между ними заполняла густая и необычайно пестрая толпа въ одеждахъ разныхъ народностей: были здѣсь юркіе греки, смуглые сирійцы и арабы въ бѣлыхъ чалмахъ, фригійцы въ красномъ, свѣтловолосые нѣмцы и подвижные французы и долговязые медлители-бритты. Весь этотъ разноплеменный людъ какъ пчелы вокругъ сотовъ тѣснился вокругъ продавцевъ и почтительно прицѣнивался къ грудамъ лежавшихъ и висѣвшихъ почернѣлыхъ и желтыхъ костей, какихъ-то перьевъ, полотняныхъ грязныхъ тряпокъ и всевозможной дряни. У сходовъ съ моста помѣщалось нѣсколько лавокъ уличныхъ писцовъ, являвшихся въ то же время чѣмъ-то вродѣ бродячихъ нота-

ріусовъ, у которыхъ заключали всякіе письменные договоры и сдѣлки.

— Перья изъ крыль архангела Гаврііла!! — воскликнулъ одинъ изъ продавцевъ, махая надъ головой бѣлымъ перомъ.— Помогаютъ при трудныхъ родахъ, хороши для дѣторожденія!..

— Часть паруса съ лодки апостола Петра!.. — возглашалъ другой, показывая кусокъ рваного до нельзя брезента:—предохраняетъ отъ кораблекрушенія!..

Къ нему разомъ потянулось нѣсколько жилистыхъ, грубыхъ рукъ.

— Чепчики съ младенцевъ, избитыхъ проклятымъ Иродомъ!..—выкрикивали дальше:—ума придають дѣтямъ.

— Частицы шкуры святого осла, на которомъ въѣзжалъ въ Іерусалимъ Спаситель... прыть увеличиваютъ при бѣгѣ!

— Кусокъ колесницы Ильи пророка!.. отводятъ громовые удары!

— Мощи младенца, замученнаго Иродомъ!..

Какая то пожилая женщина набожно приложилась къ чему то изсохшему какъ вяленая рыба и потомъ потрогала пальцемъ.

— Почему?..—басисто спросила она.

— Три золотыхъ. За благочестіе твое за два отдамъ!

— А почему головки у младенца нѣтъ?

— У царя Ирода осталась.

— А ручки и ножки гдѣ же?

— Палачами отрублены! Ты думаешь въ святыя то легко попасть? Можешь и съ ножками получить — на два золотыхъ дороже!

Женщина отошла, подумала, потомъ вернулась.

— Заверни младенчика то!..—сказала. — Одинъ золотой даю, больше нѣту!

Продавецъ махнулъ рукой, накинулъ на «мощи» тряпку и подалъ покупательницѣ.

— Кошку сушеную купила!.. — шепнулъ Луиджи на ухо Марку. — Я самъ тутъ пару такихъ же продалъ!

Спутники Луиджи еще не видавшие подобныхъ зрѣлищъ, шли растерянные и ошеломленные; даже у невозмутимаго Адольфа расширились глаза и въ нихъ свѣтилось почтеніе и недоумѣніе: драгоценная святость возвышалась кругомъ цѣлыми ворохами. Одинъ Луиджи шелъ съ самымъ равнодушнымъ видомъ.

Маркъ уже полѣзъ было въ карманъ, чтобы купить что то необыкновенно полезное, но Луиджи тронулъ его за плечо, издалъ многозначительное «псть» и качнулъ головою; Маркъ спряталъ деньги обратно.

Съ моста Луиджи провелъ товарищей къ собору; на широкой паперти его и по сторонамъ главнаго входа сидѣли за столиками упитанные каноники; отъ одного къ другому изъ нихъ переходили кучки богато одѣтыхъ иноземцевъ, или пріѣзжихъ изъ далекихъ мѣстностей Италіи. Всѣ набожно прикладывались къ святынямъ, затѣмъ начинали торговаться.

— Тутъ продаются мощи первый сортъ: свиснешь такъ не залаютъ! — пояснилъ Луиджи:—публика сюда идетъ самая удачная!

Каноникъ, мимо котораго они проходили, позвонилъ въ маленькій колокольчикъ.

— Пеленки Христа... — мягкимъ распѣвомъ произнесъ онъ.

— Частица жезла Аарона!.. — проворковалъ сосѣдъ его.

— Кости святыхъ мучениковъ, погибшихъ при Неронѣ!..—предложилъ третій.

Закупки производились въ огромныхъ размѣрахъ и заказы принимались и записывались канониками какъ самый обыкновенный товаръ.

Луиджи, не пропуская ни одного столика, прикладывался къ каждой реликвіи; его примѣру слѣдовали Янъ и Маркъ; послѣдній имѣлъ подавленный и недоумѣвающій видъ; Мартинъ шелъ словно каменный, не прикасаясь ни къ чему; Адольфъ дѣлалъ то же.

— Не жизнь, а помидоры!.. — шепнулъ Луиджи Марку, кивая на упитанныхъ канониковъ. Изумрудами не такъ выгодно торговать, какъ гнилыми костями!

— Зачѣмъ ты цѣловалъ все это?.. — сурово обратился къ нему Мартинъ, когда они отошли на нѣкоторое разстояніе отъ собора:—вѣдь тамъ на половину нечеловѣческихъ костей напихано—я самъ конскія видѣлъ!..

— Пссть!.. не богохульствуй!.. — убѣжденно отвѣтилъ неаполитанецъ. — Только черту извѣстно — конскія онѣ, или только такими тебѣ кажутся—бѣсъ вѣдь силенъ! А во вторыхъ и среди нихъ можетъ попасться чтонибудь порядочное! Поцѣлуй—ничего не стоитъ, а душѣ—глядишь—польза!

Мрачная Пиза съ ея жадными обитателями, у которыхъ, какъ стало казаться Марку, у всѣхъ карманы были набиты костями мертвецовъ, спутникамъ Луиджи не понравилась; вездѣ, даже въ тавернахъ, разговоры велись главнымъ образомъ о мощахъ, о сдѣлкахъ и о продѣлкахъ съ ними.

Уже съ полудня по улицамъ то и дѣло стали попадаться пьяные; Марка поразило не только количество ихъ, но и число канониковъ среди нихъ; нѣкоторые валялись по улицамъ, или, шатаясь, шли въ обнимку со своими покупателями и горланили кощунственные, или языческія пѣсни о походе-ніяхъ Венеры и Зевса.

Въ одномъ изъ кабачковъ, куда зашли посидѣть и закусить путники, имъ съ трудомъ отыскалось мѣсто за большимъ столомъ; рядомъ съ ними оказался долговязый патеръ съ грубымъ лицомъ, рубленнымъ однѣми прямыми чертами; длинный носъ его совершенно неожиданно задирался на самомъ концѣ вверхъ. Маленькіе глазки его владѣльца часто помаргивали и поблескивали.

Съ нимъ спорили двое—одинъ генуэзецъ въ обычной для этого города черной одеждѣ, другой пестрый венеціанецъ.

— А ей-ей дорого хочешь!.. — говорилъ длиннолицый и блѣдный генуэзецъ съ тонкими змѣями бровей. — Вѣдь кости у тебя совсѣмъ неизвѣстнаго мученика!

— А тебѣ бы за эту цѣну полфунта апостола Петра что ли отпустить?..—съ ироніей пробасилъ патеръ. — Шалишь!.. Нигдѣ дешевле моего не получишь! И ты, напрасно—обратился онъ къ венеціанцу—скупись— всего одну лодыжку святого взять: на одной лодыжкѣ далеко не уѣдешь!..

Путники заночевали въ Пизѣ и съ первыми лучами солнца покинули базаръ мертвецовъ.

За восточными воротами начиналась дорога на Флоренцію; по обѣ стороны ея

узкими полосами тянулись кладбища древнеримскихъ временъ.

Путники шли точно въ аллеѣ изъ памятниковъ—башень, саркофаговъ, часовень и земляныхъ насыпей; все было полуразрушено, заросло кустами и деревьями; давно опустошенныя усыпальницы глядѣли черными впадинами входовъ; Янъ нѣсколько разъ останавливался и разглядывалъ художественныя скульптурныя украшенія на нихъ; могилы бѣдныхъ людей — маленькіе, чуть замѣтные холмики, либо неглубокіе провальцы—ютились повсюду; надъ ними трудилось множество гробокопателей, добывавшихъ полуистлѣвшія кости и глиняныя статуэтки разной величины. Аллея тянулась съ четверть стадіи; дальше памятники исчезали и только нѣсколько курганчиковъ смѣнило ихъ. Надъ ними тоже работали десятки людей.

Луиджи, успѣвшій устроить въ Пизѣ какой то оборотъ съ мощами одного изъ сорока тысячъ младенцевъ, избитыхъ Иродомъ, беззаботно распѣвалъ пѣсни; Маркъ и Мартинъ обмѣнивались впечатлѣніями и мыслями. Мартинъ съ негодованіемъ говорилъ, что духовенство толкаетъ людей въ объятія дьявола, а не Бога.

Ухо Луиджи уловило фразу: — «надо быть честнымъ» — и онъ повернулъ къ Мартину лицо.

— А что такое значитъ «быть честнымъ»?.. — съ любопытствомъ освѣдомился онъ.

— Значитъ—не обманывать...—отвѣтилъ Мартинъ.

— Это кто же такъ учить?

— Евангеліе.

Луиджи покачалъ головою.

— Вотъ потому то папы и запретили читать его!..—убѣжденно сказалъ онъ. Прочли—и чертъ знаетъ что въ башкахъ у васъ подѣлалось! Вся жизнь, братишки, обманъ! Только мертвые могутъ обойтись безъ него. Твоя «честность» просто глупость!

— Нѣтъ, Мартинъ правъ... — вмѣшался Маркъ. — Не дѣлай людямъ того, чего не хочешь чтобы сдѣлали тебѣ!

— Это еще откуда? Изъ Торы что ли?..—воскликнулъ Луиджи. — Всего на три дня я разстался съ вами, а до чего вы поглупѣли безъ меня!..

— Вѣдь ты совсѣмъ язычникъ!.. — замѣтилъ Мартинъ.

— Врешь—католикъ, вотъ крестъ! — онъ вытащилъ изъ за воротника шнурокъ и маленькій крестикъ — и вѣрую, какъ и всѣ! А вотъ васъ двоихъ слѣдовало бы подвѣсить за хвостъ да поджарить съ полчаса!

— А вотъ этого хочешь?..—пророкоталъ Адольфъ, показывая кулачище.

— Кушайте сами, моя умница! — откликнулся неаполитанецъ, запѣлъ и сталъ погонять ослика, замедлившаго шагъ.

Глава XXIX

Ровная, много вѣковъ выстоявшая, дорога была очень оживлена; мѣстность кругомъ нея раскидывалась холмистая, поля чередовались съ густыми лѣсами; то здѣсь, то тамъ виднѣлись деревни, укрѣпленные замки и небольшіе городки, обнесенные стѣнами; иногда приближаясь, иногда совсѣмъ вдали си-

нѣла Арно. Путь нѣсколько разъ пересѣкали впадавшія въ нее рѣчки; надъ ними выгибались арки мостовъ.

Путники шли не спѣша и объѣдались чуть не даромъ продававшимся виноградомъ; Адольфъ поглощалъ его такое количество, что Луиджи увѣрялъ, что если онъ шлепнется, то съ нимъ случится то же, что съ арбузомъ.

На третьи сутки въ легкой фатѣ тумана залиловѣли впереди горы Флоренціи и передъ вечеромъ путники достигли до городскихъ воротъ. Опять выросъ передъ ними лѣсъ изъ башенъ синьоровъ и множества церквей; опять раскинулся лабиринтъ темныхъ и узкихъ улицъ.

Первое, что бросилось въ глаза, была особенная одежда обитателей города — на всѣхъ были надѣты зеленые, красные или коричневые и бѣлые плащи съ капюшонами и шапочки—колпаки съ околышами тѣхъ же цвѣтовъ, съ медалями на нихъ.

На площади путники остановились въ изумленіи: посрединѣ ея, сыпя искрами, горѣло два костра и на нихъ жгли цѣльные куски суконъ разныхъ окрасокъ; груды ихъ лежала въ ожиданіи очереди: это подъ наблюдениемъ старшинъ цѣха уничтожали забракованный ими товаръ: Флоренція славилась лучшими въ мірѣ сукнами, бархатомъ, скульпторами и ювелирами и строго блюла за доброкачественностью своихъ производствъ. Близъ одного изъ костровъ тѣсною кучей стояли оборванные и отошальные люди безъ колпаковъ и скованные цѣпями—то были рабы, выведенные на продажу. Покупа-

тели прицѣнивались, ощупывали и разсматривали ихъ какъ скоть. *

Площадь окружали различныя лавки; около ювелирныхъ мастерскихъ и перрукьеровъ на длинныхъ скамьяхъ сидѣли и бесѣдовали люди; отовсюду слышался говоръ и восклицанія. Иногда въ роскошныхъ паланкинахъ по четверо дюжихъ рабовъ проносило знатныхъ дамъ, выглядывавшихъ изъ за раздвинутыхъ занавѣсокъ. Ближайшая компанилья разсыпала высоко въ воздухъ серебро—завонила къ Аве-Марія; отозвались десятки колоколенъ—«пчелы запѣли надъ городомъ», какъ говорили тогда.

Путники находились въ это время на мосту черезъ Арно. Закатывалось солнце; часть горъ, кольцомъ окружающихъ Флорен-

---

* Католическая церковь находила, что крещеніе не освобождаетъ отъ рабства. (Папа Целестинъ V; епископъ флорентійскій Антоній.) Наказанія рабовъ жесточайшія: за воровство и покушеніе на бѣгство—сожженіе; за покушеніе на убійство волочили по землѣ къ мѣсту преступленія, тамъ отрубали преступнику правую руку и вновь волочили на плѣгдѣ вырѣзывали изъ спины и рукъ 4 куска мяса; затѣмъ шадь, четвертовали.

Купля—продажа людей пала въ Европѣ въ концѣ XVII в., послѣдняя нотаріальная запись о продажѣ людей имѣется отъ 1677. (Генуэвскій архивъ.) Наибольшее количество рабовъ поставлялось съ западныхъ побережій Средиземнаго моря, а позднѣе—съ побережій Черноморскихъ.

Съ конца XIV в.—наибольшее количество рабовъ было изъ русскихъ и славянъ.

Дешевле всего цѣнились татары и татарки; самые дорогие—были русскіе, при чемъ женщины цѣнились выше мужчинъ. Сохранилось письмо знатной флорентійки Стронци, въ которомъ она пишетъ, что русскія рабыни выдаются своей красотой, сложеніемъ и смѣтливостью.

Татары считались наиболѣе преданными своимъ господамъ.

Часто тѣло рабовъ было испещрено таврами ихъ господъ.

цію, и вершинъ компанилъ, казались нарумяненными. Широкая рѣка сдѣлалась густосинею какъ сапфиръ; вмѣсто береговъ тянулись сплошныя линіи трехъ и четырехъ этажныхъ бѣлыхъ, розовыхъ, красныхъ и коричневыхъ домовъ, обрывавшихся прямо въ воду; у нѣкоторыхъ оконъ чернѣли привязанныя лодки; послѣдніе лучи дѣлали картиную еще ярче и разнообразнѣе.

Совсѣмъ Венеція!.. — воскликнулъ Луиджи. — Ну гдѣ у васъ, пивныя бочки, такая красота найдется?!

Путники остановились у края моста, чтобы посмотрѣть на необыкновенный видъ и на бронзовую древнюю статую Марса.

Перилль на мосту не имѣлось; Янъ зазѣвался на статую и вдругъ взмахнулъ руками, вскрикнулъ и исчезъ въ одно мгновеніе. Маркъ, Луиджи и Мартинъ и еще нѣсколько прохожихъ бросились на противоположный бокъ моста и увидали, что теченіе подхватило Яна и быстро несетъ по направленію къ домамъ. Луиджи, а за нимъ и Маркъ, сшибая съ ногъ встрѣчныхъ, пустились бѣжать за лодкой.

— Любопытно, какъ теперь эта каналья выберется?.. — проговорилъ какой то всадникъ, проѣзжавшій мимо и остановившій вороного коня.

Голова Яна маячила далеко; онъ, видимо, стремился выбиться изъ быстрины и это ему удалось: его понесло подъ самыми окнами домовъ. Изъ нижняго этажа одного выкинули конецъ веревки, но она осталась за его спиною; изъ оконъ посыпались еще концы и даже буйки—явно было, что случаи паденія съ моста не рѣдкость.

Уже терявшій силы и наглотавшійся воды Янъ, ухватился наконецъ за веревку; его заворотило и трое женщинъ и двое мужчинъ принялись вытаскивать его.

Янъ пособлялъ сколько могъ ногами и черезъ нѣсколько минутъ уцѣпился за подоконникъ и исчезъ въ домъ.

Мартинъ и Адольфъ погнали ослика вслѣдъ за убѣжавшими товарищами и свернули въ улицу, залегавшую позади набережной изъ домовъ.

Въ какомъ именно изъ нихъ Янъ нашель пріютъ опредѣлить было трудно и оба нѣмца остановились на изломѣ и стали ожидать появленія своихъ.

Изъ одного изъ домовъ доносился шумъ и хохоть; немного погодя изъ него выпала кучка мужчинъ и женщинъ; среди нихъ, оставляя за собой лужи, шелъ мокрый Янъ; колпакъ его унесло водой, спутанные волосы прядями висѣли въ разныя стороны; рядомъ съ нимъ выступалъ и радостно разглагольствовалъ Луиджи.

Провожавшіе остановились и начали прощаться и приглашать своего неожиданнаго гостя опять посѣтить ихъ, но уже черезъ дверь.

Янъ благодарилъ, какъ умѣлъ; за него разсыпался неаполитанецъ.

Провожаемые веселыми пожеланіями, трое путниковъ присоединились къ ожидавшимъ товарищамъ и уже безъ всякихъ приключеній достигли до ближайшей тратторіи.

Посѣтителей въ ней было немного; Янъ отправился переодѣваться въ отведенную имъ комнату, а остальные расположились своимъ кружкомъ около стола.

— Ну, друзья?..—сказаль Мартинъ: — пособили мы вамъ чѣмъ могли, проводили до безопасныхъ мѣсть, пора намъ и во свояси!..
Всѣ замолкли.

— А ты куда пойдешь?..—обратился онъ къ Марку.

Луиджи насторожился.

— Глупо теперь возвращаться въ Болонью!..—вмѣшался онъ, не давъ Марку отвѣтить.—Думаете стража у воротъ и сыщики не примѣтили вашихъ диковинныхъ мордъ? Будьте покойны — только покажетесь—васъ туда же запрутъ, гдѣ и я сидѣлъ!

Явился переоблачившійся во все сухое Янъ и сталъ на сторону Луиджи.

— Чего ради рисковать?.. — убѣждалъ тотъ: — отложите на годъ свой университетъ и только! Не прикованы вѣдь вы къ этой собакѣ — Болоньѣ?.. Учиться вездѣ можно. Здѣсь что угодно найдете — городъ знаменитый!

— А какой лучше — Флоренція или Неаполь?..—спросилъ Маркъ.

— Да понятно Неаполь — равнаго ему въ мірѣ нѣтъ!..

— Такъ почему же намъ прямо въ него не идти?

— Эка хватилъ: да до него полъ Италиі надо отплясать! Куда намъ торопиться — доберемся полегонечку! Въ Римѣ бываемъ... туда люди изъ за тысячь парасанговъ пробираются, чтобы святымъ апостоламъ поклониться, а вы, черти несчастные, и думать забыли о нихъ?

Всѣ, кромѣ Мартина, согласились съ доводами неаполитанца; упорный нѣмецъ стоялъ на томъ, что онъ долженъ учиться, а не шататься по всему міру.

— Милый, чудовище мое?.. — уже крикомъ кричалъ Луиджи:—да шлянѣ это — то же ученѣе, даже выше его—разница только та, что ты штаны протираешь, а я пятки! На одномъ мѣстѣ сидѣть — глупостью обростешь! При томъ ты музыку сочиняешь, а Неаполь городъ пѣвцовъ и музыкантовъ!

Послѣдній доводъ заставилъ, наконецъ, Мартина сдаться и товарищи порѣшили задержаться на нѣкоторое время во Флоренціи и идти дальше всѣмъ вмѣстѣ. Душою товарищества сдѣлался Луиджи.

Судьба вбросила Яна въ окно къ художнику Бенвенуто Кастро и по мысли Луиджи путники рѣшили отблагодарить его квинтетомъ. Подъ вечеръ второго дня они выстроились противъ его дома, прозвенѣла лютня и отовсюду стали высовываться любопытные. Изъ окна Кастро выглянули три женскихъ лица, позади нихъ показались двое мужчинъ — хозяинъ дома — человекъ средняго роста съ небольшой бородкой и другой громадный, лохматый съ длинной бородищей. Второй былъ тоже художникъ, Джіовани Киджи.

Внезапнымъ громомъ грянуло мощное— «Тебѣ Бога хвалимъ», сложенное по новому Мартиномъ; словно гроза разразилась надъ улицей; звуки перешли въ торжественный гимнъ и стихли съ далекимъ рокотомъ.

Восторгу слушателей не было конца, ими унизались всѣ окна; внизу толпа заполнила всякое свободное пространство.

Пѣвцы исполнили еще нѣсколько кантатъ и пѣсенъ и выбѣжавшіе наружу Кастро и Киджи повлекли ихъ въ домъ. Толпа долго не расходилась, все ожидая — не споютъ ли еще что-либо удивительные пѣвцы.

Хозяйки уже хлопотали на кухнѣ — самой большой комнатѣ въ домѣ, въ тѣ времена почти всегда исполнявшей обязанности столовой.

Спасительницами Яна оказались двѣ совсѣмъ юныя свѣженькія дѣвушки — сестры Кастро и жена его, статная молодая женщина съ лицомъ Юноны.

Яна не вель, а влекъ подъ руку долговязый Киджи. — Нашъ братъ художникъ!.. — утробно вопилъ онъ, указывая головой, рукой и глазами на Яна. — А эти господа всѣ артисты!.. Но до чего хорошо поютъ — какъ въ раю — домъ даже трясся! — «Тебѣ Бога хвалимъ» — фальшиво загремѣлъ онъ, воздѣвъ одну руку и доставъ ею до потолка... Тоже можемъ постоять за себя, а?! — онъ захохоталъ и принялся распахивать всѣхъ по табуретамъ.

Маркъ подошелъ къ окну и выглянулъ изъ него; совсѣмъ близко стремительно неслась многоводная рѣка; видны были арки моста, проходіе и проѣзжіе, дома набережной, башни за ними. Надо всѣмъ блѣдно-голубѣло вечернее небо.

За ужиномъ царили веселье и смѣхъ. Всѣхъ потѣшали Луиджи и лохматый Киджи. Послѣдній былъ совершенно лишенъ способности соизмѣрять свой голосъ съ размѣрами помѣщенія и не говорилъ, а азартно оралъ либо грохоталъ словно ожившая бочка; поминутно онъ вскакивалъ, чокался, давилъ ноги сосѣдямъ и такъ пособлялъ свое-

му неугомонному языку руками, глазами и плечами, что даже вертлявый неаполитанецъ казался рядомъ съ нимъ муміей фараона.

Вино лилось рѣкою. Подъ чоканье стакановъ прогремѣло Гаудеамусъ, потомъ перешли къ другимъ пѣснямъ; высокій баритонъ Марка и подземная октава Адольфа имѣли неописуемый успѣхъ. Киджи тоже пѣлъ, но такъ какъ не зналъ ни словъ, ни напѣвовъ и не имѣлъ слуха, то рывкалъ не впопадъ и тотчасъ же принимался мурлыкать, пока ему не начинало казаться, что наступило время опять «подпустить голоса».

Въ окно глядѣла уже ночь; доплылъ ударъ колокола, послышался другой, болѣе отдаленный, чуть слышно долетѣлъ третій...

— Приказъ гасить огни!.. — проговорилъ Маркъ:—намъ время уходить!...

— Къ чорту огни и указы!!.—возопилъ Киджи.—Да здравствуетъ свобода!..

— Да вѣдь улицы запрутъ?..—вмѣшался Мартинъ.

— Къ чорту улицы!.. по водѣ поѣдемъ!!.—заоралъ опять Киджи.—Пей до зари и наплевать на все!

Пирушка длилась далеко за полночь. Пили, пѣли, плясали, хозяинъ билъ въ бубенъ. Маленькій Луиджи станцевалъ въ парѣ съ длиннымъ Киджи фанданго, Янъ пустился въ присядку, Киджи хохоталъ, неистово топалъ и потрясалъ спадавшею ему на плечи черною гривой.

Дамы наконецъ ушли спать; шумно собралась по домамъ и гости.

Лодка, причаленная на длинной веревкѣ была подтянута подъ самое окно и вся компанія грузно перебралась въ нее; лодка качалась какъ въ бурю.

— Осторожнѣе, осторожнѣе!!.— слышались сверху знакомые женскіе голоса; всѣ подняли глаза и увидали своихъ дамъ, слѣдившихъ за ихъ посадкой съ высоты третьяго этажа.

Имъ въ отвѣтъ снизу замахали шляпы и береты. Луиджи запѣлъ серенаду въ честь дамъ и лодка понеслась по теченію. Свѣтилъ мѣсяцъ, просторъ рѣки разстилался зачарованный и пустынный; башни, церкви, дворцы цѣпенѣли въ глубокомъ снѣ..

Уже лодка слилась съ синею мутью, а дамы все стояли у окна; среди безмолвія чуть звенѣлъ теноръ Луиджи; наконецъ замеръ и онъ и только долго еще старательно бухалъ совсѣмъ вдали бубень.

— —

На другой день Янъ и Луиджи, согласно данному ими обѣщанію, отправились въ мастерскую Кастро и Киджи, помѣщавшуюся на краю города во дворѣ монастыря Св. Креста, въ обширномъ сараѣ. Около него валялись глыбы бѣлаго мрамора; изнутри доносился частый стукъ молотковъ. Широкая дверь стояла распахнутой и Луиджи заглянулъ въ нее.

На лицѣ его появилась пріятная, или какъ онъ говорилъ «высокопоставленная» улыбка.

— Господамъ художникамъ—привѣтъ!!.— произнесъ онъ, поднявъ шляпу и наотмашь черкнулъ краемъ ея по полу.

— А!.. А!!.— взревѣла на встрѣчу ему утроба Киджи. — Драгоцѣнные пѣвцы!

— Добро пожаловать!.. — отозвался другой, мягкій голосъ и изъ за камней появи-

лись въ бѣлыхъ передникахъ Кастро и Киджи; мастерская у нихъ была общая, въ ней работало человекъ десять помощниковъ, заготовлявшихъ въ чернѣ заказы.

Гостей сейчасъ же повели осматривать мастерскую. При ней имѣлось особое отдѣленіе для уже готовыхъ произведеній. Особенное вниманіе удѣлялъ Киджи работамъ своего друга и почти не задерживался около своихъ.

— Смотри какая красота?.. — вопилъ онъ, указывая на верхнюю крышку саркофага, исполненную для какой-то важной дамы. — Вѣдь живая лежитъ, отдохнуть прилегла! Геніальная вещь!!

— Ну ужъ ты... наговоришь!.. — съ улыбкой возражалъ Кастро. — Вы лучше посмотрите на его работы!.. — онъ указалъ на огромную каменную чашу-купель, ножка которой состояла изъ трехъ уродливыхъ карлъ, державшихъ ее на согнутыхъ спинахъ. — Джіованни — фантастъ; сколько у него проникновенія въ загробный міръ, а я только бытовикъ!..

Янъ замѣтилъ кучу зеленоватой глины, лежавшую на полу около невысокаго столика, уставленнаго статуэтками разныхъ величинъ и изображавшихъ всевозможныхъ страшилъ, звѣрей и демоновъ.

— Изъ нея мы сперва модели лѣпимъ, — воплощаемъ замыслы!.. — пояснилъ Киджи. — А потомъ уже по нимъ высѣкаемъ изъ камня. Ну ка, попробуй, слѣпи что-нибудь?

— Да я глину и въ рукахъ никогда не держалъ!.. — возразилъ Янъ.

— Такъ поддержи — это же не крыса, не укуситъ! Валяй, не бойся! Ты вѣдь такой же

художникъ только по серебру, а мы по камню!

Янъ, а за нимъ и Луиджи взяли по комку свѣжей глины и черезъ нѣсколько минутъ въ рукахъ у Яна она превратилась въ голову бородатаго человѣка, въ которой можно было уловить нѣкоторое сходство съ Киджи.

Киджи заревѣлъ въ полномъ восторгѣ.

— Великолѣпно!!.. талантъ, геній, геній— честное слово!.. Бросай къ чертямъ свое ювелирство — ты прирожденный скульпторъ!.. — вопилъ онъ, показывая статуэтку и наступая всѣмъ по очереди на ноги. — Вонъ у соловья ни хрѣна не выходитъ, а у тебя — живой человѣкъ!.. Ей Богу, иди къ намъ! Мѣсто тебѣ отведемъ даромъ!

— Полно смѣяться... — смущенно отнѣкивался Янъ. — Я же вѣдь понятія ни о чемъ не имѣю!

— Вздоръ: въ три съ половиной минуты узнаешь!.. Все тебѣ объяснимъ!..

— И впрямь попробуй себя?.. — вмѣшался Кастро. — Искра Божія въ тебѣ явная!

— Валяй, чѣмъ ты рискуешь? — поддержалъ Луиджи. — Глупѣе вѣдь ты уже все равно не сдѣлаешься!

Янъ сдался и четверо новыхъ пріятелей отправились въ ближайшій кабачокъ, гдѣ собирались художники, запивать виномъ свой союзъ.

— — —

Маркъ съ остальными двумя товарищами вышелъ утромъ на улицу и только что они попали на площадь — увидели при-

ближавшуюся процессію: двое какихъ то людей вели подъ уздцы маленькаго ослика; на спинѣ его, лицомъ къ хвосту сидѣлъ связанный человѣкъ среднихъ лѣтъ; за нимъ шумно гомонила толпа; нѣкоторые улюлюкали и насмѣхались, другіе свистали и указывали пальцами на героя шествія. Его подвезли къ низенькому эшафоту и прикрутили веревкой къ столбу: наказанный былъ торговецъ, замѣченный въ обвѣщиваніи покупателей.

Кто то изъ толпы швырнулъ въ него куринымъ яйцомъ и угодилъ въ лобъ; по лицу привязаннаго потекъ желтокъ и зрители разразились хохотомъ.

Трое товарищей посмотрѣли на обычное въ тѣ времена зрѣлище и тронулись къ собору. Маркъ вдругъ ахнулъ и, расталкивая толпу, бросился къ проходившему невдалекѣ человѣку въ черномъ плащѣ съ выразительнымъ, вдумчивымъ лицомъ.

— Синьоръ Карнаро?! — воскликнулъ онъ.

Встрѣчный оглянулся, узналъ Марка и улыбка освѣтила глаза его.

— Вотъ гдѣ пришлось встрѣтиться!.. — произнесъ онъ, здороваясь.

— Я васъ искалъ въ Болоньѣ!.. — сказалъ Маркъ, — я тамъ артистомъ былъ!

— Почему же «былъ» а не есть?.. — спросилъ Карнаро.

Маркъ немного замаялся.

— Да такъ... исторія одна случилась, насъ нѣсколько человѣкъ ушло. Вотъ они тоже со мною!.. — добавилъ онъ, указывая на своихъ спутниковъ.

— Что жъ, учиться нужно желать, а можно вездѣ!.. — отвѣтилъ Карнаро, кивнувъ на поклонъ Мартину и Адольфу.

— Мы этого и хотимъ!.. — заявилъ Маркъ. — Вы вѣдь собирались въ Болоньѣ быть?

— Судьба выше нашихъ желаній!.. — съ усмѣшкой замѣтилъ Карнаро. — Я тоже долженъ былъ уйти изъ Болоньи; теперь здѣсь имѣю учениковъ!

— Школа у васъ, да?

Карнаро улыбнулся горячности собесѣдника.

— Если хочешь, назови такъ!

— Гдѣ же вы учите?

— Гдѣ придется. Въ непогоду подъ мостомъ черезъ рѣчку, въ стадіи отсюда; въ хорошіе дни въ оврагѣ, или на горахъ: неподалеку имѣется давно заброшенный и забытый театръ древнихъ временъ.

— А намъ вы позволите послушать васъ?

— Очень радъ!.. Только завтра я уйду на недѣлю—если хотите отправимся, чтобы не терять времени, вмѣстѣ?

Предложеніе философа было принято восторженно; друзья проводили своего новаго учителя до дома и поспѣшили въ трактирѣю, чтобы собраться въ путь и предупредить о своей отлучкѣ Яна и Луиджи.

Глава XXX

Какъ только открылись на другой день ворота Св. Петра, первыми выпли изъ нихъ на просторъ полей Карнаро и трое нѣмцевъ; впереди перебиралъ ножками осликъ, на

время предоставленный Луиджи товарищамъ. Самъ онъ остался въ городѣ вмѣстѣ съ Яномъ, увлекшимся новыми знакомыми.

Утро было свѣжее, бодрящее; радуя глазъ, кругомъ мягко выгибались невысокія разноцвѣтныя горы. Маркъ съ жаднымъ вниманіемъ допытывался отъ Карнаро отвѣта на свои мысли, которыхъ много прошло въ головѣ его со дня ухода изъ монастыря. Коснулась между прочимъ рѣчь и Пизы съ ея базаромъ мощей. Маркъ съ болью переживалъ внезапно обнаружившійся обманъ и надругательство надъ тѣмъ, къ чему привыкъ съ дѣтства относиться съ глубокой вѣрой и уваженіемъ.

У Мартина наоборотъ, прорывалось озлобленіе и негодованіе.

— Все это плоды невѣжества!.. — отвѣтилъ Кастро.— Но волноваться не надо: все проходитъ въ мірѣ... спящіе еще спятъ, но они проснутся!

— Какіе спящіе?..—спросилъ Маркъ.

— Папа съ его совѣтниками!..—былъ отвѣтъ.—Что бы вы ни видѣли—помните, что все въ мірѣ—и солнце и свѣтъ—произошли изъ тьмы и хаоса!

Въ разговорахъ время неслоь незамѣтно и, послѣ обѣда и отдыха въ одной изъ придорожныхъ тратторій, путники пустились дальше. Погода стала мѣняться; небо медленно заволакивалось тучами и когда на известковыхъ горахъ впереди завидѣлся монастырь Св. Лоренцо, стала нависать уже ночь. Сдѣлалось душно, чувствовалось, что вотъ вотъ пойдетъ дождь, но его все не было; тишина и оцѣпенѣніе овладѣли міромъ.

Путники свернули къ монастырю и по каменистымъ осыпямъ, смѣнившимъ доро-

гу, стали пробираться на огонекъ, привѣтливо мигавшій изо тьмы. Вскорѣ вырисовалась башня; на ней, высоко надъ проѣздомъ горѣлъ фонарь-маякъ для путешественниковъ.

Карнаро постучалъ въ ворота; послышались торопливые шаги и чей то возбужденный голосъ спросилъ: «кто тамъ?»

— Карнаро... — отозвался философъ. — Свои!...

— А скажите «во имя Отца и Сына и Св. Духа?»

Карнаро повторилъ; зазвякали желѣзные запоры и калитка чуть пріотворилась; въ потемкахъ заблѣла ряса монаха.

— Запоздали мы!.. — сказалъ, поздоровавшись, Карнаро: — хотимъ отъ дождя у васъ укрыться!

— Пожалуйте!.. — отвѣтилъ привратникъ. — Худая ночь заходить!

Низенькій и длинный домъ гостиницы находился у стѣны, у самыхъ воротъ и былъ совершенно пустъ. Фонарь надъ входомъ въ него освѣщалъ небольшую веранду, опирающуюся на четыре колонны; за ними чернѣла открытая дверь.

Путникамъ отвели комнату и Карнаро попросилъ брата-гостиника сообщить пріору Даміану о его приходѣ.

Начали помаргивать беззвучныя, слабыя молніи — казалось будто гдѣ то далеко великанъ то открываетъ, то закрываетъ глаза съ огромными рѣсницами.

Дверь распахнулась и быстрой неровной походкой вошелъ блѣдный монахъ среднихъ лѣтъ съ истощеннымъ и нервнымъ лицомъ. Онъ дружески поздоровался съ Карнаро и

послѣдній представилъ ему своихъ учениковъ.

— Кающіеся? — спросилъ Даміанъ и не давъ Карнаро времени отвѣтить продолжалъ говорить:—это хорошо!.. смердитъ земля отъ грѣховъ нашихъ! — Видѣли, какъ демоны взбирались къ намъ на стѣны?.. ихъ цѣлая рать залегла кругомъ монастыря среди камней!

— Нѣтъ, не видали!.. — отозвался философъ.

— Они прячутся... въ полночь бой будетъ!.. Хорошо, что вы успѣли придти!.. Идемте въ мою келью!

Всѣ вышли изъ гостиницы.

Молніи вспыхивали уже ярче и длительнѣй; при синемъ свѣтѣ ихъ съ горы открывалась необозримая даль. Небо обдавалось фосфорическимъ огнемъ и такіе же огоньки отражались въ глазахъ пріора.

Маркъ чувствовалъ ознобъ: ему стала чудиться близость зловѣщихъ силъ; какія то птицы, свѣтя глазами, со стонами беззвучно метались надъ головами путниковъ. Мартинъ шагаль сдвинувъ брови, готовый на все; на лицѣ Адольфа была написана растерянность и самый неприкрашенный страхъ; на стѣнахъ ослѣпительно бѣлыми изваяніями вырѣзывались фигуры сторожевыхъ монаховъ съ сіявшими высокими крестами въ рукахъ.

Даміани впустилъ своихъ гостей въ полукруглый и сводчатый обширный залъ, освѣщенный множествомъ масляныхъ стѣнныхъ лампъ; линія каменныхъ скамей изгибалась вдоль стѣнъ. На серединѣ одной изъ нихъ была устроена Голгофа: на громадномъ черномъ крестѣ, поникнувъ мертвой головою,

висѣль пригвожденный Спаситель, рѣзанный изъ дерева и раскрашенный; крупныя капли крови на лицѣ его, казалось, еще стекали изъ подъ терній вѣнца.

Передъ нимъ прыгала и бѣсновалась обнаженная до пояса, окровавленная толпа людей; въ рукахъ у cadaго было по пуку розогъ, или по ременной плети, и кто съ визгомъ, кто съ пѣніемъ псалмовъ съ розмаха, яростно сѣкъ самого себя черезъ плечо; удары наносились съ бѣшеной быстротою; глаза у всѣхъ были остановившіеся, не видящіе, страшные. Нѣтъ-нѣтъ и то одинъ, то другой изъ самобичевавшихся прекращалъ стеганье и, оставляя за собой кровавыя пятна, выбирался, шатаясь, изъ толпы и въ изнеможеніи валился на лавку; стѣны за ними были измазаны какъ бы пурпуромъ. Нѣкоторые будто мѣшки скатывались со скамей и лежали въ безпамятствѣ, но это не привлекало ничьего вниманія.

Эхо звучно повторяло и усиливало всѣ звуки.

— Три тысячи ударовъ равны году покаянія... — проговорилъ Даміани: — очистившись легче бороться съ дьяволами!

Держась стѣны онъ и слѣдовавшіе за нимъ путники обогнули залъ и черезъ низенькую дверь попали на четвероугольную крытую галерею, арки которой опирались на множество колоннъ самаго разнообразнаго вида; нѣкоторыя имѣли каменные узлы посерединѣ, другія свивались изъ змѣй и растений. Галерея окаймляла небольшое кладбище; при блескѣ зарницъ отчетливо виднѣлись памятники и казалось будто жильцы могилъ выглядываютъ изъ за камней и саркофаговъ и снова прячутся за нихъ.

Многочисленные двери вели изъ галлерей въ кельи; всѣ онѣ были открыты настежъ, каждый уголокъ ярко освѣщали, лампы, восковыя свѣчи и факелы.

Съ ударомъ полуночнаго колокола раздалось пѣніе «Матерь Деи» и изъ церкви показался, блистая огоньками длинныхъ свѣчей, крестный ходъ; среди хоругвей несли на носилкахъ раскрашенную статую Мадонны въ бѣломъ платьѣ; она казалась живою.

Другая часть монаховъ кучками разбилась по галлереймъ внутренняго двора и съ пѣніемъ молитвъ ожидала нападенія. Голоса стали звучать надрывнѣе, всѣ напряженно глядѣли во тьму, то и дѣло смѣнявшуюся синимъ полымемъ. И вдругъ одинъ изъ монаховъ побѣлѣлъ какъ мука и подался назадъ.

— Вотъ они, вотъ!! — завопилъ онъ, тыча свѣчей въ черное пространство, передъ собой.

— Идутъ!.. вижу рожи ихъ!! — неистово закричалъ другой и толпа разомъ обезумѣла. Замахали, избивая воздухъ, кресты, свѣчи, маленькія статуэткы Христа; стоявшій впереди всѣхъ низенькій монахъ съ искаженнымъ яростью лицомъ соваль свѣчей въ пустоту передъ собой и визжалъ: — глаза имъ выжигайте, глаза!!

Толпа съ изступленнымъ ревомъ подавалась впередъ, затѣмъ почему то шарахнулась назадъ и закипѣла свалка. Не разбирая ничего и никого бойцы опрокидывались черезъ памятники и катались между могилами; на нихъ валились другіе, всѣ давили другъ друга, били, душили, рвали за волосы.

— На помощь!! одолѣваютъ!! — прохрипѣлъ надорванный голосъ изъ подъ груды

барахтавшихся, тѣль и, словно по колдовству, на зовъ этотъ изъ залы, склонивъ хоругви какъ копыя, выступила подмога—крестный ходъ.

Вся въ блескѣ зарницъ, сквозь дымъ и огонь факеловъ, въ воздухѣ показалась Мадонна и устремилась въ самую гущу свалки; бѣлыя рясы сомкнулись кругомъ нея и черезъ нѣсколько минутъ радостное, побѣдное «Те Деумъ» огласило окрестности; зазвонили колокола. Съ поля битвы, усѣяннаго обломками крестовъ, свѣчь и статуэтокъ, подымались поверженные бойцы; нѣкоторые лежали въ безпамятствѣ. Будто пласть снѣга распростерлись побѣдители передъ Мадонной; неземная, прозрачная, вся сіяя, она возносила надъ міромъ.

Садики густо пахъ резедой и розами.

Сторожевые видѣли со стѣнъ, какъ безчисленные демоны, принявшіе въ бою видъ монаховъ, перекинулись черными птицами и съ воемъ унесли изъ монастыря.

Два запоздалыхъ угольщика, спускавшіеся съ горъ позади монастырскихъ стѣнъ, слышали вопли, видѣли двигавшійся свѣтъ и въ страхѣ крестились и спѣшили подогнать своихъ осликовъ.

Дождя не выпало не единой капли.

На другое утро пріоръ, чувствовавшій себя больнымъ, прислалъ къ Карнаро исхудалаго аскета библіотекаря со жгучими, воспалеными глазами и тотъ повелъ философа и его учениковъ въ каморку при ризницѣ, гдѣ ютилась библіотека. Она была невелика, но не она привлекала вниманіе философа, а

груды греческихъ, пергаментныхъ рукописей, заполнявшихъ всѣ полки.

Въ ризницѣ у стѣны находился длинный столъ и на немъ работали двое молодыхъ послушниковъ: одинъ мочилъ въ глиняной мискѣ съ водой древнія пергаментныя рукописи, а второй окончательно счищалъ все написанное на нихъ мелкимъ пескомъ, опять мылъ и развѣшивалъ для просушки на веревочкѣ; въ окнѣ, затянутое паутиной и пылью, едва брезжилъ желтый свѣтъ.

Карнаро принялся перелистывать книги; глаза его разгорѣлись.

— И зачѣмъ тебѣ эта языческая дрянь нужна? — хрипло произнесъ библіотекаръ, глядя на увлекшагося философа. — Все, что не божественное, слѣдуетъ сжечь! Оттого дьявольскія сила и дѣлаетъ нападенія на монастырь, что проклятыя книги здѣсь хранятся! Этой ночью демонъ здѣсь на окнѣ сидѣлъ и хохоталъ — вотъ они его видѣли! — Онъ кивнулъ на молодыхъ послушниковъ.

— Уступите мнѣ эти рукописи, святой отецъ? — сказалъ Карнаро. — Купить я не могу — такихъ денегъ нѣтъ у меня, а дайте на время — я ихъ перепису и верну вамъ?

— Да на это десять лѣтъ потребуется!.. — возразилъ библіотекаръ. — А намъ сейчасъ палимпсесты нужны; важнѣйшую книгу переписываемъ: разсужденіе о томъ, гдѣ находился Богъ и ангелы до сотворенія міра. И на очереди другая — могъ ли Богъ сотворить вещи лучше, чѣмъ онъ это сдѣлалъ? Вотъ это истинная польза для души!

— Я пока могу предложить вамъ пару палимпсестовъ. А къ тому времени, когда у васъ ихъ израсходуютъ я верну греческія рукописи!

Монахъ подумалъ.

— Хорошо!.. — согласился онъ. — По совѣсти говоря, кабы не отецъ пріоръ я бы всю эту греческую нечисть на болото свезъ!.. Наплевать, что пергаментъ дорогъ: пусть горитъ все, что въ дьявольскихъ лапахъ было! Бери!! — рѣшительно добавилъ онъ и подвинулъ къ философу нѣсколько стопокъ рукописей. — Только для тебя это дѣлаю; смотри — черезъ полгода все назадъ привези! Умный ты человекъ, а чудакъ!..

Осматривать въ монастырѣ больше было нечего; Карнаро забралъ свои драгоценности и, простившись съ больнымъ, пустился съ учениками дальше.

Всѣ они были заинтересованы непонятными рукописями и философъ пояснилъ, что они вышли изъ подъ стіля величайшихъ людей древности — Эсхила, Софокла, Аристотеля и другихъ и что ихъ необходимо беречь и спасать, такъ какъ ихъ вездѣ усиленно очищаютъ изъ за бѣшеной цѣны на пергаментъ.

— — —

Недѣля путешествія съ Карнаро мелькнула для его учениковъ какъ одинъ день.

Не терялъ зря времени и Янъ и, поощряемый новыми друзьями, усердно работалъ въ ихъ мастерской. Лѣпка шла удачно — маленькіе бюсты, выходившіе изъ его рукъ, дѣлались все ближе къ оригиналамъ и что важнѣе — въ нихъ были схвачены тѣ не-

уловимыя черточки, которыя даютъ жизнь и мысль куску мертвой глины.

Днемъ работа, вечеромъ пирушки и пѣсни въ тратторіи, а порой и буйства — вотъ тотъ міръ, который всецѣло охватилъ Яна.

Маркъ былъ пораженъ, когда посѣтивъ съ товарищами мастерскую сразу призналъ въ свѣже-слѣпленной фигуркѣ свое собственное изображеніе. Лохматый Киджи тыкалъ пальцемъ то въ нее, то въ Марка и клялся всѣми святыми, что изъ Яна выйдетъ самый великій скульпторъ во Флоренціи; Янъ, еще не вполне привыкшій къ неистовому во всемъ новому другу, смущенно улыбался.

Въ мастерской показались двое новыхъ лицъ и Киджи, стоявшій съ тяжелымъ молоткомъ въ волосатой рукѣ съ засученными рукавами, поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу. Оба были въ траурныхъ плащахъ, въ густо пурпурныхъ и бѣлыхъ шапочкахъ; изъ подъ плащей чернѣли концы шпагъ. Лица у обоихъ посѣтителей были надменные; особенно неприятное было у пожилого съ длинными ушами, оттопыренными какъ у летучей мыши и бритыми, обвислыми щеками и вѣками; изъ подъ нихъ глядѣли полузакрытые, тусклые, мертвые глаза.

Пришедшіе едва прикоснулись кончиками пальцевъ къ головнымъ уборамъ.

— Ну, какъ идутъ у васъ дѣла, мой милый художникъ?.. — феррарскимъ говоромъ освѣдомился старшій. — Готовъ ли мой заказъ?

— Вчера кончилъ, синьоръ!.. — отвѣтилъ Киджи.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направлению къ чему то большому, безформенному, наглухо закутанному холщевымъ покрываломъ и разомъ скинулъ его. Среди мастерской забѣлѣла сидящая въ креслѣ мраморная молодая женщина съ молитвенно устремленными вверхъ глазами.

Нѣсколько минутъ всѣ молча смотрѣли на статую.

— Похожа... — проронилъ старшій: — удачно!.. Сколько же я вамъ долженъ за нее ?

— Мы условились въ ста золотыхъ флоринахъ!.. — сказалъ Киджи.

— Развѣ?.. А мнѣ помнится въ пятидесяти?

Киджи пасупилъ кусты бровей.

— Синьору измѣняетъ память!.. — возразилъ онъ. — Рѣчь шла о сотнѣ золотыхъ — ни больше, ни меньше!

— О пятидесяти!.. — упорно и выразительно повторилъ пожилой: — флорентійцы любятъ запрашивать!

— А феррарцы любятъ скупиться!

— Мы не скудимся, а зря денегъ не бросаемъ! Такую уйму золота вамъ платить еще рано; совѣтую отдать за пятьдесятъ — вѣдь никто другой этой статуи не купитъ!

Смуглое лицо Киджи посѣрѣло.

— Когда такъ, то не купите ее и вы!.. — грубо произнесъ онъ. — За это я вамъ ручаюсь!

— Напрасно! Черезъ мѣсяцъ, или два, сами придете предлагать ее... не сомнѣвайтесь!.. — съ усмѣшкой отвѣтилъ феррарецъ.

— Что?! — вдругъ заоралъ Киджи и схватилъ съ глыбы, положенный имъ каменотесный молотокъ. — Ты, свиной окорокъ, ду-

маешь, что я когданибудь буду съ моей статуей напрашиваться. Тебѣ достанется она?—Онъ размахнулся и не успѣли окружавшіе удержать его, грянулъ статую по головѣ; она разлетѣлась на куски.

— Получай, получай ее, на!!.. — бѣшено кричалъ художникъ, круша статую. — А теперь вонъ, къ чортовой бабушкѣ, поганое рыло, пока я не сдѣлалъ фрикассе изъ твоихъ свинячьихъ ушей!

Мартинъ и Адольфъ ухватили взбѣшеннаго художника подъ руки.

Феррарцы вытащили шпаги.

Изъ мастерской съ молотами въ рукахъ бѣжали помощники и съ угрожающимъ видомъ столпились противъ прижавшихся къ стѣнѣ заказчиковъ.

— Уходите, синьоры, васъ никто не тронетъ! Но впредь помните лучше свои слова!.. — сказалъ Кастро, успокаивая пріятеля.

Феррарцы воспользовались минутой и удалились; потокъ ругательствъ Киджи провозжалъ ихъ.

-- Вотъ дьяволъ!!.— блѣдный отъ негодованія, проговорилъ младшій, садясь на великолѣпнаго буланаго коня.

— Я ему покажу, какъ разбивать статую моей жены!.. — злобно пообѣщавъ другой и оба всадника, сопровождаемые четырьмя слугами, звонко поскакали въ глубь города.

На другой день мастерскую посѣтилъ Карнаро со своими учениками.

Осколки статуи были убраны, но Киджи, бушевавшій всю ночь въ тратторіи послѣ исторіи съ феррарцами, былъ мраченъ какъ туча, поматывалъ по козлиному бородой и, молча и не глядя ни на кого, свирѣпо громилъ мраморъ для новаго саркофага.

Карнаро внимательно всматривался въ работы художниковъ и Яна, затѣмъ поблагодарилъ любезнаго Кастро, все время сопровождавшаго его, и вышелъ на улицу.

Маркъ сейчасъ же забросалъ Карнаро вопросами.

— Янъ очень талантливъ!.. — отвѣтилъ художникъ. — Но подражать своимъ учителямъ онъ не долженъ!

— Почему? Развѣ они плохи?

— Нѣтъ... И въ нихъ имѣется огонекъ! Но всѣ искусства теперь въ глубочайшемъ упадкѣ! Вамъ развѣ не бросалось до сихъ поръ въ глаза, что всюду одичали даже дворцы, что изображенія людей стали гораздо уродливѣй ихъ самихъ; тысячу лѣтъ назадъ все было наоборотъ! Значитъ надо учиться у древнихъ, а не у современниковъ. А мы пережигаемъ мраморныя статуи на известъ!..

— Это правда!.. — произнесъ чей то голосъ. — Совсѣмъ недавно у насъ въ Пизѣ до тысячи языческихъ статуй было разбито монахами!

— Гдѣ же надо учиться скульпторамъ?— спросилъ Маркъ.

— Только въ Римѣ!.. — сказала Карнаро: — онъ и мертвый великъ!

Городскія ворота незамѣтно остались позади и ученики и учитель очутились въ полѣ. Хлѣбъ былъ уже давно сжатъ и свеженъ; далеко, далеко простиралось желтое жнивье. Карнаро свернулъ прямокомъ въ сторону и почти сейчасъ же открылся неглубокой оврагъ съ одинокимъ чернымъ камнемъ на днѣ—кресломъ философа; всѣ тѣсно—кто сидя, кто лежа расположились передъ нимъ полукругомъ.

— Учитель... — сказалъ одинъ изъ учениковъ: — вы обѣщали побесѣдовать съ нами о пути къ истинному знанію?..

— Да!.. — отвѣтилъ Карнаро: — но прежде чѣмъ говорить о знаніяхъ надо упомянуть о заблужденіяхъ. Мы живемъ среди дремучаго лѣса изъ нихъ; они выросли изъ насъ самихъ и потому мы ихъ не замѣчаемъ. Начну съ главнѣйшаго заблужденія человѣка — будто бы онъ царь вселенной и будто все въ мірѣ создано и предназначено для него. Это гордый самообманъ! Человѣкъ — песчинка на берегу моря и только! Вотъ первое, что вы всѣ должны понять и усвоить! Тогда передъ вами сама собой откроется вторая ступенька познанія — что человѣкъ можетъ гордиться только своими дѣлами, а никакъ не тѣмъ, что онъ ходитъ на двухъ ногахъ и можетъ одѣвать ихъ въ сукно и бархатъ! Я васъ зову къ невѣрію...

— Какъ?!. — съ испугомъ воскликнулъ голосъ. — Не вѣрить въ Бога?!. —

— Божественныхъ началъ я не касаюсь, они превыше насъ и нашихъ знаній!.. — возразилъ Карнаро. — Я зову васъ не вѣрить не въ Божье слово, а въ человѣческое; не вѣрить ничему, что вышло и выходитъ изъ подъ калама и изъ головы человѣка! Пусть это будетъ самъ великій Птоломей, или блаженный Августинъ — не вѣрьте имъ на слово, а разсуждайте сами. И если умъ вашъ согласится съ ними — принимайте ихъ положенія, нѣтъ — отрицайте и ищите дальше. Есть вопросы никѣмъ не разрѣшимые и не потому, что они мудры, а потому что они глупы. Къ сожалѣнію этого не видятъ и сотни людей ломаютъ головы надъ ерундой вродѣ того — почему Ева была сотворена изъ ребра Адама?

Рѣшеній можетъ быть нѣсколько тысячъ. И если я рѣшу такъ—«потому, что наканунѣ шелъ дождь», то этотъ отвѣтъ будетъ нисколько не глупѣе всѣхъ остальныхъ!..

Среди напряженно слушавшихъ учениковъ раздался смѣшокъ.

— Значить, прежде чѣмъ разсуждать, оцѣните — стоитъ ли дѣло труда, или нѣтъ? Не занимайтесь Сизифовымъ трудомъ; высоко цѣните слово — это крылья, возносящія васъ къ солнцу вѣчнаго, истиннаго! Помните глубочайшее откровеніе святаго апостола Іоанна — «въ началѣ бѣ слово и слово бѣ Богъ и Богъ бѣ слово...»

Г л а в а XXXI

Бесѣда Карнаро, шедшая такъ въ разрѣзъ съ вѣкомъ, произвела глубокое впечатлѣніе на Марка и Мартина. Впервые услышали они не только о возможности сомнѣній въ установившихся авторитетахъ, но даже о необходимости провѣрки ихъ. Привыкшему къ безусловной вѣрѣ во все написанное, Марку эта смѣлая рѣчь казалась жуткой и нѣсколько кошунственной; упорный и прямой Мартинъ, склонный къ сомнѣнію и провѣркѣ всего умомъ, а не сердцемъ какъ Маркъ, ощущалъ радость, взыгравшую у него въ душѣ.

Толпа слушателей философа, войдя въ городъ, рассыпалась по разнымъ направлѣніямъ и Маркъ и Мартинъ оказались вдвоемъ у древней широкой и низкой баптистеріи Св. Джіованни, патрона Флоренціи, въ которой

на Пасхѣ, сразу въ одинъ день, крестили всѣхъ дѣтей, родившихся въ теченіе года.

Неподалеку отъ входа въ нее толпилось нѣсколько десятковъ прохожихъ; на свободномъ пространствѣ между ними четверо челоуѣкъ дрались на шпагахъ; два цвѣтныхъ и два черныхъ плаща валялись на землѣ неподалеку отъ нихъ; бой кипѣлъ горячій и не прошло и минуты, какъ вскрикнулъ и повалился одинъ изъ бойцовъ; за нимъ навзничь опрокинулся другой; владѣльцы цвѣтныхъ плащей накинули ихъ на свои плечи, вытерли шпаги и, не торопясь, стали удаляться съ площади. Ихъ никто не преслѣдовалъ.

Часть зрителей бросилась помогать упавшимъ, другіе, стоя въ сторонѣ, толковали о причинѣ ссоры и обсуждали качество ударовъ.

Одинъ изъ бойцовъ былъ убитъ, второй раненъ въ животъ и по одеждѣ его медленно текла кровь.

— Я знаю, почему я раненъ!.. — слабѣющимъ голосомъ проговорилъ онъ: — вчера я поѣлъ скоромнаго!..

Въ тотъ же день вернулся Луиджи, исчезавшій куда то по своимъ дѣламъ и въ числѣ новостей привезъ вѣсть, что изъ Болоньи, съ паломниками изъ мѣстной знати, отправился съ семьей въ Римъ и рыцарь Готье — тамъ должна была состояться свадьба Габріели.

Янъ, при которомъ въ трагторіи сообщили это, измѣнился въ лицѣ; веселое и бодрое настроеніе, державшееся у него всѣ послѣдніе дни, разомъ исчезло. Онъ посидѣлъ

немного съ собравшимися товарищами, затѣмъ отговорился головной болью и удалился.

Луиджи сообразилъ, что не слѣдовало говорить при Янѣ о Габріели и хлопнулъ себя по лбу.

— Осель я!.. — воскликнулъ онъ.

— Неужели, синьоръ?.. — серьезно спросилъ при общемъ смѣхѣ Киджи. — Какъ, значить, мы въ васъ ошиблись!

На другой день Янъ показался въ мастерской на нѣсколько минутъ и исчезъ неизвестно куда. На третій онъ не пришелъ совершенно. Луиджи отправился на развѣдку и наконецъ розыскалъ его въ одномъ изъ погребковъ мертвенно пьянымъ. Къ вечеру онъ протрезвился и мрачный, съ измятымъ лицомъ, лежалъ на постели и молча слушалъ ругательства, которыми осыпалъ его неаполитанецъ.

— Завтра я ухожу... — вдругъ проговорилъ Янъ.

— Куда?.. — изумился Луиджи.

— Въ Римъ.

— Послушай, братъ, поговоримъ до конца?.. Луиджи присѣлъ на край кровати пріятеля. — Ты вѣришь, что я желаю тебѣ добра?

Янъ кивнулъ головою.

— Такъ повѣрь и тому, что всю эту твою канитель надо бросить! Ну, скажи, пожалуйста, есть ли хоть капля здраваго смысла въ томъ, что ты няньчишься съ какой то любовью да еще къ кому — къ важной синьоритѣ. Что въ ней особеннаго? Макароны, подумаешь, какія! Выдадутъ ее за тебя замужъ? Нѣтъ, будь я трижды проклятъ!

— Я этого и не ищу... — проговорилъ Янъ.

— Такъ чорта ли тогда тебѣ надобно? Дѣвченокъ и прехорошенькихъ, кругомъ ты-сячи: тискай ихъ, гдѣ можешь, и кончено! Живи и не куксись — въ этомъ, братъ, вся соль жизни! А ужъ пьянствовать, какъ какому то мужику, тебѣ стыдно!

— Это все вѣрно!.. — отозвался Янъ. — Только я все таки въ Римъ уйду.

— Зачѣмъ?

— Такъ... — Янъ уперся взглядомъ въ стѣну. — Надоѣло здѣсь все.

— А скульптура твоя?

Янъ пренебрежительно махнулъ рукою.

Не успѣлъ Луиджи отвѣтить — дверь въ коморку, гдѣ шелъ разговоръ, распахну-лась и вбѣжалъ въ бѣломъ передникѣ одинъ изъ помощниковъ Кастро.

— Синьоръ Киджи раненъ!.. — запыхав-шись произнесъ онъ.

Луиджи подскочилъ какъ на пружинѣ, Янъ поднялся и сѣлъ.

— Кѣмъ, гдѣ?.. — спросилъ неаполита-нецъ.

— На улицѣ. Трое какихъ то неизвѣст-ныхъ набросились на него сзади, ударили въ спину кинжаломъ и убѣжали!

— Живъ?

— Да!

Луиджи забралъ все нужное для пере-вязки и бросился съ Яномъ вслѣдъ за вѣст-никомъ.

Когда они явились во взбудоражен-ную мастерскую, Киджи былъ уже раздѣтъ и лежалъ на землѣ, на брезентѣ, стоналъ и ругался. Луиджи въ качествѣ доктора осмо-трѣлъ его рану и убѣдился, что кинжалъ только скользнулъ по ребрамъ и просѣкъ тѣло до кости.

— Опасность есть, но я здѣсь!.. — важно объявилъ онъ окружавшимъ.

— Я отвѣчаю, что черезъ нѣсколько дней поставлю больного на ноги!

Неаполитанецъ быстро, умѣлой рукой обмылъ рану и принялся дѣлать перевязку.

Вечеромъ послѣ происшествія съ Киджи, Луиджи позвалъ троихъ товарищей и зашелъ вмѣстѣ съ ними въ погребокъ. Какъ обычно, потребовали вина и неаполитанецъ разсказалъ тайну Яна. Надо было что то предпринять, чтобы удержать его отъ нелѣпныхъ выходокъ.

— Обалдѣлъ парень!..—проговорилъ Мартинъ.—Эка лѣзуть въ голову людямъ разныя глупости!

— Онъ непременно уйдетъ, а одного его отпустить нельзя!..—сказалъ Маркъ и Луиджи поддержалъ его.

— Что жъ?.. мы вѣдь не собирались зимовать во Флоренціи?.. — добавилъ Мартинъ. — Такъ, вѣдь, Адольфъ?

— Такъ!..—пророкотала октава.

— Въ пути его пообдуетъ немного!.. — замѣтилъ Луиджи: — глядишь и образумится человекъ! Ахъ, чертъ его побери, трубадуръ еще какой выискался?!

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора изъ воротъ Флоренціи показался навьюченный сѣрый осликъ, а за нимъ цѣлая толпа народа: Болонскихъ гостей, такъ неожиданно собравшихся уходить отъ нихъ, провожали

Кастро съ семьей, выздоровѣвшій и по прежнему лохматый Киджи, философъ Карнаро и многіе другіе.

Въ парасангѣ отъ города былъ сдѣланъ привалъ и изъ подъ плащей художниковъ появились пузатые кувшины и корзинка со стаканами. Вино было налито.

— За наше будущее свѣтило и за моего милаго доктора!! — зычно протрубилъ Киджи по крайней мѣрѣ на полъ парасанга. — Счастливаго пути и возвращенія!!

Всѣ зачокались и выпили.

— А я пью за счастье всѣхъ уходящихъ!. — сказалъ Карнаро. — Вѣрю въ то, что быть можетъ кто то изъ васъ уносить съ собой флорентійское зерно и взростить его въ душѣ своей. Еввива!! — крикнулъ онъ и залпомъ осушилъ стаканъ.

Луиджи сорвалъ съ себя шляпу и замахалъ ею.

— За васъ всѣхъ!! — возгласилъ онъ: — Еввива!!

— Еввива !! — раздались дружные крики и, подъ перекрестныя пожеланія счастья и маханье шляпами и руками, маленькій караванъ тронулся дальше.

Нѣсколько разъ путники оборачивались и видѣли, что новые друзья стоятъ на прежнемъ мѣстѣ и смотрятъ имъ вслѣдъ. Переваль дороги скрылъ ихъ и только сѣрый лѣсъ изъ башенъ долго еще виднѣлся путешественникамъ.

— —

Вино и теплыя проводы, устроенныя флорентійцами привели всѣхъ въ благодушное и шутливое настроеніе. Луиджи обнялъ шедшаго съ нимъ рядомъ Марка.

— Эхъ ты, ротозѣй!.. — сказалъ онъ ему. — Такая хорошенькая рожица съ тебя глазъ не сводила, а ты философскіе мыльные пузыри пускалъ?

— Кто, какая рожица?.. — удивленно спросилъ Маркъ.

— Да старшая сестра Кастро, та, что съ пушкомъ на верхней губкѣ! Вспомнишь про этотъ пушокъ — такъ даже съ курткой судороги дѣлаются!

Маркъ смутился.

— Поди ты со своими глупостями!.. — отвѣтилъ онъ. — Ужъ попадетъ тебѣ когда нибудь за твои пашни!..

Луиджи засмѣялся и запѣлъ, прицелкивая пальцами.

— А ты помнишь, что здѣсь очень опасно?.. — обратился къ нему Мартинъ: — Кастро предупреждалъ, что ухо надо остро держать!

— Нигдѣ, братъ, губъ распускать нельзя! — воскликнулъ неаполитанецъ: — главное — надо знать кому и когда молиться! Святой Юліанъ посылаетъ хорошій ночлегъ и охраняетъ въ пути. А вотъ, если погода испортится да болота начнутъ — тогда не знаю какого святого призывать! Завидовать намъ будетъ некому: путь не близкій!

— А дорогу ты хорошо знаешь?.. — спросилъ Маркъ.

— Всѣ дороги ведутъ въ Римъ!.. — важно заявилъ неаполитанецъ. Онъ выпустилъ изъ корзины своего ворона и сталъ забавляться со смышленною птицей. Она то летала надъ караваномъ, то садилась на плечо къ своему хозяину.

— Разъ она спасла меня!.. — промолвилъ онъ: — и еще какую то роль сыграетъ въ моей жизни, помяните мое слово!..

— Пророкъ еще какой нашелся!.. — пробурчалъ Мартинъ.

Подъ вечеръ путники завернули въ одно изъ нѣсколькихъ попадавшихся имъ имѣній; не то замокъ, не то дворець въ немъ лежалъ въ развалинахъ; нѣсколько низкихъ, видимо наскоро сколоченныхъ, строеній-овчаренъ было разбросано среди невылазно-грязнаго, обширнаго двора; слышался густой овечій запахъ; на встрѣчу съ яростнымъ лаемъ кинулись громадныя лохматыя собаки. Отбиваясь палками, путники добрались до дома, передѣланнаго изъ остатковъ башни; изъ открытой двери выглянула черная курчавая голова, затѣмъ другая, потомъ показался плотный, пожилой человѣкъ угрюмаго вида.

— Отогнать собакъ!! — вдругъ разъярившись, свирѣпо крикнулъ онъ и изъ за спины его вынырнуло нѣсколько рабовъ съ перевязанными веревочками длинными волосами и набросились на собакъ, хлеща ихъ длинными бичами. Псы съ визгомъ кинулись въ стороны и замолкли.

— Мы пѣвцы... — произнесъ, снимая шляпу, Луиджи. — Не позволите ли переночевать у васъ?

Управитель зажевалъ губами, рассматривая гостей.

— Можно... — разрѣшилъ онъ наконецъ, — сведите подъ виллу ихъ!

Двое рабовъ поспѣшили исполнить приказъ и путники тронулись за ними. Отведенное имъ мѣсто для ночлега оказалось двумя очень большими сводчатыми подва-

лами, гдѣ, по всей видимости, когда то помѣщалась кухня. Въ одномъ находился столъ и пара длинныхъ скамеекъ. Въ углу изъ крупныхъ булыжинъ былъ устроенъ очагъ; стѣны около него блестѣли отъ копоти какъ каменный уголь. Рабы развели огонь, принесли нѣсколько охапокъ соломы и въ освѣтившемся подвалѣ сдѣлалось уютно. Путники уже стали раздѣваться и устраиваться на ночь, когда на лѣстницѣ показался высокій свѣтлорусый человекъ, несшій только что освѣжеваннаго молодого барана; вошедшій положилъ тушку на столъ и ломаннымъ языкомъ сказалъ, что это даръ гостямъ отъ управителя.

Луиджи, уже разлегшійся было на соломѣ, вскочилъ и вмѣстѣ съ принесшимъ принялся пристраивать барана къ треногѣ для жаренія.

— Не нѣмецъ ли ты?.. — обратился къ нему Маркъ.

— Нѣтъ, господинъ! — отвѣтилъ присланный. — Я изъ Кіева...

Янъ быстро оглянулся.

— Ты нашъ, славянинъ?!. — воскликнулъ онъ.

Рабъ вскинулся, услыхавъ родную рѣчь.

— Господинъ изъ нашей страны, съ Днѣпра?!. — радость и изумленіе написались на лицѣ его.

— Почти!.. — отвѣтилъ Янъ. — Давно ли ты здѣсь, какъ ты попалъ въ рабство, какъ тебя зовутъ?

— Ярославомъ. Живъ ли нашъ ласковый князь Владиміръ господинъ?

— Живъ и славенъ по всему міру!

— А я ничего не знаю про нашу свѣтлую родину! Какъ тамъ хорошо, господинъ,

какое небо у насъ, Днѣпръ какой синій, сосны не въ обхватъ! — Онъ завѣсилъ лицо широкимъ рукавомъ своей грязной, холщевой хламиды и беззвучно заплакалъ.

— Гдѣ же тебя схватили?

— Въ ладьяхъ на Цареградъ мы шли... греки обманомъ завлекли насъ, опоили зельемъ и продали на рынкѣ!.. Десять лѣтъ уже какъ я не видѣлъ родины!..

— О чемъ стрекочать эти сороки?.. — полюбопытствовалъ Луиджи.

Нѣмцы пожали плечами.

— Странно — мужчина съ бородой, а плачетъ!.. — замѣтилъ Мартинъ.

— А выкупиться тебѣ нельзя?.. — продолжалъ свой разговоръ Янъ. — Сколько за тебя хотятъ?

Ярославъ покачалъ головою. — Нашъ господинъ никогда не продаетъ насъ, рабы очень дешевы!.. — отвѣтилъ онъ: — мы всѣ осуждены умереть отъ лихорадки въ здѣшнихъ болотахъ!

— А если бѣжать?.. — вполголоса вымолвилъ Янъ.

— На мнѣ тавро, господинъ! Никто не поможетъ мнѣ!.. — Онъ распахнулъ хламиду и скинулъ ее съ плеча — спина его вся была покрыта синебагровыми полосами: — вотъ мой побѣгъ! — пояснилъ онъ, показывая ихъ и руки, потертыя видимо недавно снятыми кандалами почти до кости.

Когда баранъ былъ готовъ, Янъ отрѣзалъ большой кусокъ жаркого и далъ его земляку; тотъ съ жадностью голодной собаки проглотилъ его и Янъ только тутъ разсмотрѣлъ какой исхудалый его собесѣдникъ и какъ горять у него глаза.

Долго ворочался на постели Янъ въ ту ночь и думалъ о Ярославѣ и сотняхъ тысячъ несчастныхъ, томящихся въ рабствѣ по всему свѣту.

Раннимъ утромъ другого дня путники слышали сквозь сонъ шумъ и блеяніе множества овецъ, но подыматься было лѣнь и когда наконецъ встали, на дворѣ было уже тихо и мертво; не замѣчалось даже собакъ и караванъ выбрался на дорогу.

Было довольно свѣжо, хотя день сіялъ яркій.

Солнце чуть передвинулось за полдень, когда путники заслышали за собой топотъ нѣсколькихъ лошадей и изъ за изгиба дороги показались трое верховыхъ; впереди нихъ, неувѣренно мотаясь изъ стороны въ сторону, бѣжали двѣ собаки. Догнавъ караванъ, всадники сдержали коней.

— Не видали ли вы бѣглаго раба?.. — спросилъ старшій изъ погони; онъ быстро оглядѣлъ путниковъ и убѣдился, что того, кого они ищутъ, нѣтъ. — Высокій онъ, свѣтлорусый?

— Не встрѣчали!.. — отвѣтилъ Луиджи.

— И не перегонялъ васъ такой?

— Нѣтъ, никто не перегонялъ. Да что онъ пѣшій или конный?

— Пѣшій.

— Такъ что же — собаки съ вами — ищите!.. — сказалъ Луиджи.

— Да вотъ не идутъ что то!.. — отвѣтилъ старшой: — сначала было ходко взялись, а потомъ хоть ты что!..

Собаки дѣйствительно равнодушно лежали по бокамъ дороги и жарко дышали, вываливъ красные языки.

— Не идутъ собаки — значить нѣтъ его здѣсь!.. — сухо произнесъ Янъ.

— Да куды жъ онъ бросился тогда?.. — спросилъ старшой. — Не во Флоренцію же побѣжалъ?

— Да, въ подесты*) его тамъ не выберутъ!.. — глубокомысленно замѣтилъ Луиджи.

— Онъ должно быть, какъ въ тотъ разъ, гдѣ нибудь около дома на болотахъ отсиживается, пока хлѣбъ не выйдетъ!.. — рѣшилъ всадникъ. — Ну, будьте здоровы!..

Погоня повернула коней и шагомъ поѣхала во свояси. Двинулся дальше и караванъ.

Минуло нѣсколько часовъ и шедшіе по совершенно пустынной дорогѣ путники вдругъ услышали за своими спинами негромкій крикъ. Всѣ оглянулись и увидали, что изъ кустовъ выбирается какой то лохматый, весь облѣпленный грязью, человекъ. Янъ сразу призналъ въ немъ Ярослава.

Караванъ остановился; рабъ подбѣжалъ къ Яну, упалъ на колѣни и обнялъ его ноги.

— Господинъ?..—надорваннымъ голосомъ произнесъ онъ: — убей меня, но не гони!.. я бѣжалъ изъ виллы!

Товарищи Яна окружили ихъ; лица у всѣхъ, кромѣ Марка, посумрачнѣли: за укрытельство бѣглаго раба возмездіе ожидало жесточайшее.

— Да какъ ты ухитрился уйти?! — спросилъ Янъ.

---

*) Правитель города, обявательно приглашавшійся изъ другого города на опредѣленный срокъ.

— Я пробѣжалъ немного по дорогѣ, потомъ свернулъ на болота и ими все время шелъ за вами; нѣсколько разъ озера переплывалъ — слѣдъ собаки и потеряли! Я не собирался бѣжать, а повидаль тебя, услыхалъ нашу рѣчь—такъ и потянуло! Вышелъ отъ васъ вчера на дворъ, остановился, гляжу на звѣзды, слышу — журавли кличуть, летять... Этого ужъ я не могъ стерпѣть!

— Что жъ намъ теперь съ нимъ дѣлать?..—обратился Янъ къ общему суду.

— Да какое намъ до него дѣло?.. — отозвался Мартинъ. — Пусть идетъ куда хочетъ!

Маркъ отрицательно качнулъ головою.

— Нѣтъ!.. — возразилъ онъ. — Если мы прогонимъ его, онъ погибнетъ въ болотахъ, либо убьютъ его! А онъ человѣкъ!

— Важное кушанье, что и говорить!.. — процѣдилъ сквозь зубы Луиджи: — но все-таки чертъ съ нимъ, пусть съ нами тащится! Что намъ — дороги что ли жалко? Чуть что — опять въ болота нырнетъ!

Янъ рѣшительно поддержалъ его; Мартинъ болѣе не возражалъ.

Бѣглеца накормили, всякій удѣлилъ ему что могъ изъ одежды и осчастливленный, взволнованный Ярославъ пошелъ въ новый жизненный путь со своими избавителями.

— —

Часовъ въ пять дня справа заблестѣло небольшое озеро. Съ довольно высокаго западнаго берега его смотрѣлось въ водную гладь необыкновенное, бѣлое зданіе, приковавшее къ себѣ вниманіе всѣхъ, кромѣ Луиджи.

Казалось оно все состояло изъ длинной колоннады, сквозь которую голубѣло небо.

Къ озеру широкими, длинными ступенями нисходила величавая лѣстница; кругомъ раскидывался густой, то багровый, то золотистый, лѣсъ.

— Вилла Поппей, жены Нерона!.. — сказалъ Луиджи. Всѣ столпились и стали разглядывать зданіе. Осликъ воспользовался случаемъ и принялся щипать траву.

— Здѣсь мы и заночуемъ!.. — добавиль неаполитанецъ.

— Здѣсь?.. Гдѣ жилъ Неронъ?!—съ суетвѣрнымъ чувствомъ переспросилъ Маркъ.

— Мало ли гдѣ онъ жилъ!.. — возразилъ Луиджи. — Теперь вилла давнымъ давно разорена и разрушена. Туда и не заглядываетъ никто!

— Кѣмъ разорена ?

— Да мало ли чьи полчища тутъ тысячи лѣтъ шлялись?.. Говорятъ Тотилла какой то окончательно доканаль ее! Видите какой дворець будетъ у насъ: не даромъ я всегда молюсь въ пути святому Юліану—запомните этого святого!

Караванъ свернулъ по тропкѣ, едва намѣчавшейся среди густой поросли дубняка; она смѣнилась многовѣковымъ лѣсомъ; показалась развалившаяся кирпичная стѣна, служившая когда то оградой. Отъ воротъ уцѣлѣло только два могучихъ, покосившихся, каменныхъ столба; за ними опять тянулся лѣсъ, росшій на вымощенной площади — на бывшемъ дворѣ; желтымъ ковромъ его устилали опавшіе листья; съ мягкимъ шелестомъ они медленно стекали съ деревьевъ.

Показались новыя развалины; по сохранившимся аркамъ и переходамъ можно было распознать всячіе сады; за ними открылась

мраморная колоннада съ высокой двухъ-этажной серединой.

Стѣны и колонны были увиты курчавымъ, вѣчно зеленымъ плющомъ и пламеннымъ виноградомъ.

Путники остановились.

— Куда же идти? - спросилъ Янъ, взявъ ослика за поводъ.

— Я тоже не бывалъ здѣсь, не знаю!.. — отвѣтилъ Луиджи. — Вали прямо!

Двери не было. Осликъ зашуршалъ грудой опавшихъ листьевъ, цѣлымъ сугробомъ наметенныхъ у входа, и мозаичный полъ золотистыми и розовыми кругами разбѣжался подъ ихъ ногами; мраморъ высокихъ стѣнъ былъ не тронутъ ни людьми, ни временемъ. Какихъ либо вещей не имѣлось и признака. На росписанномъ потолкѣ, въ красноватыхъ силуэтахъ была изображена охота богини Діаны. Караванъ втянулся въ слѣдующую дверь и, шедшій впереди, Янъ вдругъ остановилъ ослика и попятился; оцѣпенѣли и остальные: со всѣхъ сторонъ изъ за внутреннихъ колоннъ показались вооруженные люди въ черныхъ плащахъ и шляпахъ. Ихъ высыпало такъ много, что о сопротивленіи нечего было и думать.

— Это вы, молодцы, къ кому же пожаловали?.. — насмѣшливо освѣдомился одинъ изъ незнакомцевъ, подходя ближе. — Дубины къ чорту!! — вдругъ прикрикнулъ онъ, замѣтивъ, что Адольфъ уже собрался расшибить его въ лепешку.

Мартинъ и Маркъ обезоружили Адольфа; всѣ побросали палки на полъ.

— Мы странствующие пѣвцы, синьорь!.. — еще не оправившись отъ испуга произнесъ Луиджи. — Мы хотѣли переночевать здѣсь!

— И переночуете!.. трагаторія здѣсь великолѣпная!..—подъ общій смѣхъ отозвался незнакомецъ. — Отведите ихъ внизъ и заprite!..

Нѣсколько человѣкъ сперва разгрузили корзины ослика, затѣмъ то же продѣлали съ карманами плѣнниковъ и гурьбой повели ихъ куда то по темной лѣстницѣ.

Мартинъ спускался рядомъ съ Луиджи.

— Помолился святому Юліану!..—сердито буркнулъ Мартинъ. — Очень онъ помогаетъ въ пути!

Луиджи не отозвался.

Путниковъ заперли въ какомъ то подземельѣ. Высѣчь огня было нечѣмъ и всѣ опасаясь провалиться въ тартарары, тѣсно размѣстились на полу у входа, гдѣ кому привелось. Никто не двигался.

— Есть здѣсь ктонибудь кромѣ насъ?..—громко спросилъ послѣ долгаго молчанія Маркъ.

Отзыва не было.

— Мы одни!. — слышался въ нѣкоторомъ отдаленіи голосъ Мартина. — Иди сюда!

Маркъ поднялся, вытянулъ въ потьмахъ впередъ руки и, нащупывая ногой землю передъ собою, сталъ продвигаться на голосъ. Перекликнулись и Янъ съ Луиджи и съ Ярославомъ и тоже, простеревъ впередъ руки, нашли другъ друга.

— Что съ нами сдѣлаютъ?.. — сказалъ Янъ и опять ни откуда не было отвѣта.

Прошло съ часъ времени и въ корридорѣ слышался глухой шумъ и голоса; яркій свѣтъ нѣсколькихъ факеловъ ослѣпилъ плѣнныхъ: они, скучившись въ разныхъ позахъ, сидѣли на полу въ низкой, но большой

комнатъ, уставленной вдоль стѣнъ множествомъ рѣзныхъ лавокъ и табуретовъ. Въ дверяхъ стоялъ высокій, чернобородый человекъ съ орлинымъ носомъ и блестящими глазами. Изъ за спины его выглядывало нѣсколько любопытствующихъ.

Луиджи лицо его показалось знакомымъ.

— Что за народъ?.. — голосомъ привычнымъ повелѣвать спросилъ незнакомецъ.

Всѣ поднялись на ноги.

— Ваши знакомые, синьоръ Вѣтеръ!.. — отозвался Луиджи; онъ отстранилъ сосѣда, за котораго въ первое мгновеніе отшатнулся, и выступилъ впередъ.

— Святой Джіованни?! — воскликнулъ незнакомецъ. — Да это ты, пѣтушокъ?.. и рыжіе усы здѣсь? Куда вы направлялись?

— Въ Римъ, синьоръ... покаяться въ грѣхахъ хотимъ!

Въ смиренно опущенныхъ глазахъ и на внезапно сдѣлавшимся постнымъ лицѣ неаполитанца отразилось столько лукавства и юмора, что собесѣдникъ его расхохотался.

— Дѣло доброе!..—заявилъ онъ. — Помните и меня грѣшнаго въ своихъ святыхъ молитвахъ!

— Непремѣнно, синьоръ!.. — подхватилъ Луиджи:—къ сожалѣнію мессу за ваше здорье намъ придется попросить отслужить бесплатную!..

— Почему?

— Потому что свиданіе съ вами такъ намъ дорого, что врядъ ли во всѣхъ нашихъ карманахъ отыщется теперь хоть одинъ кватрони!

Незнакомецъ засмѣялся снова.

— Все вернуть!..—приказалъ онъ своимъ людямъ.—Наложите имъ въ корзины всякой

всячины, объ остальномъ я самъ позабочусь. Ну, маршъ всѣ за мною!

И онъ вышелъ въ корридоръ, затѣмъ поднялся на верхъ; за нимъ вперемѣшку повалили путники и ихъ стража.

Въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ оказалось нѣсколько длинныхъ столовъ и скамеекъ.

— Наша столовая!..—проговорилъ чернородый. — Если хотите, здѣсь на ночь устраивайтесь — нѣтъ — внизъ идите — тамъ цѣлый лабиринтъ и тамъ теплѣе!..

— Мы къ холоду привыкли!.. — сказала Луиджи. — Разрѣшите остаться наверху?

— Какъ знаете'.

Стало сильно темнѣть и по угламъ столовой зажгли четыре факела; столы быстро покрылись всякою снѣдью, откуда то прикатили цѣлую бочку вина и началось шумное пиршество.

— Кто эти люди — какъ ты думаешь?..— потихоньку спросилъ Маркъ у Луиджи, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ.

Тотъ удивленно глянулъ на него.

— Да неужели самъ не видишь?.. ангелы съ небесъ! А зовутъ ихъ разбойниками!

Послѣ ужина началось пѣніе и многочисленный хоръ долго оглашалъ древнія стѣны; Янъ и Ярославъ незамѣченные никѣмъ вышли изъ за стола и попали на открытую, широкую и тоже мраморную веранду. Изъ черно-синяго неба прямо на нихъ глянулъ узкій серпъ мѣсяца; мигало нѣсколько звѣздъ. Нѣтъ-нѣтъ и безмолвный лѣсъ, вторя виллѣ, вдругъ раздражался бурными криками, хохотомъ и пѣніемъ.

Янъ и его товарищъ долго стояли и слушали ночь. На бѣлыхъ плитахъ пола ле-

жали отъ нихъ двѣ слабыя тѣни. Лица обоихъ были подняты къ небу — оттуда доносилось курлыканье журавлей.

Въ полдень другого дня путники остановились близъ дороги для обѣда уже далеко отъ волшебной виллы и сдѣлали обрадовавшее ихъ открытіе: кромѣ многочисленныхъ съѣстныхъ припасовъ въ одной изъ сумъ оказался тяжелый узелъ, заключавшій въ себѣ даръ предводителя разбойниковъ — двѣсти золотыхъ монетъ.

Луиджи желтой струей высыпалъ ихъ передъ товарищами на плоскій камень.

— Что, рыжеусый китъ — какому святому надо молиться въ пути?! — торжественно воскликнулъ онъ.

Глава XXXII

Незамѣтно минули еще двѣ недѣли — и однажды утромъ съ горы передъ путниками вдругъ развернулась панорама громаднаго города, привольно раскинувшагося на семи холмахъ; весь его сѣрою лентою обвивали крѣпостныя стѣны и частыя башни.

— Римъ!.. — коротко проговорилъ Луиджи.

Путники опустили на колѣни, сняли шляпы и благоговѣйно стали читать молитву.

Двумя крутыми изломами синѣлъ рассѣкающій городъ Тибръ; среди самой широкой части его виднѣлся островъ Тиберія, весь взѣрошенный мрачными высокими

башнями и замками; нѣсколько каменныхъ мостовъ желтыми арками перекидывались съ берега на берегъ; всюду, куда ни хваталъ глазъ, высились мертвыя, неимовѣрныя громады сооружений.

Дорога сбѣжала въ низину и стала виться среди языческаго кладбища, тоже вытянутого вдоль нея какъ и около Флоренціи, только памятники были внушительнѣе и больше числомъ; попадались цѣлыя замки и башни, охранявшія вѣчный сонъ знатныхъ матронъ и патриціевъ.

Вскорѣ впереди заблѣла стѣна; между двумя близко поставленными башнями виднѣлись открытыя ворота.

— Триумфальныя ворота!.. — объявилъ Луиджи.

Насколько просторнымъ казался Римъ издалека, настолько же тѣсными и мрачными оказались вблизи его кривыя и полутемныя улицы.

То и дѣло попадались то башни, то цѣлыя крѣпосцы магнатовъ, перемежавшіяся съ грязными лачугами бѣдности, развалинами дворцовъ, круглыми языческими, полуразрушенными храмами. Во всю ширину первой же попавшейся площади лежала, обросшая травой и кустами, опрокинутая колонна, разбившаяся на три куска. Встрѣчныхъ было немного; всѣ шли вооруженные, подъ плащами многихъ поблескивали кольчуги.

Знакомая Луиджи трагаторія находилась въ закоулкахъ близъ замка Кресцентіевъ и неаполитанецъ направился туда. Только что путники свернули въ ея сторону — услышался далекій и безпорядочно-частый звонъ колокола; такъ же безпокойно зазвучалъ другой, третій... тревожный звонъ распростра-

нился по всему городу. Показались бѣгушіе люди; изъ домовъ выскакивали, на ходу прицѣпляя шпаги и кинжалы, обыватели. Всѣ мчались по одному и тому же направленію, къ базиликѣ Св. Петра на Ватиканской горѣ; двери домовъ стали быстро запираяться; окна усѣялись женскими любопытными лицами.

— Что случилось?.. гдѣ?.. — обратился Луиджи къ одному изъ бѣжавшихъ мимо людей.

— Папу отравили!.. — кинулъ тотъ въ отвѣтъ.

Взволновавшійся Луиджи выискалъ глазами еще не запертую дверь, поручилъ кому-то на время ослика и выскочилъ опять на улицу. — За мной!.. — крикнулъ онъ такимъ голосомъ, что всѣ пятеро товарищей его, не спрашивая и не понимая ничего, пустились за нимъ бѣгомъ.

Скоро показалась лѣсистая гора; на широкомъ уступѣ ея бѣлѣла базилика Св. Петра; къ ней прижимался древній, потемнѣлый замокъ, служившій папамъ дворцомъ; къ нему чернымъ горохомъ катились со всѣхъ сторонъ пѣшеходы, неслись, не разбирая пути, всадники.

Вмѣстѣ съ толпой путники ворвались во внутренніе покои дворца; имъ на встрѣчу выбѣгали люди, тащившіе серебряную посуду, ткани, ковры; въ первой комнатѣ обдирали стѣны, ломали шкапы, срывали украшенія. Казалось, сотни озвѣрѣлыхъ разбойниковъ завладѣли дворцомъ.

Въ сосѣдней большой и высокой залѣ, на возвышеніи покрытомъ краснымъ сукномъ въ бѣлой сутанѣ и съ тройной тиарой на головѣ лежалъ съ посинѣлымъ лицомъ папа; неплотно прикрытые, словно прищу-

ренные, тусклые глаза его наблюдали за творившимся.

Кругомъ бѣсновались безумные. На мертваго никто не обращалъ никакого вниманія; люди валамывали шкафы, сундуки, рвали съ дверей, съ оконъ занавѣски и портьеры, дрались и катались по полу, вырывая другъ у друга награбленное. Въ свалкѣ принимали участіе не только простые граждане, но и множество нобилей.

— Что такое творится?! — въ изумленіи проговорилъ Маркъ.

— Не зѣвайте!.. — отрывисто приказалъ Луиджи:—тащите все, что попадется!

Онъ кинулся къ одному изъ драгоценныхъ шкафовъ, но тотъ оказался уже опустошеннымъ и только прикрытымъ полуразбитой дверцей.

Луиджи запустилъ руку въ сосѣдній и вдругъ почувствовалъ, что локоть его сжали желѣзные тиски. Онъ оглянулся и увидалъ всегда безмолвнаго Адольфа. Лицо богатыря поблѣднѣло, подъ втянувшимися глазами проступила синева.

— Брось!!.—прогудѣла октава.—Не смѣй!

— Это еще почему?!.—возмутился Луиджи. — Да здѣсь такъ всегда поступаютъ съ папами и епископами — грабятъ ихъ дворцы въ день смерти.

— Не смѣй!.. — повторилъ Адольфъ, не выпуская руки неаполитанца:—онъ глядитъ, —будетъ несчастье!..—въ голосѣ его прозвучало что-то такое, что пробудило въ неаполитанцѣ суевѣрное чувство.

— Да пусти руку-то, чортъ, сломаешь, вѣдь!!.—сердито воскликнулъ онъ, косясь на мертваго. — Тутъ и брать-то нечего — одна дрянъ осталась!..

Товарищи Луиджи набожно приложились къ туфлѣ папы и, не взявъ ничего, пробились наружу; площадь св. Петра, бывшая когда-то знаменитымъ садомъ Нерона, казалась шумнымъ базаромъ: вездѣ несли перекинутыя черезъ плечо шали, ткани, узлы, изъ которыхъ торчала всякая всячина; раздавался оживленный говоръ и смѣхъ — римляне справляли свой праздникъ и легко мѣнявшій свое настроеніе Луиджи почувствовалъ недовольство собой за глупую, по его мнѣнію, уступчивость, заставившую ихъ остаться въ такой удачный день съ пустыми руками.

— Въ папѣ вѣрятъ тѣмъ больше, чѣмъ дальше отъ нихъ!.. — сказалъ онъ. — А въ Римѣ они — тьфу... онъ плюнулъ: — вотъ они что! Недавно ихъ сразу было три... одинъ другого хуже! Будь я трижды анафема, если еще хоть разъ въ жизни послушаюсь рыжихъ!

Путники отыскали домъ, гдѣ былъ оставленъ осликъ и благополучно добрались съ нимъ до тратторіи.

Римъ — полумертвый, пустынный — подавлялъ своей небъятностью, величіемъ и числомъ заколоченныхъ дворцовъ, цирковъ и бань, рассчитанныхъ на десятки и сотни тысячъ посѣтителей. Всюду изъ христіанства выглядывало язычество; безчисленные храмы боговъ увѣнчались крестами, или стояли заколоченными; гору цезарей — Палатинъ покрывали мраморныя громады — дворцы, возводившіеся на ней чуть ли не каждымъ императоромъ. Безъ дверей, безъ

оконъ, безъ жителей они медленно разрушались и жутую вѣяло отъ безмолвныхъ стѣнъ, видѣвшихъ тысячи убійствъ, оргій и зловѣщихъ безумцевъ, правившихъ міромъ.

Внутри многихъ дворцовъ еще стояли въ нишахъ статуи, можно было найти всевозможные предметы, но развѣ изрѣдка мелькала тамъ человѣческая тѣнь: Палатинскій холмъ, весь изверченный подземными ходами, считался особенно страшнымъ и нечистымъ мѣстомъ.

Такъ же пустыненъ и мертвъ былъ самый центръ города съ его форумами, монастыремъ весталокъ, триумфальными арками, колоннами и Колизеемъ — этимъ чудовищнымъ каменнымъ гнѣздомъ съ тысячами оконъ, между которыми въ нишахъ стояли, воплощенные въ мраморъ, знаменитые люди.

Вечеромъ одному проходить въ тѣхъ мѣстахъ было небезопасно: въ заброшенныхъ зданіяхъ, въ подземельяхъ ютились разбойники и вертепы жрицъ любви; развалины по ночамъ мигали огоньками, въ нихъ слышались крики, либо пѣніе—сбирры туда по ночамъ не показывались, а днемъ все опять было мертво и безмолвно. Многія площади и улицы заболотились.

Площадь главнаго форума покрывали глубокія ямы, сдѣланныя кладовискателями; необозримымъ полемъ ромашекъ бѣлѣли поверженные статуи и осколки. Тотъ, кому требовалась известъ, пріѣзжалъ на форумъ, разбивалъ Венеръ и Цезарей и пережигалъ ихъ; плиты и кирпичи выламывались изъ никѣмъ не охранявшихся зданій для новыхъ жалкихъ построекъ.

Между статуями и подъ триумфальными арками паслись коровы и свиньи. Маркъ

долго не могъ отвести взгляда отъ пастуха въ красномъ колпакѣ, опершагося задомъ о колонну Траяна и высвистывавшаго что-то печальное на дудочкѣ изъ коры.

Ошеломленные, отупѣвшіе отъ непостижимаго ихъ уму разнообразія и неизмѣримости города, путники бродили подъ руководствомъ Луиджи то по мертвымъ, то по населеннымъ улицамъ. Но и обитаемая мѣста были пустынно; то и дѣло встрѣчались пожарища: остатковъ ихъ никто не убиралъ и многія изъ нихъ заросли кустами и даже деревьями; изъ желтой листвы то здѣсь, то тамъ торчали обгорѣлыя головешки и цѣлыя балки *).

---

*) Античный Римъ заключалъ въ своихъ стѣнахъ болѣе произведеній искусства, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятыя нынѣшнія столицы міра.

Въ него было:—2000 дворцовъ и 4000 монументовъ въ честь великихъ римлянъ.

Въ средніе вѣка—все это представляло груды развалинъ.

По переписи времянь Феодосія, Римъ заключалъ въ себѣ: 1780 дворцовъ богачей и знати.

Число домовъ во всѣхъ 14 кварталахъ было 48.382.

Въ термахъ Каракаллы насчитывалось свыше 1600 мраморныхъ скамеекъ; въ Диоклетіановыхъ—свыше 3000 балки для термъ и дворцовъ лились изъ мѣди.

Доступъ былъ даровой для всѣхъ.

Театры—необыкновенно пышные—имѣли 3000 танцовщицъ и столько же пѣвцовъ.

Окружность города равнялась 21 милѣ.

Населеніе свыше 1 милліона.

Въ IV в. по Р. Х. въ Римѣ еще находилось:

423 храма.

154 статуи боговъ изъ золота и слоновой кости.

2 колосса.

22 большихъ конныхъ группы,

3785 мѣдныхъ статуй императоровъ и великихъ людей и 74 изъ слоновой кости; мраморные были безсчетны.

1352 фонтана и бассейна.

Наблюдательный Маркъ замѣтилъ, что двери въ зажиточные дома стояли запертыми и отворялись людьми въ наскоро накинутыхъ кольчугахъ; привѣтливости на лицахъ встрѣчныхъ не было никакой.

У громаднѣйшихъ и тоже мертвыхъ термъ Траяна, путники встрѣтили многочисленную погребальную процессію, направляющуюся къ Тибуртинскимъ воротамъ; ее сопровождало духовенство. Восемь рослыхъ рабовъ несли на плечахъ длинныя носилки; на нихъ чуть поколыхивался толстякъ-покойникъ, прикрытый темно-вишневымъ покрываломъ съ золотой бахромой; изъ подъ дубоваго вѣнка, надвинутаго на лобъ, толстою шишкой торчалъ носъ. За тѣломъ шла кучка плакальщицъ, одѣтыхъ во все бѣлое; по сторонахъ шествія кривлялись какіе-то ряженые съ масками на лицахъ; одинъ былъ одѣтъ чертикомъ съ длиннымъ хвостомъ. Провожавшіе громко разговаривали, шутили и пересмѣивались съ замаскированными.

— О Боже мой!! — всплескивая руками, восклицалъ одинъ изъ нихъ, изображавшій умершаго и тоже имѣвшій дубовый вѣнокъ на головѣ — жена моя да сколько же ты натра-

---

28 библіотекъ.

867 общественныхъ бань. Въ современной Европѣ самое большое количество ихъ въ Вѣнѣ, именно—58.

Самый большой театръ Рима былъ рассчитанъ на 22.888 зрителей.

Самый большой циркъ, Максимусъ—385.000.

Количество жителей въ Римѣ было:

1) При Траянѣ . . . . . 1.500.000 чел.

2) Въ V вѣкѣ . . . . . 500.000 чел.

3) Послѣ Готскихъ войнъ . . . . . 5.000 чел.

4) Въ 546 г., послѣ ухода Тотилы Римъ простоялъ сорокъ дней совершенно пустымъ.

тила денегъ на мои похороны? Горе мнѣ, горе!! Вѣдь всю эту орду на поминки звать придется... все сожрутъ! И онъ залился притворнымъ плачемъ.

— Чего, нюня ревешь? — обратилась къ нему одна изъ масокъ.

— Да рано умеръ я: не всѣхъ знакомыхъ успѣлъ обжулить!

Провожатые хохотали.

— Смѣтесъ?!. — съ трагическимъ пафосомъ возопилъ третій: — человекъ въ адъ чертямъ на супъ несутъ, а вы потѣшаетесь?!

Къ нему подскочилъ чертенокъ.

— Что ты врешь на чертей, глупецъ?!. — заверещалъ онъ: — да развѣ такую гнусную скотину какъ эта станутъ ѣсть черти? Въ помойную яму вывалимъ!..

Началась шуточная перебранка, въ которую вступили остальные переряженные. Мертвому перебрали всѣ косточки, вспомнили всѣ его грѣхи, обиды, всякое лживое слово. Надъ нимъ острили, издѣвались; вдова и дѣти покойнаго шли молча, низко опустивъ головы и закрывъ лица. Хохотали не только провожавшіе, но и толстый патеръ, шедшій въ перекачку и уперевъ въ животъ руку съ распятіемъ.

— Ловко, ловко!! — шлепаль онъ толстыми, гладко обритыми губами..

Шествіе скрылось за поворотомъ.

— Что это было?.. — съ недоумѣніемъ проговорилъ Мартинъ, глядя ему въ слѣдъ.

— Какъ что — обыкновенныя похороны!.. — отвѣтилъ Луиджи: — должно быть порядочный гусь былъ покойникъ!.. Здѣсь такъ повелось, что всѣ, кто имѣетъ счеты съ умершимъ, нанимаютъ актеровъ и тѣ раздѣлываютъ его, какъ шкуру на барабанѣ!

— Это постыдно!.. — возразилъ Мартинъ.

— Наоборотъ, очень умно!.. — убѣжденно отозвался неаполитанецъ. — Съ инога чорта, бываетъ, никакимъ родомъ денегъ не получишь, а заболѣеть покрѣпче — всѣхъ скорѣй ублаготворить спѣшать! А если хорошій человекъ умретъ — друзья тоже актеровъ нанимаютъ: очень трогательныя сценки въ лицахъ разыгрываютъ!

Форумъ Траяна съ его фонтаномъ-потокомъ, бурно низвергающимся изъ полуобрушенной стѣны, съ несущимися среди пѣны и брызгъ мраморными конями и небожителями въ колесницахъ, поразилъ путешковъ и надолго приковалъ къ себѣ ихъ вниманіе.

Мимо колонны Марка Аврелія, по Фламиніевой улицѣ они возвратились, не чуя ногъ подъ собой, въ тратторію.

— Какъ же въ такомъ городѣ розыскать кого-нибудь?.. — будто такъ себѣ, вскользь спросилъ Янь.

Луиджи смекнулъ, что крылось за этимъ вопросомъ.

— Нельзя только влѣзть на луну — остальное все можно!.. — отозвался онъ.

Г л а в а XXXIII

Прошло съ мѣсяцъ пока наконецъ путешники освоились съ великимъ городомъ и каждый нашелъ себѣ занятіе по сердцу.

У Яна пробудился интересъ къ работамъ древнихъ мастеровъ и онъ не рѣдко часами простаивалъ передъ статуями, уцѣлѣвшими не смотря на вѣка разгрома еще

во множествѣ. Глазъ художника сразу, безъ словъ, опредѣлилъ въ чемъ заключается истинная красота и искусство и имя которыхъ — жизнь; съ такимъ же глубокимъ вниманіемъ разглядывалъ онъ въ лавкахъ ювелировъ древнія камеи и издѣлія изъ драгоценныхъ металловъ, столь безконечно совершенныхъ, что у Яна порой замиралъ духъ и въ сердце прокрадывалось тоскливое сомнѣніе въ себѣ — первый признакъ таланта!

Пока Янъ осматривалъ и изучалъ разныя древности, буквально валявшіяся подъ ногами на всякомъ шагу, новый другъ его Ярославъ подолгу просиживалъ, или бродилъ по Коллизею и пустующимъ циркамъ; затаивъ дыханіе стоялъ въ тюрмахъ рабовъ и христіанъ, гдѣ за желѣзными рѣшетками они ожидали выпуска на арену; заглядывалъ въ темные лазы, изъ которыхъ выпускали звѣрей.

Мѣсто цезарей—нѣчто вродѣ небольшого бастиона, или выступа,—приковывало къ себѣ его особенное вниманіе. Онъ почти вѣявъ видѣлъ владыкъ міра, проходящихъ изъ дворцовъ по подземнымъ ходамъ и, при помощи подъемной машины, въ золотыхъ креслахъ сразу возносившихся надъ сотнями тысячъ людей. Паденіе со стѣны камня иногда нарушало тишину, отзывалось эхо и видѣнія Ярослава исчезали. Онъ вытиралъ рукой испарину со лба, запрокидывалъ голову и въ синевѣ неба смутно начинали проступать Днѣпръ и Кіевъ съ его многочисленными церквами. *

---

* Дитмаръ Мезебургскій насчитываетъ ихъ въ эту эпоху до 700.

— А у насъ ни звѣрей, ни цирковъ такихъ нѣтъ!.. — пробуждалась въ немъ мысль и свѣжесть и бодрость овѣивали его душу. Ему хотѣлось пѣть — въ мозгу жаворонками начинали роиться и звучать родныя пѣсни.

Маркъ съ головой погрузился въ изученіе древнихъ рукописей. Съ жадностью набросился онъ на попавшагося ему первымъ *Виргилія*, столь популярнаго въ среднихъ вѣкахъ *, потомъ наткнулся на рѣчи *Цицерона*, на *Саллюстія* и другихъ еще болѣе знаменитыхъ историковъ и философовъ древности.

Ярославъ видѣлъ прошлое; передъ глазами Марка разверзалась бездна будущаго, черная, но вся наполненная ярко сверкающими звѣздами и неотразимо, безвозвратно тянувшая его въ себя все глубже. Радостное, смятенное чувство порой преисполняло его душу. И когда онъ вспоминалъ собственное прошлое — чувствовалъ себя летящимъ все выше и сверху внизъ глядящимъ на землю.

Искрометный циникъ *Луиджи* пользовался жизнью во всю ширь беззаботной, азартной натуры. Цѣлыми сутками онъ пропадалъ неизвѣстно гдѣ, не разъ являлся битымъ, но жизнерадостнымъ.—Ахъ какъ хорошо жить! — говаривалъ онъ. — Шутъ васъ знаетъ, что вы за выродки! Попалъ я въ компанію, нечего сказать!

Мартина книги не интересовали. Грубый и непреклонно упорный, онъ былъ одаренъ тонкой музыкальностью и слухомъ. Небо его мало интересовало и онъ усердно посѣщалъ

---

* Четвертая эклога его считалась пророчествами, относящимися къ христіанству.

церкви Рима и жадно ловилъ и запоминалъ мелодіи пѣснопѣній. *

Незыблемый въ дружбѣ и вѣрѣ Адольфъ бродилъ вмѣстѣ съ нимъ; способностью погружаться въ отвлеченныя разсужденія онъ не былъ одаренъ совершенно; самый сильный, онъ былъ и самымъ суевѣрнымъ.

Однажды Янъ выйдя изъ Коллизея остановился у фонтана гладіаторовъ, въ которомъ они обмывались послѣ боя, и замѣтилъ дымокъ, вившійся изъ величавыхъ развалинъ Золотого дворца Нерона. День стоялъ солнечный, но было холодно и Янъ отправился погрѣться и посмотрѣть, что тамъ происходитъ.

Онъ поднялся на холмъ; нѣсколько человекъ заступами отбивали отъ стѣнъ мраморныя, облицовочныя плиты; куски ихъ сыпались на землю, затѣмъ ихъ складывали въ кучи; чуть поодаль блѣдно горѣлъ костеръ, сверху него что то бѣлѣло. Янъ подошелъ ближе и увидалъ, что на дровахъ лежитъ статуя, въ ростъ человека, богини Венеры древне-греческой работы; около нея, на мраморныхъ кудряхъ громадной головы Юпитера сидѣлъ сгорбленный дряхлый старикъ и постукивалъ желѣзною палкой то по плечамъ, то по бокамъ богини. Раскаленный мраморъ мягко осыпался и только одна голова оставалась еще не тронутой.

Изъ языковъ огня глядѣло чуть улыбающееся лицо такой изумительной красоты, что на сердцѣ у Яна захолонуло.

— Дѣдъ, что ты дѣлаешь?! — не удержался и воскликнулъ онъ.

---

* Ноты были изобрѣтены въ концѣ XI вѣка монахомъ Гвидо Аретинскимъ.

Старикъ повернулъ въ его сторону воспаленные, какъ бы свѣжеразрѣзанные, глаза.

— Известку жгу, иль не видишь?..—прошамкалъ онъ и ткнулъ палкой прямо въ лобъ статуи; онъ сползъ вмѣстѣ съ глазомъ; еще ударъ и прекрасное видѣніе исчезло, божество превратилось въ куски бурой извести.

— Э-эхъ!..—съ горемъ проговорилъ Янъ. — Что ты надѣлалъ? Лучше бы продалъ комунибудь!

— Кому продать то?..—удивился старикъ. — Да тутъ даромъ бери сколько хочешь... эвона сколько этого добра: на пятьсотъ лѣтъ всѣмъ хватить!

Въ грудѣ мрамора, нанесеннаго къ костру, Янъ завидѣлъ маленькую статуэтку, изображавшую женщину съ поникшей головой, въ строгой, длинной одеждѣ; работа была тонкая и изящная. Онъ поднялъ фигурку и ему почудилось, что она сдѣлана съ Габріэли — до того велико было сходство.

— Можно ее взять?..—обратился онъ къ старику.

— А возьми! — равнодушно отозвался тотъ. — Внучкѣ играть я ее хотѣлъ снести, да ничего, другую найду — тутъ этихъ самыхъ пупъ* безъ конца-краю!

Янъ поблагодарилъ и, прижимая къ себѣ подъ плащемъ холодную статульку, направился мимо развалинъ Колосса по совершенно безлюдной и заболотившейся улицѣ Сенаторовъ. Близъ одного изъ поворотовъ изъ развалинъ выглянула голова старухи;

---

* Статуэтки императрицы Поппеи служили игрушками и кратко назывались пупами; отсюда произошло французское *la poupée*.

на ней былъ накинутъ черный, рваный платокъ; по сторонамъ морщинистаго лица свисали двѣ растрепанныя сѣдыя пряди.

— Эй, господинъ?..—окликнула она вполголоса.

Янъ остановился. Старуха подошла ближе.

— Можетъ ищите парочку себѣ?..—вкрадчиво спросила она: — я вамъ найду какую угодно по вашему вкусу?

Янъ отрицательно мотнулъ головой.

— Ну, такъ я погадаю вамъ?.. Вы влюблены, господинъ, у-у!!.. вижу я все что съ вами будетъ!...

— Что будетъ?.. — глухо отозвался Янъ.

— Пойдемъ ко мнѣ?.. — пригласила старуха: — на улицѣ нехорошо! Въ воду буду глядѣть, все узнаешь... пойдемъ, пойдемъ!!.— И маня Яна крючковатымъ пальцемъ она стала скрываться за остатками стѣнъ.

Янъ послѣдовалъ за нею; сердце его часто забилось.

Старуха достигла до чернаго провала въ подвалъ, оглянулась, еще разъ поманила и исчезла.

Янъ увидѣлъ каменную лѣстницу; онъ сошелъ по ней и послѣ яркаго солнечнаго дня утонулъ въ потьмахъ.

Старуха ждала его у низенькой, уже распахнутой двери; оттуда брезжилъ свѣтъ — въ углу на очагѣ горѣлъ огонь; надъ Яномъ низко нависалъ сводъ подвала. Весь онъ былъ заваленъ какимъ то тряпьемъ, испорченными вещами и щепками для топки; тутъ же валялись древніе, изъ золоченой бронзы, длинные семисвѣчники и всякіе неизвѣстные Яну предметы; на стѣнахъ висѣли пуки сушеныхъ травъ; изъ дальняго угла

выглянули два любопытныхъ чумазыхъ личика дѣвочекъ-подростковъ и сейчасъ же спрятались за кучами хлама.

Старуха подкатила къ огню чурбанъ.

— Садись!.. — пригласила она, указывая на него рукою. — Ладонь лѣвую дай?...

Янъ повиновался; старуха вперила черные глаза въ линіи на ней и закачала головой.

— У-у... счастливый ты!.. богатый будешь!.. долго жить будешь!.. золотой надо на руку положить, все яснѣй будетъ?

— Золотого у меня съ собой нѣтъ!.. — отвѣтилъ Янъ.

— Серебро клади!..

Янъ досталъ случайно оказавшуюся у него въ карманѣ маленькую монетку.

— Скупой ты!.. — проронила старуха, схвативъ ее какъ коршунъ. — Мало серебра, правды не вижу!..

— Скажи?..—выговорилъ Янъ. — Можешь ли ты приворожить человѣка?..

— Чтобы полюбила тебя твоя зазноба?.. знаю, все умѣю!.. Только дорого это стоитъ!

— Я заплачу!..

Что то блеснуло въ глазахъ колдуньи.

— Вотъ что... — проговорила она:—заплатишь хорошо—сдѣлаю хорошо; духовъ подземныхъ вызову, наша будетъ красавица! Здѣсь нельзя—надо на крови стоять человѣческой!..

— Какъ, зарѣзать когонибудь нужно? — весь похолодѣвъ, воскликнулъ Янъ.

— Зачѣмъ? Ночью въ Коллизей приди, на арену... вся она — кровь человѣческая: золота больше съ собой возьми! И чтобъ ни одна душа не знала куда идешь и зачѣмъ! Можно и патера найти — онъ въ церкви въ полночь

черную мессу отслужить—Христа проклянуть и причастіе ногами растопчеть?... Тогда все на свѣтѣ знать будешь!

— Нѣтъ!.. — въ ужасѣ произнесъ Янъ.— Только не это! А въ Коллизей приду...

— Когда?..

— Завтра.....

— Буду ждать!.. Приходи передъ самой полночью. Если кто нибуть окликнетъ тебя въ Коллизеѣ, отвѣчай — «по приказу пославшей.»

Старуха проводила Яна до улицы и кинувъ ему — «такъ смотри же, ждать буду!» — исчезла, какъ провалилась.

Взбудораженный Янъ вернулся домой и, памятуя слова колдуньи, ни словомъ не обмолвился о своей встрѣчѣ; чтобы скрыть свое возбужденіе отъ сожителей, онъ преувеличенно восторгался своей статуэткой.

На другой день Янъ досталъ изъ узелка, гдѣ хранилась его доля денегъ, одинъ золотой, затѣмъ подумалъ немного и вынулъ еще одинъ: онъ былъ нѣсколько расчетливъ. Чтобы не подвергнуться разспросамъ товарищей онъ рѣшилъ уйти еще днемъ и гдѣ нибудь въ кабачкѣ близъ Мамертинской тюрьмы подождать наступленія ночи и тогда пробраться въ Коллизей. Мысль объ опасности свиданія съ вѣдьмой въ голову ему не приходила — страхъ передъ появленіемъ духовъ подавлялъ всѣ мысли. Часа въ четыре на слѣдующій день онъ сунулъ за пазуху пріобрѣтенный имъ и освященный на церковномъ алтарѣ кинжалъ и вышелъ какъ бы пройти по улицамъ. Миновавъ два-три перекрестка и убѣдившись, что знакомыхъ кругомъ нѣтъ, онъ прибавилъ шага и черезъ недолгое время уже сидѣлъ въ просторномъ кабачкѣ

за кружкой вина. Кабачокъ былъ небольшой; противъ входа въ него темнѣли два яруса бочекъ; отъ стѣны до стѣны вытягивались два длинные стола со скамейками около нихъ; посѣтителей было всего человѣкъ пять и всѣ они держались тѣсною кучкой.

Янъ прислушался къ разговору: онъ велся о Коллизеѣ и примыкавшей къ нему мѣстности.

— Не дай Богъ тамъ ночью проходить!.. — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ: — нынче утромъ у самага входа зарѣзаннаго человѣка нашли!

— Это что!.. — возразилъ другой:—въ Римѣ за ночь мало ли людей рѣжутъ? А вотъ ночью львы, говорятъ, въ Коллизеѣ ревѣли—это ужъ похуже будетъ!

— Какъ львы?.. — усомнился третій. — Вѣдь тамъ нѣтъ ничего и никого?

— Тѣни ихъ ревѣли!... — убѣжденно отвѣтилъ сообщившій эту новость. — Быть чему то недоброму: ихъ всегда передъ бѣдой слышать!..

Жуть сжала сердце Яна.

— А что это за черныя мессы такія бываютъ?..—освѣдомился третій. — Нѣсколько разъ я о нихъ слышалъ!

— Тсссъ... не поминай ихъ!!.. — произнесъ первый. — Это обѣдни дьяволу. Кто хочетъ кладъ найти богатый — тому безъ нихъ не обойтись!

— Много здѣсь всего позарыто!.. — со вздохомъ зависти сказалъ третій. — Не знаешь только гдѣ.

— И зная безъ нечистой силы не достанешь!.. — подхватилъ второй. — На Ватиканскомъ обелискѣ золотой шаръ стоитъ—весь самыми рѣдкими на свѣтѣ драгоценными

камнями усѣянъ — всѣ мы его видимъ, а достать не можемъ!

— А правда, что въ немъ пепель какого то Юлія Цезаря положенъ?

— Говорять такъ.

— А кто онъ такой былъ?

— Цезарь и Цезарь, а больше кто жъ его знаетъ?..

Бесѣда незнакомцевъ затянулась надолго.

Что то слегка толкнуло Яна подъ столомъ и на колѣни къ нему мягко вскочилъ и замурлыкалъ черный котъ.

— Янъ вздрогнулъ отъ неожиданности..

— Не время ли идти?.. — подумалъ онъ: — не напоминаніе ли этотъ котъ?..

Онъ выглянулъ за дверь на звѣзды — было еще рано — около одиннадцати часовъ.

Безконечностью протянулось еще съ полъ часа и Янъ поднялся, расплатился съ полусоннымъ хозяиномъ и вышелъ на улицу.

Стояла свѣтлая ночь; черные, спящіе дома озирали полный мѣсяцъ; шаги Яна зашелкали по всему безмолвному переулку. Онъ пошелъ осторожнѣе и съ покатоности холма увидалъ серебрившуюся какъ широкая рѣка площадь; будто изъ воды вставали чудовищныя, сѣрыя стѣны Коллизея, отбрасывавшія огромную, черную тѣнь. Нигдѣ не виднѣлось ни души.

У фонтана гладіаторовъ Янъ остановился и сталъ всматриваться во мракъ, заполнявшій широкій входъ; ничто въ немъ не заворохнулось. Янъ высвободилъ изъ за пазухи кинжалъ, взялъ его въ руку, скрытую плащомъ и рѣшительнымъ шагомъ двинулся впередъ: страхъ, шевелившійся все время гдѣ то въ душѣ, исчезъ — теперь дѣйствовалъ только рокъ и Янъ всецѣло отдался ему.

Въ проходѣ, вопреки ожиданію, никто Яна не окликнулъ. Онъ пересѣкъ темный широкий корридоръ; впереди тускло засіяла, освѣщенная мѣсяцемъ громадная, овальная арена съ высоко устроенными, безопасными мѣстами для зрителей. Мертвенно свѣтилась ложа цезарей. Прямо противъ нея, изъ стѣны, чернымъ пятномъ глядѣла дверь — ведущая, какъ Янъ уже зналъ, въ тюрьмы для христіанъ; справа отъ ложи глядѣло другое отверстіе — болѣе низкое — оттуда имъ на встрѣчу выходили звѣри. Близъ нея, на пескѣ арены-пустыни, словно прилегшіе для прыжка львы, лежало нѣсколько большихъ камней.

Не видя никого, Янъ неувѣренно направился къ нимъ. Одинъ изъ камней вдругъ ожилъ—съ него поднялась старуха колдунья.

— Во время пришелъ, молодецъ!.. — проговорила она. — Часъ близокъ! Встрѣтилъ тебя ктонибудь?

— Нѣтъ...—отвѣтилъ Янъ.

Старуха нагнулась и взяла съ земли, стоявшей у ногъ ея, небольшой горшокъ.

— Здѣсь вода съ черной мессы!.. — сказала она. — Поди на середину поля, принеси горсть песку... лѣвой рукой бери!..

Янъ исполнилъ приказаніе; старуха стала бормотать непонятныя заклинанія.

— Сыпь!.. велѣла она; Янъ сдѣлалъ это и увидалъ, что вода въ горшкѣ замутилась, закипѣла и превратилась въ кровь.

— Золото принесть?.. — хрипло спросила старуха.

— Да.

— Ну, садись сюда!..—она указала на содѣвній камень. — Думай о томъ, что хочешь узнать!—Она сѣла противъ него, поста-

вила себѣ на колѣни горшокъ и нагнулась надъ нимъ. Космы ея свѣсились.

— На кораблѣ ты стоишь...— проговорила она: — ѣдешь ты куда то далеко... и еще трое челоуѣкъ съ тобой... все мужчины!.. Друга похоронишь и дальше поѣдешь; вдвоемъ поѣдешь. Вижу тебя въ городѣ чужомъ... богатый ты, золота вокругъ тебя много... Женисься въ своемъ городѣ, жена молодая, красивая... троихъ детей вижу, но не весь ты будешь дома: часть души здѣсь оставишь, много разъ вспоминать будешь!

— А она?..— осыпавшись мелкою дрожью неопредѣленно спросилъ Янъ.

— Туча ее покрываетъ...— медленно выговорила старуха. — Черная туча, молніи тамъ блестятъ!

Она прислушалась и покосилась на звѣриную дверь.

— Ты приворожить ее мнѣ обѣщала?...— измѣнившимся голосомъ сказалъ Янъ.

— Охъ, трудно теперь это!..— старуха покачала головой. — Будетъ она на пиру и не вернется съ него!..

Лицо Яна казалось бѣлѣе мрамора. Онъ всталъ.

— Значить конецъ, ничего нельзя?.. — выговорилъ онъ.

Вѣдьма обѣжала безпокойнымъ взглядомъ арену и задержалась имъ на звѣриномъ ходѣ: въ темной глубинѣ какъ будто что то шевельнулось. Старуха схватила Яна за руку.

— Погоди... попробуемъ!.. — скороговоркой заявила она. — Садись сюда!..— Она помѣстила его такъ, что черная дыра оказалась за спиной у него.

— Гляди на ложу цезарей! Что бы ни увидалъ и ни услыхаль — не оборачивайся, не отводи глазъ!..

Въ проходѣ явственно обрисовалась человѣческая фигура.

Старуха начертила пентаграмму вокругъ застывшаго Яна и, не спуская съ него взгляда, медленно начала пятиться назадъ. И такъ же медленно неизвѣстный сталъ отдѣляться отъ стѣны и приближаться къ Яну.

Надъ ложей закурился легкій, прозрачный дымокъ; онъ дѣлался все длиннѣе, въ немъ намѣтилось что то живое... показался сидящій плотный человекъ въ лавровомъ вѣнкѣ. Сверкающіе, вперенные въ Яна глаза его все увеличивались, дѣлались огненными. И вдругъ что то толкнуло Яна въ затылокъ, онъ посунулся головою впередъ и мягкимъ мѣшкомъ повалился на песокъ: незнакомецъ ударилъ его по головѣ каменотеснымъ молоткомъ.

Г л а в а XXXIV

— А вѣдь Янъ не ночеваль дома... — сказалъ Ярославъ, глянувъ утромъ на несмятую постель товарища.

Всѣ удивились, а Луиджи обезпокоился.

— Гдѣ же это онъ могъ запропасться?.. — произнесъ онъ. — Дама сердца у него въ фантазіи, а Римъ ночью — штука плохая!..

Маркъ обратилъ вниманіе на статуэтку, принесенную Яномъ наканунѣ.

— Янъ увлекся стариной... — проговорилъ онъ — Не вышло ли у него исторіи изъ за какой нибудь находки?

— Можетъ быть!.. — полусогласился Луиджи. — А откуда онъ ее принесъ?

— Изъ Золотого дворца!.. — отозвался Ярославъ.

— Сходимъ туда!.. — рѣшилъ Луиджи. — Человѣку свойственны всякія глупости, не только тасканіе изъ земли божковъ!

Товарищи раздѣлились на двѣ партіи; Мартинъ со своимъ неизмѣннымъ Адольфомъ отправился обслѣдовать форумъ; остальные пошли къ дворцу Нерона; мѣстомъ общей встрѣчи назначили Коллизей,*) о которомъ особенно часто поминалъ пропавшій.

— —

Какъ сквозь сонъ, смутно, Янъ почувствовалъ, что его обшариваютъ чьи-то руки, что подъ плечи его подхватили веревочной лямкой и волокутъ по землѣ... дальше сознание оборвалось.

Когда онъ пріоткрылъ глаза — надъ нимъ выгибался тяжелый, черный сводъ обширнаго подземелья; онъ сдѣлалъ усиліе вспомнить гдѣ онъ и почему попалъ въ это мѣсто, но память не подсказывала ничего; голова болѣла до крика. Янъ прикоснулся рукой къ затылку — онъ былъ весь въ густомъ клею и распухшій. Подняться на ноги не хватило силъ и Янъ опять прилегло лицомъ на ледяной кирпичъ, случайно послужившій ему изголовьемъ. Висѣли сумерки, откуда-то сквозь рѣшетку изъ толстыхъ, желѣзныхъ прутьевъ, замѣнявшую стѣну, брезжилъ свѣтъ.

---

*) Въ 1332 г. въ Коллизей былъ устроенъ бой быковъ. Бились съ быками самые извѣстные рыцари — вооруженные только копьями и пѣшіе. Было убито 11 быковъ, а рыцарей было ранено 9 и убито 18.

Янъ собрался съ силами и повернулся на бокъ; за рѣшеткой разстилалось озеро, бѣлѣли стѣны... Коллизей?.. пронеслась мысль. Янъ разомъ вспомнилъ все происшедшее и сообразилъ, что чуть не сдѣлался жертвой убійць: его сочли мертвымъ и оттащили въ тюрьму христіанъ. Онъ хотѣлъ встать и скорѣй уйти изъ страшнаго мѣста, но вдругъ растянулся плашмя и, весь похолодѣвъ, застылъ какъ камень: мимо рѣшетки медленно прошло двое неизвѣстныхъ людей.

Долго и напряженно вслушивался Янъ въ тишину, затѣмъ подползъ къ самой рѣшеткѣ и сдѣлалъ попытку подняться; встать онъ смогъ только на колѣни.

Тѣни ночи ушли изъ Коллизея; серебристое озеро превратилось въ желтый песокъ; начинало голубѣть небо, среди него, словно выточенный изъ льда, стоялъ мѣсяць — скоро должно было взойти солнце.

Янъ легъ и полузабытые овладѣло имъ; когда онъ очнулся вторично — былъ уже день. Не смотря на безконечную слабость, Янъ заставилъ себя встать, отворилъ дверцу въ рѣшеткѣ и, держась за стѣнку, добрался до бастіона цезарей; арена, ярусы скамей для зрителей — все было блѣдно, безлюдно и мертвенно. Самымъ страшнымъ мѣстомъ казался темный проходъ въ главномъ корридорѣ, который выводилъ на площадь, но и онъ былъ пустъ.

Янъ выбрался наружу и, шатаясь, направился къ фонтану гладіаторовъ. Въ водоемѣ его скопилась дождевая вода; Янъ принялся жадно черпать ее ладонью и пить, затѣмъ оторвалъ рукавъ отъ рубашки, намочилъ его и началъ прикладывать къ за-

тылку; запекшаяся кровь покрывала его какъ корою. За этимъ занятіемъ и застали его товарищи.

Янъ разсказалъ какъ все произошло, но ни словомъ не упомянулъ объ истинной цѣли своего ночного похода.

Всѣ ахали и корили Яна за легкомысліе. Одинъ Луиджи засунулъ руки въ карманы, молчалъ и посвистывалъ, искоса поглядывая на разбитую голову пріятеля.

Отдыхъ и вода подбодрили Яна; поддерживаемый съ двухъ сторонъ товарищами, онъ вернулся въ свое жилище.

— —

Ударъ въ голову, какимъ-то чудомъ не уложившій Яна на мѣстѣ, не прошелъ для него безслѣдно: дней десять его томили неотступныя головныя боли и для исцѣленія ихъ ему посовѣтовали отслужить мессу на мощахъ апостола Павла.

Храмъ апостола находился далеко за стѣной Рима и раннимъ утромъ ближайшаго погожаго дня Янъ и его товарищи отправились въ путь.

Надо было пересѣчь весь городъ. Переваливъ за Авертинскій холмъ, по улицѣ св. Приска они добрались до крѣпостной стѣны и вниманіе ихъ приковалось къ каменной пирамидѣ, возвышавшейся рядомъ съ воротами.

— Усыпальница сотника Кая Кестіо!.. — сообщилъ Луиджи.

Дорога вела прямо на югъ, на Остію; она вилась среди однообразной, безлѣсной равнины; слѣва, въ легкомъ туманѣ вставали далекіе хребты Аппенинскихъ горъ; съ

нихъ сходяла къ Риму безконечная лента изъ колоннъ и арокъ акведука, несшаго городу свѣжую, горную воду.

Поле казалось изрытымъ и исковерканнымъ: всюду виднѣлись ямы и кучи мусора, заросшія бурьяномъ — здѣсь ископа добывался камень для городскихъ построекъ; мѣстность эта съ глубокой древности считалась не безопасной, такъ какъ безчисленныя, подземныя катакомбы служили отличнымъ пріютомъ для разбойниковъ.

Съ бугровъ видна была сосѣдняя Аппіева дорога; ее сопровождалъ городъ изъ мощныхъ намогильныхъ памятниковъ древняго міра. И повсюду было почти полное безлюдье, если не считать вереницу паломниковъ, тянувшуюся къ гробу апостола.

— Вотъ мы и добрались!.. — сказала Луиджи, указывая рукою вправо: тамъ бурѣло длинное, ничѣмъ не примѣтное зданіе, увѣнчанное крестомъ.

Войдя во внутрь путники съ изумленіемъ оглядѣлись. Широкая аллея изъ величественныхъ мраморныхъ колоннъ подводила къ снѣжно-бѣлому и единственному алтарю; на высоко вознесенномъ надъ нимъ балдахинѣ сіялъ ковчегъ съ останками апостола. И алтарь и балдахинъ и ковчегъ — все было изъ серебра. Полъ покрывалъ яркій коверъ мозаики. Своды отсутствовали — ихъ замѣняли рѣзной, дубовый потолокъ. Простота, величіе и красота сразу овѣивали душу всякаго человѣка, вступившаго въ храмъ.

Путники въ благоговѣйномъ порывѣ повалились ницъ.

Много людей принесло вмѣстѣ съ ними свои печали и горести къ подножію гроба апостола... Здѣсь уже не было мѣста под-

дѣлкамъ и обманамъ — все это житейское, недоброе отпало, осталось тамъ, за какой то безбрежью; здѣсь въ непосредственной близости апостола душа расирывалась какъ цвѣтокъ при солнцѣ и лучи его растопляли все злое, все накопленное неправдами и болью; суровыя лица просвѣтлялись улыбками, обливались сладкими, позабытыми, но всеильными слезами счастья и самой пламенной, не разсуждающей вѣры.

Все это пережили путники, всѣ, кромѣ Луиджи. Этотъ кланялся въ землю, крестился и въ то же время думалъ о разныхъ разностяхъ. Впечатлѣніемъ, произведеннымъ храмомъ на его товарищей, онъ былъ очень доволенъ и чувствовалъ себя чуть ли не строителемъ его; поэтому онъ горделиво поглядывалъ на множество чужеземцевъ, никакъ не могшихъ по его мнѣнію создать что либо подобное. Кстати сказать, онъ и не подозревалъ, что храмъ св. Павла являлся дѣломъ рукъ древнихъ язычниковъ и только недавно былъ возобновленъ на средства паломниковъ.

Янъ какъ упалъ пластомъ, такъ и лежалъ не подымая головы. Но слова молитвы не вязались... не было ни подъема, ни примиренія...

Послѣ мессы друзья рѣшили побывать въ катакомбахъ, но для этого надо было имѣть съ собой свѣчи. Около низенькаго зданія близъ церкви стояли съ дѣтьми на рукахъ двѣ молодыя женщины и Мартинъ спросилъ — не свѣчная ли это лавка.

Ему отвѣтили, что это баптистерія, а свѣчи продаются за столикомъ около паперти.

— А вы крестить, что ли, собираетесь?—
освѣдомился любопытный неаполитанецъ,
кивнувъ на дѣтей.

— Нѣтъ, господинъ, они уже крещеные!..
перекрещивать ихъ принесли!

— Какъ перекрещивать?.. — изумился
Мартинъ.

— А такъ... имячки дали имъ неподходя-
щія... не въ пору пришлись, значить: кричатъ
день и ночь!

— Да развѣ возможное это дѣло?!

— А какъ же — всѣ такъ дѣлаютъ!.. —
былъ отвѣтъ.

Луиджи запасся пучкомъ свѣчекъ и
предупредивъ, чтобы спутники шли осто-
рожно, направился прямокомъ по полю;
нѣсколько разъ встрѣчались ямы, или, вѣр-
нѣе, провалы, казавшіеся совсѣмъ неглубо-
кими, но раздвинувъ голые прутья кустовъ
и всмотрѣвшись внизъ, можно было убѣ-
диться въ противномъ.

— Это отдушины!..—пояснилъ Луиджи —
ихъ для воздуха дѣлали!

— А какъ же мы спустимся?.. — по-
интересовался Маркъ: — стѣнки совсѣмъ
отвѣсныя!

— Въ иныхъ имѣются лѣсенки!.. — отвѣ-
тилъ неаполитанецъ: — не помню только
хорошо гдѣ именно!

Послѣ довольно долгихъ поисковъ,
Луиджи завидѣлъ нѣсколько высокихъ грудъ
мелкаго камня, скученныхъ въ одномъ
мѣстѣ; гребни ихъ выглядывали изъ поросли
акацій.

— Не тамъ ли? — произнесъ онъ.

Догадка оказалась вѣрной: среди во-
ронки изъ отваловъ известняка имѣлось от-
верстіе аршина въ полтора шириною; въ

подземныя сумерки уводила вырубленная въ стѣнѣ узенькая и почти отвѣсная лѣсница. Янъ обчистился отъ репейниковъ, пригладилъ волосы, какъ для свиданія съ важнымъ лицомъ, и спустился первымъ.

— Слѣзайте!.. — долетѣлъ его зовъ снизу.

Нашаривая ногами ступеньки, цѣпляясь руками за каждый выступъ, путники добрались до Яна, уже успѣвшаго высѣчь огня и зажечь свѣчу; всѣ позаимствовали у него огонька и катакомба освѣтилась. Они стояли въ небольшомъ гротѣ; въ верху, будто ряды разрытыхъ и опрокинутыхъ ямъ, висѣли своды и бурые каменные выступы; по сторонамъ вставали неровныя, избитыя стѣны известняка; ихъ рассѣкали до самаго потолка три узкихъ щели — пройти въ нихъ могъ только одинъ человѣкъ и, развѣ бокомъ, двое.

— Берегитесь, отставать нельзя!.. — заявилъ Луиджи: — катакомбъ этихъ здѣсь тысячи, онѣ отъ Тибра подо всѣмъ Римомъ идутъ. Заплутаешься — съ голоду помрешь и не сыщеть никто; — будемъ свѣчками отмѣтки на правой стѣнѣ дѣлать!

Шесть желтыхъ свѣтляковъ, тѣсно держась другъ друга, двинулись въ густую мглу. Впереди медленно шель Луиджи, иногда онъ останавливался, подносилъ къ стѣнѣ свѣчку и язычекъ копоти отпечатлѣвался на ней. То же дѣлали и его товарищи.

Справа и слѣва начали попадаться высѣченныя въ стѣнахъ подобія лежанокъ.

— На нихъ размѣщались покойники!.. — пояснилъ Луиджи.

Катакомба нѣсколько расширилась; часто стали встрѣчаться перекрестки и Луиджи

тщательно разсматривалъ какіе то значки — кресты, кружки, черточки: все это были помѣты, сдѣланныя еще въ давнія времена.

Изрѣдка сверху, съ высоты небольшой колокольни, проглядывало отверстіе, темно-синимъ пятномъ обозначалось небо; подъ землей было тепло, мѣстами немного душно.

Стѣны вдругъ раздались въ стороны и путники вступили въ небольшую высокую пещеру; на сѣрыхъ стѣнахъ ея красной и черной красками были сдѣланы надписи и рисунки, изображавшія рыбъ — символъ христіанства первыхъ вѣковъ. Въ одной изъ стѣнъ, на высотѣ обыкновеннаго стола было высѣчено углубленіе — престолъ по догадкѣ Луиджи; на немъ лежали принесенныя какимъ то богомольцемъ вѣтки сосны и лавра.

— Здѣсь собирались христіане на тайныя богослуженія!.. — сказалъ неаполитанецъ.

Опять благоговѣйное чувство охватило всѣхъ.

Въ безмолвіи, стараясь тихо ступать, путники направились дальше. Луиджи велъ, видимо, по хорошо извѣстной ему тропѣ въ паутинѣ подземелій; спустя нѣкоторое время на каменныхъ ложахъ, въ небольшихъ нишахъ, показалось что то продолговатое; то были цѣльныя, почернѣлыя останки людей и груды разсыпавшихся костей — все изсохшее, слипшееся, одеревенѣлое.

— Бери себѣ кто что хочетъ!.. — вполголоса распорядился Луиджи. — Тутъ все настоящей! — И онъ принялся набивать карманы частями тѣлъ. Осторожно, съ

благоговѣніемъ стали то же дѣлать и его спутники; съ мѣста, гдѣ находился Адольфъ послышался слабый трескъ — онъ отломилъ легко подавшуюся кисть руки мертвеца.

Опять потянулись опустошенные подземные корридоры; кое гдѣ на полу и на лежахъ смерти сиротѣли забытыя косточки. Раза два попались бѣдныя, простыя гробницы, сдѣланныя изъ бурыхъ плитъ и покрытыя такими же крышками. Адольфъ и Мартинъ подняли одну изъ нихъ и глазамъ всѣхъ предстала темная, студенистая жижа, изъ которой торчали остатки одежды и желтыя кости полуобнаженнаго скелета.

Со вздохами облегченія выбрались путники изъ жилища смерти на свѣжій воздухъ, подъ ясное небо. Неподалеку стояла телѣга, запряженная муломъ и какой то человѣкъ то спускалъ въ яму на длинной веревкѣ пустой мѣшокъ, то вытягивалъ его обратно, но уже наполненный человѣческими костями и шумно вываливалъ ихъ въ каруццу; путники приблизились; къ ногамъ Луиджи скатился и треснулся о землю черепъ. Неаполитанецъ поднялъ его.

— Куда повезешь?.. — спросилъ Луиджи.

— Къ Тибру!.. — отозвался рабочій: — цѣльная лодка большая мощей заказана... куда то далеко пойдутъ!

Онъ сталъ на ось, съ трудомъ поднялъ новый мѣшокъ и вытряхнулъ его; кости и черепа опять посыпались на телѣгу и мимо нея.

— А почему на Апшіевой дорогѣ не берешь, тамъ больше?.. — сказалъ Луиджи.

— Гонять оттуда стали!.. — отвѣтилъ рабочій. — Монахи — жадюги какъ есть вездѣ всѣмъ позавладѣли!..

— Кѣмъ то они были...—проронилъ Янъ, глядя на черепа.—Быть можетъ, Богъ вѣсть какіе знатные и богатые люди?

— Гдѣ же!.. — пренебрежительно возразилъ рабочій. — Богатые то вонъ гдѣ—подъ мавзолеями лежать, а здѣсь все нашъ братъ—простонародье по брошеннымъ каменоломнямъ напиханъ! Вотъ она судьба то: живыхъ по щекамъ колотили, а послѣ смерти въ землю имъ накланяются! Эдакъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ и мою пяточку, можетъ быть, богачи цѣловать будутъ?..—онъ хитро подмигнулъ и поспѣшилъ спускаться мѣшокъ въ отверстіе: оттуда долетѣлъ глухой окрикъ его товарищей.

Зима пронеслась незамѣтно. На окраинахъ и кругомъ Рима въ февралѣ обметался снѣгомъ цвѣтовъ миндаль; за нимъ розово-краснымъ дождемъ обрызнуло персиковыя деревья — зелень еще не показалась. Пасха въ томъ году пришлась въ мартѣ и сады встрѣтили ее въ подвѣчныхъ уборахъ; съ домовъ и стѣнъ всюду повисли лиловыя гроздья глициній. Земля готовилась къ свѣтлому празднику.

Въ самомъ Римѣ было по прежнему мрачно. Его продолжали раздирать распри партій, безпрестанно дравшихся однѣ за германскаго императора, другія за папу, а то и за нѣсколькихъ папъ сразу; вѣрнѣе говоря, за этими высокими заслонами патриціи обдѣлывали свои личныя дѣла. Въ ихъ буйныя драки и сраженія втягивались цѣлыя улицы.

На пасхальной недѣлѣ Луиджи принесъ какую то новость и по секрету отъ Яна сообщилъ ее другимъ товарищамъ; всѣ дали молчаливое согласіе.

Янъ не замѣчалъ этихъ переговоровъ: онъ съ увлеченіемъ отдался искусству и всюду, гдѣ могъ, снималъ рисунки съ древнегреческихъ и египетскихъ произведеній.

Однажды подъ вечеръ онъ вышелъ изъ воротъ дворца Колонновъ, куда, благодаря знакомству съ однимъ изъ мѣстныхъ извѣстныхъ ювелировъ, получилъ доступъ для осмотра и срисовки художественныхъ сокровищъ.

Солнце было еще далеко отъ заката, но Яну не работалось: съ утра въ душѣ у него проснулось какое то непонятное, щемящее чувство.

Со стороны недалекаго Квиринальскаго холма доносился веселый перезвонъ — такимъ обыкновенно встрѣчали приближеніе поѣзда жениха, либо невѣсты, и Яна безотчетно потянуло въ ту сторону. Черезъ нѣсколько минутъ до слуха его донесся привѣтственный гулъ толпы. Улицу у укрѣпленнаго дворца тѣсно запруживалъ народъ; окна всюду были распахнуты и заполнены зрителями и участниками торжества; на стѣнахъ развѣвались знамена. Невѣста, въ платьѣ изъ сіяющей серебряной парчи, опиралась на плечо рыцаря, державшаго ей золотое стремя, и сходила съ сѣдла.

Изъ дворца раздалось пѣніе — знакомый хоръ грянулъ встрѣчную кантату; Янъ глянулъ на окно, увидалъ лица товарищей и почувствовалъ, что у него застываютъ руки и ноги — невѣста была Габріэль Готье!

Подъ руку съ рыцаремъ она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ осѣненному двумя знаменами входу и вдругъ произошло смятеніе: часть толпы, тѣснившейся кругомъ новобрачныхъ, внезапно оказалась въ маскахъ; блеснули кинжалы и шпаги и рыцаря отшвырнули отъ его дамы; ее подхватило нѣсколько рукъ и перекинуло черезъ сѣдло ближайшаго всадника. Раздались крики, визгъ; началась драка. Янъ сообразилъ, что произошло нападеніе и бросился наперерѣзъ всаднику. Лошадь сшибла его съ ногъ; Янъ вскочилъ и кинулся на похитителя; его встрѣтили острія шпагъ пѣшихъ людей. Кто то съ силой рванулъ Яна въ сторону и ударъ, предназначенный для него, только распоролъ бокъ его куртки и угодилъ въ спасавшаго его человѣка. Раздался стонъ и къ ногамъ Яна повалился Луиджи. Все перемѣшалось въ общую кашу и свалку; всадникъ, бѣшено махая шпагой, успѣлъ пробиться съ добычей черезъ толпу; за нимъ, опрокидывая кого попало, вынеслось еще нѣсколько конныхъ; позади, работая шпагами, отступали охранявшіе ихъ пѣшіе.

На ближайшей церкви на весь городъ загудѣлъ набатъ.

Улица спадала подъ гору. На глазахъ толпы конь, уносившій Габріэль, споткнулся о камни и рухнулъ на всемъ скаку, придавивъ ее собою. Всадникъ успѣлъ соскочить; вытащить и успѣть передать плѣнницу другому возможности не было и онъ пустился бѣжать въ сосѣднюю улицу. Слѣдовавшіе за нимъ сообщники разсыпались и исчезли въ разныхъ направленіяхъ.

Отовсюду бѣжали на помощь люди; улицы квартала спѣшно замыкались цѣпями.

Море людей окружило упавшаго коня: онъ ржалъ и пытался подняться, но не могъ — передняя нога у него оказалась сломанной; Габріэль высвободили изъ подъ него; цвѣты померанца на головѣ ея и узкая золотая корона были смяты и окровавлены. Габріэль посадили на землю; крупныя капли крови росили изъ раскroеннаго лба на платье.. словно выточенное, нѣжное лицо быстро блѣднѣло — она была уже мертвой.

У дворца Палавиччини оказалось пятеро убитыхъ и множество раненыхъ; первымъ по обычаю, набили рты землею... *) Весь кварталъ пришелъ въ ярость; всюду засверкало оружіе и толпа съ воплями — „Смерть Кресцентіямъ“! — повалила къ ихъ кварталу, расположенному у башни св. Архангела.

Луиджи перевязали тутъ же на улицѣ; у него были насквозь проколоты грудь и легкое. Послѣ перевязки товарищи перенесли его къ себѣ на носилкахъ.

Всю ночь Римъ не спалъ. На темномъ небѣ стояло багровое зарево; то здѣсь, то тамъ начиналъ гудѣть набатъ; по темнымъ улицамъ, размыкая и разбивая цѣпи и освѣщая путь себѣ факелами, съ крикомъ бѣжали на спѣхъ одѣтые и вооруженные люди, съ грохотомъ проносились конные отряды: сражались другъ съ другомъ не только Палавиччини съ Кресцентіями, но и цѣлые кварталы; воздухъ Рима такъ былъ пропитанъ гремучими газами, что ссора, вспыхнувшая гдѣ либо въ городѣ между двумя семьями патриціевъ, мгновенно охватывала злобой и жаждой немедленной мести совсѣмъ не-причастныхъ лицъ.

---

*) Воинское погребеніе тѣхъ времянь.

Всѣ путники, а въ особенности Янъ, были потрясены происшествіемъ.

Луиджи отъ потери крови впасть въ забытѣе и изрѣдка кашлялъ, постанывалъ и отплеывалъ сгустки крови. Всю ночь товарищи провели около него безъ сна; утромъ, когда Маркъ нагнулся къ нему и тихо спросилъ — не хочется ли ему чегонибудь, раненый отвѣтилъ кивкомъ головы.

— Что же именно?

— Отвезите въ Неаполь... — прошепталъ онъ.

Утромъ Маркъ раздобылъ старика, умѣвшаго лечить раны и, когда тотъ обмылъ ихъ, наложилъ какія то мази и травы и вышелъ за дверь, Маркъ догналъ его и спросилъ какъ онъ находитъ больного; старикъ покачалъ головой.

— Это смертельно!.. проговорилъ онъ. — Чудо будетъ, если онъ проживетъ недѣлю!

Въ Неаполь!.. — протяжно и громко повторилъ Луиджи, когда вернулся Маркъ.

Маркъ вызвалъ товарищей въ корридоръ и передалъ слова лекаря.

— Надо отвезти!.. проговорилъ суровый Мартинъ. — Мы рѣшили съ нимъ — онъ кивнулъ на Адольфа — никуда не идти дальше, но теперь надо... Послѣдній походъ съ нимъ!

Маркъ ушелъ нанимать лодку.

Раннимъ утромъ другого дня по зеленоватой глади Тибра быстро неслась четырехвесельная бѣло-красная лодка. Посрединѣ ея, на носилкахъ лежалъ Луиджи; товарищи его сидѣли вдоль бортовъ и молча провожали глазами знакомыя очертанія Рима,

чередой проплывавшія мимо. Около раненаго расхаживальъ ручной воронъ.

Мелькали стоявшія попарно на берегу башни съ цѣпями, перегораживавшими рѣку для задержки большихъ судовъ; базилика св. Петра, островъ Тиберія, скалы и развалины Капитолія, городская стѣна; показался храмъ апостола Павла, пустынное поле катакомбъ кругомъ него. Дальше развернулись однообразныя равнины; Тибръ быстро несъ лодку между крутыми, невысокими берегами.

Передъ полуднемъ впереди забѣлѣли стѣны и башни гавани Рима — городка Чивитты - Веккіи; за нимъ разстилалось безпредѣльное море; на путешественниковъ дохнулъ освѣжающій вѣтерокъ.

Лодка безпрепятственно вошла въ водяныя ворота въ крѣпостной стѣнѣ и очутилась въ просторной, но почти пустынной бухтѣ; ее со всѣхъ сторонъ охраняла толстая высокая стѣна, уже начавшая кое гдѣ осыпаться и заростать мохомъ. Съ десятокъ судовъ были причалены носами къ тумбамъ и кольцамъ каменной, заросшей травой набережной; на реяхъ сушились синіе и бѣлые паруса, бѣлье и платье моряковъ; людей виднѣлось мало, почти всѣ они сидѣли за столиками у кабачковъ. Надъ бухтой съ крикомъ носились сизо-бѣлыя чайки; онѣ то опускались на воду, то взлетали и, ковыляя крыльями, уносились за стѣну въ море. Воронъ усиленно каркалъ.

Лодка причалила къ берегу.

Воздухъ и видъ моря чрезвычайно взволновали Ярослава: напомнили ему Константинополь; Ярославъ, словно плѣнная

птица, не отводилъ горящихъ глазъ отъ черносиняго простора.

Янъ и Маркъ отправились розыскивать корабль, отходящій въ Неаполь и не больше какъ черезъ полчаса вернулись обратно: на ихъ счастье легкая двухрядная дроммона отплывала въ тотъ же вечеръ.

Товарищи перенесли раненаго на судно и помѣстили, по его желанію, на носу на палубѣ.

Передъ вечерней на дроммонѣ показался пожилой патеръ, приглашенный Маркомъ отслужить напутственный молебенъ; путь предстоялъ длинный и опасный: на всѣхъ моряхъ тогда хозяйничали пираты, нападавшіе не только на встрѣчные суда, но и на приморскіе города. Плѣнныхъ продавали въ рабство въ чужія, далекія страны и многія сотни тысячъ несчастныхъ были оторваны отъ своихъ домовъ и семей и влачили беспросвѣтную, жалкую жизнь.

Все товарищество стояло на колѣняхъ и горячо молилось за счастливый путь и за выздоровленіе раненаго; Луиджи лежалъ со средоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ; ввалившіеся глаза его смотрѣли въ даль; онъ будто вслушивался во что то совсѣмъ иное, непонятное для другихъ.

Край солнца коснулся моря, когда съ самой высокой дозорной башни раздался густой голосъ колокола: возвѣщалось, что ничего подозрительнаго на горизонтѣ не замѣчается; медленно распахнулись тяжкія, изъѣденныя временемъ, створы желѣзныхъ морскихъ воротъ и на трехъ судахъ, уже приготовившихся къ отплытію, началась суета.

Дроммона путниковъ отпятилась на середину бухты, затѣмъ повернулась высокимъ

носомъ къ воротамъ и, чуть моча длинныя весла, тихо вышла на свѣжій просторъ; съ берега тянулъ легкій вѣтеръ, совершенно не разводившій никакого волненія. Солнце утонуло въ посвинцовѣвшемъ морѣ и на томъ мѣстѣ глаза нѣсколько секундъ еще видѣли взметы и переливы ослѣпительныхъ золотыхъ завитковъ.

Стройная дроммона одѣлась бѣлыми парусами и быстро стала разсѣкать затемнѣлую воду; мѣръ медленно окутывался сизою мглою; воздухъ липъ къ рукамъ и лицу.

Маркъ накинулъ на раненаго свою запасную куртку, но Луиджи сдвинулъ ее до пояса: ему было жарко; вѣтеръ, словно флажокъ, трепалъ край ворота его разстегнутой, полосатой рубашки.

Кое гдѣ стали помигивать мелкія звѣзды; на югѣ, куда птицей летѣла дроммона, съ востока на западъ ширилась и ползла черная туча. Изрѣдка и слабо она освѣщалась беззвучными молніями — будто внутри ея зажигали на мигъ и снова гасили гигантскій фонарь.

— Заходитъ гроза!.. — съ тревогой проговорилъ Янъ.

— Не бойтесь, ничего не будетъ!—отвѣтилъ проходившій мимо матросъ. — Какъ бы не заштилѣть—это похуже выйдетъ!

Молніи усиливались, дѣлались длительнѣй—гдѣ то далеко свирѣпствовала гроза. Маркъ сталъ у високаго борта и не сводилъ глазъ съ воды и неба: море онъ видѣлъ впервые въ жизни и оно производило на него, какъ и на остальныхъ, неотразимое впечатлѣніе. Нѣтъ-нѣтъ и какіе то свѣтящіеся чудовища молніями проносились въ глубинѣ, обгоняли судно и исчезали подъ его носомъ.

Марку почудилось, будто корабль начинает снизу горѣть; онъ перегнулся черезъ бортъ и увидалъ, что бѣлый носъ судна идетъ разсѣкая облако кипящаго золота; обшивка, висящій якорь цѣпи — все золотилось отъ брызгъ воды. Къ довершенію благоговѣйнаго изумленія Марка и Яна на верхушкѣ мачты, подъ котрой лежалъ раненый, вспыхнулъ синеватый огонекъ; нѣсколько минутъ онъ теплился на ней, затѣмъ перепорхнулъ на сосѣдную и легкой бабочкой соскользнулъ по вантамъ неизвѣстно куда.

До самаго разсвѣта не смыкали глазъ путники и не отводили ихъ отъ моря. Только что въ блѣдное небо вознеслись первыя стрѣлы солнца, рядомъ съ дроммоной лѣниво всплылъ громадный дельфинъ; показалась черная спина и бѣлое брюхо и онъ неторопливо принялся то взлетать на воздухъ, то зарываться въ бездну; вслѣдъ за первымъ дельфиномъ появилось еще нѣсколько этихъ вѣчныхъ спутниковъ кораблей и скоро десятка два ихъ, словно катящіеся колеса, стали то опережать дроммону, то возвращаться къ ней.

— Совсѣмъ русалки!.. — проговорилъ Ярославъ, слѣдя за болѣе отдаленными.

Море казалось густо синимъ; только при взглядѣ съ палубы въ глубину видно было, что оно блѣдно-зеленое, необыкновенно прозрачное.

Дроммона шла въ виду берега; онъ былъ непривѣтливъ: не замѣчалось ни замковъ, ни деревень, ни городовъ. Одна на другую лѣпились и тѣснились обнаженные бурия и черныя скалы; подъ нѣкоторыми желтѣли

отмели, другія отвѣсно опускались въ воду.

— Отчего здѣсь нѣтъ селеній? — спросилъ Маркъ у матроса, стоявшаго около него.

— Да развѣ можно на берегу селиться?! — удивился матросъ: — да тутъ тебя въ одну минуту сгребутъ и гдѣ нибудь въ Аѳрикѣ очутишься! Замки стоятъ на горахъ поодаль; тамъ около нихъ и жмутся люди.

— Вотъ бесплодная земля!.. — добавилъ Маркъ.

— Эти мѣста бесплодныя?.. — въ свою очередь изумился матросъ. — Нѣтъ, это ты, братъ, того, видно, что чужеземецъ. Тутъ такое плодородіе, что богатѣй этихъ мѣстъ нѣтъ ничего!.. — поучительно добавилъ онъ. — Въ бури здѣсь столько кораблей бьется, что и-ихъ... умирать не надобно!..

Маркъ не понялъ.

— Да чего тутъ не понимать то?.. — сказалъ матросъ: — все, что море выкинетъ — хоть цѣлый корабль — все себѣ мѣстные жители забираютъ!

— И людей?

— И людей! Ихъ на рынкахъ продаютъ... наша, братъ, служба опасная! Здѣсь неподалеку скала одна высоченная будетъ — въ море косою она врѣзалась. Такъ вотъ про эту скалу герцогъ, владѣлецъ ея, знаешь что говорить — что она лучшій алмазь въ его коронѣ — такъ много крушеній тамъ бываетъ!.. А зазѣваешься и безъ бури въ бѣду попадешь: жители то тоже понимающіе — на берегахъ нарочно обманные огни раскладываютъ, на подводные камни наводятъ!

— И это христіане?! — съ возмуще-
ніемъ произнесъ Ярославъ.

Матросъ сплюнулъ въ воду.

— А отчего же христіанину зѣвать?
Дуракъ онъ, что ли? — спросилъ онъ. —
Ѣсть и пить ему тоже нужно! Крестьяне
вездѣ, если долго бурь не бываетъ, патера
на берегъ приглашаютъ, крестные ходы и
молебны о ниспосланіи крушеній устраи-
ваютъ!

— Неправда?! — воскликнулъ Маркъ.

— И чудачи же вы!.. — усмѣхнувшись,
заявилъ матросъ. — Спроси у кого хочешь:
всѣ про это знаютъ!

— Какъ же патеры къ этому относятся?

— Да молятся, поощряютъ, понятно! И
имъ, вѣдь, доля перепадаетъ, какъ же не
поощрять?

Стало дѣлаться жарко; вѣтеръ упалъ
совершенно и дроммона шла на однихъ
веслахъ. Съ помощью матроса устроили
небольшой навѣсъ надъ раненымъ. Луиджи
все время лежалъ въ полузабытїи и только
изрѣдка открывалъ глаза и просилъ пить.
Маркъ опускалъ на веревочкѣ въ море
бѣлую тряпку и прикладывалъ ее къ головѣ
больного: у него былъ жаръ.

Вдругъ онъ быстро поднялся и сѣлъ.

— Воронъ, гдѣ воронъ? — тревожно
спросилъ онъ, шаря кругомъ руками.

Птицы нигдѣ не оказывалось — не за-
летала она и въ другія части корабля.

Глаза Марка наткнулись на что то чер-
ное, лежавшее на кругахъ толстаго каната;
онъ подошелъ ближе — передъ нимъ лежалъ
мертвый любимецъ Луиджи.

Охваченный суевѣрнымъ страхомъ Маркъ
быстро запряталъ птицу и сдѣлалъ товари-

щамъ знакъ, чтобы они молчали. Никакихъ явныхъ причинъ смерти ворона не было.

Луиджи обвелъ всѣхъ взглядомъ, понялъ въ чемъ дѣло и притихъ.

— Теперь мой чередъ... — произнесъ онъ немного спустя.

Прошло съ часъ въ безмолвіи.

— Красный парусъ, да?! — трудно дыша спросилъ раненый.

— Гдѣ?.. — отозвался Маркъ и оглядѣлся: паруса никакого не было.

— Тамъ тамъ... вонъ онъ!.. нашъ, неаполитанскій!! — Луиджи опустилъ голову на подмощенное подъ него платье и проговорилъ что то невнятное.

День и вечеръ больной провелъ тревожно — бредилъ, просилъ пить и часто скидывался, словно собираясь бѣжать.

Маркъ устроился около него и исполнялъ обязанности сидѣлки. Луиджи наконецъ стихъ и забылся. Маркъ долго прислушивался къ его дыханію; кромѣ вахтенныхъ на дроммонѣ всѣ спали: попутный вѣтерокъ опять несъ ее безъ помощи весель.

Незамѣтно уснулъ и Маркъ.

Сквозь сонъ онъ почувствовалъ, что кто то шарить рукой по головѣ его. Маркъ открылъ глаза и увидалъ, что Луиджи лежитъ на боку и смотритъ на него.

— Что тебѣ? — спросилъ, садясь, Маркъ.

Стояла свѣтлая, тихая ночь; на чистомъ небѣ сіяла луна; отъ нея до самага корабля на сѣро-синей дали моря зыблилась золотистая дорожка; казалось, что дроммона несется прямо по ней.

— Скоро ли?! — прошепталъ Луиджи.

Маркъ понялъ.

— Скоро!.. — отвѣтили онъ: — матросы говорили, что утромъ будемъ!

Безкровное лицо раненаго освѣтилось улыбкой.

— Мнѣ лучше...

— Не болитъ рана?

— Нѣтъ... хорошо... прохладно...

— Куда же тебя отнести въ Неаполѣ?.. — помолчавъ, спросилъ Маркъ. — Есть у тебя родные?

Луиджи отрицательно качнулъ головою.

— А у кого ты росъ?..

— На улицѣ...

— Отчего же ты такъ хотѣлъ сюда пріѣхать?

— Бродить хорошо, а умирать надо на родинѣ... — выговорилъ раненый.

— Ну, что ты?.. — возразилъ Маркъ: — ты выздоровѣешь!.. — онъ отвернулся отъ пристальнаго взгляда пріятеля.

Забота обволокла лицо Луиджи.

— Безпокоить тебя чтонибудь? — спросилъ Маркъ.

— Съ осликомъ я не попрощался... — неожиданно произнесъ раненый. — Погладить бы его?..

Ночь блѣднѣла; слѣва на небѣ показался красный отсвѣтъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ пропалъ, затѣмъ повторилось то же самое.

Луиджи, утомленный разговоромъ, лежалъ сомкнувъ глаза и не видалъ ничего; онъ началъ томиться.

— Скоро ли день? — шепталъ онъ запекшимися губами, не находя себѣ мѣста.

Проснувшіеся товарищи молча окружили его.

Солнечный лучъ скользнулъ по щекѣ Луиджи; онъ ощутилъ это и быстро сѣлъ. Его подхватили руки товарищей.

— Неаполь!.. Везувій!.. паруса красные!! — всхрипывая, восторженно произнесъ онъ, указывая рукою въ сторону суши; расширившіеся глаза его были устремлены туда же: на безоблачномъ голубомъ небѣ рисовалась величавая островерхая гора вся обнаженная отъ растительности; надъ нею клубами восходилъ дымъ, изрѣдка окрашенный пламенемъ; на противоположной сторонѣ глубокаго залива, по крутому скату другой горы, лѣпились тысячи домовъ, замковъ и домишекъ; двумя желтыми поясами ихъ оберегали крѣпостныя стѣны; всюду виднѣлись разноцвѣтныя башни и церкви. На встрѣчу дроммонѣ изъ порта выходили въ море два корабля съ выгнутыми красными парусами: сотни ихъ виднѣлись въ синемъ, какъ василекъ, заливѣ.

Голова Луиджи опустилась на грудь; онъ грузно обвисъ всѣмъ тѣломъ и на блѣдномъ лицѣ его стало застывать свѣтлое выраженіе.

Его положили на спину; всѣ опустились кругомъ тѣла на колѣни, а Маркъ громко началъ читать отходную молитву.

Глава XXXV

Похороны состоялись въ тотъ же день. Кладбище было расположено на горѣ, чуть въ сторонѣ отъ города и видъ отъ могилы Луиджи былъ на полъ міра.

Близъ воротъ кладбища находился весь увитый зеленою винограда простой кабачекъ и послѣ похоронъ товарищи зашли въ него помянуть покойника.

— Будь ему земля пухомъ!.. — сказалъ Ярославъ, подымая свою кружку.

Всѣ чокнулись, выпили и замолчали — слишкомъ было еще свѣжо все происшедшее.

— Что же мы теперь предпримемъ?.. — спросилъ Маркъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Мы съ нимъ по домамъ пойдёмъ!.. — первымъ отозвался Янъ, указывая на Ярослава.

— Да, да!.. — воскликнулъ тотъ. — Хочу на родину!!

— А какъ вы до нея доберетесь?

— Моремъ въ Константинополь. А отсюда съ нашими черезъ Черное море по Днѣпру на ладьяхъ!..

— А въ плѣнъ попасть не боитесь?

— Авось проберемся!! — возразилъ Янъ. — Будеть, пошатались по свѣту! А вы что предпримете?

— Еще не знаю!.. — отвѣтилъ Маркъ. — Потомъ увижу...

Мартинъ и Адольфъ молча глядѣли на Везувій, на зеленыя долины, убѣгавшія въ лиловую даль; на югъ изъ моря подымалась неясная громада острова Капри.

Товарищи расплатились и отправились въ городъ. Маркъ и Мартинъ шли впереди и говорили о Луиджи.

— Душа наша ушла вмѣстѣ съ нимъ!.. — сказалъ Маркъ.

— Ну, нѣтъ!.. — возразилъ Мартинъ: — язычникъ былъ покойникъ!...

— Этотъ язычникъ раньше насъ съ тобою будетъ въ раю!... — спокойно возразилъ Маркъ.

— Это почему?

— Онъ положилъ жизнь за други своя!..

— —

Кипучая жизнь Неаполя, къ которому сходились всѣ пути тогдашняго міра, быстро втянула въ себя вновь пріѣхавшихъ. Узкія улицы его, то круто подымавшіяся въ гору, то описывавшія пологія петли, то и дѣло смѣнялись лѣстницами изъ плитняка; всякій уголокъ кишѣлъ народомъ, собравшимся со всего свѣта. На прилавкахъ, прямо на улицахъ, лежали драгоцѣнныя восточныя ткани, диковинное сарадинское оружіе, ковры, тончайшія ювелирныя издѣлія и всякія древности. Всюду слышался греческій языкъ, гортанные разноплеменные говоры, пестрѣли бѣлыя чалмы и красныя колпаки; попадались фигуры евреевъ, одѣтыхъ въ черныя кафтаны съ обязательными желтыми кружками на срединѣ спины и на груди.

Среди гама и сутолоки мірового базара то здѣсь, то тамъ слышалось треньканье струнъ и пѣніе; казалось, въ городѣ разсыпано столько же пѣвцовъ, сколько перепеловъ висѣло въ крохотныхъ клѣточкахъ чуть не подъ каждымъ окномъ. Яркіе огненные кактусы и самые разнообразныя цвѣты въ горшкахъ заполняли всѣ подоконники.

Мартина поразила музыкальность неаполитанцевъ; онъ ловилъ и тщательно запоминалъ и повторялъ про себя ихъ легкія, свѣжія пѣсенки.

Отыскать судно, шедшее прямо въ Константинополь, являлось почти невозможнымъ и Янъ и Ярославъ напрасно тратили время на такіе поиски. Но блужданье по порту и городу принесло Яну пользу: онъ убѣдился, что Луиджи былъ совершенно правъ, зазывая всѣхъ въ Неаполь. Послѣ пустыннаго, полумертваго Рима онъ ослѣплялъ своими богатствами и молодой художникъ подолгу простаивалъ у прилавковъ, разсматривая и изучая изумительныя работы древнихъ мастеровъ.

Подходящій корабль наконецъ отыскался: онъ шелъ въ Отранто, откуда уже легко было найти судно, идущее вдоль греческаго берега въ Константинополь.

Смутно стало на душѣ Яна, когда время отъѣзда было наконецъ установлено. Утромъ наканунѣ этого дня онъ тайкомъ отъ Ярослава поднялся на высокую лѣсистую гору, на которой французы устроили свое аббатство; въ церкви его находилась чудотворная статуя Мадонны. Въ рукахъ Янъ несъ небольшой свертокъ.

Месса въ сумрачномъ соборѣ монастыря давно кончилась; онъ былъ безлюденъ; Янъ отыскалъ священника и вмѣстѣ съ нимъ вернулся въ храмъ; съ правой стороны отъ главнаго алтаря, на пьедесталѣ у стѣны возвышалась бѣлая статуя Мадонны; склоненную голову ея украшалъ золотой вѣнецъ; на лѣвой рукѣ сидѣлъ младенецъ Христосъ; правую она протягивала къ подходишимъ; лицо ея было полно умиротворяющей ласки.

Еще молодой патеръ отслужилъ заупокойную мессу по Габріэлѣ и Луиджи и неза-

мѣтно скрылся за колоннами, оставивъ Яна одного, лежащимъ ницъ передъ Мадонной.

Кончивъ молитву, Янъ поднялся и развернулъ принесенный съ собой свертокъ; въ немъ оказалась та самая статуэтка, которую онъ нашель во дворцѣ Нерона и которая такъ походила на Габріэль.

Онъ поставиль свой даръ у ногъ Мадонны и только тутъ замѣтилъ, что вся стѣна за ней покрыта серебряной чешуей изъ даровъ молящихся; тамъ блестѣли безчисленныя маленькія руки, ноги, головы; больше всего было сердець, пронзенныхъ стрѣлами.

Янъ опустился на колѣни и сталъ горячо молиться за Габріэль. Но облегченіе не приходило: смерть оборвала все, но не примирила. Онъ всталъ съ пола и расширившіеся глаза его приковались къ стѣнѣ: прямо въ душу его глянула небольшая мраморная дощечка съ однимъ всего словомъ на ней—«мерси». Это слово было ея, Габріэли; оно было сказано Яну и до сихъ поръ музыкой звучало въ ушахъ его! Совершилось чудо—оно долетѣло до него и изъ за гроба!

Янъ задрожаль, протянулъ къ видѣнію руки, припаль къ подножію Мадонны и обнялъ его: цѣлительныя слезы потекли на мраморъ.

Въ то время, когда Янъ молился въ монастырѣ, Маркъ имѣлъ неожиданную, сильно взволновавшую его, встрѣчу. Онъ проходилъ по площади и обратиль вниманіе на то, что какой то встрѣчный остановился и проводилъ его глазами; минуту спустя посторонняя рука тронула Марка за плечо.

Онъ остановился: на него глядѣль, улыбаясь карими глазами, человѣкъ среднихъ лѣтъ съ темно-русой бородой; Марку почудилось въ немъ что то знакомое.

— Вы не изъ Баваріи?.. — по нѣмецки освѣдомился неизвѣстный.

— Да...—отвѣтилъ Маркъ.

— А въ Горномъ монастырѣ вы не были?..

Маркъ весь вспыхнулъ, глаза его засіяли.

— Былъ, былъ!!.—радостно подтвердилъ онъ. — Теперь и я васъ узнаю: вы купецъ Вассербургскій: два раза посѣщали насъ?

— Какъ же вы въ такой дали очутились, что здѣсь дѣлаете?..—въ свою очередь ожилъ и спросилъ купецъ.—Да зайдемте въ таверну, тамъ побесѣдуемъ!

Маркъ за кружкой вина вкратцѣ повѣдалъ о своихъ задачахъ, затѣмъ принялся разспрашивать собесѣдника.

— Какъ отецъ Антуанъ поживаетъ?— съ радостнымъ, преображеннымъ лицомъ сталъ допытываться онъ.

— Умеръ давно о. Антуанъ!.. — отвѣтилъ купецъ.

— Неужели?.. какъ такъ?.. отчего?! — воскликнулъ пораженный Маркъ. Лицо его сразу измѣнилось; онъ началъ креститься и читать про себя молитву.

— Отъ старости... Дряхлый онъ былъ!..—сказалъ купецъ.—Давненько вѣдь вы изъ монастыря ушли... много воды утекло съ тѣхъ поръ!

— А отецъ Петръ, а настоятель?..

— Тоже умерли... захудалъ совсѣмъ монастырь, почти никого въ немъ не оста-

лось!.. Никому теперь тамъ ваша краска не нужна!..

Полутемная, шумная таверна исчезла изъ глазъ Марка: онъ увидалъ лѣсистыя горы, высоко вознесенный къ небу бѣлый монастырь на скалѣ. Звонять къ Ангелюсу, качается колоколь, а подъ стѣной на землѣ свѣжій, желтый бугорокъ; на простой плитѣ надпись — «о. Антуанъ», рядомъ Петръ... и онъ забылъ объ этихъ людяхъ, такъ много добра сдѣлавшихъ для него, почти не вспоминалъ даже о нихъ?!

Маркъ закрылъ лицо руками.

— Всѣ смертны!..—помолчавъ, примиряюще произнесъ купецъ.

Послѣдній вечеръ пятеро товарищей провели всѣ вмѣстѣ въ портовомъ кабачкѣ для матросовъ; толпа отплясывала подъ открытымъ небомъ фанданго, далеко разносилось пѣніе. Въ послѣдній разъ и сами они спѣли хоромъ, чѣмъ вызвали бурное одобреніе собравшихся. А на другое утро Янъ и сіяющій Ярославъ стояли на палубѣ дромоны и махали колпаками находившимся на берегу товарищамъ; послѣдніе долго выдѣлялись своимъ ростомъ и свѣтлыми бородами, затѣмъ слились съ толпой въ одну пеструю полоску. А оставшіеся еще долго видѣли красные паруса корабля; онъ бороздилъ голубую гладь залива и мало по малу превращался въ точку; острова и даль закрыли его.

— Ну, Маркъ, мы свой долгъ выполнили!..—проговорилъ Мартинъ:—пора и о себѣ подумать!

Погруженный въ себя Маркъ очнулся.

— Да!.. — отозвался онъ:—мнѣ торопиться теперь некуда—я пока здѣсь останусь!

— А потомъ куда?

— Въ Александрію, въ Палестину, къ арабамъ!.. Свѣтъ на востокъ!

— Т-а-акъ... Твое дѣло!..—угрюмо буркнулъ Мартинъ.—Для насъ это не по пути!

Еще черезъ четыре дня Маркъ провожалъ Мартина и Адольфа, отправлявшихся въ далекую Болонью. Маркъ дошелъ съ ними до развалинъ древняго курорта Байи и, около знаменитаго еще въ древности своей акустикой круглago храма, товарищи стали прощаться.

— Гдѣ то Богъ приведетъ теперь свидѣться?.. — сказалъ Маркъ.

— Будешь въ Болоньѣ—заходи!.. — пригласилъ Мартинъ.

— Будь здоровъ!..—прогудѣлъ Адольфъ и двое богатырей зашагали, не оборачиваясь, назадъ.

Маркъ послѣдилъ за ними глазами и повернулъ обратно; возвращаться сейчасъ въ городъ ему не хотѣлось и онъ, мимо напoловину разрушенныхъ мраморныхъ виллъ, заросшихъ цвѣтущими розами, выбрался на берегъ и сѣлъ на огромный валунъ. Много мыслей и воспоминаній роилось въ мозгу его; онъ опустилъ голову и съ недоумѣніемъ увидѣлъ, что изъ воды на него смотреть чье то чужое, бородатое и мужественное лицо.

— Вотъ летитъ время?!.. — вслухъ подумалъ онъ, всматриваясь въ собственное от-

раженіе. И ему вспомнилась легенда о томъ, какъ нѣкій монахъ вышелъ однажды въ мѣсячную ночь въ садъ послушать соловья. А когда очнулся и хотѣлъ вернуться въ свою келью—не могъ уже найти ее, такъ какъ все кругомъ лежало въ развалинахъ: въ нѣсколько мгновеній пронеслось ровно сто лѣтъ!

Благоухали розы, море чуть всплескивало на песокъ берега; вдали вѣчнымъ жертвенникомъ дымился Везувій.

Словно какая то повязка стала сдвигаться съ умственныхъ глазъ Марка: душа его инстинктивно зачуяла ширь и просторы грядущаго и все яснѣй проступала мысль, что краска, за которой послали его въ міръ, была ни что иное, какъ просвѣщеніе и что высшее, что имѣется на свѣтѣ — это Знаніе, Дружба, Добро...

С. Р. Михцловъ.

Куляндія.
Имѣніе Плѣненъ.
1928 г.

Того же автора :

1. ЦАРЬ БЕРЕНДѢЙ. Таежная побывальщина.
2. ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ. Очерки.
3. СНЫ ЗЕМЛИ. Романъ-хроника.
4. ЗАКАТЪ. Романъ.
5. СВЯТЫЯ ОЗЕРА. Недавнее прошлое.
6. ПОДЪ ШУМЪ ДУБОВЪ. Историческій романъ
7. ВОЛКИ. Историческій романъ Распродано.
8. ГУСАРСКІЙ МОНАСТЫРЬ Историч. романъ. Распр.
9. ВЪ ГРОЗУ. Историческій романъ
10. ЛЪСНАЯ БЫЛЬ. Историческій романъ. Распродано.
11. ТО, ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМЪ. Разказы.
12. ДАЛЕКІЕ ДНИ. Воспоминанія 1870—90 г. г.
13. ДЕБРИ ЖИЗНИ. Дневникъ.
14. ТРАПЕЗОНДСКАЯ ЭПОПЕЯ. Дневникъ.
15. ПРОШЛОЕ. Изъ воспоминаній.
16. СИНОДИКЪ ПОГИБШИХЪ ЧАСТНЫХЪ КНИГОХРАНИЛИЩЪ.
17. ОБЗОРЪ ЗАПИСОКЪ, ДНЕВНИКОВЪ И ВОСПОМИНАНІЙ. 3 тома.
18. СЕКРЕТНОЕ ПОРУЧЕНІЕ. (Путешествіе въ Урянхай).
19. ЧЕРНОКНИЖНИКЪ. Разказы.
20. ПРИКЛЮЧЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ. Историческій романъ.

Главное представительство

Rigā, Ieroču ielā 10, dz. 2.

Сибирское Книгоиздательство.